

№1(7) 2015

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

А ещё можно теперешнее состояние России сравнить с иконой. Ведь всё в мире иконоподобно. И Божий мир, и каждый человек, несущий в себе образ Божий. И нация — икона. И государство. И молитвы наши — словесные иконы. Вся Россия — икона. И много раз её пытались зачернить, испачкать, бросить в мусор. Через насилия, убийства, обманы, подкупы, бунты, революции. Да. Всё было. И что? Ты разве не знаешь, какое количество икон стало обновляться в конце двадцатого века и в начале этого? Стоит икона, почти вся чёрная, но вот на ней проступают линии, краски, она высветляется — и вот перед нами Божий лик, лики святых. Так и с Россией будет. Обновится.

Владимир Крупин

Январь 2015. № 1 (7)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко

Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru
<http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Дмитрий Воронин	— заместитель главного редактора, раздел «Проза», E-mail: pimin00@rambler.ru
Виктор Геманов	— член Союза писателей России
Игорь Ерофеев	— член Союза писателей России
Николай Иванов	— сопредседатель Правления Союза писателей России
Александр Казинцев	— член Союза писателей России, заместитель главного редактора журнала «Наш современник»
Юрий Крупенич	— член Союза писателей России
Валентин Курбатов	— член Союза писателей России, член Совета по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин	— заместитель главного редактора, ответственный редактор
Андрей Растворцев	— писатель, поэт, публицист
Светлана Супрунова	— заместитель главного редактора по разделу «Поэзия», E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко	— член Союза писателей России
Олег Щеблыкин	— член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода в свет: 23 января 2015 г.
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010 Калининград, ул. Белинского, 44-58
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева

Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово редактора</i>	4
Проза	
Владимир Крупин. Притчи о России. <i>Рассказы</i>	5
Александр Проханов. Крым. <i>Роман. Продолжение. Начало в № 6 (октябрь)</i>	18
Михаил Попов. Красно Солнышко. <i>Повесть</i>	71
Берега Московские	
Григорий Блехман. Как хорошо мы плохо жили. <i>Спорные записки</i>	88
Михаил Пучковский. <i>Стихи</i>	100
Владимир Пронский. Вкус терентьевки. <i>Рассказы</i>	104
Поэзия	
Николай Рачков. <i>Стихи</i>	14
Андрей Растворцев. <i>Стихи</i>	68
Ирина Мишина. <i>Стихи</i>	115
Алла Русакова. <i>Стихи</i>	118
Пародии	
Александр Ковалёв. <i>Пародии</i>	123
Искусство и культура	
Оксана Карнович. Музей Лобановых-Ростовских в Ростове Великом	120
История и современность	
Ирина Булдакова. Заметки о началах и потрясениях	127
Русский мир без границ	
Оксана Карнович. Может ли немецкий принц Георг Прусский объявлять себя Цесаревичем русского престола? <i>Интервью с пятью русскими аристократами</i>	133
Болеслав Тейковский. Возродить независимую Польшу духовно и материально в союзе с Россией, со Славянским миром	148
Лидия Довыденко. О чем говорит полесский дуб... ..	155
Критика	
Валентин Курбатов. Светлый голос в сумерках (<i>перечитывая Юрия Куранова</i>)	160
Наши друзья	
Наши друзья	168
Требования к авторам. <i>Правила подачи материалов в журнал «Берега»</i>	168

Слово редактора

Мы вступаем в 2015 год — Год литературы. Как сказал Валерий Ганичев, председатель правления Союза писателей, в интервью Николаю Дорошенко, «будет не просто вот так вдруг, в Год литературы, преодолеть все те фильтры, которые в течение четверти века тщательно выстраивались между талантливым писателем и достойным его таланта массовым читателем. Изначально, ещё с конца 80-х годов, внушался всем нам ложный тезис о том, что для литературы будет лучше, если государство не станет вмешиваться в литературный процесс, если собственной политической позиции в отношении к литературе у государства не будет. На самом же деле политическая позиция никуда не подевалась. Напротив, она даже стала куда более жёсткой, чем, например, в последние десятилетия Советской власти. Но вырабатывалась она уже не в Кремле, а за рубежом. Там стали очень уж избирательно переводить наших российских авторов и награждать их самыми престижными премиями. А наше государство за счёт нашего же бюджета затем посылало именно этих писателей на зарубежные книжные ярмарки, составляло из них списки делегаций на разные зарубежные литературные мероприятия якобы для укрепления литературных связей, якобы для продвижения русского слова, обеспечивало им поездки по городам и весям России для встреч с нашими читателями».

«У меня вся надежда на нашу провинцию, — продолжил Валерий Ганичев. — Там Год литературы пройдёт со всеми его высокими значениями. Опять же, если не во всех регионах и республиках, то в большинстве из них. И можно будет сожалеть лишь о том, что в Год литературы, например, на телевидении, то есть в масштабах всей России, мало что изменится. Слишком велика инерция унификации литературы, слишком заточен и книжный рынок на всё те же часто вовсе нелитературные, нехудожественные «стандарты».

Готовясь вступить в Год литературы, мы подводим итоги Года культуры.

Решением жюри Межрегионального конкурса журналистского мастерства «Слава России», посвящённого Дням воинской славы Отечества, редакция журнала «Берега» включена в число победителей конкурса. Знаки отличия конкурса — приз и диплом Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям — вручены Николаю Иванову, сопредседателю правления Союза писателей России за публикацию «Крейсер «Крым», крейсер «Победа» и Лидии Довыденко. Как отметило жюри конкурса: «Здесь выделяются как авторские публикации главного редактора калининградского журнала «Берега» Лидии Довыденко: «Дорогие мои фронтовики» (портреты трёх ветеранов Великой Отечественной войны), «Тёркинские чтения-2014 и знамя Победы (писатель Александр Твардовский на войне)»; так и работа журнала в целом по организации историко-культурных материалов патриотической направленности.

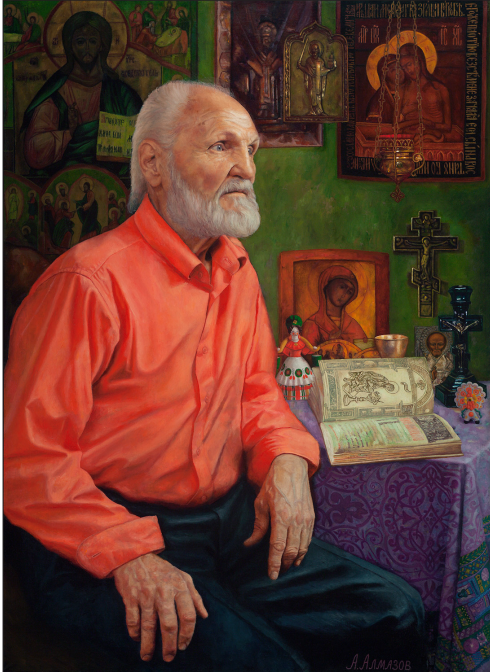
По мнению читателей и авторов журнала, лучшими публикациями за прошедший год в журнале «Берега» признаны в рубрике «Проза» — Николай Иванов «Засечная черта», Александр Проханов «Крым», Александр Грибков «Библиада, или Литературный герой». В рубрике «Поэзия» — Анатолий Аврутин, Диана Кан, Светлана Супрунова. В рубрике «Публицистика» — Валентин Курбатов, Светлана Замлелова, Оксана Карнович.

Благодарю всех авторов и читателей за внимание к журналу и за высокий обобщающий отзыв Дианы Кан, члена Союза писателей России: «Можно говорить о журнале, как о свершившемся факте литературного процесса России. Собственно, таким, видимо, и задуман журнал — всероссийски отзывчивым на таланты, но с крепкой корневой региональной пропиской. Только такой подход гарантирует издание от творческого вырождения — открытость всему лучшему, что выходит из-под пера пишущих на русском языке авторов, помноженная на любовь к родному краю».

В Год Литературы мы приобщимся к юбилеям А.П. Чехова, Б.Л. Пастернака, Д.И. Фонвизина, Данте Алигьери, Вероники Тушновой и многих других великолепных авторов, прочтем их заново, а кого-то — впервые, оставшись наедине с писателем или участвуя во многочисленных литературно-просветительских проектах, и обязательно проведем Экспедицию Памяти в связи с 70-летием Великой Победы. Поздравляю всех наших авторов и читателей с ГОДОМ Литературы и желаю найти именно того автора, ту книгу, которую вы назовете настольной.

Проза

Владимир КРУПИН

Владимир Крупин

Владимир Николаевич Крупин родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии, окончил Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. Работал на Центральном телевидении, в различных литературно-художественных издательствах, преподавал в школе. Был секретарём правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, Союза писателей СССР, членом редколлегии журнала «Новый мир», главным редактором журнала «Москва» (1989—1992). В 1994—2003 — главный редактор православного журнала «Благодатный огонь». В 1997—2002 годах преподавал в Московской духовной академии. Широкую известность получил благодаря повестям «Живая вода» (1980) и «Сороковой день» (1981). На данный момент вышло более ста двадцати книг писателя, среди которых повести и романы: «Босиком по небу», «Спасение погибших», «Слава Богу за всё», «Ловцы человеков», «Прощай, Россия, встретимся в раю», «Записки счастливых дней», «Лёгкие облака», «Великорецкая купель», «Повесть для своих», «Сороковой день», «Вятская тетрадь», «Книга для своих»,

«Повести последнего времени», многих других. Автор православного букваря, книг о святых, псалтири для детей. Сопредседатель Союза писателей России. Председатель жюри православного кинофестиваля «Радонеж», первый лауреат Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Член Президиума Всемирного Русского народного собора. Главное для писателя — «уверенность в будущем страны, борьба с унынием, которое есть грех и безбожие».

Притчи о России

О России моё страдание. Что мне всякие америки-англии, провались они в дыру забвения, не вспомню. Но Россия, родина моя единственная, солнце незакатное, как же без тебя? Как же тебе трудно!

У меня есть знакомый, очень хороший, мудрый, терпеливый батюшка. Видимся редко, но я всегда ощущаю его присутствие в моей жизни. Все наши разговоры о судьбе России.

Он всегда и утешает меня, и настраивает на понимание того, что Россия бессмертна, что она любима Господом и Божией Матерью.

Сидим в его крохотной кельечке. Батюшка наливает чай, крестится:

— Вспомни это предание: идут преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский и печалются о России. Печалются, и встречает их святой Николай, Мир Ликийских чудотворец, спрашивает: «Почему клоните головы, братья?» «О России печалимся, о нашей единственной, так ей, матушке, тяжело». «Братья, не печальтесь, Россия — любимое дитя у Бога. Любимое. Провинилось дитя, Он накажет, но накажет любя. Простит».

— Но, батюшка, — говорю, — такая сейчас идёт лихорадка, такая встряска, уж двадцать пять лет издеваются над Россией, как выжить?

— Да и не только встряска и лихорадка, — отвечает батюшка, — больше того, на Крест Россия

взошла, на Голгофу. Вновь иудеи нового времени распяли Россию. И это мы сейчас видим во всём. Но ответь, а что следует за Крестом? Что дальше?

— Как что дальше?

— Снятие с Креста, вот что. Конечно, тут и плач и рыдание. И ощущение даже погребения. А после него что?

— Воскресение?

— Конечно! Вспомни утро Воскресения. После Голгофы обязательно Воскресение. Всё происходящее плохое мы видим, но начинаем видеть и Воскресение.

— Дай-то, Господи.

— Молиться надо, дело делать, вот и всё.

Батюшка улыбается:

— Вот такая притча. А ещё можно теперешнее состояние России сравнить с иконой. Ведь всё в мире иконоподобно. И Божий мир, и каждый человек, несущий в себе образ Божий. И нация — икона. И государство. И молитвы наши — словесные иконы. Вся Россия — икона. И много раз её пытались зачернить, испачкать, бросить в мусор. Через насилия, убийства, обманы, подкупы, бунты, революции. Да. Всё было. И что? Ты разве не знаешь, какое количество икон стало обновляться в конце двадцатого века и в начале этого? Стоит икона, почти вся чёрная, но вот на ней проступают линии, краски, она высветляется — и вот перед нами Божий лик, лики святых. Так и с Россией будет. Обновится.

— Когда?

— Чего ты такой нетерпеливый? Уже обновляется. Разве не обновление эти сотни и сотни возрождённых храмов, а новых сколько! И на Пасху Христову все полны-полнѣхоньки.

— На Пасху полны, — соглашаюсь я, — в тысячах храмов. А в миллионах телевизоров прыгают, визжат, похабничают бесы. Это же действует на людей.

— Молиться надо, крестить экраны. Сникнут. Да, катастрофика идёт, всё искалечено. Как и Россия. Да, говорю недавно в проповеди, дерево России было надломлено, порушено. А до того у этого дерева были широкие ветви, надёжно закрывавшие пространство, и сорняки под деревом не смели вырастать, не было условий. А тут крона обрушилась, всё открылось, сорнякам воля. Они и попёрли. Вся эта дурнина, крапива, жутьё-ворьё, болтуны, много их. Но ведь вот что: какие у них корни, какие стволы? Так себе. А дерево корни сохранило. Земля-матушка корни питает, оживает дерево. И разметнёт шатёр, и под ним всё это паразитство зачахнет.

— Ой, хорошо бы.

— Что хорошо бы? Так и будет. Вот выражение есть: градообразующее предприятие, а есть выражение государствообразующее, но уже не предприятие, а что? Какой народ образовал Россию? Кто ещё мог, никого со света не сживая, создать такое Отечество? Русские! Государствообразующая нация. А почему? Русские — православные, прощают врагов. Смотри, как нас обзывали: русские оккупанты. Гнали отовсюду. Из Средней Азии, например. И что? И едут к нам, просятся, хоть тротуары подметать. А из Прибалтики мы уехали, и они сами стали разбегаться, безлюдно уже там. Ты же сам там был, мне рассказывал.

Батюшка ещё налил мне и себе чаю:

— А ещё скажу то ли притчу, то ли просто такое сравнение. Русские для России — это несущий каркас здания. Это строительный термин. Каркас не виден, но именно он держит здание.

— О русских, — вспоминаю я, — современный поэт написал, что «русские — народ таинственный и жуткий. Он как щетина прорастает из-под земли на третьи сутки».

Батюшка даже головой покрутил:

— Ну, поэты! Он бы лучше сравнил не со щетиной на покойнике, а с травой. Вот самая малая былинка, как она растёт, какие страдания у ней. А к солнцу тянется. И вообще теперешнюю Россию Запад старается убить, уничтожить в ней всё национальное, культуру, литературу, убить порядочность, развратить, спойть. Это как будто асфальтом закатывают живой цветущий луг. Но ты видел, да все это видели, как весной из-под асфальта пробиваются растения. Русский народ — великий народ. Пробьёмся. Главное — не паниковать. Это только от вселенской гордыни запад публично не признаёт того, что без России весь мир погибнет. Все они в чёрные дыры безвестности провалятся, а Россия останется.

Батюшка вздохнул:

— И как не поймут, что тела без души нет? Душа у мира православная. А ты успокойся. Нытьё,

стоны, уныние — всё это грех. И не воображай, что ты спасаешь весь народ. Как батюшка Амвросий говорил? «Знай себя — и будет с тебя». И великий завет преподобного Серафима: «Спасись сам, и около тебя спасутся». А за Россию будь спокоен. Тяжело ей? А когда было легко?

Под конец разговора жалуясь батюшке, что много грешу, что меня одолела суета, просьбы, заботы, от жизни одна усталость, а радости нет.

— А ты знаешь, как живи.

— Как?

— Как рыба в море. Вот она и рождается и живёт в солёной воде. Всю жизнь. Её поймали, пробуют. А она совсем не солёная. Как же так, жила в солёной воде, а не обсолилась? Так и ты будь в этом мире, как рыбка в море. Мир грешный, злу предела нет, а ты не поддавайся, живи спокойнѐхонько.

Прощаюсь с батюшкой, прошу благословения на пути-дороги, на труды во славу Божию.

Батюшка благословляет и напутствует:

— Всегда была вражда к России. Кто за нас? Тот, кто за Христа. А кто против нас? Тот, кто за Антихриста. Другого разделения друзей и врагов России нет.

«Ол райт», — сказал Емеля

Чем сильнее иностранец изучает Россию, тем сильнее влюбляется в неё. В России есть магнитная притягательность женственности, вековая мудрость, добрый юмор и спокойное терпение. Особенно любят Россию те, кто занимается русским языком, — филологи и переводчики. Мне везло на переводчиков, хотя даже лучшие из них часто ставили меня в тупик своими вопросами.

— А что такое голик? А что такое рига? Разве это не столица Латвии? И почему коса для травы — литовка? И почему у вас написано: ограда до Петрограда ветру рада?

Я терпеливо объяснял:

— Ну, значит, нет никакой ограды. Бедность. Или мужик такой ленивый или пьяница, что даже ограду не может сделать.

Вообще, мы всегда как-то выкарабкивались, находя похожие слова или выражения. Но, конечно, я понимал, что читатели за рубежом так никогда и не поймут, что подберёзовик — это обабок, и что есть ещё обабок, бабка — суслон, а что суслон — это снопы, составленные особым образом, а снопы — это связанные связлом колосья, а связла — это те же колосья, скрученные для крепости жгутом. Конечно, видимо, и слово «голик» они понимали как бывший банный веник. Так оно и было, бывший веник, потерявший листья на службе в избе и вынесенный на крыльцо для несения героической службы по обметанию валенок от снега. И что ещё до работы в избе веник работал в бане, выбивал из хозяев разнообразные хвори. Где уж там было объяснять, что последний ребёнок в семье — заскрѐбышек, что это вовсе не от того, что ближе к весне приходится «по амбарам помести, по сусекам поскрести». И почему в амбаре метут, а в сусеке скребут? И как объяснить, что подполье — оно не только большевистское, но это и место для хранения картошки, овощей и запасов на зиму?

Это нам, русским, сразу всё понятно, до иностранцев же доходит медленнее, а чаще всего не доходит, и они ищут облегчённую замену для понимания.

— Вот у вас такая фраза, — спрашивала меня немка-переводчик. — «Этот Витя из всех Вить Витя».

— Ну да, из всех Вить Витя.

— Это у нас не поймут. Надо как-то иначе.

— Ну-у, — вслух думал я. — Давайте: этот Витя ещё тот Витя. Да, пожалуй, так даже лучше: ещё тот Витя.

— Это тем более не поймут. Подумают, что этот Витя похож на того Витю. То есть их два: этот и тот.

— Вот то-то и оно-то, — говорил я, — что он не тот, хотя он еще тот. Он еще тот Витя.

Мы начинали искать общеупотребительное слово, синоним выражения, перебирали слова: шаромыжник, прохиндей, мошенник... Нет, Витя под эти мерки не подходил, это был ещё тот Витя, переводу не поддавался и уходил за границу сильно упрощѐнным.

— Вот я назову повесть, — сказал я переводчице, — и тебе снова не сумеешь её перевести. Вот переведи: «Как только, так сразу».

Переводчица тяжело вздохнула, а я её доколачивал:

— И в эту повесть включу фразу: «Шлялась баба по базару распьяным-пьяна-пьянёхонька», как переведёшь? Да никак. Ни по какому базару у вас не шляются, да и базара нет. И она, заметь, не ходит, не слоняется, не шлѣндает, она именно шляется. И хотя распьяным-пьяна-пьянёхонька, но какую-то цель обязательно имеет. Иначе зачем бы шлялась.

— Может быть, — вспоминала переводчица выражение, — она погоду пинает?

— Это для неё пройденный этап. Вчера пинала, сегодня шляется. Или вот ещё, переведи разговор двух женщин: «Твой-то пьёт? — Как не пить, пьёт, но уж чтобы так-то, так-то не пьёт». Да, товарищи немцы, были мы для вас непонятны, такими и остаёмся. Но в утешение тебе скажу, что для англичан мы ещё более непонятны. Вот сидит у меня дочь, учит английский, обратный перевод русской сказки с английского. Сказка называется «Приказ шуки».

— У вас есть такая сказка? — заинтересовалась переводчица. — Я очень много занималась русским фольклором, такой не помню.

— Это сказка «По щучьему веленью».

— О да, есть.

— Вот. У них же, на английском, веленья, видимо, нет. Так вот, читает, переводит: «Жёны братьев говорят Емеле: «Организуй доставку воды с реки, иначе наши мужья, твои братья, не посетят в городе супермаркет, не купят тебе презента». Каково? Нет у них, оказывается, ни гостинчика, ни ярмарки. «Олрайт», — сказал Емеля и пошёл организовывать доставку воды.

— Трудно, — вздохнула переводчица. — Я бы ближе перевела, но на гостинчике бы запнулась. Хотя гостинец у нас есть. Подарок.

— Нет, тут именно гостинчик.

Переводчица задала интересный вопрос:

— А вот Витя, о котором мы говорили, он мог бы в своё время быть Емелей?

— Вряд ли, — протянул я, — вряд ли. Емеля бесхитростней, он — как Ванюшка. Кстати, слово Ванюшка тоже для вас непереводаемо, у вас только Иван да Ваня. А как же Ванёк, как же такая фраза: «Сашка-то, ухорез, ухарь, на ходу подметки рвёт, а Петька ваньковатый. А «Конёк-горбунок» у вас, наверное, в переводе: маленький конь с большим горбом, а?

— Я не помню, переводили ли его у нас? — задумалась переводчица.

— Бесплезно и переводить. Так вот, этот Ванюшка говорит братьям, когда они его обманули: «Хоть Ивана вы умнее, да Иван-то вас честнее». И по смыслу сказки именно честному Ване достаётся царство. Для меня в этом Ване загадка: когда он привозит для царя царь-девицу, то критически оценивает её красоту: «А ножонка-то, ножонка, тьфу ты, словно у цыплѣнка, пусть понравится кому, я и даром не возьму». Вот. А когда превращается в добра молодца, не доброго, хотя добрый молодец, конечно, добрый, так вот когда превращается в добра молодца, то эту царь-девицу берёт в жены. Ну, тут уж она его сама не отпустит, вкогтила. Не поймалась, не уцепилась, именно вкогтила. Сильнее глагол. А у вас спросят: разве у неё когти, а не ногти? Она ж с маникюром.

— Ну-у, — почесал я в затылке, — о женщинах только начни. У вас...

— Вайбкляйн — маленькая баба, — добавила переводчица.

— Ростом маленькая, значением? Чем? О, у нас обилие этих баб.

— Записываю.

— Записать можно, перевести невозможно. Вот бабѣнка — это весѣлая, разбитная. К ней где-то близко бабѣшка — шальная, может быть, не очень усердная на хозяйство, но на веселье всегда пожалуйста, наше вам почтение. Бабица — это не обязательно габариты, полнота и вес, это, может быть, характер. Не путать с бабѣхой — это дама бесцеремонная, громогласная. Вот бабочка — это не мадам Баттерфляй, это может быть и аккуратная бабочка, и заводная.

— Заведѣнная?

— Нет, заводная. Или вот на мужском жаргоне, когда обсуждают достоинства женщин, говорят про иную: «Отличный бабец!» Или: «Бабенция без комплексов». Или ласково: «Весѣлый бабенчик». Не бубенчик под дугой, это маленький такой весѣлый поддужный колокольчик в свадебной запряжке, а именно бабенчик. Но почему в мужском роде, не знаю. Может быть, это юношеское про общую

подругу: «Наташка — свой парень». Но бабенчик опять же не бабёночка, бабёночка постарше. Да, вот, кстати, для улыбки, литературный анекдот. Исаак Бабель написал «Конармию» о Первой конной армии. К командующему Буденному приходят и спрашивают: «Семён Михайлович, вам нравится Бабель?» Он отвечает: «Смотря какая бабЕль». А уж что касается девушек, девиц, о! Тут и девоньки, и девочки, тут и товарки, и подружки, тут есть и супостаточки-соперницы, тут и присуха, тут и суженая-ряженая... Нет, далеко до нас Европе в разнообразии жизни... Но я тебя, наверное, замучил?

— Нет, нет! Слушаю.

— Богатство русского языка — это богатство мышления, — назидательно заговорил я. — Так что выражение «русский ум» — не пустые слова. Вот оттого, что переводы русских трудны, Запад переводит не русских писателей, а русскоязычных. Наш ПЕН-клуб, например. Конечно, зная русский, ты понимаешь, что в просторечии он не ПЕН, а пень-клуб.

Переводчица записала.

— Всегда мы были богаты, сорили богатством. Вася не Вася, семь в запасе, то есть полно всего, а я вот схватился за полное собрание русских загадок, читаю, а из них три четверти умерли. Не слова умерли, выражения — явления умерли, предметы, осталась только словесная оболочка, идея предметов. Двор, поле, упряжь, сельхозработы, лес, вообще образ жизни, — всё изменилось. Страшное нашествие уголовных терминов: вертухай, запретка, пали малину, шлангуешь, замастырить, стибрить, слямзить, свистнуть, стянуть, скоммуниздить... А связанное с пьянством: косорыловка, табуретовка, сучок, бормотуха, гнилуха, стенолаз, вмазать, втереть, жажнуть, остограммиться... Неохота перечислять, срам. А ещё срамнее всякие консенсусы, саммиты, ваучеры... Всё это, конечно, проваливается в преисподнюю, но возникают всякие менеджменты. А менеджер, кстати, по-русски — это приказчик. Прекрасное слово.

— От слова «приказывать»?

— Ну да.

— Но менеджер не совсем это, — защитила менеджера переводчица.

— Оставим его, это уже мелочь по сравнению с главным нашествием на язык церкви, церковнославянский. Очень простой, доступный, божественный язык. Называется богослужебный. И на него атаки — заменить на современный. Это же прямая измена всей русской истории: на этом языке молились наши предки. Как менять? Вот это и будет пропасть, в которую нас насильно волокут.

Переводчица, вздохнув, закрывала исписанный блокнот. Утешая её, я сказал на прощанье:

— А в чём разница между молодухой и молодяшкой? Этот вопрос труден уже и для русских. Молодушка — это недавно вышедшая замуж, а молодяшка — это молодая кобылка. Уже не стригунок, но и не кобылка, ещё не жеребилась. А зелёная кобылка — это вообще кузнечик. И это не маленький кузнец, не подручный в кузнице, а насекомое такое, на него хорошо голавль берёт.

— Спасибо, — с чувством благодарила замученная мною переводчица.

Я же, войдя во вкус, отвечал:

— Спасибо не булькает. Спасибом не укроешься. Спасибо в карман не положишь. От спасиба не откусишь. Спасиба — много, хватит и рубля. Из спасиба шубу не сошьёшь. Спасибом сыт не будешь. Но это всё шуточки, а про русский язык всё очень серьёзно.

Японский лифтёр

В далёкой Японии, на берегу озера Бива, нас поселили в старинную трёхэтажную гостиницу. Вся в зелени, с выгнутой по краям изумрудной и очень блестящей после дождя крышей, она смотрелась в озеро витражами стёкол и была очень уютна. И знаменита: в ней, будучи ещё наследником русского престола, останавливался император Николай II.

По стриженным лужайкам бродили кричащие павлины, вздымая разноцветные фонтаны своих хвостов, меж павлинов перешлёпывали свои жирные тела белые и чёрные кролики, а на берегу совершенно неподвижно сидели терпеливые рыбаки, на дело которых я ходил смотреть ранним утром и уже с ними здоровался.

Возвращался к завтраку, поднимался по коврам на резное крыльцо, дверь передо мной кем-то невидимым открывалась, и я входил под звяканье колокольчика на ковры вестибюля. Огромные ак-

вариумы вдоль стен, свисающая с потолка живая зелень, разноцветные бумажные фонарики, — всё это восхищало. И оно обновлялось ежедневно. А ещё в вестибюле был лифт, в который меня каждый раз вежливо приглашал мальчик-лифтёр. Но я жил всего на втором этаже, и было как-то странно ехать так близко.

Лифт всегда стоял открытым, и проехаться в нём хотелось. Очень он нарядно был разубран. Освещался гирляндами огоньков, зеркала во все стены были расписаны такими цветами, что человек, отражаясь в них, чувствовал себя в райском саду. Тем более, в лифте были ещё и клетки с разноцветными птичками. Лифт, думал я, сохранился как реликвия, в нём возили всяких важных мандаринов или вот нашего цесаревича. Но вообще, я видел, что лифтом иногда пользовались, и отнюдь не мандарины.

И я решил. Вернувшись после долгой, счастливой утренней прогулки по берегу озера, умывшись его чистой водой и побывав свидетелем поимки двух рыб, я энергично вошёл в вестибюль и поздоровался с мальчиком-лифтёром. Он звал меня внутрь лифта. И я вошёл. И оказался в дивном маленьком шатре. Лифтёр вопросительно смотрел на меня. Мне по-прежнему казалось, что глупо ехать на второй этаж, и я показал три пальца: на третий. Двери закрылись, как дуновение ветра, птички зачирикали, поехали. Так мягко, неслышно, даже как-то трепетно, что это был не подъём, а какое-то вознесение на бережных ладонях.

Ну вот — третий этаж. Двери растворились. Растворились в самом прямом смысле, так они воздушно исчезли, и я шагнул на узорные ковры третьего этажа. И что? И, конечно, пошёл к лестнице на свой второй этаж. Но тут случилось вот что: мальчик-лифтёр догнал меня и, схватив за рукав, показал на открытый лифт. Мол, зачем ты пошёл пешком, если можно ехать. Ну, как ему было объяснить, что я живу на втором этаже? Я вернулся в лифт. Снова запели птички, снова я отразился в зеркалах среди райских цветов. И опять же, не ехать же всего на один этаж, я показал один палец: на первый.

Приехали на первый. И я, естественно, пошёл на свой, второй. И опять меня догнал мальчик-лифтёр и опять зазвал в лифт. И опять привёз меня на третий этаж. Я вышел, отошел немного и притворился, что рассматриваю старинную гравюру — битву самураев с кем-то. Скопил глаза — лифт стоял. А время меня подпирало, надо было завтракать и идти на конференцию. Я повернул к лестнице. Лифтёр выскочил из лифта и кланялся. Тут уж пришлось показать ему два пальца, выдать этаж, на котором живу.

Он, конечно, решил, что русский бородатый дядя не может считать до трёх, ибо зачем же я ехал на третий этаж, если мой номер на втором? Я понял, что мальчика очень насмешило моё поведение. Да ведь и я смеялся над собой. И в последующие дни мы с ним весело раскланивались, и я уже смело ехал с ним до второго, отражаясь в искрящихся разноцветными огоньками зеркалах.

Я попросил профессора Накамото, который превосходно знал русский язык, сказать мальчику-лифтёру, что русский дядя очень неграмотный, он даже не может считать до трёх. Профессор, выслушав мой рассказ о поездках на лифте, очень смеялся. И конечно, ради шутки, перевёл мою просьбу. Я это понял, когда увидел, что мальчик, завидя меня, стащил с головы свою круглую шапочку и прыснул в неё, скрывая улыбку.

А однажды увидел его, когда он меня не видел. Он сидел, как маленький старичок в своём разноцветном укрытии, и был очень печален. Да и то сказать, легко ли — работал по четырнадцать часов в день, я и не видел, чтоб его подменяли.

Перед отъездом я подарил ему русскую матрёшку. Ах, как он обрадовался! Он побежал в лифт, в свой домик, и показал мне, что матрёшка будет стоять между клеток двух птичек. И что в его клетке будет теперь повеселее.

А когда мы совсем уезжали и вынесли вещи в вестибюль, он подбежал ко мне и подарил сделанную из лёгких пёрышек игрушку-птичку. Подошёл автобус. Мальчик вырвал у меня из рук нагруженную книгами и альбомами сумку и потащил к автобусу. Когда я протянул ему деньги, он прямо отпрыгнул от них. Накамото-сан сказал, что он нёс сумку не из-за чаевых, а от чувства дружбы. Автобус тронулся. Мальчик-лифтёр стоял на крыльце и кланялся, приложив руку к сердцу. Таким я его и запомнил.

Я уехал и стал жить дальше. Но часто вздохну и вспомню: озеро Бива, трёхэтажную гостиницу, лифт и этого милого мальчика, и то, что моя матрёшка ездит с ним вверх и вниз. Может, и он иногда вспоминает бородатого русского дедушку, который не умеет считать до трёх..

Вспоминая Японию

Озеро Бива в тумане, холодная белая Фудзи...

Вижу дождь в вечернем Киото и трёхцветную мокрую кошку на прогулке на тонкой жёлтой цепочке.

Днём высокие стены домов заслоняют сияние солнца. Вот оно, впереди, поспешу обогреться. Нет, не солнце, его отраженье в стеклянной стене небоскрёба.

На рекламу шотландского виски японская села ворона, кричит возмущённо. Надо будет сюда через век возвратиться, чтоб узнать, кто кого перекаркал.

Электронные рыбы в хрустальных кристаллах живее живых. Пища их — батарейки, на червя не клонут. Из соседней витрины смотрят на них манекены — бывшие люди. Мимо шли и застыли, на рыб загляделись.

Старый монах с диктофоном поведал буддийскую мудрость: разве калитка открыта не всем, кто идёт? Разве лифт разбирает, кого поднимает в кабине? Сделай душу свою калиткой, открывай её всем. Лифтом стань, помогая ближним подняться.

Спит прекрасная девушка в парке, на скамье среди бродящих оленей. Устала иль грезит о ком-то. Ухожу, понимая, что буду её вспоминать. И мечтаю, что девушке взгляд мой приснится.

Церемония чайной заварки, затем любование небом. Половина луны начинает своё представление. Три звезды... Неужели в России ненастье?

Чай прекрасные руки Като разливают. Запах тёплого ветра и голос далёкой кукушки.

Кроме русского, знает Като иностранных с десяток. Я же знаю лишь русский, так что же? Неужели Като недоступен язык моих взглядов?

Вот тебе сувениры, Като. Но, ты знаешь, Россия не в них. Ты одна догадалась о том, где я прячу Россию.

Кто о горе своём вам расскажет с улыбкой? Японец. Но рыдания Като нарушают традицию эту. «Русский, ты улетаешь, останься». «Като, без тебя я умру, но, Като, без России погибну».

Улетаю на запад, во тьму от рассвета. То ль бегу от него, то ль влеку его за собою.

Тарзан и Жучка

Есть такое выражение: друзья-соперники. Особенно в детстве и отрочестве. То дружат, вместе играют, то чего-то вдруг сорятся, иногда даже враждуют, но друг без друга не могут.

У нас именно такими друзьями-соперниками были соседи Обуховы. У них три сына и у нас. Старший Обухов, Игорь, дружил с моим старшим братом Борисом, средний, Вовка, со мной, а их младший Юрка дружил с нашим Михаилом. У нас многое было общим, особенно собака Жучка, чёрная, приветливая. И они её кормили, и мы. Но она всё-таки была больше в нашем дворе. Везде была с нами, куда бы мы ни отправились: на реку, на луга, в лес за ягодами, за грибами.

Мимо нас ходил на работу тракторист. Он был одинок и, как многие тогда вернувшиеся с войны мужчины, крепко выпивал. Фронтные «сто грамм» настигали их и в мирной жизни. Однажды только рассказал, что в армии у него была знакомая собака, похожая на Жучку. Её приучали бросаться с привешенной взрывчаткой под танк. Для этого собак специально долго не кормили, а потом они получали пищу под танком, привыкали к этому, к ним привязывали взрывчатку, и во время вражеской танковой атаки выпускали. Под немецким танком та, фронтная, Жучка и погибла. Мужчина пытался погладить нашу Жучку, но она пьяных не любила и от него отскакивала.

— Несчастный он, — говорила мама. — Жена не дождалась, уехала куда-то с другим. Как его осуждать?

Обуховы были парнишки спортивные. Лучше нас крутились на перекладине, быстрее плавали, резвее бегали. Игорь даже ездил на какие-то соревнования. Вовка очень хорошо играл в шахматы. Спустя время я понял причину этого: они имели время для занятий, так как были обеспечены. И вещами, и едой. Их отец работал в райпотребсоюзе, занимался снабжением населения. А наш отец — в бедном лесхозе. Зарплата маленькая, а нас много. Чтобы выжить, мама брала заказы на

шитьё. И рубашки нам и платица сёстрам шила тоже сама. Часто мы засыпали под стрекотанье швейной машинки «Зингер». Для питания приходилось держать корову и поросёнка, и кур, и овец, и обо всех надо было заботиться. Мы были постоянно привязаны к дому, огороду, а Обуховы, не имея такого домашнего хозяйства, носились по селу, гоняли на велосипедах, пропадали на реке, конечно, тут мышцы разовьются.

Но нельзя даже подумать, что мы завидовали их отцу, нет, наш папа был всех лучше. С ним было так весело общаться, он так много знал. В детстве в его семье была библиотека журнала «Нива», и он много читал. Никогда не называл поэтов по фамилии, только по имени и отчеству: Александр Сергеевич, Михаил Юрьевич, Николай Алексеевич. Читал наизусть с нами Сурикова, Никитина, Тютчева, Кольцова. Жаль, конечно, что такая радость была редкой, он всё время был в лесу. Рассказывал нам о своей работе, и, конечно, мы, как и он, считали, что она самая важная: от отца мы знали про лесопосадки, лесовосстановление, санитарные рубки, рубки ухода, наблюдение за водоохранной зоной по берегам рек, противопожарные просеки, борьбу с разными паразитами хвойных и лиственных пород. Мы знали: у сосны корни морковкой, а у ели разлапистые, и что у ели парусность кроны большая, поэтому ель чаще подвергается ветровалу. Вот какие слова знали. Главная забота отца была — лесопитомники. В них мы тоже работали, пропалывая рядочки крохотных сосенок размером с мизинчик и меньше. Конечно, сосенки наши уже выросли, безжалостно спилены под корень, да и увезены в дальние и ближние страны. Построены из них, может быть, дачи для каких-нибудь нынешних буржуев. Сердце болит глядеть на пеньки, остающиеся от лесов моей вятской родины.

Хотя Обуховы физически нас опережали, но, так сказать, умственно мы были впереди. Однажды мама была на родительском собрании, и её просили выступить, рассказать, как так она нас воспитывает, что мы все, пятеро учеников, у нас ещё и сёстры были, хорошо учимся, участвуем в самодеятельности, дисциплинированы. Мама рассказывала:

— А чего я скажу? Я стесняюсь, не могу ни ступить, ни молвить. Ой, говорю, не знаю, не знаю, они сами друг дружку тянут.

И вот теперь, многие годы спустя, я понимаю, что мама высказала главное достоинство многодетных семей, в них старшие дети тянули за собой младших. Читая биографии знаменитостей, видишь, что они, как правило, выросли среди братьев и сестёр.

Но ведь вот и у Обуховых семья была многодетной, а учились плохо. Это и мать их признавала. Она выговорила нашей маме после родительского собрания:

— Эх ты, встала и сказать ничего не могла. Ну, уж если б меня спросили, я бы так отрапортовала! От зубов бы отскакивало. Да вот, короеды, на одних тройках ездят.

И опять же, только с годами, я понял, что самое-самое главное было в том, что мама молилась за нас. Всегда говорила: «Слава Богу, идите с Богом, Бог с тобой, Бога не забывайте». Это у неё само говорилось во всех случаях жизни. Всегда у нас икона была. Когда слышала о каких-то нехороших происшествиях, говорила: «Бога забыли, Бога не бояться».

В одно из воскресений мама и папа пошли на базар. С ними увязалась младшая наша сестричка, старшая осталась дома и нами командовала. Родители возвращаются и — вот радость — несут на руках маленького беленького козлёнка. Оказывается, его увидела сестрёнка и вцепилась в родителей, и не отцеплялась, пока козлёнок не купили.

Как же мы его полюбили! Он такой оказался весёлый, прыгучий, так забавно бодался маленькими рожками, так скакал по двору, что у нас не было лучшей радости, как играть с ним. Перед нашей дворняжкой Жучкой нам даже было неудобно. Но Жучка понимала нас. Она и сама бегала с нами и козлёнком и по двору, а вскоре уже и по улице.

Но как же было назвать козлёнка? Тогда всех сводил с ума трофейный немецкий фильм «Тарзан». У нас даже игры были, которые так и называли: «Играть в Тарзана». Играть в Тарзана значило многое: прыгать с высокого обрыва в реку, залезать на деревья, пикировать с них, ухватиться за вершину и сгибая её. Конечно, и бегать и бороться. И мы единогласно назвали козлёнка Тарзаном.

Тарзан подрастал и вместе с ним рос его аппетит. Рвём поросёнку траву и уж, конечно, Тарзанчика не забываем, ему что повкуснее: листья капусты, свёклы, молочай — это такая сочная трава, когда её сломишь, то на оставшемся стебельке проступает белое молочко. И вот накормим любимца, наиграемся

с ним, пойдём сами ужинать, а потом выходим: где Тарзан? А он отправился в автономное путешествие по чужим огородам. Этого делать было нельзя: мы его отлавливали, даже шлёпали по белой крепкой спинке, он осознавал свой проступок, на шлепки не обижался, а назавтра снова брался за своё.

Конечно, такому нашему счастью, тому, что у нас есть козлёнок, завидовали Обуховы. Они тоже играли с Тарзаном, бодались с ним, бегали наперегонки. Но, к нашему огромному огорчению, они не стали звать его Тарзаном. Наименовали, страшно вымолвить, Скелетом. Честно говоря, козлёнок подходил под такое прозвище. Как мы его ни кормили, он вырастал худющим, рёбра даже сквозь кожу проступали. Да ещё на своих длинных ножках. «Растёт, — говорила мама, — выбегивается. Ничего, к зиме запряём в хлев, наберёт весу».

А узнали мы об этом имени так: однажды принесли Тарзану травы, он хватал её крепкими зубами и быстро пережёвывал. И вдруг Обуховы закричали со своего двора:

— Скелет, Скелет!

И наш Тарзан вскинул морду, торопливо прислушался и... побежал к Обуховым. Ещё бы, они подманивали его настоящим хлебом, которого у нас и на самих не хватало.

Мы просто были убиты. Сестрёнка плакала. Ушли домой и там молчали. То есть они его прикармливали. Вечером мы вышли во двор. Тарзан прыгал и привлекал к себе внимание. «Изменник! — упрекали мы его, — предатель! За кусок хлеба! Смотри на Жучку. Её ж они тоже мясом кормят, она же от нас не убегает».

Конечно, мы поссорились с Обуховыми. Ещё бы — пережить такое обидное имя. Конечно, на козлёнке это не отразилось, мы по-прежнему его кормили. Но Обуховы, как собаки травёжные, так мы их обозвали, звали козлёнка Скелетом и он бежал к ним. За куском хлеба.

— Пусть, — говорила мама, — пусть подкармливают.

— Так они же его Скелетом называют!

— Но он же этого не знает. А вы потерпите.

Ссора продолжалась долго. Они уж даже и дразнить нас перестали таким образом. Да и нам было иногда скучновато без друзей. Когда козлёнка зарезали, а это ужасное, но неизбежное событие должно было случиться, то мы вначале, сговорясь, отказались есть его мясо. Но голод не тётка — потом ели. Папа нам, мальчишкам, подарил для игры косточки от позвоночника. Почему-то они назывались «панки», а сама игра называлась в «бабки». Тогдашние наши «бабки» были не чета нынешним: весёлые, азартные главное, бескорыстные.

А дальше, дальше тяжело рассказывать, но надо. У соседа-фронтовика что-то случилось на работе, он прибежал домой, схватил охотничье ружьё и выскочил на улицу. И на него залаяла Жучка. Может, она хотела его остановить? Тем более, не любила пьяных. Она залаяла на него, а он в неё выстрелил. Её страшный, предсмертный, визг я помню всю жизнь.

Мы побежали на этот визг, но мама перегородила нам дорогу и грозно, как никогда раньше, приказала сидеть дома. Потом мы узнали, что она успела вырвать из рук мужчины ружьё, он наставлял его на себя, хотел застрелиться. Упал на землю, рыдал, и просил прощения у мёртвой Жучки.

А ссора, это мы уже гораздо позднее узнали, была от того, что начальник заставлял нашего соседа вспахать ему личную одворницу. Не попросил, приказал в грубой форме. А начальник этот не воевал. Сосед отказался и отказался тоже резко: «Я на фронте пахал, в колхозе всю жизнь пахал, ещё и на тебя пахать буду? Тварь ты тыловая!» Тут они и разодрались.

Вот такие были у нас, в нашем детстве, козлёнок Тарзан и собака Жучка. Он беленький, а она чёрная. Такие весёлые, с ними было так интересно. Казалось, они всегда будут с нами.

Говорят, у животных нет души, она умирает вместе с ними, но мы-то, со своей бессмертной душой, помним своих четвероногих друзей. И как не помнить: они помогали нам стать лучше. Они были в нашей жизни и остались в ней.

Поэзия

Николай Рачков

Родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. В 1964 году окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института. Преподавал в школе, работал журналистом. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России «АПРОСА», литературных премий им. А. Твардовского и «Ладога» им. А. Прокофьева. Живёт в городе Тосно Ленинградской области.

***

Край мой любимый, певучий, раздольный,
Как устоял после стольких потерь?
Звон раздаётся в селе колокольный,
Храм распахнул мне молитвенно дверь.

Ласточки кружатся в солнечном зное,
Эта сторонка и им дорога.
Господи, небо какое родное,
Поле, где встарь золотели стога!

Этих лугов разноцветные ситцы,
Где мы когда-то гуляли вдвоём,
Здравствуйте, травы, деревья и птицы,
Здравствуй, далёкое детство моё!

В милом краю мне легко и надёжно,
Предан ему я до донышка весь.
Жить где угодно, наверное, можно,
А умереть лучше всё-таки здесь.

***

Поэт — всегда особая порода,
На всё он должен находить ответ.
Нельзя жить лучше своего народа,
А если лучше — значит, не поэт.

Всю драму жизни, боль её и страсти
Поэт отважно вынесет на свет.
Поэт — он в правде выше всякой власти,
А если ниже — значит, не поэт.

Орда

Это грянет грозною бедою,
Как предупреждали старики,
Коль на поле брошенном ордою
Встанут и кусты, и сорняки.

Вот и встали от Невы до Свири,
Взяли штурмом землю на ура
От полей рязанских до Сибири,
От Оки и Волги — до Днепра.

Люди, люди, вам не слышно крика?
Стонет поле, словно бы в бреду.
Надо сбросить с пашен это иго,
Выкорчевать наглуую орду.

Слышите? Тревожная сирена
Душу рвёт, в глазах уже темно.
Надо поле русское из плена
Вызволить — измучено оно.

Чтоб пшеницей в ноги поклонилось,
Вспомнив и деревню, и село,
Чтобы золотилось, колосилось,
Чтобы волновалось и цвело.

Чтоб ни бед, ни гроз нам не бояться,
Планы грандиозные вершить,
Чтоб мечтать, как прежде, и смеяться,
Чтобы петь и плакать. Чтобы жить.

Садко

Торговать — не ворочать землю,
И ударила в голову блажь,
И с дружками умчал за границу
На чужой любоваться пейзаж.
Поглядел он надводные царства
И в подводном успел побывать,
И такие увидел штукачества
Там, где вроде бы тишь, да и гладь.
На заморские дива дивится,
Посмотреть на иные — мечта,
Хороши там, конечно, девицы,
Ну, а нашим они не чета.

Поглядел на заморскую смуту,
 Понял: нет ей вовеки конца,
 Вот закроет глаза на минуту —
 Мать стоит у родного крыльца
 И Любава с ведром у колодца...
 Целовать будет землю Садко,
 Если только домой он вернётся.
 Но пока он ещё далеко.

***

Оставим пустые споры
 О скрипе былых телег,
 Всё выше строит заборы
 На дачах практичный век.

Под русской небесной высью,
 Где тучи так вольно мчат,
 Всё чаще чужие мысли,
 Чужие песни звучат.

Традиции и обряды
 Пропали, как давний сон,
 Всё чаще чужие взгляды
 Мы ловим со всех сторон.

Ушло, не многих тревожа,
 Развевалось, словно дым,
 Что было всего дороже,
 Что было всегда святым.

Ещё ветерок колобродит
 Над полем высокой ржи.
 Но грустно, что Русь уходит
 Из Родины, из души...

***

В катастрофическом провале
 Народы шествуют вперёд.
 Там разбомбили, там взорвали...
 О Господи, чем мир живёт?

На что надеется? На чудо?
 Какого ждёт себе конца?
 Откуда странная остуда
 Проникла в души и сердца?

Кипят по дьявольской программе
 Бесчеловечные суды.
 ...Но в небе ангелы над нами,
 И да не дрогнут их ряды.

***

– Распад и разлад. Безнадёжная власть.
 Мир пахнет и ложью, и кровью.
 Чем душу лечить, чтоб совсем не пропасть?
 – Любовью. И только любовью...

– Как выбрать во мгле нам единственный путь,
 Не внять клевете и злословью?
 Чем жизнь эту к свету скорей повернуть?
 – Любовью. И только любовью...

– Когда удалимся от жизненных драм,
 Поставят свечу к изголовью.
 А с чем же нас, грешников, встретит Он там?
 – С любовью. Конечно — с любовью...

Фронтовик

В подбитом танке он горел,
 Отстреливался, но не сдался.
 Его водили на расстрел,
 И всё-таки он жив остался.

Он у сельпо в родном селе
 Под вечер, опершись на клюшку,
 Стоит всегда навеселе:
 «Маруся, добавь на четвертушку...»

Фронтовики... Семён... Егор...
 Иван... Вернулось их немного.
 Я с детства помню до сих пор
 Его — с грабельками у стога.

Ничто такого не берёт,
 Такой, коль гром военный грянет,
 Пойдёт, за Родину умрёт
 И бронзовым однажды встанет.

***

...ибо много званных,
 Но мало избранных.

От Луки, гл. 14

А человек в столетиях так мало
 Меняется — и что тому виной?
 Всё ждёт он для себя небесной манны
 Среди извечной суеты земной.

Мир утонул в насилиях и обманах,
 Не вырвется никак из крепких пут,
 И чувствует он званных, званных, званных,
 А избранные ждут, и ждут, и ждут...

***

Летят года, века... В который раз
За племенем встаёт иное племя.
И если не узнать сегодня нас,
Неужто вправду виновато время?

И в суете возросшей, и в тиши —
В себе мы словно потеряли что-то,
Как будто бы сместилась ось души,
Сместилась точка главного отсчёта.

Летим куда-то мы на всех парах,
Повсюду о валюте слышим вести,
О моде, о свободе, о правах...
Увы, никто не говорит о чести.

Сердце

— Сердце, сердце,
    Как же пело
Ты от счастья своего!
Отчего ты заболело,
Приумолкло отчего?

Усмехнулось,
    Улыбнулось,
Почерневшее насквозь:
— На любовь я натолкнулось,
А изменой обожглось...

Верните русскому деревню

Он без деревни станет тенью,
В тоске погибнет, во хмелю.
Верните русскому деревню! —
Кричу я небу и Кремлю.

Беда немыслимая сгрудит,
Возьмёт Россию в оборот,
Единым без земли не будет
Землёю вскормленный народ.

Гнушаясь тягостной заботы,
Не зная адова труда,
Делите недра и заводы,
И города, и города.

Перенесёт он перегрузки
И перетруски, но вовек
Не будет без деревни русским
Исконно русский человек.

Взываю к вашему прозренью,
Она совсем не тот пирог.
Верните русскому деревню —
И Русь никто не свалит с ног.

***

В жизни и смелый порой сдаёт,
И слабый бывает смел.
Бывает, подставит подножку тот,
С кем каши немало съел.

Разорван, разбит, размочален уют —
Шепни хвалу небесам:
«Не страшно, когда тебя предают,
Страшнее — когда ты сам...»

Каин и Авель

Рай на земле. Первобытное лето.
Патриархальный налаженный быт.
Авель отцом был любим — и за это
Каином яростно был он убит.

Каину слёзы отца отольются,
Скоро узнает он, что и почём.
Стоит убийце на миг обернуться —
Авель воскресший стоит за плечом.

Всё это судным свершеньем чревато,
Так и пошло с той кровавой поры:
Неутомимо идёт брат на брата,
Племя на племя, миры на миры.

Завистью, злобой библейской измаян,
В северных далях, средь южных широт
Бедного Авеля брат его Каин
Всё убивает. Но Авель живёт!

***

Стало больше в природе возвышенной грусти,
По утрам вся трава в серебре,
И прощально кричат перелётные гуси,
Вот и осень опять на дворе.

Холодеет душа от неясной тревоги,
Что-то в жизни сложилось не так.
Снова листья с деревьев слетают под ноги,
Заметая и луг, и овраг.

И всё чаще, всё чаще идёшь за ворота,
Где таинственный слышится звук,
Где как будто тебя дожидается кто-то,
А оглянешься — пусто вокруг.

Это осень, наверно, напомним стремится:
Что далось — то люби и храни.
И всё чаще душа перелётною птицей
Ощущает себя в эти дни.

***

Отзвенели, ушли в никуда
Смех и плач в деревенских хоромах,
Но какая теперь лебеда
И какие сугробы черёмух!

Эта хлябь. Эта глушь. Пустыри.
Птичий звон. Комариные песни.
И такая тоска — хоть умри,
И такая любовь — хоть воскресни.

***

В смиренном величье полей,
В могучем лесном бездорожье
Есть то, что всего нам милей,
Что целого мира дороже.

Чужой никогда не узрит
В печали степного дыханья,
Какой в ней источник сокрыт
И нашей любви, и страданья.

Не стоит страницы листать —
Не всё там рассказано честно,
Ведь что ей пришлось испытать,
Лишь Господу Богу известно.

Коль с нею душою ты слит,
Сквозь грозы, сквозь все неудачи
Россия опять устоит,
Ты только не думай иначе.

Проза

Александр Проханов

Александр Андреевич Проханов — писатель, публицист, общественный деятель. Родился 26 февраля 1938 года в Тбилиси. Член секретариата Союза писателей России. Главный редактор газеты «Завтра». Лауреат премии Ленинского комсомола. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного знамени, «Знак Почёта», Красной звезды. Автор свыше тридцати книг, переведённых на многие языки, к самым известным из которых следует отнести «Семикнижие», «Господин Гексоген», книгу из четырёх частей «Поступь русской победы». Лауреат премии «Национальный бестселлер», Международной Шолоховской премии, Бунинской премии, премии имени Н.С. Лескова, премии «Белые журавли России», премии «Золотой Дельвиг» и многих других.

КРЫМ

Роман

(Продолжение. Начало в № 6. 2014)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лемехов совершал поездки по оборонным заводам, собирая под свои знамёна «гвардию технократов». Оплот своей будущей партии. Превращал заводы в опорные пункты своей президентской власти. Он переживал вдохновение. Победа была достижима. Директора и конструкторы видели в нём лидера, долгожданного «вождя перемен».

Он приехал на Иркутский авиационный завод — любимое создание Сталина. Казалось, здесь, на берегу Ангары, среди старинных улиц и печальных колоколен, раскручивается ослепительный вихрь. Преломление лучей, кристаллы света, драгоценное стекло корпусов. Исчезают на глазах ветхие закопчённые стены, опадают утомлённые оболочки. Возникает новая плоть завода. Сила, красота, энергия!

Лемехов шёл по цехам в сопровождении директора, широколобого сибиряка, чей изысканный, алюминиевого цвета костюм был созвучен металлической красоте самолётов.

Лемехов осторожно вёл разговор, не сразу открывая директору свой партийный проект.

— Теперь я вижу, Степан Степанович, мы не напрасно пробивали глухие стены. Завод прекрасен. Не уступает «Локхиду» или «Бомбардье», честное слово. Эти чиновники в министерстве финансов жалеют деньги на модернизацию. А потом эти деньги превращаются в особняки на Лазурном берегу. Ещё раз поздравляю, Степан Степанович, отличный завод.

— Нам Лазурный берег не нужен, Евгений Константинович. У нас здесь берег Байкала. А заводу вы помогли. Мы видели, как вы бились в правительстве.

Лемехов замечал множество примет бурного повсеместного роста. Ещё не распакованные станки с японскими иероглифами. Стальные конструкции стен, на которые ложатся стеклянные панели. Голубой водопад сварки, который изливается из-под огромного, похожего на планетарий купола. Такие мгновенные перемены именуются преображением. Так бурно, сквозь угрюмые зимние тучи, врывается в мир весна. Так из сонной куколки рождается восхитительная бабочка. Завод-ветеран строил «самолёты Победы», крылатые машины великой советской авиации. Пережил мучительное безвременье девяностых. Получил мощные вливания. Принял заказы на сверхновые самолёты. Сам, подобно самолёту, рванул ввысь.

— Но мы должны понимать, Степан Степанович, что это временный, локальный успех. Каприз правительства, давление пацифистов, американское лобби в парламенте, — и нам могут урезать финансирование. Вместо заводов будут строить развлекательные центры. «Боинг», «Эйрбас» рвутся на рынок России. Крупные взятки, и наш гражданский самолёт не найдёт покупателя.

— Мы делаем самолёты не хуже «Боинга», Евгений Константинович. Нам нужны стабильные заказы и политическая воля в Москве. А её-то ведь иногда не хватает.

Лемехов любовался мощным ровным движением металла. Великолепными, денно и ночью работающими станками. Неторопливыми операторами, нажимающими кнопки программного управления. Инженеры в безлюдных цехах управляли бесшумными механизмами. Директор в алюминиевом костюме источал силу и убеждённость. Был человеком, занятым огромным делом, которое поручило ему государство.

— Нам, Степан Степанович, нужна политическая сила, которая отстаивала бы интересы промышленности, интересы инженеров. Инженеры должны участвовать в принятии стратегических решений, а не расхлёбывать ошибки дураков. Мы живём в мире машин, а нами управляют юристы. Государство — это тоже машина, и государство нужно правильно конструировать. Солнечная система — это всего лишь подшипник с шарами планет.

— Согласен, Евгений Константинович. Машины повсюду. Сталин писателей называл «инженерами человеческих душ».

Лемехов наблюдал рождение самолёта. Оно совершалось по законам, действующим в природе. По тем законам, по которым возникали планеты, зарождалась и усложнялась жизнь. Самолёт рождался из крупиц, из крохотных деталей, из сияющих листов алюминия. На эти листы фрезы наносили тончайшие узоры и орнаменты. Сращивались узлы, укрупнялись конструкции. Появлялись элементы крыла и плоскости оперения, шпангоуты и полукружья фюзеляжа. Срастались, свинчивались, обретали стремительный контур. насыщались приборами, компьютерами, дальномерами и прицелами.

Лемехов переходил из цеха в цех, из одного объёма в другой. И возникло огромное пространство, похожее на дворцовый зал. В нём, среди лучей, длинными рядами, как экспонаты Эрмитажа, стояли самолёты. Мощные и изящные, застывшие и готовые мчаться в бесконечность, послушные человеческой воле и смертельно опасные. Устремлённые в бой, к победам!

— Мне кажется, Степан Степанович, время создавать партию инженеров. Эта партия предложит стране стратегический план развития. Переход России с одного цивилизационного уровня на другой. Мы должны иметь мощное представительство в парламенте. Должны формулировать повестку дня. А в случае, если деструктивные силы попытаются захватить власть, мы должны ударить их по рукам.

— Я думаю о том же, Евгений Константинович. Многие из нас так думают.

Они двигались вдоль машин, и каждая излучала сияние, словно была окружена нимбом. Многоцелевой самолёт, способный выполнять множество боевых задач. Он — дальний перехватчик, сбивающий врага хоть над Северным полюсом, хоть в центре Европы. Он — виртуозный истребитель воздушного боя, то несущийся на сверхзвуковых скоростях, то застывающий в небе, как недвижимый крест. Он — самолёт поля боя, поджигающий танковую колонну врага, скопление пехоты и техники.

— Буду с вами откровенен, Степан Степанович. Я решил создать партию, которая провозгласит национальной идеей немедленное развитие. Мы топчемся на месте, а мир стремительно от нас удаляется. Сегодня главный ресурс — не углеводороды, не алмазы и даже не пространство. Главный ресурс — время. Подлётное время ракет. Время обработки информации в суперкомпьютерах. Историческое время. Мы, чёрт возьми, теряем историческое время. Партия, которую я создаю, должна устранить брешь, сквозь которую утекает историческое русское время.

— Я так считаю, Евгений Константинович. У России есть мощные двигатели, но они не задействованы. Сегодняшняя власть, похоже, о них просто не догадывается. Не знает, где они расположены. Инженеры укажут на эти двигатели, запустят их. И тогда Россия начнёт развитие.

Они двигались по цеху, где стояли компактные, похожие на остроносых рыб, учебно-боевые самолёты, изящные «спарки», предназначенные для обучения лётного состава. Самолёт в час войны из учебного превращается в грозную боевую машину, несущую ракетно-бомбовый груз.

Тут же, на заводе, создавались элементы французского пассажирского «Эйрбаса», летающего по всему миру. А в новых, стремительно возводимых цехах готовились линии для производства отечественного магистрального самолёта. С его появлением слухи о кончине отечественного гражданского авиастроения прекращались.

Все эти машины демонстрировали взлёт русской авиации. Возрождение оборонно-промышленного комплекса. Указывали на то, что долгожданное развитие не за горами. Сдвигается с места застывшая машина страны. Гигантский самолёт «Россия» медленно начинает выруливать на взлётно-посадочную полосу и готов взмыть в небо.

— Россия, Степан Степанович, напоминает птицу, которая сидит на ветке и хочет взлететь. Вытянет шею, раскроет крылья, а потом опять сожмётся, втянет голову и остаётся на ветке. Но птица должна взлететь. Мы — партия высокого полёта. Мы приглашаем в партию тех, кто хочет летать и устал сидеть на ветке. Пойдёте ко мне в партию, Степан Степанович?

— Пойду. Люди вам доверяют, Евгений Константинович.

Лемехов был благодарен директору за искренние слова, за уверенные спокойные мысли, за прекрасный завод. Самолёты нацелили свои отточенные фюзеляжи в сторону Сирии, откуда к границам России готова полыхнуть война. Самолёты смотрят в сторону Арктики, где начинается схватка за арктические шельфы, и мировые державы посягают на исконные богатства России. Самолёты смотрят на Европу, где НАТО наращивает военную мощь, и всё новые и новые системы сверхточного оружия готовятся к бесконтактной войне.

Лемехов думал о том, что здесь, среди этих самолётов, видишь достижения российской науки, дальновидность инженерной мысли, стратегию военных. Чувствуешь, что русская цивилизация переходит на новый уровень, облекается в новые формы. Здесь нет уныния, нет печали о прошлом, нет тусклого безысходного выражения глаз. Здесь — воля, сила и творчество. Здесь, среди этих самолётов, надо проводить молодёжные съезды. Сюда должны приходить историки и философы. Здесь место художникам, музыкантам и поэтам. Рывок, который начнёт Россия, нуждается в своих певцах, летописцах и проповедниках. Пусть проповедь о грядущей Русской победе зазвучит не только с амвонов храмов, но также из этого восхитительного цеха. Он и есть амвон русского развития.

Так думал Лемехов, двигаясь вдоль самолётов, словно репетировал речь, которой откроет партийный съезд.

— Я вам пришлю приглашение на съезд, Степан Степанович. Возьмите с собой Главного инженера и Главного конструктора. «Авиационное звено».

— Сочтём за честь быть рядом с вами, Евгений Константинович.

Лемехов приблизился к машине, которая простёрла к нему своё отточенное крыло. Тронул фюзеляж. Тепло ладони перешло в металл, потекло в крылья, в лопатки турбин, в драгоценный кристалл кабины. Он передавал самолёту свою веру, волю. Волю к Русской победе. Самолёт унесёт его прикосновение в небо, откуда видна таинственная и чудесная русская даль.

Он покидал завод, создав на нём ячейку будущей партии.

Так неутомимо он посещал предприятия, решая в этих поездках множество производственных задач. Но среди совещаний, жёстких разговоров и споров, находил время для частных встреч с директорами, вовлекая их в строительство партии.

Под Новосибирском он побывал на заводе боеприпасов, — реактивных снарядов для установок залпового огня. Стрельба из таких установок — ревушая плазма, которая летит в туманную даль, срезает горы, оплавляет скалы, превращает укрепления врага в жаркий пепел. Завод размещался под землёй, был окружён земляным валом, как древнее поселение, чтобы взрыв на заводе, если вдруг случится беда, не снёс соседний город.

Директор был маленький, лысый, чернявый. Его умные зоркие глаза нагляделись на дурных чиновников и тщеславных политиков, голодающих рабочих и плутоватых менеджеров. Он согласился приехать на съезд.

— Мы, Евгений Константинович, всегда вместе с народом. Если вы говорите «надо», я отвечаю «есть».

Его глаза буравили Лемехова, словно хотели угадать, чего будет больше от вступления в партию, хлопот или пользы. Он надеялся укрыться в партии от возможных напастей. Так осторожный зверёк зарывается в кучу листвы, если над ним нависает хищная тень совы. Лемехов чувствовал его лукавство, но и такой хитроватый член партии был ему нужен.

В Туле Лемехов посетил завод, выпускающий «Панцири», зенитные ракетно-пушечные комплексы. Эти мощные установки сбивали армады крылатых ракет, несущихся на малых высотах. Ломали стратегию «бесконтактной войны», когда бомбардировщики, не влетая в зону противоздушной

обороны, на дальних подступах к городам выпускают по ним сотни ракет. Так были уничтожены Багдад и Триполи, не имевшие в своём распоряжении «Панцирей». Теперь эти несравненные системы обороняли Дамаск, удерживали НАТО от бомбардировок. Лемехов устранил препятствия, мешавшие наращивать производство систем, в которых так нуждалась воюющая сирийская армия.

Он обедал с директором, спортивного вида блондином, чей малиновый шёлковый галстук был повязан с небрежностью парижского художника.

— Получили ваше соболезнование, Евгений Константинович, в связи с кончиной академика Шипунова. Завод осиротел. Академик болел, не мог ходить, а разум ведь оставался светлым до последней минуты. Он усовершенствовал «Панцирь», усовершенствовал противотанковые ракеты «Корнет», работал над созданием управляемой пули. Заменить его некем.

— Великие художники незаменимы. Они умирают, а их шедевры продолжают жить. «Панцирь» и «Корнет» — это шедевры.

— Да, кончина Шипунова — это боль для всех оружейников.

— Я был в Ливане, Евгений Константинович, где стрелки Хезболлы отбили атаку израильских войск. Мне показали гору, лесистую, зелёную, у подножья которой вьётся дорога. По этой дороге шла колонна танков «Меркава». Стрелок Хезболлы занял позицию и поджёг «Корнетами» одиннадцать израильских танков. Теперь эту гору в Южном Ливане называют Шипун-гора.

— А почему бы нам не учредить медаль Шипунова? Станем награждать ею лучших оружейников России.

— Прекрасная идея, Евгений Константинович. А что касается вступления в партию, я, конечно, согласен.

В Сарове Лемехов посетил «Российский ядерный центр». Ему показали лаборатории, где разрабатывались ядерные боеприпасы для новейших торпед, баллистических ракет наземного и морского базирования, для перехватчиков ПРО, для космических аппаратов, именуемых «убийцами спутников». Он осмотрел лазерные установки, на которых осуществлялся термоядерный синтез, и десятки лазеров бомбардировали мишень, превращая её в пульсирующую плазму. Ему показали монастырь, где когда-то подвизался преподобный Серафим, а потом размещались атомные лаборатории. Теперь монастырь был восстановлен, и в нём обитало несколько монахов.

Лемехов в узком кругу рассказывал руководителям Центра о стратегии ядерных вооружений, о серьёзном продвижении американцев в создании «геофизического оружия», способного направленными подземными взрывами сдвигать тектонические платформы.

Завершая разговор, он поведал о создании партии. Пригласил работников центра принять участие в съезде. Физики согласились.

В кабинете директора висела большая икона Серафима Саровского.

— Преподобный Серафим — покровитель наших ядерщиков, — произнёс директор, — Считается, что советскую бомбу создали Сахаров, Харитон и Зельдович под мудрым управлением Берии. Но на самом деле бомбу создавали под покровительством Серафима Саровского. Его монастырь разорили, его лесную келью сожгли, но он со своего облачка следил за работой физиков и всячески им содействовал. Поэтому мы называем нашу бомбу «православной бомбой». Она спасла Россию с благословения Серафима.

— Если вы на съезд нашей партии принесёте икону Преподобного Серафима, это, не сомневаюсь, понравится Патриарху. Быть может, Преподобный станет покровителем всего нашего движения.

Так Лемехов посещал оборонные заводы, созывая под свои знамёна «гвардию победы».

В Москве он встречался с Верхоустиным. Делился результатами поездок, и это напоминало отчёты о проделанной работе, которую поручил ему Верхоустин. Синеглазый куратор управлял строительством партии, ненавязчиво и осторожно формулировал идеологию, которую надлежало усвоить лидеру президентской партии. Идеологию будущего государства. Уже появилась партийная штаб-квартира, просторное многокомнатное помещение на Олимпийском проспекте, в огромном циркульном здании спортивного комплекса. Уже красовалась на дверях эмблема партии — алый щит с золотой надписью «Победа». Уже сидели за компьютерами секретарши и референты, звенели телефоны, появлялись представители пиар-агентств.

Верхоустин представил Лемехову «орговика», которому надлежало в кратчайшее время создать партийную структуру, обеспечить проведение съезда. Это был смуглый молодой мужчина с бле-

стящими чёрными глазами, чуть вывернутыми наружу губами. Любезный, приветливый, он хватал на лету мысли Лемехова, ещё не отточенные, шероховатые, и тут же возвращал их обратно, в отшлифованном блистательном виде, словно сырую деталь, прошедшую обработку на сверхточном станке. Мужчину звали Черкизов Кирилл Анатольевич. Лемехов, пожимая его лёгкую горячую руку, почувствовал в нём страсть и весёлость удачливого игрока и актёра.

— Кирилл Анатольевич — специалист по строительству организаций, знаток партийных систем. Принимал участие в создании «Единой России», «Партии зелёных», нескольких корпораций, сетевых информационных проектов. В нашей партии он будет Канцлером — хранителем печати. А если партия станет приобретать черты масонской ложи, то будем именовать его Магистром.

В ответ Черкизов рассмеялся, блестя чёрными, как жужелицы, глазами:

— Уж лучше сразу зовите меня Магистром!

Верхоустин держал в своих тонких бледных пальцах крохотный кристаллик горного хрусталя. Поворачивал его, словно улавливал в прозрачные грани луч света. Играл переливами, посылал крохотные вспышки в зрачок Лемехова. Тому казалось, что он получает от Верхоустина зашифрованные световые сигналы, но не ведая шифра, не в силах прочитать послание.

— Все партии конструируются по схожему принципу и отличаются друг от друга глубинным наполнением. Сокровенной эзотерикой, — говорил Черкизов воодушевлённо, словно читал лирическое стихотворение. — Ядро и периферия. Сатурн с его планетарным центром и кольца на разном от него удалении.

Кристаллик в пальцах Верхоустина завораживающе вспыхивал, словно тот пользовался таинственной азбукой света. Слова Черкизова, простые, как учебник политологии, превращались в музыку света, в игру кристаллических граней, в кристаллографию, согласно которой вращивался кристалл политической партии.

— Ядро — это политсовет, куда мы приглашаем виднейших директоров и конструкторов, представителей спецслужб, крупных предпринимателей и деятелей культуры. Там вырабатываются политические решения и транслируются в партийную среду, подхватываются «кольцами Сатурна». Внедряются в общественное сознание, в прессу, в институты государственной власти.

Кристаллик в руках Верхоустина увеличивался, усложнялся. Появлялись новые грани, пересечения плоскостей. Луч света, попадая в кристалл, дробился, преломлялся, превращался в разноцветный пучок, переливался множеством драгоценных радуг. Так строилась партия, захватывала в себя людские страсти, ненависть, обожание. Принимала в свои ряды корыстолюбцев и героев, восторженных безумцев и холодных аналитиков. Соединяла в стройный кристалл, подобный лазеру, в котором разрозненные случайные вспышки превращались в разящий луч, сверхточный удар. Эти вспышки пронзали тупую толщу. Уничтожали врага. Чертили на облаках манифест новой жизни. Зажигали в холодном небе бриллиантовую Звезду Победы.

— Но в недрах ядра содержится скрытая от глаз сердцевина. Посвящённые, носители высших смыслов. Обладающие тайными знаниями, которые позволяют управлять историей. Партия управляет политическим процессом, воздействует на поверхностный общественный слой, где бушуют социальные энергии. Посвящённые управляют историей, прибегая для этого к магическим технологиям, о которых не ведают политологи и социальные лидеры. О них ведают глубинные жрецы и маги, и Вождь, олицетворяющий историческую волю народа. Такими вождями были Отцы-основатели Америки. Таким вождём был Ганди. Таким вождём был Гитлер. И таким непревзойдённым вождём был Сталин.

Кристалл увеличивался, дышал. Наливался энергиями. Становился рубиново-красным. Изумрудно-зелёным. Полыхал дивным аметистовым светом. В нём колыхались волны, пробегала дрожь, сжимались сгустки. В ещё не созданной партии уже таились расколы, чистки, «съезды победителей», изгнание предателей. Интриговали лидеры, возникали фракции, и вновь чья-то жёсткая воля возвращала кристаллу отточенную совершенную форму.

— Вождь находится в самом сокровенном центре, где установлен алтарь, мистический треножник, вокруг которого совершается таинственная литургия. Вождь — одновременно Верховный жрец, и Отец, и Пастырь. Он — идеолог и создатель вероучения, и писатель священного текста, в котором записана формула мироздания. Эта формула ложится в основание государства, тайно присутствует в партийном уставе, закодирована в партийном гимне, гербе и флаге. Вождь — мессианский лидер,

помазанник, сливающий свою судьбу с судьбой государства, жертвующий собой ради великой Победы. Такова иерархия партии, её тайная и явная суть. Она напоминает церковь с алтарной священной частью, куда допускается только Верховный Жрец. С амвоном, вокруг которого собираются воцерковленные прихожане. И с папертью, где толчётся народ, и продаётся церковная утварь.

Кристалл увеличился, вокруг него задышали спектры, расцвели волшебные нимбы. И вдруг полыхнула вспышка, подобная той, что однажды ослепила его в зимнем парке. Бесшумный взрыв света. Кто-то огромный, чудесный вознёс его до небес, показал всю его жизнь от рожденья до смерти и вновь вернул на землю. Округлый, из дорогого дерева стол. Черкизов смотрит яркими фиолетовыми глазами. Верхоустин держит в пальцах кристаллик горного хрусталя.

— Евгений Константинович, мы утверждаем название партии: «Партия Победы»? — спросил Черкизов.

— Да, — слабо ответил Лемехов.

— Я поработаю с дизайнерами и представлю вам логотип с партийной символикой.

— Хорошо, — отозвался Лемехов, всё ещё ослеплённый недавним видением.

— Мы поможем вам написать вступительное слово.

— Спасибо.

— Когда, вы полагаете, мы проведём учредительный съезд?

— Не знаю, — ответил Лемехов.

— В начале марта, — произнёс Верхоустин. — Тогда, по определению Пришвина, начинается «весна света». Пусть съезд пройдёт среди сверкающих русских снегов.

— Я согласен, — кивнул Лемехов.

— Тогда я начинаю работать с пиар-агентствами. Буду встречаться с ведущими журналистами и руководителями телеканалов. Источники финансирования обсудим отдельно.

— Но вам, Евгений Константинович, следует встретиться с Патриархом и пригласить его на съезд, — сказал Верхоустин. — Президентскую партию должен освятить Патриарх. Это будет своеобразным помазанием.

— Я приглашу, — послушно ответил Лемехов и спросил, — Что за стёклышко у вас в руках?

— Ах, это? — Верхоустин поднёс к глазам кристаллик и посмотрел сквозь него на Лемехова. — Этот горный хрусталь родом из Аркаима. В могилах, где погребены древние арии, находят скелеты в позе эмбриона. Перед пустыми глазницами черепа лежат такие кристаллы горного хрусталя. По-видимому, это оптические приборы, соединяющие загробный мир с миром внешним. Луч света, проходя сквозь кристалл, преломляется и соединяет два царства.

Лемехов видел, как прозрачный кристалл, заслоняя глаз Верхоустина, окрасился в васильковый цвет.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Лемехов нанёс визит Патриарху в его загородной резиденции. Канцелярия Святейшего не сразу назначила день визита, выбирая его среди многочисленных богослужений, миссионерских поездок и встреч. Наконец, Лемехов был приглашён в резиденцию, в подмосковное Переделкино. Великолепно и празднично выглядели купола и золотые кресты храма среди солнечных свежих снегов. Казалось, на белой бумаге детской счастливой рукой были нарисованы голубые, красные и зелёные главы, усыпанные звёздами, словно садовые цветы сверкающей росой. Восхитившись этой наивной сказочной красотой, Лемехов вышел из машины на широком дворе, перед великолепными палатами, напоминавшими терем. Два дюжих бородатых монаха в подрясниках и телогрейках чистили лопатами снег, окутываясь розовым паром. В стороне, чёрный, с отливом, стоял «Лендровер», и в его зеркальной поверхности, как в тёмном озере, отражались разноцветные главы.

На теремном крыльце Лемехова встретил высокий, могучего сложения монах. Узкий в талии, широкоплечий и жилистый, со смоляной бородой и чёрными сдвинутыми бровями, из-под которых огненно и страстно светились глаза.

— Я келейник Святейшего, отец Серафим, — представился монах, строго и нелюбезно оглядывая Лемехова. — Святейший ждёт вас.

Он пошёл вперёд, бурно развевая подрясник. Оставил Лемехова в приёмной и скрылся за резными дверями, над которыми сиял золочёный крест.

Лемехов сидел на кожаном диване, разглядывая убранство приёмной. Она напоминала церковную паперть сводчатым потолком, иконами на стенах и сладким ароматом. Словно только что пронесли кадило с голубым благоухающим дымом. Лемехов испытывал волнение и робость, чувствуя, что здесь, среди куполов, молчаливых ликов и горящих лампад, веют таинственные силы, омывающие мирозданье и нашедшие своё воплощение в Патриархе. Человеке, чья власть и величие питаются бестелесными источниками, коренятся в непостижимых законах.

Дверь в кабинет отворилась, и суровый, с огненными глазами монах пригласил Лемехова войти.

Патриарх сидел в высоком кресте, напоминавшем резной деревянный трон. Он был в чёрном простом подряснике. На груди сияла эмалевая панагия с Богородицей, усыпанная бриллиантами. На голове темнела скуфья, из-под которой выступали седые волосы, собранные на затылке в косичку. Жёсткая борода была пробита стальной сединой. Из-под густых металлических бровей смотрели зоркие, с острым блеском глаза. Лемехов испытал их властную влекущую силу. Послушно, с замирающим сердцем, шагнул навстречу поднимавшемуся Патриарху. Слабо произнёс:

— Благословите, Ваше Святейшество, — сложив ладони пригоршней.

Патриарх заметил робость и волнение гостя, отметив её моментальной искрой в глазах. Положил на ладони Лемехова свою большую, тёплую руку с крупными желтоватыми ногтями, позволяя поцеловать. А потом троекратно расцеловался с Лемеховым. Тот почувствовал на щеках прикосновение жёсткой бороды и слабый, исходящий от неё запах духов.

— Рад вас видеть, Евгений Константинович, — произнёс Патриарх, усаживая Лемехова в мягкое креслице напротив трона, так что это седалище оказалось ниже патриаршего. — Слежу за вашей рачительной деятельностью, направленной на благо нашего Отечества.

Голос Патриарха был с металлическими, властными интонациями, хорошо знакомыми Лемехову, который не раз слышал яркие политизированные проповеди Святейшего. Но теперь среди этих рочующих звучаний слышалось сердечное расположение. Лемехов избавился от робости, почувствовал к Патриарху благоговейную благодарность.

— Я знаю, что оборонные заводы часто помогают близлежащим монастырям и приходам. Это похвально. Созидание материальных ценностей будет только тогда удачным, если души созидателей будут чисты. Созидать без Бога, значит созидать на песке.

— Ваше Святейшество, — Лемехов увидел в глазах Патриарха симпатию. — Недавно я провёл совещание с директорами крупнейших оборонных заводов. Мы приняли решение на каждом предприятии построить храм или часовню. Такие храмы и часовни на многих предприятиях возводятся или уже возведены.

— Похвально, Евгений Константинович. Мне известно об этом. Мы хотим представить вас к нашей церковной награде, ордену Андрея Первозванного. Мне говорили, что на северном заводе подводных лодок восстановлена часть монастыря, который был разрушен при строительстве верфей. Там служат монахи, которые приписаны к заводу. А можно считать, что завод приписан к монастырю, и все, на нём работающие, это послушники. И корабли, и подводные лодки — это ковчеги, преисполненные божественной благодати.

Было видно, что Патриарху понравился сочинённый им образ. Опытный оратор, овладевавший во время проповедей сердцами тысяч прихожан, он блистал своими примерами и притчами, похожими на притчи священных текстов.

— Вы правы, Ваше Святейшество. Православный дух иногда присутствует там, где, казалось, о нём забыли. Недавно я был в Сарове, в ядерном центре. И учёные, академики, считают преподобного Серафима своим покровителем. Советская атомная бомба, удержавшая мир от катастрофы, была создана в том месте, где подвизался святой старец. Так и говорят: «православная бомба».

— Наши святые отцы сберегают Россию даже тогда, когда власть отрывается от Бога. Россия хранится молитвами праведников и святомучеников.

Было видно, что Патриарху интересен Лемехов. Он изучает его, судит о нём по высказываниям, которыми тот откликается на его замечания.

— Я считаю, Ваше Святейшество, что, создавая новое оружие и возводя алтари, мы делаем одно и то же дело. Оружие отражает врага видимого, а храмы и монастыри заслоняют от врага невидимого.

Наши зенитные ракеты и антиракеты прикрывают от ударов наши города, а монастыри и храмы развешивают над Россией незримый покров Пресвятой Богородицы, непроницаемый для злых атак.

Патриарх зорко, остро взглянул на Лемехова, словно желал убедиться, что сказанное было не случайно, а вырвалось из глубины сердца.

— Воистину так, Евгений Константинович. Сейчас не слышно артиллерийских орудий и бомбовых взрывов. Но Россия ведёт войну — духовную, страшную, непомерную. На Россию направлены все силы ада, всё чёрное воинство. Русского человека растлевают, искушают, ввергают в уныние. Ему вместо хлеба духовного предлагают позолоченный камень. Вместо живой воды духовного очищения вливают разноцветные отравы и яды. Запад подтачивает Россию духовно. Ждёт, когда она упадёт. И тогда он возьмёт её без боя. Каждый алтарь сегодня — это рубеж обороны. Православное духовенство в каждой своей молитве даёт отпор врагу. Мы, православное духовенство — действующая армия, день и ночь сражаемся за Россию.

Патриарх произнёс это взволнованным голосом. Лемехов был благодарен ему за это волнение. Их встреча была не формальной аудиенцией, а разговором единомышленников.

— Недавно мы спустили на воду мощную подводную лодку. Её освящал владыка. Это сообщило крейсеру дополнительную мощь.

— В этом обряде есть особое таинство. Освящая лодку, её наделяют священной силой. Всё русское оружие священо. Потому что в этой лодке тайно присутствует сталь доспехов, в которых выходил на битву святой князь Александр Невский, его меч и кольчуга. А в современном танке или ракете присутствует металл, из которого были сделаны щит и шлем святого князя Дмитрия Донского. Русское оружие священо, потому что защищает Святую Русь. Святая Русь — это не только времена преподобного Сергия. Святая Русь живёт в нашем времени, как жила она все эти столетия русского стояния и русских побед.

Лемехов внимал Патриарху, испытывая к нему благоговение. Этот властный человек с металлической бородой и железными рокотами в голосе знал такое, что было неведомо Лемехову. Патриарх пребывал в таинственной вышине, где реяли чудесные силы, царили непостижимые тайны, существовали восхитительные и пугающие миры, доносившие в земную жизнь свои неясные отсветы. Они вызывали у Лемехова слёзную сладость, когда тот молился перед иконой «Державной Богоматери». Вызывали умиленную нежность, когда думал о покойной матери. Горькую любовь, когда читал стихи отца, словно тот прислал сыну своё отцовское благословение. И та ослепительная вспышка в ветвях заиндевелой сосны, когда на секунду растворилось окно в пылающую бесконечность, и кто-то безымянный прокричал ему из огня громогласное слово.

— Как высшую драгоценность, Россия должна хранить православную веру. Пока мы — верующая страна, враг не одолеет нас. Рад, что государственные мужи, подобные вам, Евгений Константинович, стоят на страже наших державных твердынь, духовных и материальных.

Лемехов испытал к Патриарху благодарность за эти ободряющие слова. Признавал его превосходство, его духовное водительство, его прозорливое ведение, в котором открывалась жизнь отдельной души и судьба государства. Хотел быть его чадом духовным, желал его видеть своим строгим и любящим пастырем.

Лемехов вдруг остро почувствовал лукавство своего тайного замысла, который привёл его к этому величавому монаху. Корыстное ухищрение, которым хотел выманить Патриарха на съезд придуманной партии. Чтобы тот своей духовной красотой и величием освятит его честолюбивый план. Его безумную гордыню. Его вероломство по отношению к Президенту, которому присягнул на верность. Обещал быть преданным и верным помощником, а теперь замышлял заговор.

Стыд, вина, страх обнаружить свою низменную корысть овладели Лемеховым, и он в порыве искреннего раскаяния и сыновнего обожания произнёс:

— Ваше Святейшество, исповедуйте меня!

Патриарх мгновенно смотрел на него зорко и твёрдо, не удивляясь этому порыву. Мановением руки приказал встать и приблизиться.

— Ближе, — Патриарх оставался сидеть, а Лемехов встал перед ним на колени, склонив голову к драгоценной панагии, где сияли бриллианты, и светилось лицо Богородицы.

— Грешен? — спросил Патриарх, накладывая ему на темя тёплую руку.

Лемехов чувствовал теплоту большой тяжёлой руки. Ему хотелось жарко и страстно признаться

в своем корыстном умысле, повиниться, освободиться от искушений. Открыться в других тяготивших его грехах. В той безрассудной и жестокой настойчивости, с какой побуждал жену освободиться от нерождённого сына. В том мнимом сострадании, с которым посещал жену в элитной психиатрической клинике всё реже и реже, ссылаясь на занятость, а на деле тяготясь видом её измождённого постаревшего лица, седых волос. Вспоминал о ней с горьким раздражением, когда обнимал душистое тело возлюбленной. Лемехов хотел исповедоваться, облегчить душу, передать тяжесть греха могучему и всесильному монаху, черпающему силы в чудесных животворных стихиях. Он уже начал что-то бурно шептать. Но почувствовал, как четыре раза, совершая крестное знамение, стукнули его по темени твёрдые пальцы, и голос Патриарха произнёс:

— Не грехи больше.

У губ Лемехова появилась панагия с бриллиантами, и он растерянно целовал их драгоценные искры.

Он занял место в креслице, всё ещё чувствуя теменем твёрдые удары пальцев, испытывая разочарование от несостоявшейся исповеди.

В кабинет вошёл келейник отец Серафим, чернея сросшимися бровями, из-под которых пламенно и жарко смотрели фиолетовые глаза. В руках келейника был маленький золотой телефон, который тот держал на вытянутой руке, словно боялся обжечься.

— Святейший, вас просит Президент, — передал Патриарху телефон и отступил к дверям.

Патриарх принял маленький золотой слиток. Отвёл от уха седую прядь волос и приложил телефон:

— Спаси Господи, Юрий Ильич. Слушаю вас.

Лемехов улавливал едва различимый шелест трубки. Так шелестел голос Президента Лабазова, который находился сейчас в своём малахитовом кремлёвском кабинете или в загородной резиденции Ново-Огарёво. Патриарх слушал, и на его лице было выражение терпеливого смирения и сердечной печали.

— Слава Богу, Юрий Ильич, по годам моим и здоровью, — Патриарх благодарно кивнул, словно Президент мог видеть его поклон.

Лемехов смотрел, как горит в белой руке Патриарха золотой телефон, как дышит его грудь, и переливаются бриллианты панагии. За окном в зимнем небе сказочно сияли главы храма, похожие на расписные пасхальные яйца. И его недавнее благоговение сменилось зорким любопытством, желанием запомнить этот патриарший чертог, откуда тянулись тончайшие золотые нити в Кремль, в отдалённые монастыри и приходы, к каждому верующему и молящемуся. А также на небо, где Вседержитель приложил своё ухо к золотому телефону, и за окном божественного чертога цветут деревья райского сада.

Лемехов устыдился своей фантазии, постарался вернуть себе благочестивое настроение. Отец Серафим, словно угадав его неосторожные мысли, смотрел от дверей огненным взором.

— Благодарю, Юрий Ильич, за доверие. Во время моих выступлений в Киеве я выполнял ваши наставления. Меня хорошо встречали в храмах. Православные люди тяготеют к России, и мы не должны оставлять их наедине с раскольниками и еретиками.

Лемехов догадался, что речь шла о недавнем визите Святейшего на Украину, где он выступал с жаркими проповедями, собирая многотысячные толпы. Проповедовал единство Русского мира, неразрывность духовных уз России и Украины.

— Я слышал, Юрий Ильич, о вашем нездоровье. Молюсь, чтобы хворь вас побыстрее оставила, и вы смогли бы с полными силами вернуться к государственным делам. Россия в вас очень нуждается. Вы — оплот Государства Российского.

Патриарх говорил как власть имущий, наставлял, вразумлял. И одновременно утешал, успокаивал. Было в его лице тихое сострадание и нежность, словно он разговаривал с больным ребенком.

— Я уже разослал по всем монастырям и приходам указание, чтобы молились о вашем здравии. Все русские монастыри трижды в день молятся о здравии раба Божьего Юрия. Вы под покровом благодати, и ваши недруги, насылающие на вас телесную и духовную хворь, не одолеют этой благодатной защиты.

Лемехов жадно слушал. Он получал подтверждение тому, что Президент Лабазов серьёзно болен. Ибо только серьёзное недомогание могло побудить Президента искать помощи у Святейшего.

И в этом тоже чудилось что-то древнее, старомосковское, оперное, что недавно пережил он в золочёной ложе театра. Там царь, Патриарх, вероломные бояре, самозванные временщики подтверждали своими судьбами всю ту же извечную притчу. О государстве, о тайне власти, о сладкой и ужасной бездне, куда увлекала власть.

— Я советую вам, Юрий Ильич, провести неделю вне Москвы, в каком-нибудь тихом монастыре, где вам не будут докучать. Поезжайте в Нилову Пустынь. Там сейчас прекрасно. Белый снег, янтарного цвета храмы и палаты, построенные в столь милом вашему сердцу петербургском стиле. Подышите воздухом, помолитесь, отдохнёте среди нашей дивной природы. А я стану молить Господа о вашем здравии.

Лемехову показалось, что Патриарх, утешая Президента, знает о нём печальную тайну, быть может, тайну его неизлечимой болезни. И напутствия Патриарха — это утешение глубоко несчастному человеку, который ещё не ведает о своей неизлечимой болезни, и которому предстоит ещё много страдать.

— До свиданья, Юрий Ильич, Христос с вами, — Патриарх отвёл руку с телефоном. Некоторое время держал телефон на весу, пока его не принял молчаливый келейник. Унёс из кабинета обжигающий слиток.

— Да хранит Господь нашего Президента. Он в своём стоическом борении выдерживает непомерные нагрузки. Он, как столп, на котором зиждется купол нашего государства. Не дай Бог, этот столб качнётся, и всё сооружение станет осыпаться. Камни, столь искусно собранные Президентом, станут распадаться. И мы в который раз окажемся среди безвластия, среди хищных волков, которые начнут терзать беззащитных овец, наш многострадальный народ.

Патриарх вздохнул, но этот печальный вздох сопровождался острым, пытливым взглядом, который устремил на Лемехова. Будто Патриарх хотел убедиться в том, что печаль его выглядит достоверно, и сокрушения по поводу здоровья Президента искренни.

— У Президента очень мало друзей, и очень много врагов. Враги Президента — это враги нашего Отечества. Как бы они хотели вновь замутить русскую жизнь, вновь разжечь гражданскую рознь, вновь увидеть, как одни русские убивают других. Есть, я знаю, в ближайшем кругу Президента такие, что мешают ему, губят его начинания, ожесточают против него народ. Есть такие, кто подтачивает его власть и метит на его место. Есть такие злодеи, которые умышляют на него покушение, желают его смерти. Но есть такие, кто прибегает к оккультным силам, к услугам магов и чародеев, и те охотятся за его душой.

Патриарх перекрестился, сложив щепотью крепкие пальцы, и снова быстро, из-под густых бровей бросил на Лемехова острый, с металлической искрой взгляд.

— В один из дней его рождения, когда душа человека особенно открыта и беззащитна, и у него оживает пуповина, через которую он связан с матерью, — в этот день чёрные маги осуществили убийство известной журналистки. Она всегда критиковала Президента, необоснованно и в очень резкой форме. Пустили слух, что убийство организовал Президент, что это его месть, устранение опасного врага. Лютые потоки ненависти ударили в Президента, почти сокрушили его. Но мы в монастырях стали денно и ночью молиться, окружили его коконом непроницаемой защиты, отбили атаку колдунов. Отстояли Президента.

— Я считаю, Ваше Святейшество, что у Президента есть два союзника и защитника, — оборонная промышленность и православная церковь, — Лемехов чутко следил за интонациями Патриарха, в которых мерцало потаённое чувство, ещё не раскрытое и неявленное. — Вы, Ваше Святейшество, есть второй столп, на котором зиждется купол России. Если, не дай Бог, первый стол качнётся, то второй возьмёт на себя всё бремя государственного стояния. Опираясь на этот столп, Россия устоит.

Патриарх страстно и открыто взглянул на Лемехова. Его голос зазвучал зычно, грозно, как клёкот.

— Если, не приведи Господь, государство Российское станет качаться, если смута приблизится, и брат пойдёт на брата, и самозванцы всех мастей устремятся в Кремль, я встану на пути русской смуты. Я остановлю самозванцев у стен Кремля. Народ пойдёт ко мне. Объединится вокруг церкви для спасения Отечества. Так было во времена Гермогена. Так было во времена патриарха Никона, который правил Россией на равных с царём. Бывали времена, когда волею Господа патриарший посох превращался в державный скипетр.

Патриарх воздел руку, сложив щепотью персты, словно благословлял кипящую народом площадь. Вдохновлял на бой православный люд. Принимал под свою властную длань все русские сословия. Примирял их, собирал враждующие и одичалые толпы в единый народ.

И глядя на это воздетое троеперстие, на этот картинный, как у монумента, жест, Лемехов вдруг пережил озарение. Ему открылось, что сидящий перед ним величавый монах сам мечтает о верховной власти, ждёт момента, когда Президент упадёт, и он, Патриарх, поднимет упавшую власть, освятит её лучистым огнём Православия. Поведёт Россию к торжеству и величию.

Открывшаяся Лемехову истина мгновенно изменила его отношение к Патриарху. Перед ним сидел не многомудрый пастырь, к чьей молитвенной помощи он взывал. Перед ним сидел соперник, искущённый и могущественный, с которым ему предстоит состязаться в смертельно опасном соревновании. И это прозрение сладко ужалило. Здесь, в патриаршем кабинете с золотыми образами, с многоцветными куполами в морозном окне он начинает свою схватку за власть, за кремлёвские палаты, за громадную таинственную страну, где он родился и где ему суждено умереть, и где высшим промыслом ему надлежит принять на себя бремя власти.

— Ваше Святейшество, вы произнесли то, что я не решался сказать. Я очень встревожен нездоровьем Президента и тем клубком врагов, которые ждут его ослабления. Вы правы, нам грозит хаос и потеря государства. Я не вижу другой силы, которая могла бы спасти Россию, кроме церкви. Кроме вашего духовного авторитета. Я хочу быть рядом с вами в той борьбе, которая предстоит. Хочу создать партию военных технократов, которые встанут на защиту страны. Это партия государственников, для которых алтари и оборонные заводы священны. Русское оружие свято, и православная церковь сберегает святость русского оружия и святость самой России. Помогите создать эту партию. Это ваша партия. Светская по форме, она является партией

Патриарха.

Всё это Лемехов произнёс с пылкой искренностью, преданно глядя Патриарху в глаза. И тот, хмурые брови, молчал, словно хотел различить в этой искренности сокрытое лукавство.

— Чем могу вам помочь, Евгений Константинович?

— Предстоит учредительный съезд партии. Откройте его своим напутствием. Освятите его своим именем. Пусть люди поймут, что во главе партии негласно стоит Святейший Патриарх, и соизмеряют свои поступки и цели с патриаршей волей.

Они некоторое время молчали. Патриарх закрыл глаза, словно духовным оком всматривался в потаённые мысли Лемехова, желая обнаружить в них лукавство.

Поднял веки:

— Хорошо. Приду на съезд, — и стал тяжело подниматься.

Лемехов благодарно кланялся. Получал благословение, целуя тёплую большую руку, чувствуя касание металлической бороды, от которой чуть слышно веяло духами. Его лукавство не было угадано, и он сам по поводу своего лукавства не испытывал угрызений совести.

Его провожал похожий на гренадера келейник, отец Серафим, строгий и недоверчивый, который, казалось, был пронизательней своего пастыря.

На снежном дворе, садясь в машину, Лемехов увидел, как к крыльцу подкатили два чёрных «Мерседеса», и из них бодро, щурясь на солнце, вышли два служителя церкви. Розовощёкие, в шубах, округлые, одинаковые, они были чем-то похожи на снегуркой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Съезд партии «Победа» проходил в Подмосковье, в фешенебельном пансионате с конференц-залом, помещениями для банкетов, пресс-конференций, телевизионных трансляций. Снежное поле с солнечными позёмками начиналось у стен пансионата, и сквозь стеклянные окна была видна зимняя русская даль с перелесками, синими холмами, ледяными, в солнечном блеске дорогами.

Лемехов, взволнованный, чувствуя неповторимую торжественность момента, явился задолго до открытия съезда. Осматривал зал с малиновыми рядами кресел, просторную сцену, над которой красовалась эмблема партии: на алом фоне золотая колокольня «Ивана Великого», космическая ракета, и надпись «Победа».

Взволнованы и торжественны были соратники, готовившие съезд. «Канцлер» Черкизов, гибкий, пылкий, похожий на черноглазого джигита, докладывал:

— Будут все центральные телеканалы. Все популярные интернет-порталы. Будет самый известный колумнист Артур Лемнон, который вызвался написать положительный отзыв о съезде. Я всё проверил. Трансляция в порядке. Банкет готов. Сюрприз, о котором мы говорили, состоится.

— Спасибо, Кирилл Анатольевич, вы настоящий канцлер-хранитель печати, — Верхоустин был преисполнен вдохновения, глаза его сияли юношеской лазурью. — Я просил вас, Евгений Константинович, чтобы вы дома прочитали свой доклад перед зеркалом. Не раз и не два. Здесь всё важно — мысль, лексика, интонация, жест. Наш съезд исторический. О нём будут писать, как о начале новой эры Государства Российского. Ваш доклад — основы новой идеологии.

— Я читал доклад перед зеркалом. Учёл все ваши замечания, Игорь Петрович. Вы — главный идеолог «Победы»!

Заместитель Лемехова Двустиков, трепещущий от волнения, докладывал:

— Явка делегатов обеспечена, Евгений Константинович. Все директора, ведущие конструкторы, представители министерств здесь. Писатель Виолов тоже будет. Жаловался на здоровье, но я уговорил. Он очень вас почитает.

— Спасибо, Женя, ты настоящий друг. Виолов умеет описывать военную технику, как будто это не машины, а живые существа. Ты обязательно войдёшь в политсовет партии, в её сокровенное ядро.

В кулуарах Черкизов представил ему колумниста Лемнона. Это был маленький живой толстячок с короткой шеей, лысым теменем и вьющимися у висков волосами. Его глаза ласково улыбались, но в их коричневой глубине таилась чуткость лесного зверька. Его губы улыбались, и улыбка была похожа на маленькую змейку.

— Это верно, Евгений Константинович, что ваш съезд будет благословлять сам Патриарх? — Лемнон смотрел на высокого Лемехова снизу вверх, источая благодушие и симпатию. — Это не будет напоминать венчание на царство?

— Святейший в нашем лице освящает русское оружие. Так освящают корабль, который спускают на воду. Наша партия — ковчег российской государственности. — Лемехова не задевала добродушная ирония Лемнона, не пугала играющая на губах коварная змейка.

— Не является ли ваша «Партия Победы» партией войны? Ведь где война, там и победа?

— Нашему народу нужен успех, нужна победа. Мы не «красные» и не «белые». Не «богатые» и не «бедные». Мы просто русские люди, которые отстаивают своё место в истории.

— Значит ли это, что в вашу партию заказан путь евреям?

— Конечно, нет, особенно если это нобелевские лауреаты или прославленные колумнисты, такие, как вы.

— Говорят, что в основании вашей партии лежат тайные знания, вроде тех, что исповедовали в нацистской организации «Аненербе»...

— Духовным отцом нашей партией является Пушкин. Его стих: «Лоскутья сих знамён победных, сиянье шапок этих медных, насквозь простреленных в бою»...

— Это прекрасно. Я за Пушкина. Думаю, многие в России за Пушкина, а не за Лабазова. Кстати, Президент пришлёт приветствие съезду?

— Едва ли он захочет выделять нашу партию из множества других, которые сейчас создаются.

— У вас по-прежнему хорошие отношения с Президентом?

— Я делаю всё, чтобы он был доволен моей работой.

— Ну что ж, рассчитывайте на меня. Хочу вам быть полезным, — Лемнон, улыбаясь, покатился на коротких упругих ножках, ласково улыбаясь встречным знакомцам.

Зал наполнялся делегатами съезда. Лемехов встречал их у входа, обменивался рукопожатиями, поздравлениями. Здесь были директора оборонных заводов. И тот, что строил грозные самолёты в Иркутске. И тот, что в Северодвинске спускал на воду громадные подводные лодки. И тот, что в Туле создавал ракетно-пушечные комплексы «Панцирь», направляя их в Сирию. И тот, что шлифовал волшебные зеркала и линзы для дальнобойных лазеров. И тот, что начинал торпеды и ракеты ядерными боеприпасами. Конструкторы космических аппаратов. Творцы новых танков и боевых машин. Инженеры, управленцы, учёные, охваченные единым замыслом, единой стратегической целью — создать новое русское оружие.

Лемехов смотрел им в глаза, радуясь, когда угадывал в них преданность, твёрдую волю единомышленников, членов единого братства.

Зал был полон, сцена озарена. На красном поле золотилась колокольня Ивана Великого, космическая ракета, и сияла надпись «Победа». Все ждали приезда Патриарха.

Подкатил кортеж автомобилей. Из «Мерседеса» вышел высокий, весь в чёрном, келейник Серафим. Растворил дверцу. Из машины поднялся Патриарх, без шубы, в чёрной рясе, белом куколе, на котором серебрились шестикрылые серафимы, с драгоценной панагией на тучной груди. Отец Серафим подал ему посох, инкрустированный серебром. Патриарх несколько раз ударил посохом землю, словно пробовал её прочность. Торжественно двинулся к стеклянному входу, где его встречал Лемехов. Получая патриаршее благословение, снова ощутил жёсткое прикосновение бороды, и слабый запах духов.

Появление Патриарха на сцене вызвало волнение в зале, шелест голосов, множество вспышек. Патриарх стоял под алой эмблемой партии, торжественно опираясь на посох, панагия переливалась бриллиантами. Лемехов стоял рядом, склонив голову в знак смирения.

— Благодарю вас за то, что пригласили меня на своё высокое собрание, — голос Патриарха звучал резко, с металлическими, мегафонными звонами. — Вы — создатели русского святого оружия, которое в руках славных русских воинов защищало Государство Российское и православную веру...

Патриарх опирался на посох, воздел правую руку, и от его движений с панагии летели драгоценные искры.

— Россия, богоизбранная страна, обладает бесценным сокровищем — верой православной. И это сокровище хотят затоптать злые силы, для которых православная Россия — вечная укоризна, вечный укор. Этот укор им невыносим, и они насылают на наше Отечество свои полчища. Так было в годину нашествия Мамаия или ливонских рыцарей, или нашествия Стефана Батория, или Наполеона, или Гитлера. И всегда русский меч и русская пуля отгоняли врагов от наших священных рубежей. Вы объединились во имя правды и веры, и ваше собрание будет способствовать укреплению нашей Родины. Я рад, что во главе вашего объединения стоит достойный труженик, ревнитель православной веры Евгений Константинович Лемехов, — Патриарх, опираясь на посох, сделал шаг в сторону Лемехова. Воздел руки и медленно, трижды перекрестил его. — Благословляю на служение Государству Российскому во имя Отца и Сына, и Святаго Духа.

И весь зал, повинувшись властной металлической силе голоса, зачарованно встал. Лемехов почувствовал, как из твёрдых перстов Патриарха в его лоб полилась горячая сила, слабо колыхнула его, и он на секунду забылся в пугающем предчувствии. И весь зал ощутил бестелесные волны патриаршего благословения, которое сулило Лемехову великую судьбу и делало их молодую партию судьбоносной.

Патриарх покинул съезд. Кортеж машин унёсся в метельное поле.

Лемехов вышел на сцену, глядя в туманный зал, где множество людей, покинув цеха с самолётами, установками залпового огня, баллистическими ракетами и танками, ждали его слова. Это слово должно было взволновать души, пронзить сердца, превратить умудрённых хозяйственников и осторожных технократов в его президентскую гвардию. В новую элиту России. В «сынов Отечества», жертвенных, верящих, беспощадных к врагам.

В первом ряду сидел Верхоустин. Его глаза невыносимой синевы вдохновляли Лемехова, облучали волшебным светом. Он молил, чтобы эта синева не погасла, побуждала к возвышенным проникновенным словам.

Лемехов вздохнул глубоко, до мгновенного перебоя сердца, и направил в зал рокочущую волну:

— Соратники, братья, вы — лучшие люди России. Творцы, открыватели, великие труженики, безупречные патриоты. Вы знаете тайны материи, секреты техники, законы человеческих отношений, благодаря которым собираются вместе тысячи людей и создаются самые сложные, неповторимые изделия — современное оружие. Вы чувствуете опасности, которые надвинулись на государство, будь то американские антиракеты или боевые ледоколы НАТО, нацеленные в русскую Арктику, или вооружённые банды головорезов, сжигающих Сирию и метящих на русский Кавказ. Оружие, которое вы создаёте, — святое, потому что в нём звенят мечи и доспехи наших святых полководцев Дмитрия Донского и Александра Невского. И эта святость озаряет ваши деяния!

Лемехов не помнил последовательность фраз, из которых должно было состоять выступление.

Они рождались прямо на устах, словно прилетали к нему из лучистой синевы васильковых глаз. Верхоустин, синеокий суфлёр, управлял его речью, подсказывал очерёдность мыслей и слов:

— Наша партия — это партия «Большого проекта». Проекта, имя которому — «Россия» Имя которому — «Победа». Россия оторвётся от унылого пустыря, куда её сбросили недруги, и вновь взойдёт на своих ослепительных крыльях. Мы будем строить небывалые заводы, на которых станут рождаться машины для космических поселений и межпланетных полётов. Мы откроем университеты, где новые науки в сочетании с новой философией и новой эстетикой укажут путь к небывалым открытиям. Мы создадим школы инженеров, конструирующих не только технические сооружения, но и саму мегамашину государства, конструирующих новое общество и нового человека. Мы запустим долгожданное развитие, тот русский вихрь, который захватит в своё движение весь народ, каждую душу живую. Создавая марсианские города, мы не упустим из вида самую глухую погибающую деревню с последним десятком жителей и вернём в эту деревню энергии жизни и творчества. Мы создадим новую русскую цивилизацию, которая, помимо невиданных технологий и управленческих открытий, родит небывалое искусство, восхитительные симфонии, картины и книги, где художники расскажут о новых героях, новых открывателях и подвижниках. И это будет искусство Русского Вихря, философия Русской Победы.

Лемехов видел туманное пространство зала с неразличимыми лицами. Перед ним из первого ряда сияли глаза той волшебной лазури, которая сияет в вершинах мартовских берёз или в бирюзовом кольце, или в ангельском хитоне рублёвской «Троицы». Эта лазурь завораживала, восхищала, сулила блаженство. В ней рождались слова, которые подхватывал Лемехов, наполняя их дыханьем и жаром.

Он чувствовал, что душа его распахнулась, возвысилась. Напоминала пространство храма — гулкое, ждущее певучего звука, светоносного луча. Это чувство возникло, когда чела его коснулись твёрдые персты Патриарха. Словно благословение Святейшего распечатало тайные объёмы его души, и душа ждала откровения. Васильковые глаза направляли ему из зала послание, и он читал его, будто перед ним разворачивался свиток.

— Мы должны исцелить наш народ, который был ранен, пал, оказался в руках злых колдунов, и они дни и ночи вливают в него яды уныния, отраву отчаяния и неверия. Мы должны разбудить народ, который лежит в хрустальном гробу, как спящая царевна. Мы должны подойти к этой хрустальной гробнице и поцеловать царевну, чтобы она очнулась от сна. Так учит нас Пушкин, величайший русский волшебник, который не покидает нас в години несчастий и каждый раз спасает от гибели. Злые колдуны превратили нас в жалких карликов, но Пушкин снова сделает нас великанами. Мы — партия Пушкина, партия великанов, партия Русской Победы.

Лемехов чувствовал, что в душе его просторно, как в храме, и ждал, когда влетит в окно серебряный луч, ослепительный голубь, животворный дух. Искал слова, которыми встретит полёт ослепительной птицы. Искал в туманных рядах синие глаза Верхоустина.

Но глаза вдруг пропали. Синева погасла. Наступил мрак. Верхоустин опустил веки, и лучи померкли. Вместе с ними померкли слова. Больше не рождались они на устах, а вместо слов уста издавали стоны и глухое мычание. Будто его оставил дар речи. Лемехова охватил ужас. Всё рушилось. Падали стены храма, осыпался купол, подкашивались столпы. И он сам вместе с храмом проваливался в бездонную тьму. Он умирал, словно горло его сжали удавкой, и чей-то железный кулак смял его сердце. Он падал на сцене. Но вдруг зажглись голубые прожекторы. Лучи подхватили его, удержали, не дали упасть. Волшебная сила вернула ему дыханье и речь. На устах загудели, зазвенели слова:

— У России в самые страшные её времена появлялись лидеры, осенённые духом победы, этой ослепительной птицей русской истории. Такими лидерами были царь Иоанн Васильевич Грозный, император Пётр Первый, генералиссимус Сталин. Я сказал вам о проекте «Россия». Но Россия не проект, это — судьба. Моя судьба!

Он пошёл со сцены, слепо хватая руками воздух, слыша за спиной грохот и возгласы зала.

Следом выступал директор северной верфи, с которой недавно сошла стратегическая подводная лодка. Он говорил, что партия «Победа» станет защищать интересы оружейников от нападков либеральных экономистов, требующих сократить военные расходы.

Выступал академик, работающий над ядерными зарядами малой мощности. Он приветствовал

создание партии, которая внесёт в политическую жизнь страны стратегическое мышление. Среди несведущих политиков станет отстаивать национальные интересы государства.

Именитый писатель, воспевший в своё время атомную триаду СССР, призвал к союзу технократов и художников. Он заметил, что для заявленного прорыва, для создания Русского вихря нужен великий лидер, наподобие Иосифа Сталина. Лемехов, несомненно, является лидером подобного масштаба, и именно в нём нуждается сегодня Россия.

Писателю долго хлопали, а несколько юношей из молодёжного крыла партии стали скандировать: «Ле-ме-хов! Ле-ме-хов! Пре-зи-дент! Пре-зи-дент!» Но их быстро успокоили.

Когда отгремели речи и аплодисменты, была учреждена партия. Обнародован состав Политсовета. Единогласно Председателем партии был выбран Лемехов.

На сцену вышел второй человек в партии Черкизов и, сверкая глазами, объявил:

— Дорогие соратники, прежде, чем мы отправимся на банкет и поднимем бокалы в честь нашего председателя, приглашаю всех собраться у входа в наше замечательное здание, где вас ожидает сюрприз.

Все потянулись в вестибюль, выходя на морозный воздух, кто просто в костюме, кто, накинув пальто и шапку.

Уже стемнело. Перед стеклянным крыльцом, в лучах прожекторов стоял танк. Огромный, литой, с тяжёлой башней и громадной пушкой. На его броне алой краской было выведено слово «Победа». Тут же находились молодые активисты партии с ведёрками краски и кисточками. Предлагали делегатам съезда поставить на броне свои подписи. Первым подписался Лемехов, за ним Черкизов. Все макали в ведёрки кисти, карабкались на броню, тянулись к башне, покрывали её письменами. Скоро весь танк — башня, пушка, корма — был покрыт беглыми росписями, и казалось, тёмно-зелёный танк был оплетён алыми побегими.

Механик-водитель окунулся в люк. Мотор взревел. Танк дёрнулся и в лучах прожекторов метнулся в открытое поле. Удалялся окружённый сверкающими снежными бурунами. Нёс в ночные снега огненную весть о грядущей Русской Победе. И там, в глухой темноте, где он исчез, взметнулся разноцветный салют. В небе зажигались хрустальные люстры, распускались букеты цветов, полыхали светила и звёзды. Лемехов, без шапки, жадно смотрел, вдыхая морозный воздух, в котором ещё держался запах танкового топлива.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Персты Патриарха коснулись его чела, и казалось, растворили окно, в которое влетел сияющий дух. Тот, что однажды явился ему в ветвях заиндевевшей сосны. Ждал все эти годы, когда душа возрастёт, возмужает, обретёт подобие храма. Чтобы влететь лучистой вспышкой, сверкающим голубем, лазурным лучом. Он чувствовал себя избранником, которому история доверила своё любимое детище — русское государство. После великих потрясений оно поднималось из праха. Ему надлежало стать лидером и вождём, который поведёт измученный и сокрушённый народ к великой Победе.

Лемехов продолжал свои нескончаемые труды. Ездил по заводам и полигонам. Собирал совещания военных, промышленников и учёных. Спорил с финансистами. Выслушивал доклады разведчиков о новейших американских разработках. Читал закрытые сводки о ходе боёв под Дамаском. Но при этом ежесекундно чувствовал своё высокое предназначение, своё мессианство. Был преисполнен могущества и всеведения.

Он посетил испытательный полигон в подмосковных лесах. Окружённые соснами, среди тающих мартовских снегов стояли стенды, лаборатории, исследовательские установки, где подвергались наземным испытаниям космические аппараты лунного проекта. Здесь, на земле, создавались условия, в которых надлежало работать ракетносителям, лунным модулям, орбитальным станциям, солнечным батареям и дальнобойным лазерам.

В огромной стальной башне покоилась ракета. С одной стороны на её корпус дышал раскалённый солнечный жар, а с другой — воздействовал космический холод. Мощные насосы откачали из башни воздух, обеспечивая абсолютный вакуум. Сотни ламп накаливания, имитируя солнце, на-

правляли на ракету потоки жара. Криогенные установки создавали холод мёртвого космоса.

Академики, главные конструкторы, директора заводов сопровождали Лемехова. Давали пояснения. Докладывали о готовности своих подразделений обеспечить синхронность проекта. Множество лабораторий и институтов, заводов и технических служб, военных частей и гражданских коллективов сводили воедино свои многолетние усилия, чтобы гигантский бивень ракеты, разрывающая пространство, ушёл в небеса. Повиснут на орбитах спутники и телескопы. Опустятся на Луну мощные лазеры. Встанут среди кратеров и мёртвых долин жилые модули. Уйдут в лунные пустыни луноходы-разведчики.

— Восхищаюсь вашей работой, товарищи, — Лемехов обращался к учёным и инженерам, которые стояли на талых снегах перед стальной башней. — Мы понимаем, что «Лунный проект» не только переводит оборону России на новый качественный уровень. Не только совершает прорыв в космических и военных технологиях. Он переводит на новый уровень всю Россию. Возвращает ей космическое содержание. Очень важно, чтобы у нас получилось. Народ устал смотреть себе под ноги, боясь споткнуться. Пусть снова смотрит на звёзды.

Лемехов говорил не языком технократа и начальствующего управленца. Он говорил языком избранника, которого освятил Патриарх. Языком национального предводителя, который управляет русским развитием. Строит победное государство.

Ему внимали. Заместитель Двустиков торопливо писал в блокнот, словно ловил бесценные мысли.

Они вошли в корпус, где в герметических камерах, накалённые жаром светильников, охлаждённые жидким азотом, находились элементы боевых лазеров. Электроника, стёкла, кристаллы, миниатюрные атомные реакторы. Испытатели в белых халатах сидели у мониторов, перед пляшущими многоцветными импульсами.

— Хочу, чтобы мы отрешились от наших сиюминутных забот. «Лунный проект» возвращает государству способность стратегических действий. Этому проекту будут сопутствовать такие проекты, как «Арктика», «Дальний восток». Проекты «Земля» и «Вода». Проекты восстановления русского генофонда. Мы снова превращаем Россию в огромную стройплощадку, на которую призовём весь народ из русских городов и деревень, из кавказских аулов, из якутских стойбищ. Это не фантазии, так и будет. Люди, реализуя эти проекты, перестанут чувствовать своё одиночество. Обретут долгожданное «общее дело». Как обрели его мы с вами.

Лемехов говорил так, словно читал президентское послание в Георгиевском зале Кремля, и на белых мраморных досках золотились имена героических полков, батарей, экипажей. Двустиков бил авторучкой в блокнот, словно склёвывал драгоценные зёрна.

Под куполом в стальных боксах стояли луноходы, серебристые шестиосные колесницы с прозрачными кабинами и ажурными антеннами. Они станут карабкаться на лунные скалы, пробираться по дну безводных морей, оставляя на белой пыли клетчатые ленты следов.

— Не правда ли, эти экипажи так похожи на ту повозку, на которой Илья Пророк катался по небу? Мы с вами создаём космические машины и механизмы, осваиваем физический Космос. Но вместе с нами в космическую бесконечность стремятся поэты, философы и монахи. Каждая молитва, каждый стих — это выход в открытый Космос. В этом идеология партии «Победа», которую мы провозгласили на съезде. Два этих стремления, в физический и духовный Космос, сближаются и непременно сольются. Их единство наполнит нашу русскую жизнь космическим смыслом.

Лемехов говорил как идеолог, который предлагает стране «образ будущего». Видит в грядущем этот ослепительный образ. Дарит его народу. Возвращает народу мечту. Ту, за которой однажды двинулся русский народ, перенося её из огня в огонь, из беды в беду. Мечту о божественной справедливости, нетленной красоте, бессмертной любви.

Они приблизились к бетонному сооружению, похожему на бочку, опоясанную железными обручами.

— Здесь, кажется, должен находиться разгонный блок? — спросил Лемехов, — Как идут испытания?

— Разгонный блок ещё не доставлен на полигон, Евгений Константинович, — запинаясь, ответил Главный конструктор.

— Как не доставлен? По какой причине?

— Неполная готовность блока, Евгений Константинович. Завершается заводская сборка, — потупясь, ответил директор ракетного предприятия.

— Но вы же докладывали о завершении сборки, — глухо, раздражаясь, произнёс Лемехов.

— Сборка почти закончена, Евгений Константинович. Но в главке нам отказали в композитных материалах. Это и привело к задержке.

— Кто в главке отвечает за композиты? — Лемехов грозно обвёл глазами собравшихся. В меховых шапках и тёплых картузах, в шубах и долгополых пальто, чиновники, директора и конструкторы отводили глаза.

— Кто отвечает? — Лемехов сдерживал раздражение.

— Отвечает Саватеев, — откликнулся Двудлистиков, указывая на того, кто повинен в срыве работ.

Это был тощий, с морщинистым лицом чиновник оборонного ведомства, в поношенной куртке, с неряшливым шарфом. На голове сидел меховой картуз с опущенными ушами, хотя было тепло. Большой крючковатый нос был в мелких склеротических метинах, а глаза из-под редких бровей смотрели затравленно. Его вид вызвал у Лемехова едкую неприязнь, которая побуждала сделать больно немолодому испуганному человеку.

— Почему вы сорвали поставку композитов и, тем самым, задержали изготовление разгонного блока?

— Я, Евгений Константинович... На головном предприятии... Список зарубежных закупок... — лепетал Саватеев, ёжась под жестоким взглядом Лемехова. А у того лишь усиливалось ядовитое раздражение.

— На военно-промышленной комиссии вы гарантировали исполнение поставок. Значит, вы вводили в заблуждение руководство?

— Я не вводил, Евгений Константинович... Форс-мажор. ... Отсутствует строка финансирования...

Стариковская растерянность, дрожанье выцветших губ, растрепанный шарф, нелепые уши картуза доставляли Лемехову мучительное страдание, желание уязвить, сделать больно.

— Но вы понимаете, что своей бездарной позицией вы срываете грандиозный проект государства? Вы саботируете программу величайшей государственной важности. Вы кто? Саботажник? Враг? Или некомпетентный работник, что хуже любого врага?

Саватеев молчал, топтался. В его глазах была тоска и беспомощность. В них заблестели стариковские слёзы. И вид этих слёз вызвал у Лемехова мгновенное раскаяние, чувство вины, которое он заглушил вспышкой гнева:

— Дряблость, разболтанность! Непонимание момента! За такое раньше расстреливали! Избавлялись от предателей и разгильдяев! Поэтому побеждали! Если вы разучились работать, если состарились в своём безделье, уступите место другим! Есть молодые и сведущие!

Лемехов задыхался, чувствуя, как мутный гнев слепит глаза. Саватеев был ненавистен, мешал ему. Мешал своими плачущими глазами, дрожащими губами, вислобрытым, с фиолетовыми метинами, носом, нелепым картузом и неряшливым шарфом. Лемехов чувствовал свою власть над ним и хотел этой властью истребить Саватеева. Согнать с земли, устранить, как источник страдания, внушавший чувство вины. И чем сильнее было чувство вины, тем ненавистнее был Саватеев, тем жарче распалялся в Лемехове гнев.

— Вы бездельник и разгильдяй!

— Я не бездельник... У меня правительственные награды... — пробовал защититься Саватеев. Но этот слабый отпор лишь усилил гнев Лемехова. Слово прорвалось плотина в груди, и жаркая, слепая, обжигающая лава хлынула через горло, превращая речь в булькающий клёкот:

— Пишите заявление об уходе!.. Здесь, немедленно!

— Не имеете права... Я — Заслуженный пенсионер...

— Уходите с площадки!.. Немедленно!.. Вон!

Красная пелена затмила глаза. Лемехов ужасался своему слепому безумию и неумению справиться с ним. Слово в груди корчило и скакало уродливое существо, выдувая сквозь горло хрипящий крик.

— Вон!.. Немедленно!

Все, кто стоял, отводили глаза. А Лемехов, несчастный, не понимая, что с ним случилось, какое существо поселилось в нём, управляло его волей и разумом, повернулся и пошёл прочь. Его горло болело, словно было набито толчёным стеклом.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Канцлер Черкизов действовал блистательно, создавая из Лемехова образ национального лидера. Он учредил несколько сайтов, на которых размещал интервью Лемехова, его крылатые фразы, его шутки и глубокомысленные суждения. Постоянно вывешивал фотографии, на которых Лемехов выглядел доступным для общения, благодушным, сердечным. Вот на масленицу он играет в снежки на фоне снежной крепости, и снежок, пущенный меткой рукой, разбивается о его плечо. Вот молится в храме, окружённый набожными женщинами, и старушка возжигает свечку от свечи Лемехова. С мастерком в руке закладывает камень в основание кардиологического центра.

Особенным успехом пользовалась фотография, где Лемехов стоит под крылом стратегического бомбардировщика «Белый лебедь», и над его головой пламенеет красная звезда. И другая фотография, где он танцует вальс со своей возлюбленной Ольгой, восхитительной красавицей, и та смотрит на него с обожанием.

Черкизов, непревзойдённый мастер пиара, был неистощим на выдумки. Готовил поездку Лемехова в Волгоград, и там, среди тысячной толпы, Лемехов призвёт вернуть городу героическое имя Сталина. Предлагал поехать в воюющую Сирию, бесстрашно побывать под огнём и на фоне пылающих развалин заявить о национальных интересах России.

Лемехов охотно отдавал себя в руки этого искусного скульптора, который лепил из него новый образ. Чувствовал, как меняется выражение лица, жесты, взгляд. Казалось, он превращается в памятник саму себе. Носит на своём природном теле пласти сияющего металла.

— Вам не кажется, Кирилл Анатольевич, что вы создаёте «культ личности Лемехова»? — со смехом спросил он Черкизова.

— Партия, которую мы создаём, роль, которую вам предстоит играть в судьбах России, связаны с религиозным культом, с мессианством. А это влечёт за собой ритуалы, над которыми нам ещё предстоит поработать, — серьёзно ответил Черкизов. Его жгучие глаза отливали золотом, как ягоды чёрной смородины.

Теперь Лемехов отправился на встречу с интеллигенцией, которую организовал Верхоустин.

— Вы должны собрать вокруг себя художников, писателей и артистов, — наставлял Верхоустин Лемехова. — Они должны почувствовать ваш магнетизм, вашу волю, которая строит новую Россию. Вы приглашаете их к сотрудничеству. Они своими талантами создадут образ новой эпохи. «Эпохи Лемехова». Каждому из них вы пообещаете славу и процветание.

Встреча проходила на теплоходе «Марк Шагал», на Москве-реке. У пристани на Воробьёвых горах стоял нарядный корабль, а мимо, по туманной чёрной воде плыли ленивые льдины.

— Скажу по правде, Евгений Константинович, мне трудно было заманить эту капризную публику. Но я дал понять, что они встречаются с будущим Президентом России. Сделайте им предложения, от которых они не смогут отказаться. Обещайте каждому, что он станет придворным художником. Все они втайне хотели бы стать камер-юнкерами!

В ресторанном зале был накрыт стол, во главе которого восседал Лемехов. Подле него поместился Верхоустин, а далее, среди блеска стекла и фарфора расселись именитые гости, представители творческой элиты. Официанты в чёрных сюртуках разливали напитки, раскладывали по тарелкам закуски. У каждого официанта на сюртуке красовался партийный значок — колокольня Ивана Великого, космическая ракета и алое слово «Победа».

— Господа, — Лемехов поднял бокал золотистого шабли, — для меня большая честь, что вы подарили мне своё время и собрались на этом ковчеге. Корабль готов отчалить и бесстрашно плыть среди льдов русской истории. По роду моих занятий я редко встречаюсь с мастерами искусств и, признаться, немного робею. Мы, технократы, говорим, что в наших лабораториях и на наших заводах способны сделать то, что не противоречит законам физики. Но вы, художники, посвящены в законы духовного мира, нам недоступные. Способны творить реальность, в которой создаются не

самолёты и корабли, а человеческие души, верования, представления о добре и зле. Когда начинают остывать алтари и меркнут лампы, вы выполняете задачу монахов и духовидцев. Благодаря вашим стихам, картинам и музыке народ продолжает общаться с Богом. Сейчас Россия, как птица, готова вспорхнуть с ветки, на которой она засиделась. Готова метнуться ввысь. Предстоят великие перемены, великие свершения. И они невозможны без вас. Отчуждению власти и интеллигенции будет положен конец. Мы соединимся и в этом единении обретём огромные силы. Вы дадите новым свершениям имя. Создадите образ новой эпохи. Вас я приглашаю к сотрудничеству, чтобы ваши таланты и откровения служили новой России.

Лемехов приподнял бокал, и в синих глазах Верхоустина нашёл одобрение. Все сдержанно чокались, обменивались стеклянными перезвонами. За окнами ресторана туманилась чёрная река, плыли сумрачные льдины. «Лужники» казались летающей тарелкой, повисшей на аметистовых лучах.

— Хотел бы предоставить слово нашему выдающемуся стилисту Андрею Самцову, — Верхоустин взял на себя роль хозяина стола. Его взгляд был благосклонным и повелевающим. — Андрей умеет превращать свинообразных депутатов в изящных парижанок. Безвкусных телеведущих — в изысканных денди. Он слепил образы множества политиков, финансистов и шоуменов. И теперь готов предложить нам свои услуги.

Стилист Самцов отбросил с высокого лба склеенные лаком прядки. Рубашка апаш открывала смуглую грудь с тонкой татуировкой в виде трилистника. Хрупкие пальцы украшали два перстня, — с чёрным и голубым камнем.

— Ваш облик, Евгений Константинович, не нуждается в серьёзной реконструкции. Вы — несомненный лидер, и это видно по вашей походке, резким бровям, манере сжимать кулак во время публичных выступлений. Чего не скажешь о нынешнем Президенте, который производит блёклое впечатление. Как, впрочем, и все нынешние европейские политики, которых навсегда забываешь, стоит им покинуть свой пост, — Самцов улыбался пунцовыми губами, блестящими от прозрачной помады. — Лидер должен иметь в своём облике деталь, которая ассоциируется с его исторической ролью. У Черчилля такой деталью была сигара. У Сталина — трубка. Усики Гитлера были эмблемой Германии в течение пятнадцати лет. Инвалидная коляска Рузвельта была столь же выразительна, как авианосцы, бомбардировщики и проект «Манхэттен». Что если вам, Евгений Константинович, приобрести чётки и не расставаться с ними во время дипломатических встреч, кремлёвских приёмов и пресс-конференций? Ваш тезис об алтарях и оборонных заводах объясняет появление чёток в ваших руках. Пусть думают, что вы, Президент, ведёте счёт баллистическим ракетам или вновь открытым русским монастырям.

Лемехов чокнулся со стилистом, с лёгкой усмешкой представляя себя в обществе мировых лидеров, которые заворожённо смотрят на чётки в руках Президента России.

— Благодарю за экстравагантную идею, — произнёс Верхоустин. — Теперь же пусть выскажется наш именитый архитектор Илья Виноград, чьи гениальные идеи воплощены в олимпийских стадионах, в помпезных дворцах Газпрома, в хрустальных кристаллах банков.

Архитектор Виноград имел коричневое лицо и горбатый нос индейца, седые, падающие до плеч волосы, острый кадык, тонувший в шёлковом банте, жёлтые ястребиные глаза, которые, как у птицы, вдруг закрывались кожаной плёнкой.

— Я откликнулся на ваше приглашение, — обратился он к Лемехову, — потому что нынешний Президент ни разу не удостоил меня своим приглашением. Видимо, для него архитектура является чем-то второстепенным. Она позволит спроектировать ещё одну виллу в Альпах, ещё одну резиденцию в окрестностях Сочи. Он не понимает, что архитектура оформляет эпоху, создаёт внешнюю форму, в которой бьётся дух живой истории. Архитектура — раковина, в которой живёт моллюск общества. Все великие эпохи рождали свой стиль, будь то средневековая готика с Кёльнским собором. Или ренессанс с собором Святого Петра. Или петербургское барокко Екатерины с Зимним дворцом. Или русский ампи́р царя Александра с Адмиралтейством. Или конструктивизм Мельникова времён Октябрьской революции. Или «сталинский стиль» Жолтовского. Но что теперь? Мы живём в эпоху супермаркетов и развлекательных центров, этих стеклянных пузырей. В эпоху элитного жилья, состоящего из затейливых башенок, декоративных колонок, нарядных арок. Эта архитектура мелких удовольствий, тайных похотей и жалких тщеславий, — Виноград закрыл кожаной плёнкой рыжие глаза, нахохлился и стал ещё больше похож на хищную птицу. Поднял веки, и глаза полыхнули зо-

лотом. — Я готов создать новый стиль, воплощающий новую эпоху. Эпоху алтарей и заводов. Стиль «Лемехов», если угодно. Когда вы станете Президентом, сделайте мне заказ. Я построю завод, производящий космические роботы. Спроектирую университет, где станут преподавать космогонию и теологию. Консерваторию, где зазвучит космическая музыка. И церковь, где вспыхнет огненное православие. Эти четыре объекта положат начало новому стилю. «Стилю Лемехова», — он умолк, задвигал острым кадыком, словно птица, проглатывающая добычу.

— Обещаю, вы получите этот заказ, — произнёс Лемехов, — И ещё одно строение. Музей русской истории на Луне. — Он протянул бокал, чокаясь с архитектором. Тот пил вино, закрыв ястребиные глаза, двигая кадыком на жилистой шее.

— Творческий разговор, господа, — Верхоустин поощрял выступавших, и Лемехов удивлялся его странной власти над этими самолюбивыми гордецами, для которых творческая свобода дороже денег. — А теперь уместно предложить слово нашему непревзойдённому художнику Филиппу Распевцеву. Едва ли кто-нибудь из современной элиты прошёл мимо мастерской живописца. Его портреты министров, депутатов, миллиардеров являются драгоценным свидетельством человеческой алчности, суетности, безмерной гордыни. Я знаю, что Филипп истосковался по истинным героям, портреты которых украсили бы галерею, подобную той, что блистает в Эрмитаже. «У русского царя в чертогах есть палата. Она не золотом, не серебром богата». Так писал Пушкин о галерее восемьют двенадцатого года. Я прав, Филипп?

Филипп Распевцев был похож на старого камергера, утомлённого долгим служением, интригами двора, капризами венценосного повелителя. Ещё недавно Лемехов из тайного укрытия наблюдал встречу художника с Президентом. Распевцев дарил картину Лабазову, где тот величаво смотрелся на фоне Медного всадника.

— Вы правы, я мечтаю о настоящих русских героях. И был бы безмерно счастлив, если бы вы, Евгений Константинович, несмотря на вашу огромную занятость, пожаловали ко мне в мастерскую. У вас лицо истинного русского лидера. Я бы с удовольствием написал ваш портрет. У вас в руках находились бы чётки, на которых вы отсчитываете не только русские годы, но русские века. — Распевцев в знак почтения склонил породистую голову, и Лемехову была приятна лесть царедворца. Таинственное предназначение указало Лемехову путь, и он берёт с собой в этот победный путь всех талантливых, деятельных, знаменитых. Они слагаются в его гвардию. Слетаются, как птенцы, в его гнездо. Тянутся на его свет, как стебли, истосковавшиеся по солнцу. Покидают прежнего неудачника. Хотят разделить его победоносную судьбу.

— Григорий Кулябин — композитор, музыкой останавливающий светила. Его «Музыка звёздных дождей» — шедевр XXI века. Его «Рыдающие камни» — плач о павшей империи. Его «Космический клавесин» — теория происхождения жизни, изложенная средствами музыки. Вам слово, господин Кулябин.

Верхоустин и этого гостя преподносил так, словно тот был изготовлен в волшебной мастерской и передавался Лемехову в дар, как драгоценное изделие. И возникало странное подозрение, что и он, Лемехов, был плод волшебных технологий, алхимических опытов и астрологических исчислений этого синеглазого чародея, Бог весть зачем остановившего на Лемехове свой колдовской выбор.

Композитор был светловолос, с нервными губами, с внезапным подёргиванием плеч. Шрам рассекал его лицо на две половины, и казалось, что одна половина страдает, а другая блаженствует. Это вызывало у Лемехова беспокойство, и он не знал, какой половине верить.

— Только музыка может предсказать будущее, — произнёс композитор. — Но для этого нужно рассечь время и услышать звук распадающихся веков...

Кулябин умолк, и Лемехов подумал, что меч, рассекающий время, прошёлся по лицу композитора.

— Ну, а теперь я хотел бы предоставить слово нашему демиургу, кумиру художников, законодателю мод, литературному критику и выдающемуся культурологу Арсению Липкину. Его статей с трепетом ожидают литераторы. Его суждений страшатся самые модные художники. Ему надлежит создать теорию новой культуры, когда остановившаяся Россия, получив нового Президента, метнётся в будущее. Когда задышит новая, устрашающая и прекрасная реальность. Когда возникнут новые праведники и злодеи, новые драмы и трагедии, схватки света и тьмы. Битва Ясного Сокола русского неба и Чёрного Ворона русской бездны. Прошу вас, дорогой Арсений.

Липкин был тучный, с короткой шеей, оттопыренными губами, с колечками сальных волос, прилипших к бледному лбу. Когда он услышал своё имя, то громко задышал сквозь ноздри, зашлёпал губами, замахал у лица рукой, словно отгонял невидимую муху:

— Ложь! Никакого сокола! Никакого русского неба! Только чёрные воронки! Никакого будущего! ГУЛАГ, кирпичная стенка! Это новый диктатор, без трубки, с чётками из черепов! Будет греметь черепами, и подсчитывать, сколько миллионов расстреляно, сколько утоплено, сколько гниёт в тюрьмах! Всех вас, как Мандельштама! Как Мейерхольда! Самцов, будешь модельером ГУЛАГа! Виноград, будешь проектировать крематории! Распевцев, будешь писать портреты диктатора за пайку хлеба! Очнитесь! Этот человек несёт нам войну, фашизм! Пушки вместо масла! Нас посадили на «философский пароход», и везут в никуда!

Он задышался, брызгал слюной. В уголках губ появилась белая пенка. Верхоустин смотрел на него, вонзая свои синие лучи, которые потемнели, наполнились чёрным сверканием. Липкин стихал, сжимался, словно лучи проникали в него и сжигали сердце. Дрожал плечами, закрывал лицо пухлыми руками, и сквозь толстые пальцы текли слёзы.

— Ничего, ничего, Арсений, вы переутомились. Ваша статья о гастролях английского театра великолепна. Ваша книга «Фрески сталинизма» — образец новой культурологии. Мы уже решили с Евгением Константиновичем дать вам толстый журнал. Проблемы современной эстетики. Философия искусства. Не сомневаюсь, вы сделаете журнал европейского уровня.

Жестокие лучи в глазах Верхоустина гасли, словно он извлекал отточенные копья из рыхлого тела. Липкин стихал, достал несвежий носовой платок, отирал слёзы. Все подавленно молчали.

В ресторанный зал вбежал Черкизов, белозубый, радушный, громко воскликнул:

— Господа, наш теплоход отправляется в плавание! Мы проплывём по Москве-реке до Ново-Спасского монастыря и снова причалим. И там нам подадут самые изысканные кушанья! Прошу, господа, на палубу!

Все схватили шапки, надели пальто и шубы, выскочили на морозную палубу.

Корабль отчалил от туманных гор. Раздвигая звонкие льдины, плыл среди чёрных вод. Как зарево, отражались Лужники с блуждающими аметистовыми лучами. Казалось, из тёмных глубин, из мерцающих льдин всплывает перламутровая раковина. Сейчас на ней, как на картине Боттичелли, возникнет божественной красоты Афродита с золотыми власами, которая они прижимает к бело-снежной груди.

К Лемехову приблизилась актриса Терентьева, кинозвезда, прима театра. Держала в руках два бокала с шампанским:

— Хочу выпить за вас, мой Президент! Вы настоящий имперский вождь, русский царь!

Они чокнулись, выпили шампанское, и два стеклянных бокала полетели в темную реку.

Корабль проплывал под хрустальным мостом, напоминавшим оранжерею. Казалось, в этом висящем саду цветут волшебные цветы, летают райские птицы. Отражение моста, разрезанное кораблём, разлетелось по воде бесчисленными золотыми осколками.

К Лемехову подошла оперная певица Баскакова, молодая, прелестная, куталась в пышный мех. Её серьги с крохотными бриллиантами переливались у самых его губ. Хотелось наклониться и поцеловать эти пленительные бриллианты, вдохнуть запах её духов, услышать её взволнованный вздох.

— Я знаю, вы любитель музыки. Вас видят в опере. Я хочу пригласить вас на спектакль, где я пою Травиату.

— Вы обворожительны. Ваш голос — национальное достояние России.

— Благодарю. Я готова поделиться этим достоянием с вами, — и она загадочно улыбнулась, запахнулась в меха и пошла по палубе туда, где гигантским золотым слитком высилось здание штаба.

От реки поднимался прозрачный туман. Льдины плыли, ударялись о корабль с лёгким звоном. Крымский мост переливался, как огромный чешуйчатый хамелеон, то голубой, то зелёный, то алый.

Писатель Виолов, известный романист, лауреат литературных премий, указывая на мост, произнёс:

— Не устаю восхищаться Москвой. Она, как сказочная змея, постоянно меняет кожу. Если мне

суждено увидеть обещанные вами перемены, напишу «Москву космическую», куда из русского Космоса приземлились пришельцы с их отважным Предводителем.

— Я читал ваш роман о гибели советского подводного крейсера. Очень сильная и горькая книга. Я хочу пригласить вас на заводы, где строятся космические корабли, звездолёты, инопланетные города. Где создаётся ещё невидимая миру новая русская цивилизация. Вы напишете блестящий авангардный роман.

— Ловлю вас на обещании. Вы дали честное президентское слово!

Из черноты, из туманной мглы вставало золотое ночное солнце Храма Христа Спасителя. Золото плавилось, стекало в реку, золотая река несла корабль. Дом на набережной утратил свою угрюмую, мрачную тяжесть, парил в небесах, переливался, как прозрачный кристалл.

Поэт Благодоров заворожённо смотрел на золотой проплывавший шар.

— Не кажется ли вам, — обратился он к Лемехову, — что помимо канонических русских святых, которым посвящаются алтари, лики которых украшают росписи храмов, существуют неканонические? Это русские поэты, которые находятся в прямом общении с Богом, есть посланцы Бога, несут в народ благую весть, когда церковь дремлет, алтари остывают, лампы меркнут. Разве не святые Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Гумилёв, Есенин? Разве их стихи — не псалмы, обращённые к Богу? Многие из них умерли мученической смертью.

— Это глубокая мысль, — ответил Лемехов, глядя на золотое отражение. На отражении качалась тёмная льдина. — Может быть, попросим нашего художника Распевцева расписать храм «огненного православия» ликами русских поэтов?

— Великолепно! — поэт, блаженно улыбаясь, удалялся, пропадая в золотом тумане.

Из-за моста, как розовая заря, появлялся Кремль. Усыпанный рубинами, бриллиантами, золотыми украшениями, он казался короной на царственной главе. Лемехов тянулся к нему губами, хотел поцеловать золотой крест, рубиновую звезду, мерцающую загадочную надпись на колокольне Ивана Великого. Кремль звал его к себе, посылал таинственное благословение, венчал его голову драгоценной порфирой.

Храм Василия Блаженного, озарённый, стоцветный, как волшебный букет, принесённый с неба и поставленный в чёрную вазу.

— Этот храм послан русским людям, как образ рая, — рядом с Лемеховым стоял Верхоустин. На его лице было восхищение, обожание и необъяснимая мука, словно он чувствовал всю недоступность, непостижимость божественной тайны, о которой силился поведать людям дивный храм. Но тайна во все века оставалась неразгаданной, томила своей небесной природой. Обещала чудо, которое всё не наступало, заслоняемое горем и тьмой.

— Удивительный вы человек, Игорь Петрович. Мне кажется, вам однажды в детстве приснилась Жар-Птица. И вы всю жизнь ждёте повторение сна.

— Да ведь и вы такой же, Евгений Константинович.

— Значит, мы ищем одно и то же?

— А разве это не Жар-Птица? — Верхоустин провожал глазами фантастический храм, который теперь был похож на пернатое, слетевшее с неба Диво.

Река плавно изгибалась. Словно розовая гора, туманилось высотное здание. Стеклянные реторты у Павелецкого вокзала кипели разноцветным пламенем. Бледный как луна, возник вдалеке Ново-Спасский монастырь.

На палубе появился Черкизов:

— Господа, смотрите на небо! И вы узрите избранника небес!

Все подняли лица к небу, к облакам, по которым, словно северное сияние, блуждали отсветы города.

На корме корабля что-то замерцало. Ввысь понеслись лазерные лучи, зачертили на облаках розовые, голубые, зелёные узоры. Разноцветные нити ткали зыбкое полотно. И на этой небесной ткани появилось лицо Лемехова. Оно смотрело с небес, и казалось, что его губы шевелятся, брови двигаются. Он зорко и строго взирает на паству, возносившую к небу свои хвалы.

Все, кто собрался на палубе, рукоплескали, кричали «ура». Культуролог Арсений Липкин без шапки, с развеянными волосами, безумно рукоплескал, восхищённо смотрел на явленную ему с небес икону.

Корабль причаливал к пристани у стен монастыря. Все возвращались в ресторанный зал, усаживались за стол, на котором красовались царские блюда. Огромный остроносый осётр. Жареный поросёнок с ноздрями, в которых запеклась кровь. Глухарь с мускулистым общипанным телом и красной бровью над остекленевшим глазом. Официанты разделявали осетра, поросёнка и лесную птицу. И уже лилось вино, и звенели бокалы.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Самолёт, полный журналистов, телеоператоров, функционеров партии «Победа» летел в Волгоград, где Лемехову предстояло совершить мистерию. Сочетаться с энергиями мистической Победы. Воздать хвалу поколению святых героев. От подножий монументов и памятников заявить, что настало время вернуть победоносному городу огненное имя Сталина.

Эту поездку тщательно готовил «канцлер» Черкизов. Выбирал места, где Лемехов станет произносить свои речи. Созывал слушателей для этих вещей речей. Приглашал газеты, сайты, телеканалы, которые представят Лемехова, как твёрдого государственника, верного заветам непобедимого вождя.

Эта поездка служила негласным началом президентской компании, указывала на Лемехова, как на будущего Президента России.

Верхоустин не участвовал в подготовке визита. Лишь наставлял Лемехова, какими идеями и образами насыщать выступления.

Был конец апреля. Деревья парков стояли в зелёной дымке. Волга текла огромно и солнечно, переполненная вешними водами. Первая встреча с народом проходила на вокзальной площади, у фонтана, символа Сталинградского сражения. Снимок изуродованного фонтана с фигурами детей, у которых были оторваны руки и головы, стал образом войны и страдания. Когда восстанавливался город, и расчищались руины, остатки фонтана были снесены. Но теперь фонтан был восстановлен на средства оборонных предприятий, знаменуя торжество красоты и света.

На вокзальной площади собирались люди, оживлённые, в весенних одеждах, с цветами, радуясь солнцу и празднику. В толпе виднелись несколько свадебных пар, невесты в белом, женихи с гвоздиками в петлицах. Вокруг фонтана были расставлены стулья, и на них усадили ветеранов, глубоких стариков, чьи мятые пиджаки и старомодные кителя были увешаны орденами и медалями. Тут же сидели представители общественности, начальник гарнизона, знаменитый профессор истории. Юноши и девушки в куртках с надписью «Победа» построились, ожидая торжественного приёма в партию. Черкизов давал им последние наставления.

Множество телекамер снимало торжество. Мерцали вспышки. Юркие журналисты сновали в толпе, протягивая диктофоны.

Лемехов, которому надлежало включить фонтан, сидел рядом с губернатором, любясь возрождённым творением.

Фонтан был сделан из ослепительно белого алебастра, который казался прозрачным, был окружён сиянием. В центре фонтана находился аллигатор с раскрытой зубастой пастью, а вокруг бесстрашно и весело мчался хоровод пионеров. Дети взялись за руки, неслись, танцуя, замыкали зубастое чудовище в счастливый круг. Все они светились, вокруг каждой детской головы трепетал серебряный нимб. Лемехов испытывал умиление, нежность и одновременно благоговение. Сознавал, что в этом детском танце притаилась война. Чудовищной силы удар, который обрушился когда-то на город, был остановлен встречным могучим ударом. Оба этих удара погрузились в хрупкий фонтан, над которым самозабвенно и радостно кружит хоровод пионеров.

Над площадью зазвучала песня «Священная война». На большом экране возник разгромленный Сталинград, каким он выглядел после смертельного налёта немецкой авиации. Чёрные развалины, дымное зарево. Остатки фонтана с безголовыми и безрукими танцорами, чёрными от пепла и копоти. Атака советских солдат, перепрыгивающих через исковерканное железо. Пленные немцы, бредущие по зимним дорогам.

Экран погас, и запели трубы в руках у военных музыкантов. Певучая музыка была подстать золоту праздничных труб.

Выступал губернатор. Моложавый, с весенним загаром, он поблагодарил директоров оборонных заводов и лично Лемехова за чудесный подарок городу. Воздал хвалу ветеранам, пообещав увеличить льготы и пенсии. Призвал молодёжь быть достойной своих дедов и прадедов.

Слова были добрые, не отличались новизной. В них не слышались гулы ударов, которые жили в железном ядре планеты. Лемехов смотрел на фонтан, в котором присутствовала тайна волшебного танца, притча о зле и добре.

Выступал начальник гарнизона, молодой генерал с благородным лицом. Заверил народ, что вооружённые силы стоят на страже безопасности и готовы в час беды повторить подвиг предшественников. Пошутил, что отдал приказ десанникам в день их праздника ни под каким предлогом не прыгать в этот замечательный фонтан.

И эти слова генерала были слишком легковесными и обыденными. Не касались тайны фонтана. Не касались тайны оружия, которое одержало победу в священной войне, было священным оружием. И фонтан был священным, и в нём скрывалась священная тайна. Люди чувствовали её, но не могли высказать.

Лемехов, готовясь выступить, боялся не найти нужных слов.

Поднялся со стула ветеран, не сам, а с помощью двух молодых людей. Они держали его под руки, осторожно повели к микрофону. Он шёл, едва переставляя ноги, почти висел на руках помощников. Лицо его, всё в морщинах и складках, выражало страдание. Веки провалились, словно глазницы были пустыми. От плеч и до пояса его офицерский китель был покрыт многоцветной чешуёй орденов и медалей. Они чуть слышно звенели. Его подвели к микрофону, он слепо нащупал его стебелёк и стариковским голосом, похожим на плач, произнёс:

— Я у этого фонтана ходил в атаку 14 ноября 1942 года старшим сержантом, за командира взвода. До фонтана нас добралось четыре бойца, а остальные остались лежать по дороге. Меня у этого фонтана не убило, а ранило в голову. Я после этого дошёл до Кёнигсберга и воевал с японцем. Потом ослеп и уже ничего не вижу. Спасибо, что восстановили фонтан. Я его хоть руками пощупаю и помяну моих павших товарищей. А глазами уже не увижу.

Молодые люди подвели ветерана к фонтану, и тот осторожно ощупывал край алебастровой чаши. Белоснежные пионеры водили над его головой солнечный хоровод.

Лемехов чувствовал, что отгадка фонтана близка. Она у старика, который знает её, но не может высказать. Она в ослепительной белизне танцоров, которые похожи на ликующих ангелов.

К Лемехову подошёл Верхоустин и передал две алые розы:

— Не забудьте сказать, что из фонтана льётся «живая вода».

Выступала пожилая женщина в нелепой кофте и розовой шляпке, неуместной для её седин и морщин. На её груди одиноко светилась медаль:

— Я представляю «Союз детей Сталинграда». Мы, дети, пережившие в городе ужас войны. Мы горели в пожарах. Нас убивали бомбы. Нас брали фашисты в плен и кололи штыками. Мы подносили нашим солдатам патроны, а они нам давали хлеб. Я помню этот фонтан до войны, когда мы приходили сюда из детского сада. У мальчика, забыла, как звали, в фонтан упала игрушечная машинка, и он плакал, а один прохожий разулся, залез в фонтан и достал машинку. Мне этот фонтан снился, потому что всё, что было до войны, это был сон. Я счастлива, что теперь это явь. Спасибо тем, кто восстановил фонтан. А мальчика, у которого упала машинка, я вспомнила, его звали Федя Кочетов.

И она пошла на своё место, тяжело переваливаясь на распухших ногах, поправляя розовую шляпку.

Лемехов чувствовал приближение разгадки. Ещё несколько подлинных слов, ещё несколько искренних, из сердца рвущихся чувств, и тайна фонтана будет раскрыта. Он сжимал пальцами колкие стебли роз, не зная, с какими словами обратится к людям.

У микрофона появился профессор-историк, знаток Сталинградской битвы, по дням и часам изучивший грандиозное сражение. Движение полков и армий, имена полководцев и комбатов, хитросплетение советских и немецких планов, секреты боевых операций. Он был немолод, худ, с густой сединой и пепельным лицом, словно обрётённые им знания сожгли живую плоть, оставив то, что неподвластно огню. На его лице сияли глаза прозорливца.

— Архитектор сталинской школы, возводивший этот фонтан в предвоенные годы, изобразил детский хоровод в счастливом танце, — историк смотрел на танцующих детей с нежностью и пе-

чалью. — Вы видите, взявшись за руки, пионеры летят по кругу, охватили кольцом раскрывшего пасть крокодила. Хоровод — это символ солнца. Пионеры, ведущие хоровод, — это дети солнца. Дети, ликующие в солнце и радости. Это образ молодого народа, создающего на земле царство правды, красоты и любви. Крокодил — символ зла, чешуйчатый змей и дракон, взятый в кольцо танцующими детьми. Зло охвачено волшебным кругом. Через этот круг злу не перебраться. Оно было запечатано, окольцовано. Тьма, поднявшаяся из глухих пучин, остановлена солнечным кругом. Таков символ фонтана.

Лемехов жадно внимал. Не заметил, как роза уколола палец, и закапала кровь. Старый учёный, разбирая военные карты, читая приказы и похоронки, сверяя цифры потерь, прикоснулся к тайне фонтана. Ему открылся закон, по которому сотворено мирозданье. Здесь, у фонтана, Лемехову преподавался урок. Мечта, которая им овладела, стремление, которое его захватило, предполагали знание закона. Закона света. Закона солнечного круга. В своих будущих властных деяниях он должен руководствоваться этим законом.

Историк продолжал говорить:

— Именно сюда, в этот символ света, в образ солнечного ликующего народа был направлен бомбовый удар фашистов. Этот удар ломал хоровод, распечатывал зло, выпускал наружу огнедышащего аллигатора. Фонтан воплощал в себе древнерусский образ святого Георгия Победоносца, ведущего сражение со змием, вгоняющего копьё в злую пасть чудовища. Победоносец сберегал город и живущую в нём царевну. Фашисты, разорвав детский ангельский хоровод, открыли дракону путь в город, испепелили городские стены и башни. Отдали дракону на растерзание святую царевну — Россию.

Лемехов чувствовал святость этого места. Вода, которой он наполнит фонтан, — это святая вода. Грунтовая вода русской жизни, которая в час беды выходит на поверхность. Лидер своей волей и личной жертвой открывает путь воде. Россия — хранительница святой воды, которой она окропляет мир, когда тот умирает. Святая вода России не даёт миру погибнуть. Каждый раз его воскрешает. Так Лемехов, слушая краеведа-профессора, отгадывал тайну фонтана.

Историк делился открытием, которое стало итогом всей его жизни. Казалось, теперь, когда люди узнают истину, он может удалиться и утихнуть на смертном одре:

— Но дети растерзанного фонтана, безголовые, безрукие, безногие, продолжали танцевать. Их танец длился во время всей Сталинградской битвы. Солнечный хоровод под бомбами и пулями продолжал исполнять свой волшебный танец. Удерживал зло. Тысячи советских солдат, ходивших в смертельные атаки, погибая под пулемётами и снарядами, танцевали этот солнечный танец. Советские танкисты, совершая лобовые тараны немецких танков, танцевали этот солнечный танец. Лётчики в своих краснозвёздных истребителях, тараня фашистские бомбардировщики, танцевали этот танец. Штрафные батальоны, погибая в контратаках, танцевали этот солнечный танец.

Лемехову казалось, над фонтаном поднимается столб прозрачного света. Так светилась святая вода, готовая хлынуть в фонтан. Так светились души погибших солдат. Так светились чувства и мысли Лемехова, который разгадывал тайну фонтана.

Историк вещал:

— Вся Сталинградская битва была битвой за этот фонтан. За этот божественный солнечный круг. Была битвой народа с чудовищной тьмой, с адской дырой, из которой хлынула вселенская беда. Дети, которых изобразил художник, целомудренные, полные ликующей радости, превратились во время войны в великанов. В непобедимых гигантов, которые растоптали зло. Крокодил Шестой армии Паулюса был загнан в кольцо. Был вновь запечатан в светоносный круг, когда сомкнулись Донской и Сталинградский фронты. На стыке этих фронтов, у хутора Бабуркин, Паулюс старался вырваться из смертельного кольца, разжимал круг. А штрафные батальоны вновь замыкали кольцо, запечатывали чёрную армию. В одном из этих батальонов сражался мой отец, павший под Бабуркиным смертью храбрых. Он, как и тысячи других, кружил в солнечном хороводе среди изувеченных пионеров. Этот фонтан, как и монумент на Мамаевом кургане, является памятником в честь Сталинградской победы. Ты слышишь меня, папа? Это я, твой сын...

Учёный вернулся на место, исполнив свой долг. Открыл собравшимся людям божественную тайну фонтана.

Наступил черёд Лемехова. Он держал в руках две алых розы. На него смотрели синие глаза Верхоустина. Белели подвенечные платья двух невест. Слепой ветеран поднимал лицо к небу, словно

надеялся, что солнечный луч пробьёт крошечную тьму в глазах. Лемехов подошёл к микрофону, и множество телекамер следило за ним, мерцали вспышки, репортёры норовили подобраться поближе.

— «Фонтан любви, фонтан живой, я в дар тебе принёс две розы». Эти стихи написал великий Пушкин, будто предвидел нашу сегодняшнюю радость.

Лемехов подошел к фонтану и положил цветы на край белой алебастровой чаши. Камеры снимали алые розы, белых танцоров и лицо Лемехова, побледневшее от волнения. Он вернулся к микрофону и продолжал:

— Сталинград — это священное слово, которое мы произносим как молитву. Здесь родина нашей победы. Мы должны вновь вернуть священному городу имя Сталинград.

Лемехов видел, как его слушают. Ветераны вытягивали морщинистые шеи, чтобы не пропустить ни слова. Взрослые сажали на плечи детей, чтобы те могли видеть Лемехова. Губернатор чутко вслушивался, стараясь уловить в словах высокого гостя веяния кремлёвских кругов. Невеста обняла жениха, да так и осталась стоять, забыв разомкнуть объятия. Верхоустин торжественно взирал синими очами. И Лемехов продолжал:

— В этом священном месте, в городе русской Победы был построен фонтан. Этот Сталинградский фонтан — священный. Это часовня, построенная на источнике русской Победы. Вода в фонтане — святая. Она исцелит больных, утешит оскорблённых, вернёт веру унывающим, наполнит силой ослабевших. Этой Сталинградской водой мы напоим Россию, она стряхнёт наваждение, вернёт величие и славу.

Лемехов умолк от волнения, ибо у него не хватило слов. Но слова вернулись, будто кто-то вкладывал их ему в уста.

— Мы понесём эту святую Сталинградскую воду из города в город, из дома в дом, от одних жаждущих губ к другим. Мы воскресим всех павших солдат, всех командиров, всех командующих фронтами, воскресим великого генералиссимуса Сталина. Воскресим имя города — Сталинград!

Он умолк, потому что голос его дрожал от слёз. Солнце в глазах превратилось в радужный крест.

К нему приблизился Черкизов и протянул маленький пульт с кнопкой, которую следовало нажать и включить фонтан.

— Вы прекрасно сказали, Евгений Константинович. Это настоящая проповедь.

Лемехов принял пульт и нажал кнопку. Шумные сверкающие струи прыгнули, сшиблись, схлестнулись, накрывая фонтан сплошным стеклянным куполом. Среди брызг несся ликующий хоровод, и каждый танцор переливался на солнце. Купол распался, и бурлящий водяной столп вознёсся к солнцу, и оно кипело, слепило, танцевало, словно огненный шар. Хоровод кружил, подбрасывал солнце. Превращал его в пучки лучей, в радуги, в ослепительных птиц, в перламутровых бабочек. От фонтана летела разноцветная пыль, и люди ловили эту росу руками, губами. И казалось, от этой волшебной росы распустилось и стало зелёным близкое дерево, а шпиль на башне вокзала стал золотым.

Черкизов поднёс к шумящей струе хрустальную кружку. Вода пузырилась, выплёскивалась, но Черкизов выхватил кружку из бурлящего водоворота. Мокрый, счастливый, в потемневшей рубашке, протянул кружку Лемехову:

— Испейте, Евгений Константинович, святой водицы.

Лемехов принял кружку ипил холодную, почти ледяную, душистую воду, чувствуя её сладость и силу. Эта сила вливалась в него, дивно пьянила.

Солнце играло в хрустале. Шумел и искрился фонтан. Крылатые ангелы мчались в ликующем хороводе.

— И вы отпейте, господин губернатор, — Черкизов выхватил из фонтана кипящую кружку, и губернаторпил. Глаза его становились светлее.

Черкизов черпал и черпал воду. Две розы, лежавшие на краю чаши, упали в фонтан и кружились в водовороте.

Пили ветераны, проливая воду на орден, и тусклая латунь медалей начинала сиять. Пили юноши и девушки, поступившие в партию «Победа», Черкизов брызгал на них водой, кропил, как священник, и те хохотали сквозь брызги.

Пили жених и невеста, передавали друг другу кружку, а после целовались мокрыми смеющимися губами.

Слепого ветерана вели к фонтану под руки. Он слушал шум и шелест, ловил худосочным лицом приближавшуюся прохладу. Черкизов поднёс ему кружку, вложил её в слабые стариковские пальцы. Ветеран пил, захлёбывался, снова пил. И вдруг выпустил кружку из рук и ахающим, испуганным голосом воскликнул:

— Вижу!

Его запёкшиеся веки поднялись, и под ними открылись живые глаза. В них отражался фонтан, переливались радуги. Он тянул руки к солнцу, к блеску воды, боясь, чтобы они не исчезли.

Лемехов, потрясённый, смотрел на прозревшего воина, боясь разрыдаться.

От фонтана кавалькадой, на нескольких машинах, отправились в степь, к хутору Бабуркину, о котором говорил профессор-историк. Здесь сжималось кольцо. Здесь его прорывали войска Паулюса. Здесь, в местах прорыва, шли в контратаку штрафные батальоны, затыкая своими телами бреши.

Весенняя степь была в солнечной дымке. Волновались на горизонте голубые холмы. Ручьи и речушки искрились талой водой. Хутора Бабуркина давно уже не было, лишь чернели рытвины от старинных фундаментов, и виднелись метины незарастающих окопов и дотов.

Посреди степи была установлена палатка, собрались поисковики, которые искали в степи останки воинов и свозили рыжие кости к братскому погребению. Стоял стол с бутылками водки и пластмассовыми стаканчиками. Был нарезан хлеб, колбаса. Поисковик, немолодой уже, с печальными глазами человека, который ищет среди рытвин и воронов истлевшие останки солдат, рассказал Лемехову, как проходили бои.

— Вот видите, Евгений Константинович, синие холмы. Там занимали оборону немцы. Они прорывались сюда, в низину, а подходы к своим позициям минировали. Вся степь в минах, до сих пор выковыриваем. Ночью по минным полям шли наши, хотели сбить с холмов немцев. Шли штрафники. Расчищая дорогу танкам. Шли и взрывались, оставляя проходы. Если пойдёте по степи, увидите воронки. У этих воронок мы копаем. Снимешь дёрн, а там кости штрафника. Ещё сто лет искать, и всех не найдёшь, — сказал поисковик с тяжёлым вздохом. В его больших заскорузлых руках землекопа дрожал пластмассовый стаканчик с водкой.

Выпили сто поминальных грамм. Смотрели в солнечную синюю даль. Верхоустин был задумчив и печален, словно здесь, среди погибших штрафников, находился кто-то родной.

— Штрафники были воины Христовы, — сказал он, глядя на стаканчик, который упал со стола и летел в степь, подхваченный ветром. — Все миллионы погибших советских солдат, одолевших вселенскую тьму, были коллективным Христом. Они взошли на крест и спасли род людской. Православные ждут Второго Пришествия, а оно уже состоялось. Христос приходил на землю, сюда, в Сталинград. Вместе с солдатами бежал в атаку, горел в самолётах и танках, взрывался на минах в штрафных батальонах. Христос исходил эту степь вдоль и поперёк. Можно найти среди воронок его следы. Перефразируя знаменитое четверостишие Тютчева, я написал мой собственный стих.

Верхоустин устремил глаза в туманную степь, наполнив её синевою. Тихо прочитал:

Отягчённый трехлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке
Исходил, благословляя...

Ещё раз выпили из пластмассовых стаканчиков, заедая чёрным хлебом. А потом двинулись в степь. Поисковики, члены партии «Победа», жители окрестных селений. Все несли красные гвоздики. Клали цветы на землю, где когда-то гремели взрывы.

Лемехов наклонялся, опускал цветок туда, где когда-то ступала нога штрафника. Ему казалось, по степи, бессчётно, все в одну сторону, шагают люди, не касаясь земли. Перед ними, чуть выше их, прозрачней и невесомей, движется туманный столп света.

Вернулись в город и посетили монумент на Мамаевом кургане. Здесь случилось знамение. С Волги налетело облако тумана, накрыло курган, укутало изваяния, скрыло огромную статую Родины, воздевшую меч. Не стало видно ни меча, ни гневной, зовущей на бой головы. А в тумане чуть

просвечивала женщина, опустившая покров на многострадальный город, и Лемехов, исполненный печали, чувствовал, как его лицо увлажняет прохладный туман.

Городской планетарий, куда они направили свои стопы, был построен сразу после войны, когда Сталинград ещё пребывал в развалинах. Сталин хотел, чтобы люди, уставшие от вида окровавленной обгорелой земли, смотрели на звёзды.

В фойе планетария на стене был выложен мозаикой портрет Сталина. Вождь, весь в белом, стоял среди кустов сирени. Лемехов любовался изысканной работой художника и вдруг почувствовал благоухание сирени. Ещё одно знамение, говорившее о тонких мирах, неподвластных материальным законам.

Вечером, когда стемнело, Лемехова повезли на байк-шоу. Его организовали мотоциклисты из клуба «Ночные волки», которые на грохочущих машинах, в кожаных безрукавках, увешанные цепями, с татуировками на плечах и груди, примчались в город с иконой Георгия Победоносца и портретом Сталина. Их вожак по прозвищу Хирург, смуглый красавец, привёз Лемехова на заброшенный завод, превращённый в арену байк-шоу. Лемехова вознесли на высоту подъёмного крана, усадили в железной люльке, откуда он наблюдал разящие лучи лазеров, вспышки петард и взрывпакетов. Слушал громоподобные ударники.

Разыгрывались батальные сцены. Кружил настоящий самолёт с фашистским крестом. Катили немецкие танки. Город пылал и обрушивался. Из развалин выбегали автоматчики с ППШ, выкатывали танки «Т-34», и победно ухали залпы салюта. А потом неистовые мотоциклисты улетали с трамплинов в небо, перевёртывались, кувыркались, бесстрашные, не боящиеся смерти. Сотни тысяч людей, собравшихся на грандиозное представление, свистели, ревели, взмахивали руками, а их полосовали лазеры, жгли лучи прожекторов.

Хирург в микрофон объявил выступление Лемехова, и тот, с высоты подъёмного крана, возбуждённый невиданной мистерией, обратился к людям:

— Есть на земле великие святые города — Иерусалим, Мекка. Сталинград — такой же святой и великий город. Здесь русский народ одержал Победу, которая сделала русских святым народом. В имени «Сталинград» — мистическая сила нашей непобедимости. Это имя, как цветок небесного рая. Злые колдуны и отравители колодцев отняли у великого города его великое имя. Они закупили колодец «жизни вечной», завалили его трухой, чтобы отнять у русского народа его непобедимую силу. Но мы разбрасаем мусор, откроем колодец, чтобы пить из него «воду живую», святую воду России. Вернём великому городу имя Сталина. Сталинград во веки веков!

Сотни тысяч людей в едином порыве выдыхали: «Сталинград! Сталинград!» А потом, в блуждающих прожекторах и секущих лазерах зазвучало: «Ле-ме-хов! Ле-ме-хов!» И следом: «Пре-зи-дент! Пре-зи-дент!» И как буря: «Ле-ме-хов! Пре-зи-дент! Ле-ме-хов! Пре-зи-дент!».

Он стоял в люльке крана, и его возносило над ликующим городом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Через несколько дней, в Москве, Лемехову позвонил Верхоустин:

— Хочу поговорить с вами, Евгений Константинович.

— Конечно. Давайте поужинаем. Хотите, опять в «Боттичелли»?

— Нет, это место не подойдёт.

— Тогда в «Ванили» или в «Пушкине».

— И это не годится. Мы бы могли уехать за город и где-нибудь погулять на природе. Тем более, что погода чудесная.

— Хорошо, погуляем в лесу.

Машина увезла их за город по Осташковскому шоссе, туда, где кончались торговые центры, ревушие трассы и эстакады, и начиналась водоохранная зона, среди нетронутых лесов. Оставили машину перед шлагбаумом, и пошли по пустынной асфальтированной дороге, среди весеннего леса. Два охранника на большом расстоянии следовали за ними. Редкие велосипедисты, сверкая спицами, с лёгким шорохом проносились мимо.

— Чудесная весна, — сказал Лемехов, глядя на дорогу в солнечной дымке, на тёмные ели, мяг-

кие, разомлевшие, благоухающие тёплой смолой. — Хотел уехать на охоту, на озёра, да, видно, не выберусь.

— Русская весна несравненна. В ней — пасхальное воскрешение. «Весна священная», — ответил Верхоустин, глядя на обочину, где блестела вода, и стояли розовые и золотые кусты, переполненные разноцветными соками.

Они шли молча, и Лемехов ждал, когда начнётся разговор, ради которого они оставили людные места и оказались на пустынной дороге.

— Ваша сталинградская поездка вызвала большой резонанс, — произнёс Верхоустин, — её заметили не только газеты и сайты. Её заметили в администрации Президента. О ней говорят в политических кругах.

— Мне было несколько звонков. Похоже, некоторые готовы присягнуть мне на верность.

— Там, у Сталинградского фонтана, вы прошли «крещение водой». Теперь, отправляясь в Сирию, вы пройдёте «крещение огнём». Президент России должен услышать, как звякают пули по броне.

— Говорят, этот звук ничем не напоминает шелест бумаг в министерских кабинетах...

Они проходили мимо цветущей ивы, вокруг которой с глухим жужжанием летал шмель.

Опять замолчали и шли под громадными дубами. Чёрные вершины были оранжевые от бесчисленных набухших почек.

— Я пригласил вас в это безлюдное место, потому что наш разговор не предполагает чужих ушей. Этот разговор не мог состояться раньше, ибо наши отношения должны были пройти несколько стадий. Теперь эти стадии пройдены, — Верхоустин посмотрел на Лемехова своими синими, заораживающими глазами, перевёл взгляд на вершину дуба. Синева его глаз слилась с тёмной лазурью, уловленной чёрными ветвями дерева.

— Я слушаю вас, Игорь Петрович.

Верхоустин шагнул на обочину, нагнулся, поднял суковатую ветку. Вернулся на асфальт, упираясь веткой в землю. Стал похож на странника с посохом.

— Мы успешно создаём партию, Евгений Константинович. Уже в тридцати регионах есть её подразделения. Есть газеты и сайты, есть выход на радио и телевидение. Строительство верхней, открытой для глаз башни идёт успешно. Теперь пора подумать о глубинном основании башни. О невидимой партии, которая будет скрыта в недрах явной и видимой.

Сырая палка в руках Верхоустина при каждом ударе оставляла на асфальте влажный след. Лемехов считал эти тёмные метины, которые соответствовали ритму и содержанию предстоящего разговора.

— Я не очень понимаю, Игорь Петрович, назначение этой тайной партии. Зачем это подполье, если мы намерены заниматься легальной политической деятельностью?

— Мы создаём партию не на один политический сезон, не под частную политическую задачу, даже если эта задача связана с избранием Президента. Мы создаём партию, в недрах которой рождается Проект нового государства. Проект, исполнение которого потребует десятилетий труда. В этом проекте, помимо технологий, будет содержаться метафизическая сущность, без которой невозможно любое государство, особенно Государство Российское. Это сокровенные знания о природе русской цивилизации. О её религиозных мистических основах. О волшебных учениях, соединяющих Россию с небом. О райских смыслах, обретению которых посвящена вся русская история, всё русское время. Это сокровенное знание важнее любых засекреченных планов генштаба, любой запечатанной в сейфах статистики. Носителями этих знаний могут стать только избранные, прошедшие «крещение водой и огнём». Если над землей пронесётся буря и сметёт видимую миру башню, останется подполье, где уцелеют все волшебные смыслы, и русская цивилизация не погибнет. Пусть срежут дерево, но корневище останется. От него пойдёт новый побег. Так было не раз в истории Государства Российского.

Две бабочки-крапивницы кружились над дорогой. То сливались в тёмно-красный вихрь. То разлетались в разные стороны, садились на палые листья, сливаясь с коричневой землёй. И снова взлетали, находили друг друга, мчались в весеннем солнце, ликующие и счастливые.

— Что за вихри должны пронестись над землей, ради которых мы строим сокровенную партию? И как она выглядит? Где будут проходить её заседания? На этой безлюдной дороге? — Лемехов усмехнулся, глядя, как удаляется дорога в солнечной дымке, и по ней несутся велосипедисты, похожие на миражи.

— Русская история — это горы и пропасти. Цветущие вершины, когда русская цивилизация достигает могущества и красоты. Обвалы во тьму, когда цивилизация испепеляется почти дотла. Но она сохраняется, и снова выныривает из бездны для нового взлёта и цветения. Богословы называют это «Русским чудом», совершаемым по Божьему промыслу. Но это заслуга «тайных партий», которые невидимо существовали рядом с очевидными. Царства, династии, уклады сгорают в пожарах, гибнут в революциях и смутах. Но «тайные партии» сохраняются. «Большие проекты» берегаются и ложатся в основу возрождённого Государства Российского. Именно это имел в виду Иван Калита, когда молился, чтобы «свеча не погасла». Свеча Государства Российского.

— Я не очень силён в истории. Какая свеча? Вот эта? — Лемехов, улыбаясь, протянул руку к цветущей иве, на которой, как на чудесном подсвечнике, горели золотые свечи цветов. Пальцы, скользнувшие по цветам, оказались в золотистой пыльце.

— Когда рушилось первое русское государство, Киевско-Новгородское, когда оно начинало дробиться, мельчать, погружалось в междоусобицу и распри, перед тем, как пасть под копыта монгольской конницы, Андрей Боголюбский ушёл из Киева во Владимир и унёс с собой икону Богородицы. Он был членом «тайной партии». Днепровская дубрава была вырублена и сожжена, но он унёс во Владимир жёлудь русской цивилизации. Посадил в новую почву. Из него выросла новая дубрава, Московское царство.

Лемехов уже был в плену колдовских слов Верхоустина. Синеглазый странник, ударявший посохом в землю, знал о жизни такое, что было неведомо Лемехову. История, о которой он говорил, подчинялась другим законам, протекала в другом времени, была населена другими героями. Верхоустин помещал в эту историю Лемехова, и тот, не находя вокруг знакомых и понятных персонажей, уповал на одного Верхоустина. Вверял ему свою судьбу, был от него зависим, не мог без него обходиться.

— Смута сгубила Московское царство, пресеклась династия Рюриковичей. Но князь Пожарский пересадил жёлудь Московского царства в почву Романовской империи, и русская цивилизация была спасена. Князь Пожарский был членом «тайной партии» Ивана Грозного, тайным его опричником.

Лемехова убеждали, что существует потаённая история, тайное человечество, которое, словно невидимая солнцу река, течёт в глубинах истории. Тайно управляет её ходом, берегает божественные смыслы и заповеди. Не даёт им кануть в замутнённых воронках времени. Лемехов верил этой сокровенной науке, которой не найти ни в одном учебнике, и которая отпечатана на дороге ударами чудесного посоха.

— Когда пали Романовы, и Государство Российское уподобилось фабрике пушечного мяса для мировой революции, граф Игнатъев, член «тайной партии», внёс свечу в чёрные казематы, где томился русский народ. Передал эту свечу Иосифу Сталину, и «свеча не погасла». Превратилась в бриллиантовую звезду Победы. Жёлудь русской истории превратился в могучую дубраву сталинской эры.

Всё, что Лемехов узнавал от Верхоустина, было пленительно. Напоминало лунатический сон, когда спокойно идёшь по карнизу с закрытыми глазами. Тебе снятся прекрасные сады и озёра, восхитительные дворы и праздники. Ты блаженно улыбаешься, чувствуя ароматы сирени и запахи дивных духов. И вдруг просыпаешься, видишь у ног чёрную пропасть, ржавый карниз и в небе — синюю кладбищенскую луну, летящую сквозь осенние тучи.

— А кто передаст свечу теперь, когда рухнул Советский Союз? Кто явится в нашу горемычную жизнь, как член «тайной партии», держа в руках жёлудь? — Лемехов чувствовал, как кружится голова, словно он опьянел от запахов цветочной пыльцы, солнечных вод, пения одинокой невидимой птицы. — Кто он, несущий жёлудь?

— Это я, — сказал Верхоустин.

Они молча шагали. Обочина была в ярко-жёлтых цветах мать-и-мачехи, которые, словно цыплята, сбегались и разбегались весёлыми стайками.

— Я не мог сказать вам об этом раньше. Это отпугнуло бы вас, выглядело бы неправдоподобно. «Тайная партия», которая направила меня к вам, — это группа лиц, в основном, офицеров военной разведки. Она сложилась после войны вокруг Судоплатова по настоянию Сталина, который в своём ясновидении предчувствовал грозящую стране катастрофу. Эта тайная группа получила название «Жёлудь», и по сей день сохраняет своё название. После развенчания Сталина группа ушла в глубокое подполье, сохранив влияние в партии, в армии, в органах безопасности, в культуре и в экономи-

ке. Старики умирали, но их место занимали другие. Когда началась перестройка, и стало ясно, что страна погибает, «Жёлудь» перебрался в Австралию и увёз с собой громадные деньги, разместив их на счетах европейских, американских и азиатских банков. С этих пор люди «Жёлудя» внимательно следили за событиями в России, наблюдали обвал «красной цивилизации», контуры «чёрной дыры», в которую кануло Государство Российское. Дожидались момента, когда случится удар о дно, и начнётся медленное всплытие. Оценивали всех видных российских политиков, стараясь угадать, кого из них выберет Провидение и сделает лидером русского возрождения. Пришли к выводу, что этим лидером являетесь вы. И решили послать меня к вам. У «Жёлудя» есть колоссальные ресурсы. Есть «Проект» новой русской цивилизации. Есть разветвлённые связи с закрытыми структурами мира, от старой европейской аристократии до парapolитических кружков в транснациональных корпорациях. «Жёлудь» готов предоставить вам свои ресурсы для «русского рывка», для воплощения «русского чуда». Вас просят поторопиться. Многие из членов «Жёлудя» умерли, другие глубокие старики, некоторые не покидают инвалидных колясок. Они хотят, чтобы вы создали партию, и в этой партии свили гнездо, в которое они положат яйцо будущей русской цивилизации. Передадут «Проект» великого возрождения. Вот об этом я и хотел вам поведать...

Лемехов слушал, как в прозрачном лесу звонко, словно ксилофон, стучит дятел. Музыкальная дробь летела среди гулких стволов. Лемехов старался поместить услышанное в тот огромный объём представлений, которыми пользовался, создавая новые вооружения. Разведдонесения о секретном оружии противника. Доклады научных институтов о мировой экономике и политике. Досье на видных мировых лидеров. Труды по новейшим политическим технологиям, поднимающим на дыбы целые континенты. И нигде, даже намёком, не говорилось о «Жёлуде». Об экзотической группе советских разведчиков, которые, как катакомбные христиане, унесли в глубину потаённых пещер сокровенное знание.

Но это известие не ошеломило его. Их общение с Верхоустиным проходило за пределами рационального знания. В зыбких потоках предчувствий, воспоминаний и грёз, среди которых рождается миф. То возвышенное знание, достоверность которого таится в мерцающих глубинах сознания, в снах, в лучезарных видениях, что озаряют мечтательный разум. Лемехов создавал ракеты и аппараты, направляя их в глубины дальнего Космоса, в сгустки «тёмной материи», стремясь разгадать тайны мироздания. Но эти тайны витают здесь, в звонах весеннего дятла, в жёлтых цветках мать-и-мачехи, в лазурных глазах колдуна, чей посох стучит о камни.

— Но как же я начну возрождение? Я же ещё не стал Президентом. Есть действующий Президент Лабазов.

— Его дни сочтены. Он неизлечимо болен. От него отвернулись элиты. От него отвернулся мир. «Замковый камень» Государства Российского начал крошиться, и свод вот-вот упадёт. Вы должны заместить пустоту. Стать «замковым камнем». Мы построим партию «Победа», и в её недрах поместим катакомбный штаб, куда австралийские соратники передадут свой «Проект», свои финансовые и организационные ресурсы.

— Но кто эти люди? Откуда вы их взяли? — вырвалось у Лемехова.

— Многих из них вы знаете. Здороваетесь с ними на совещаниях, приёмах, великосветских встречах. Некоторых считаете своими противниками. Эти люди не обнаруживают своё родство, принадлежность к тайному ордену.

— Когда я смогу их увидеть?

— Как только вернётесь из Сирии. Теперь же я вас оставлю. Вам нужно всё это обдумать.

Верхоустин поклонился и пошёл по дороге, опираясь на палку. Лемехов смотрел, как он удаляется в солнечной дымке, и вслед ему пролетела жёлтая бабочка.

Лемехов медленно шёл по дороге. Вдалеке за спиной маячили охранники. Проносились редкие шелестящие велосипедисты. Он вдруг подумал, что стал заговорщиком, плетёт заговор против Президента Лабазова, который благоволит ему, доверяет, поручает, как никому другому, сверхсложное государственное дело. А он уверовал в своё мессианство и предаёт Президента. Надо как можно скорее им встретиться, объясниться. Пусть Президент не видит в нём врага, а напротив, защитника, друга, который не отдаст Лабазова на растерзание кровожадным элитам. Возьмёт под защиту его репутацию, благосостояние, саму жизнь. Лемехов попросит Президента о встрече во время кремлёвского приёма в День Победы. После парада, в кремлёвском дворце сойдутся именитые чины

государства, Президент Лабазов поднимет бокал, станет обходить сподвижников. И тогда, чокаясь с Президентом, Лемехов попросит о встрече.

Так думал Лемехов, возбуждённый фантастическим рассказом Верхоустина, мучился своим вероломством. Желал объясниться с Лабазовым.

У обочины длинная канава была наполнена солнечной зеленоватой водой, в которой плавали лягушки. Самцы были нежно-бирюзового цвета, раздували прозрачные пузыри, издавали трескучее кваканье. Вся водяная канава плескалась от лягушачьего месива.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

День Победы был солнечный, восхитительный. Улицы влажные, голубые. Стёкла окон драгоценные и сияющие. Деревья в изумрудной дымке. На бархатных клумбах пламенеют тюльпаны. В фонтанах шумят и плещут струи. Триумфальная арка великолепна в своём античном величии. Большой театр — торжественный, пышный, со своей колоннадой и чёрной квадригой. Кремлёвский дворец над алой стеной — янтарный, с белыми кружевами.

Такой видел Москву Лемехов, вольно откинувшись на мягком сиденье, в лёгком костюме, слыша нежный шелест шин по асфальту. Он был приглашён на парад. Его машина с правительственными номерами и кремлёвским пропуском преодолевала полицейские посты. Постовые любезно открывали ему путь на Красную площадь.

Он вышел на Васильевском спуске, и мимо Василия Блаженного, похожего на волшебное соцветие, поднялся по брусчатке на площадь. Она распахнулась перед ним в своём великолепии, чёрно-алая, в блеске, окружённая башнями, шпилями, рубиновыми звёздами и золотыми орлами. В хрустальном перезвоне курантов, в окриках и военных командах, в шеренгах, в колыпании знамён. Лемехов счастливо смотрел. Площадь, знакомая и любимая с детства, узнавала его, принимала в свои солнечные объятия.

Его проводили на трибуну вблизи мавзолея, где уже собрались члены правительства, командующие округов, генеральные конструкторы, главы корпораций. Лемехов раскланивался, пожимал руки, обменивался праздничными поздравлениями. Все были знакомы, встречались на заседаниях правительства, на производственных совещаниях в институтах, на полигонных испытаниях.

— Покажите товар лицом, Евгений Константинович. Какие новинки вы приготовили? — министр культуры радушно улыбался, не торопясь отпустить руку Лемехова.

— Погодка-то самая летная, Евгений Константинович. Знай наших! — глава авиастроительной корпорации указал пальцем в синее небо, в котором понесутся серебристые гремящие вихри.

— Жаль, что не можем показать на площади подводную лодку. Колёс не предусмотрели, вот беда! — шутливо сетовал глава судостроительной корпорации, здороваясь с Лемеховым.

Лемехов улыбался, шутил, чутко вслушивался, всматривался. После всех своих интервью, после выступления на съезде, после поездки в Сталинград, где толпа называла его Президентом, он старался обнаружить новое к себе отношение. И казалось, что это новое, заискивающее отношение появилось.

Трибуны были полны. Ветераны в орденах и медалях. Военные атташе в экзотических мундирах. Именитые артисты и художники. Шумели, обнимались, целовались, позировали перед телекамерами. И вдруг затихли, разом повернулись все в одну сторону, к мавзолею, который был занавешен огромным трёхцветным полотнищем. Туда, к этому полотнищу, скрывавшему кристалл мавзолея с мраморной инкрустацией «Ленин», прошли Президент и Премьер-министр. Оба невысокие, в тёмных костюмах, улыбаясь всем общей улыбкой, окидывали взором близкую трибуну. Лемехов старался поймать взгляд Лабазова, остановить этот взгляд на себе. Но тот обвёл блуждающими глазами трибуну, одаривая своим вниманием сразу всех, и отвернулся. Ему поднесли кресло, и он сел. Рядом уселся Премьер, и это вызвало на трибуне лёгкий ропот.

— Должно, нездоров, трудно стоять, — с сочувствием произнёс старый генерал-лейтенант с потускневшим золотом на советских погонах.

— А Леонид Ильич Брежнев стоял весь парад, хотя ноги едва держали, — ответил ему генерал армии, который помнил десятки прежних парадов.

Площадь дышала, переливалась. Плотно, брусками, стояли войска. В их неподвижности была жизнь, нетерпение, готовность двинуться мощным потоком, волна за волной, пройти по брусчатке. Все ждали счастливой минуты, когда двинется этот рокочущий, блистающий вал.

Гулко, с мегафонным звоном, полетели над площадью команды. Линейные, вытягивая ноги, как журавли, блестя штыками, шли по струне вдоль площади, и брусчатка блестела, как чёрное стекло.

Грянул марш, бодро, бравурно. Из Спасских ворот появился чёрный, старомодный, великолепный в своей советской старомодности автомобиль, в котором стоял Министр обороны. Навстречу покотился другой автомобиль, ветеран былых победных парадов. Две машины съехались в центре площади. Командующий московским гарнизоном рапортовал Министру обороны, и казалось, их автомобили приветствуют друг друга. Улыбаясь хромированными радиаторами, хрустальными фарами, чёрным солнечным лаком.

Лемехов любовался тем, как машины плывут вдоль недвижимого строя. Звучал марш. Прерывался. Что-то бессловесно провозглашал министр. И ему в ответ, как эхо в горах, гремело лишённое слов приветствие, рокочущее, как камнепад «ура».

Лемехову казалось, что он участвует в богослужении. Площадь была храмом, и все собравшиеся были участниками таинственной литургии, которая возможна только на этой священной, намоленной площади.

Министр обороны объехал войска, вышел из машины и приблизился к Президенту. Тот стоял, невысокий, спокойный, принимая рапорт министра:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий!

Лемехов вдруг остро, в счастливом предчувствии, увидел себя на месте Лабазова. Ему, статному, широкоплечему, с волевым спокойным лицом, рапортует министр. Войска, затаив дыхание, с обожанием смотрят на своего Президента. Площадь, мерцая брусчаткой, посылает ему тысячи стеклянных лучей.

Это захватывающее знание, доступное только ему, взволновало его. Он оглядывался, не угадал ли кто-нибудь в нём будущего Президента. Но все внимали выступлению Лабазова. Старый генерал-лейтенант, чтобы лучше слышать, приложил ладонь к уху.

Речь Лабазова показалась Лемехову вялой и бесцветной, указывала на недостаток энергии, на болезнь. Площадь с войсками была чаша, переполненная пьянящей силой, а Лабазов казался блёклой чайнкой, случайно упавшей в этот жаркий настой.

Но уже гремел оркестр, пели трубы, грохотали барабаны, и первая «коробка», печатая шаг, двинулась по брусчатке во всём великолепии.

Шли офицеры академий, десантники, морские пехотинцы. Впереди командиры, ладонь у виска, страстно, жадно взирали на Президента. Сверканье клинков, боевые знамёна, прижатые к груди автоматы. Лица трепетали в порыве воли и преданности. Лемехов чувствовал сгусток страсти и силы, в котором исчезала отдельная судьба, превращаясь в слепое стремление, в готовность умирать, ломиться сквозь ревушую сталь. Под музыку маршей эти свежие, исполненные красы и бравады мужчины уходили на битву, и Лемехов шёл вместе с ними, обречённый на смерть под гром барабанов.

Над этим майским парадом, как прозрачная тень, плыл другой, осенний парад сорок первого года. Лемехов чувствовал слёзную связь этих двух парадов, шагал в маскхалате, уложив на плечо широкие лыжи, в снежные поля Дубосекова.

Он взглянул на Лабазова. Тот сидел на стуле, неподвижный и безучастный. Казалось, его не трогали преданные лица, солнечные клинки, реявшие знамёна. Он был погружён в свои внутренние переживания, быть может, чувствовал боль. Чужое воодушевление, яростная страсть тяготили его, и ему хотелось, чтобы всё поскорей завершилось.

Лемехов испытал к Лабазову презрение, к его тесной душе, неспособной вместить грандиозность парада, откликнуться на жаркое, устремлённое к нему обожание. Когда ветер русской истории сдует Лабазова как бесполезную пылинку, его место займёт Лемехов. Сбросит зыбкую материю с гранитного мавзолея, поднимется на трибуну, где когда-то стоял вождь-победитель.

Лемехов перестал смотреть на Лабазова, будто его не стало. Теперь он сам принимал парад. Десантник в голубом берете, усыпанный орденами за Чеченский поход, брызнул на него синевой из-под золотистых бровей.

Последняя «коробка» покинула площадь, исчезла на Васильевском спуске. Музыка смолкла. В ти-

шине несколько минут площадь оставалась пустой. Раздался рокот, окутанная металлической дымкой, на площади показалась техника. Лемехов смотрел, как на мягких шинах, ровным строем катят бронемшины «Тигр». Командиры в люках, плещутся знамёна, сияют воронёные стволы пулемётов. Лемехов помнил эти машины на испытаниях, кода они проваливались в водяные ямы, карабкались на каменистые склоны, чавкали в раскисшей глине. Он знал конструктора этих машин, знал заводы-изготовители, знал приграничные бригады, куда поступили на вооружение эти разведывательные броневики. И каждое, возникавшее на площади изделие, вызывало у Лемехова сдержанную радость, мысли о громадных производствах, лабораториях, рабочих коллективах, объединённых его волей и разумением. Он был причастен к новым образцам вооружений, которые, как миражи, появлялись на площади.

Шли новые «бэтээры», похожие на ящериц, способные воевать в горах, поднимая в зенит свои мощные пулемёты. Звенели и стучали как кастаньеты боевые машины пехоты с усиленной бронёй, с двигателем, проверенным в песках и арктических льдах. Мощные и грациозные, в синем дыму, шли танки, колыхая тяжёлыми пушками, с ребристой бронёй, зенитными пулемётами, пусковыми установками для ракет.

Лемехов испытующе, из-под бровей, смотрел на дело рук своих. В каждом «бэтээре», в каждой танке был и его труд, его упрямая воля. Машина, проплывая мимо, безмолвно посылала ему знак своей признательности.

Шли тяжеловесные самоходки, сотрясая землю. Тягачи скребли гусеницами брусчатку, тянули за собой дальнобойные гаубицы. Катились установки залпового огня с трубами, из которых в адском огне вылетают свистящие вихри, плавят скалы, превращают города в пепелище.

По площади, построенная в аккуратные ряды, смиренная в своей сокрушительной мощи, двигалась война, и Лемехов был творцом этой угрюмой стихии.

Военные атташе не уставали фотографировать. Старые генералы что-то громко говорили друг другу, перекивая шум моторов. Министр культуры, поймав взгляд Лемехова, поднял вверх большой палец.

Лемехов был сосредоточен, исполнен сдержанного волнения, сопрягал себя с этой мощью, её порядком, размеренным неодолимым движением. Эта мощь воплощала в себе государство. Здесь, на священной площади, среди окаменевшей истории, государство было живым её продолжением. Было творящей силой, которая собирала в себя урожаи минувших веков, свивала в пучок судьбы живых поколений, устремляла в туманное будущее свой невидимый стебель. Лемехов был государственный. Был слугой и работником. Был избранником, в котором Государство Российское обретало своё цветение.

На площадь, шелестя гусеницами, выкатывали зенитно-ракетные комплексы. Те, что сопровождают наступление танков, отбивают воздушные атаки, превращают в огненную пыль вертолёты противника. Следом катили ракетно-пушечные установки «Панцирь», оружие бесконтактной войны. Когда стаи крылатых ракет, запущенные с самолётов и кораблей, несутся на города, «Панцири» перехватывают их в полёте, окружая города непробиваемой стеной обороны. Эти совершенные установки Лемехов недавно инспектировал в Туле. И теперь собирался в Сирию, где в пекле войны «Панцири» прикрывают Дамаск.

Громадные, как лежащие горизонтально заводские трубы, появились перехватчики ракет, сбивая их встречным ударом.

Армада техники, лязгая, урча, окутываясь дымом, ползла по площади, удаляясь к Василию Блаженному, который поднимал резные бутоны нераспустившихся цветов. «Образ русского рая», — вспоминал Лемехов слова Верхоустина, — «Святое оружие». Суровые громады проплывали мимо собора, и тот кропил их разноцветной росой, освещал их стальную плоть.

Казалось, площадь прогибается от непомерной тяжести, когда возникли «Тополя» и «Ярсы», похожие на железных медведей. В коконах таились баллистические ракеты, и при их появлении все военные атташе повскакивали, нацелили аппараты. Ракеты угрюмо шли мимо, туда, где ждал их стоцветный храм.

— А теперь наш черёд, — произнёс глава авиастроительной корпорации, взглянув на куранты, которые смыкали свои золотые стрелки. — Наш, говорю, черёд, Евгений Константинович.

Небо уже звенело, рассечённое стреловидными крыльями, отточенными фюзеляжами, которые

возникали и тут же исчезали за кремлёвскими башнями. Трибуны ахнули, когда всё небо над площадью закрыл стратег «Белый лебедь», а следом, почти касаясь его плоскостей, мчались прозрачные тени фронтовых бомбардировщиков, перехватчиков, истребителей.

Самолёты накрыли небо звенящим шатром и скрылись за кремлёвскими звёздами, оставив в лазури невесомую гарь.

Парад завершился. Президент и Премьер покинули площадь. На трибунах вставали, обнимались. У старого генерал на глазах были слёзы.

— Встретимся на приёме, — министр культуры благодарно жал Лемехову руку, словно тот одарил его великолепным зрелищем. Лемехов предвкушал приём, надеясь увидеть Президента и попросить его о встрече.

Через несколько часов в Кремлёвском дворце состоялся приём. В банкетный зал по эскалатору, густо, как в метро, поднимались званые персоны. Губернаторы и министры, лидеры думских фракций и военачальники, известные артисты и художники. Кидались обниматься, трясли друг другу руки, обменивались радостными взглядами. Лемехов, улыбаясь и здороваясь, исподволь

всматривался в лица, подозревая в каждом члена тайного ордена «Жёлудь», о котором накануне поведал ему Верхоустин. Но в лицах известных врачей и адвокатов, генералов и конструкторов не проглядывала потаённая сущность. Тайна витала рядом, не давая себя обнаружить.

Стол, за которым оказался Лемехов, находился недалеко от подиума, где обычно появлялся Президент, обращаясь к гостям с приветствием. Затем он спускался с подиума и обходил несколько ближних столов, держа в руке бокал шампанского. Лемехов надеялся чокнуться с Лабазовым и попросить о свидании.

Стол был уставлен закусками, бутылками, сиял хрусталём и фарфором. Собравшиеся за столом были хорошо знакомы Лемехову. Дружески здоровались, поздравляли друг друга с праздником.

— Был прекрасный парад, Евгений Константинович, — произнёс Министр финансов, белокурый, с мягким, чуть ватным лицом. — Я готов простить вам чрезмерные расходы на оборону. Хотя, конечно, траты огромны.

— Безопасность стоит любых денег, Антон Филиппович. Будем кормить свою армию, а не чужую, — Лемехов положил на тарелку министра ломоть красной рыбы.

— Я знаю, вы собираетесь в Сирию, Евгений Константинович, — замминистра иностранных дел, любезный, с утончённым усталым лицом, украшал свою тарелку сёмгой, севрюгой, говяжьим языком и креветками. Словно создавал экспонат для выставки современного искусства. — Я связался с нашим послом в Дамаске. Он будет постоянно с вами, даст исчерпывающую информацию.

— Сирийцы настаивают на продлении контракта по «Панцирю», — ответил Лемехов, наблюдая, как замминистра кладёт рядом с розовыми креветками фиолетовые маслины, — надеюсь на вашу поддержку, Степан Трофимович.

Банкир «Промбанка», тучный, розовощёкий, с элегантной бородкой, позволял официанту наливать в бокал золотистое, с серебряными пузырьками шампанское:

— Хочу сообщить вам, Евгений Константинович, что наш банк открывает новую кредитную линию специально для вашей оборонки. Условия льготные.

— Всегда приятно иметь друзей-банкиров. Обдерут как липку, но по-дружески, — пошутил Лемехов.

— Не нападайте на банкиров, Евгений Константинович. Не ущемляйте в их лице права человека. Хотя, конечно, они не совсем люди. Скорее, боги, — мелко засмеялся седой лысоватый глава правозащитного комитета, известный своей программой десталинизации.

— А всё-таки быть на Волге городу Сталинграду, Андрей Евсеевич, — поддел его Лемехов и видел, как зло заблестели маленькие глазки правозащитника.

Официанты раскладывали закуски, наливали шампанское. Лемехов, поддерживая необязательную беседу, гадал, не является ли кто-нибудь из этих именитых людей членом тайного ордена «Жёлудь».

Голос, с восторженным придыханием, пролившийся откуда-то сверху, возвестил:

— Президент Российской Федерации Юрий Ильич Лабазов!

Все потянулись на этот певучий голос, единодушно вставали, и на ярко озарённый подиум вышел Президент, невысокий, ладный, точно и изящно переставлявший ноги, с лёгкой отмашкой левой

руки, с выправкой офицера. Все неотрывно смотрели, как он приближается к стойке в центре подиума.

Лемехов остро следил за его движениями и обнаружил в поступи едва заметную аритмию, словно каждый чёткий шаг и безукоризненная осанка стоили ему боли.

Президент подошёл к стойке. Появился служитель с бутылкой шампанского и бокалом. Наполнил бокал и передал Президенту. Лабазов принял бокал, обвёл зал приветливым, одинаковым для всех взглядом:

— Дорогие друзья, поздравляю вас с праздником Великой Победы. Эта Победа добыта нашими отцами и дедами ценой великих жертв и утрат. Она принадлежит всему человечеству. Россия гордится тем, что она является родиной Великой Победы. Будем достойный этого всемирно-исторического подвига. За Победу! — он поднёс бокал к губам и ровно, спокойно выпил.

Все воодушевлённо чокались, наполняя зал стеклянным перезвоном. Банкир, чокаясь с Лемеховым, лукаво прищурил глаз и произнёс:

— За нашу Победу!

Лемехов ждал, что Лабазов спустится с подиума и направится к столам. И тогда, ударя своим бокалом в бокал Президента, Лемехов договорится о встрече.

Но Лабазов опустил бокал на стойку и покинул подиум, всё с теми же, едва заметными сбоями в походке, которые вызывались болью.

Празднество продолжалось, но Лемехов потерял к нему интерес, разочарованно осматривал зал.

Министр финансов, осторожно отпив половину бокала, произнёс:

— Всё-таки наш Президент умеет превратить политику в увлекательный театр. Умеет внести в обыденность искусную интригу.

— Что вы имеете в виду? — спросил банкир.

— Опубликован шорт-лист преемников на пост Президента. Конечно, в нём значатся Премьер-министр, Глава Совета Федерации, Глава Думы, Глава Администрации Президента. Но кроме них заявлена ещё одна неназванная фигура. Не из титульного списка. Какой-то особо любимый Президентом деятель. Вы не знаете, кто это, Евгений Константинович? — министр, лукаво улыбаясь, обратился к Лемехову.

— Даже если бы Евгений Константинович знал, то не ответил бы, — правозащитник понимающе усмехнулся.

— Я уже сказал вам, Евгений Константинович, в Дамаске вас встретит посол, и вы рассчитывайте на его всяческое содействие, — сказал замминистра иностранных дел.

Лемехов увидел, как через зал идёт генерал ФСО Дробинник, доверенное лицо Президента. Он выполнял его особые поручения, формировал список визитёров. Лемехов поднялся и поспешил на встречу генералу.

— С праздником, Евгений Константинович, — Дробинник дружелюбно пожал руку Лемехова, глядя на него прозрачными глазами, в которых, как икринки, мерцали тёмные точки.

— С Великой Победой, Пётр Тихонович, — дорожа этим дружелюбием, ответил Лемехов.

— Ну как, удалось поохотиться? — спросил Дробинник. Его узкое лицо было бледным, и только пересекавший его шрам странно розовел. — Я вот улучил два денька и махнул на вертолёте под Талдом. Привёз трёх гусей.

— А я как цепями прикован. Сам, как гусь.

— Я знаю, вы побывали в Волгограде. Призвали вернуть ему имя «Сталинград». Я, признаться, того же мнения. Даже сказал об этом шефу. А он ответил, что, мол, ещё не время. Пусть люди созреют. Тогда, быть может, проведём референдум.

— Хотел просить вас о любезности. Мне необходимо повидаться с Президентом. Обсудить неотложные проблемы космической отрасли. В нашем лунном проекте возникли заминки. Устройте мне встречу с Юрием Ильичом.

Дробинник смотрел на Лемехова спокойными, прозрачными, как талая вода, глазами, на дне которых притаились тёмные икринки.

— Я постараюсь. Когда вы вернётесь из Сирии, позвоните мне. Думаю, шеф согласится вас принять.

Они обменялись рукопожатиями, Дробинник двинулся через зал, и многие, увидев его, вставали.

Гости покидали банкет. Лемехов уходил вместе с двумя знаменитыми врачами, кардиологом и нейрохирургом. Шёл между ними, шутил:

— В таком обществе мне не страшны ни тромб в сердце, ни опухоль в мозгу.

Купола Успенского собора казались золотыми, запущенными в Космос шарами. Их резные кресты, как антенны, принимали из мироздания священные послания.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В тетрадах отца Лемехов обнаружил стихотворение, написанное твёрдым отцовским почерком перед его отъездом в последнюю роковую командировку.

На сиреновой опушке,
В малахитовой воде
Бирюзовые лягушки
Мне вещали о беде.

И следила взглядом зорким
Воронёная беда.
И чернела за пригорком
Смоляная борода.

Это будет в новолунье
На неведомой войне.
Бирюзовые квакуны
Зарыдают обо мне...

Этот отцовский стих, исполненный предчувствий, поразил его. Словно писал его не отец, а он сам, отправляясь на «неведомую войну». Гуляя по лесной дороге с Верхоустиным, он видел эту сиреновую опушку, малахитовую воду в придорожной канаве, бирюзовых лягушек. Всё это было явлено ему перед тем, как он прочёл стихотворение отца. Судьба отца, как неотвратимая волна, наплывала на него. Вовлекала в стремнину, которая вначале их разлучила, а теперь сулила встречу. Он перечитывал вещий стих, и его, как и отца, мучили предчувствия.

Он отправлялся в Сирию инспектировать поставки бронетехники и зенитно-ракетных комплексов. Страна, ещё недавно благополучная и ухоженная, горела и разрушалась. Гибли христианские монастыри и мусульманские мечети. Взрывались электростанции и гидросооружения. Исламские боевики малыми группами и большими отрядами, оснащённые стрелковым оружием и гранатомётами, непрерывно проникали в Сирию из Ирака, Иордании, Ливии. Бородатые, опалённые пустыней, неутомимые и беспощадные, они захватывали города, устраивали казни, обвешанные взрывчаткой, ложились под танки правительственных войск. Сирийская армия, обученная для большой войны с Израилем, не справлялась с летучими боевиками, которые возникали среди цветущих селений, как призраки, и исчезали из пылающих руин, как дурные видения. Войска приходили в обезлюдевшие города и видели распухшие на солнце трупы и надписи на стенах, сулившие смерть Сирии и её союзнице России. В этой войне неявно участвовали десятки стран, и она была готова превратиться в огромную войну Ближнего Востока, с последующим перетеканием в Мировую. Сирии грозил удар авиации и крылатых ракет с американских кораблей и самолётов. Русские «Панцири» прикрывали небо Дамаска, готовые сбивать атакующие цели на дальних и близких подступах.

Лемехов отправлялся в Сирию узнать истинные потребности сирийских зенитчиков и способствовать увеличению военных поставок.

Но помимо этой очевидной цели, он преследовал ещё одну. Хотел воочию увидеть войну. Хотел понять стихию, которая питала его деятельность, объясняла его нескончаемые труды. Хотел оказаться среди смертей и опасностей, которые рождало оружие. Оказаться целью, по которой били автоматы. Сесть в боевую машину пехоты, по которой стрелял гранатомёт. Оказаться на боевом вертолёте, ускользящем от инфракрасной ракеты. Как сказал Верхоустин, «услышать лязг пуль по броне». Он

хотел стать Президентом России, который изучал проблемы безопасности не в бункере генштаба, а на усыпанной осколками земле, под очередями пулемётов.

Теперь, накануне поездки, его томили предчувствия. Ему казалось, что эта неведомая война издалека, через моря, пустыни и горы, протягивает к нему свои огромные, жилистые руки, перевитые синими венами. Влечёт к себе слепо и неуклонно. Отрывает от дома, от любимого многоцветного светильника, от оранжереи с любимыми деревьями и плавающим белоснежным цветком. Эти руки не имеют туловища, а исходят прямо из разгромленных городов, сгоревших броневиков, бегущих по дорогам погорельцев. И там, среди развалин, на каком-нибудь разорванном тюфяке сидит бородач с автоматом, и в этом автомате уже находится пуля, которая сразит Лемехова. И эта далекая неясная война будет его первой и последней войной.

Предчувствия не были страхом, а ощущением чьей-то таинственной воли, которая вовлекает его в тёмную воронку судьбы. Эта воронка обнаружилась внезапно, среди честолюбивых и возвышенных замыслов, ослепительного взлёта. Будто кто-то скрывал её до времени, маскировал пленительными образами. И вдруг она обнаружилась, как тёмный омут, из которого тянутся к нему медлительные щупальца с присосками, влекут в смерть.

Он вспомнил, как отец уезжал в свои военные командировки — в Анголу, Мозамбик, Эфиопию. Как снаряжала его мать, и в глазах отца появлялось печальное, обречённое выражение. Мать целовала эти печальные глаза и плакала.

Теперь Лемехов понял эту печаль. Отец, как и он теперь, томился дурными предчувствиями. Одно из них сбылось у жёлтой реки Лимпопо.

Лемехов доставал из-под рубахи нательный серебряный крест, целовал, молил, чтобы пуля, дремлющая в автомате бородача, его не настигла.

Ночь перед отъездом он провёл с Ольгой. Они ужинали вдвоём. В оранжерее любовались белым цветком Виктории Регии, следя за скольжением таинственных рыб. Ольга играла на флейте свой новый ноктюрн, который посвятила ему. Лемехову казалось, что музыка похожа на медленно отекающий мёд, на перламутровые переливы розовой раковины.

В спальне они растворили окно и лежали в изнеможении, глядя на туманные весенние звёзды.

— Я тебя умоляю, не уезжай. Ты можешь отменить эту ужасную поездку?

— Не могу, я должен ехать.

— Найди какой-нибудь повод. Сошлись на болезнь, на что угодно. Только не уезжай.

— Всё решено, я завтра еду.

— Поверь моему предчувствию. Будет плохо. Будет ужасно. Тебя убьют.

— Я вернусь через несколько дней.

— Там война, там зверство. Там свирепые, жестокие, неумытые палачи. Убивают детей, насилюют женщин. Я видела отрезанные головы. Тот, кто тебя посылает, желает твоей смерти. Умоляю, останься.

— Не отпевай меня. Я живой. Через несколько дней мы будем так же лежать, твой локоть в темноте будет так же светиться. Под окном расцветёт твой любимый сиреневый куст.

— Ты обещал, что мы весной поедem во Францию. Будем плавать на яхте. Пить чудесное вино. Ходить на приморские рынки. На прилавках, среди кусочков льда, лежат диковинные глазастые рыбы, розовые осьминоги, пахнущие морем устрицы. Мы поедem на автомобиле в Париж, будем любоваться там картинами Ренуара и Матисса. У собора Нотр-Дам, на берегу Сены я сыграю тебе на флейте мой ноктюрн. Ведь ты обещал.

— Всё так и будет. Вернусь, и поедem во Францию

— Сегодня днём я ходила в церковь, поставила свечу перед образом Николая Угодника. Чтобы он тебя защитил. Ты думай обо мне. Каждую минуту думай, и эта мысль тебя сбережёт. Тебя не захватят в плен эти ужасные бородачи. Тебя минует пуля, минует болезнь. Думай обо мне.

— Я думаю о тебе каждую минуту.

— Мы должны быть вместе. Я люблю тебя. Мне кажется, я мечтала о тебе с самого детства. Ждала тебя, и ты пришёл. Хочу, чтобы мы не расставались. Чтобы у нас была семья, были дети. Хочу посвятить тебе всю мою жизнь.

— Люблю тебя.

Она наклонилась над ним. Обрушила ему на лицо душистые волосы. Целовала его, а он, зады-

хаясь от её поцелуев, закрыл глаза. Видел тонкую свечу, которую она поставила в серебряный подсвечник, и голубей, взлетающих над Сенной у Нотр-Дам-де-Пари, и какую-то светлую, могучую реку, уходящую с земли в небеса.

И наутро, когда они расстались, предчувствия не оставляли его. Он испытывал необъяснимую тоску, словно кто-то не пускал его, отговаривал. Но он побеждал свою слабость, как побеждал её когда-то отец. Подъезжала к дому чёрная «Волга», они с матерью провожали отца. Видели, как за стеклом исчезает отцовское лицо.

Лемехову захотелось перед отъездом на «неведомую войну» побывать на могиле матери, получить от неё напутствие.

Старо-Марковское кладбище находилось по пути в аэропорт «Шереметьево». Он ставил охрану у кладбищенских ворот, углубился в тишину высокого просторного бора, среди которого укрылось кладбище. Оно было прибрано, ухожено, словно за ним присматривал любящий садовник. Вымощенные плиткой дорожки. Клумбы с весенними цветами. Вазоны с пышными растениями. Мраморные памятники, похожие на домино. Деревянные кресты с бронзовыми иконками. Лемехов шёл по дорожке, вдыхая запах хвои, слыша в гулкой высоте среди вершин пение одинокой птицы.

Увидел знакомую могилу с розовым камнем и деревянным крестом. Начертанное материнское имя сначала испугало его, а потом наполнило радостным нежным волнением. Словно мама незримо присутствовала здесь, ждала его, восхитилась его появлению.

Отворил калитку в оградке. Вошёл и сел на скамеечку под высокой елью. Подумал, что мама так любила эти лесные ели, так умилялась лесным цветам, так восторженно прислушивалась к пению лесных птиц. Теперь всё это было у неё, она встречала его среди милой её сердцу природы. Воздух тихо светился, то ли от неяркого солнца, то ли от незримого присутствия мамы.

На могиле тянулся вверх, был готов распуститься цветок с оранжевым бутонем. На кресте повисла упавшая хвойная веточка. Из земли пробивались папоротники, свёрнутые в мохнатые спирали, которые скоро превратятся в резные перья.

Лемехов сидел на скамеечке, и ему казалось, что мама сидит с ним рядом. Они оба смотрят на крест, где начертано её имя.

Он вдруг вспомнил, как в раннем детстве она играла с ним. Шевелила под одеялом пальцами ног, и он, как котёнок, бросался на это шевелящееся одеяло. Вспомнил, как она учила его мыть уши, проникая во все извилины ушной раковины. Вспомнил, как читала книгу о старом Петербурге, о своём любимом городе, где познакомилась с отцом. И позже, гуляя вдоль каналов, он любовался отражением фонарей, останавливался перед колоннадами и дворцовыми решётками, смотрел, как дрожит на невиской воде зыбкое золото адмиралтейской иглы. Всегда вспоминал маму, молодую, прекрасную, читающую малиновый томик о старом Петербурге.

Здесь, у материнской могилы, он успокоился. Был окружён материнским теплом. И после смерти она продолжала его любить, сберегала своим материнским обожанием. Лемехов сделал глубокий вдох. Вдохнул светящийся воздух, запах смолы, голос одинокой птицы, тепло, исходящее от невидимой мамы. Снял с креста еловую веточку, взял с собой в дорогу, как берут талисман. Пошёл к поджидавшей машине.

В своей поездке он отказался от сопровождающих лиц, от охраны. Свёл к минимуму протокольные процедуры. В аэропорту его поджидали заместитель Двудлистиков, «канцлер» Черкизов и Верхоустин. Все поместились за столик в вип-зале, каждый желал Лемехову удачной поездки и счастливого возвращения.

— По «истребителю пятого поколения» я всё подготовил, Евгений Константинович, — Двудлистиков не скрывал своей тревоги, провожая Лемехова в опасную командировку. — Будут конструкторы. Будут представители завода. Будут летчики-испытатели. Будут командиры соединений, куда мы направим первые машины. Вы вернётесь, и мы можем провести совещание.

— Если я в срок не вернусь, проводите его без меня, Леонид Яковлевич.

— Нет! Это невозможно! Без вас невозможно! И зачем вы только едете, Евгений Константинович! — его возглас был полон такой тревоги, такого искреннего нежелания отпускать Лемехова в опасное странствие, такой преданности и обожания, что Лемехов растроганно коснулся его руки:

— Лёня, друг милый, со мной ничего не случится. Я тебе так благодарен. Всё работа, работа, и день, и ночь, и пять, и десять лет. И минутки не найду сказать тебя, как я тобой дорожу!

Это признание ещё больше взволновало Двulistикова. Напоминало откровение перед вечной разлукой.

— Нет! — глухо произнёс он и отвернулся, чтобы спрятать слёзы.

— У нас, Евгений Константинович, партия бурно строится, — Черкизов сказал это с нарочитой бодростью, желая сгладить неловкость. — К нам проявляют интерес представители посольств и международных организаций. Вышли на нас люди Социнтерна, атташе китайского и шведского посольств. Как вы смотрите на то, чтобы устроить встречу с дипломатами и рассказать им о партии?

— Встречу нужно тщательно готовить, чтобы она была представительной и одновременно непринуждённой. Согласитесь, это ещё не вручение верительных грамот, но первая репетиция, — Лемехов видел, как весело заиграли глаза Черкизова, похожие на чёрно-фиолетовых жужелиц.

— Я буду ждать вашего возвращения с нетерпением, — произнёс Верхоустин. — Обещанная встреча состоится. О ней оповещены участники. Лучше всего нам собраться на яхте, подальше от посторонних глаз и ушей. Проплыть от Москвы до Углича. Там оборвалась династия Рюриковичей, а вместе с ней и великое царство. Мы будем говорить о новом царстве. Углич станет для нас исторической вехой.

— Помню, как вы своим магическим взглядом вырвали из морской пучины ракету. Надеюсь, что вы станете невидимо сопутствовать мне на войне.

— С вами Пушкин, — улыбнулся Верхоустин.

Металлический голос объявлял посадку на сирийский рейс, следующий из Москвы в Дамаск. Настала пора прощаться. Микроавтобус доставил Лемехова к трапу самолёта.

Он летел в бизнес-классе, в сирийском полупустом самолёте. Российские рейсы были отменены. Аэропорт Дамаска обстреливался, и российские граждане добирались в Дамаск через Бейрут или прибегали к услугам сирийской компании. Та, невзирая на риск, продолжала совершать перелёты.

Лемехов отказался от напитков и ночного ужина. Потребовал плед и забылся под бархатный рокот двигателей. Погрузился в зыбкий сон. В этом поднебесном сне он видел московские фонтаны и цветущие клумбы, тонкие пальцы возлюбленной, перебиравшие клавиши флейты, синие, как васильки, глаза Верхоустина. Взмывала из моря ракета. Тянулась лесная дорога с бирюзовыми лягушками в малахитовой воде. Золотился жёлудь, который он извлёк из плотной чашечки и любовался его солнечным блеском. Всё это мчалось за ним, окутанное туманной тревогой, невнятной тоской.

Он проснулся, услышав перепад звука, густой и упрямый рокот, толчок выпускаемого шасси. Поднял шторку иллюминатора. Сухой яркий свет солнца спалил остатки сна. Самолёт снижался, мелькала близкая земля, изумрудные полы, пальмы. Самолёт, наконец, опустился на бетон, и сидящие в салоне сирийцы радостно захлопали, выражая признательность искусному пилоту.

У трапа его встречали российский посол и военный советник, представители сирийского МИДа, переводчик и несколько молодых сирийцев в тёмных костюмах и галстуках, с вьющимися проводами переговорных устройств.

— С благополучным прибытием, Евгений Константинович! — сказал посол, широколицый, с седеющим бобриком, в лёгкой рубашке, открывавшей загорелую шею. — С вашей стороны было немалым риском отправляться сирийским рейсом. Сегодня ночью аэропорт был обстрелян. Бои идут в двадцати километрах от трассы.

— Спасибо, что встретили, Махмуд Ахметович. Какие уточнения в программе?

— Мы согласовали программу с сирийской стороной и предлагаем её на ваше усмотрение, — посол обратился к представителю сирийского МИДа, они обменялись несколькими фразами на арабском, и посол протянул Лемехову лист бумаги. — Здесь, Евгений Константинович, учтены ваши пожелания. Едем в город, располагаемся на территории посольства, которая надёжно охраняется. Отдыхаете. Во второй половине дня вас примет Президент. Вечером вы встретитесь с аппаратом военного советника и обсудите проблемы военных поставок. Так, Иван Гаврилович? — посол повернулся к военному советнику, молодому, лысоватому, чьё лицо и зальсины были покрыты персиковым загаром, какой привозят туристы с египетских курортов. — Завтра утром, — продолжал посол, — вас повезут на позиции «Панцирей», и вы обсудите с сирийцами проблемы применения комплексов. Затем, как вы просили, сирийцы доставят вас в расположение бригады, которая ведёт бои в окрестностях Дамаска.

Лемехов читал программу, в то время как посол говорил о чём-то с представителем сирийского МИДа.

— Доктор Фарид предлагает вам остановиться не в резиденции посла, а в отеле «Шам». Он утверждает, что там больше комфорта, вы будете в центре Дамаска и сможете познакомиться с жизнью города. Безопасность вам обеспечат. Добавлю от себя: я не советую принимать это предложение. В Дамаске неспокойно. Зачем рисковать?

— В городе действует агентура мятежников. О вашем прибытии станет известно, — произнёс военный советник, с осуждением взглянув в сторону сирийца.

— Я принимаю предложение доктора Фариды. Мне хочется почувствовать атмосферу Дамаска, — ответил Лемехов. Видел, как недоволен его ответом посол, как дрогнули желваки на его широких скулах.

Расселись по машинам. Колонной, растягивая интервалы, мчались по пустому шоссе, среди рыжих пространств, из которых веяла опасность. На обочинах попадались «бэтээры», солдаты стояли в люках, пулемёты указывали стволами в пустыню. Лемехов ехал в машине посла. Рядом с шофёром сидел охранник в бронежилете, с автоматом и ракетой.

— Какая обстановка в стране? — Лемехов следил, как мелькают за стеклом чахлые пальмы, и жаркий ветер мотает их вялые плюмажи.

— Обстановка ухудшается. Треть страны под контролем повстанцев. К ним стало поступать тяжёлое вооружение, переносные зенитно-ракетные комплексы. В их рядах сражается турецкий спецназ и инструкторы из Иордании, — посол морщил переносицу, словно информация, которой он делился с Лемеховым, не раскрывала всю глубину трагедии.

— А как просматривается военное участие Ирана и Ливана? Они помогают Президенту Асаду? — в машине было прохладно, пахло сладкими лаками, дорогой кожей. А за окном волновалась горячая степь, и хотелось опустить стекло, вдохнуть знойный ветер чужой земли.

— Иран прислал «стражей исламской революции». Они охраняют некоторые государственные учреждения. «Хезболла» принимает участие в боевых действиях. Именно это позволило добиться перелома на отдельных участках фронта. Войска вновь контролируют Алеппо.

— А что из себя представляют повстанцы? В чём их идея?

— Восемьдесят тысяч головорезов, готовых убивать, умирать. Есть боевики из Ирака. Есть из Ливии. Есть из Индонезии. Есть из Пакистана. Есть с нашего Северного Кавказа. Исламский интернационал без единого центра, с сетевой структурой, наподобие Аль-Каиды. Мне Министр обороны рассказывал. Захватили в плен боевика из Бангладеш. У него пояс шахида и дорогое женское бельё. «Зачем тебе женское бельё-то?» «А как же! Когда меня убьют, попаду в рай и подарю девственнице дорогое бельё», — посол говорил это без иронии, без презрения, а мучительно растирая пальцами переносицу. Словно скопившиеся в нём знания причиняли боль.

— Значит, армия не справляется? — спросил Лемехов. — А сводки, которые я читал в Москве, достаточно оптимистичны.

— Армия сражается на пределе возможностей. Предана Башару Асаду. Но она несёт потери. Убыль в войсках не восполняется. К тому же у сирийцев устаревшая техника, советских времён. Во время встречи с Президентом вы услышите просьбу об увеличении поставок.

— В Кремле понимают остроту ситуации. Иначе бы я не приехал.

— Если Сирия падёт, все эти разбойные полчища хлынут в Среднюю Азию и к нам, на Северный Кавказ. Борьба за Сирию — это борьба за Россию, — эти последние слова посол произнёс с тайным надрывом, будто не верил в благополучный исход войны. Не верил, что его сводки, аналитические записки, шифровки побуждают Москву действовать соразмерно опасности.

Лемехов заметил, что его дурные предчувствия рассеялись. Он больше не испытывал тоски. Слепящий свет солнца, желтизна холмов, стремительный бег машины, новые люди и новые впечатления — всё это возбуждало, веселило, обострило чувства. Он испытывал азарт, какой бывает на охоте, когда приближаешься к неведомому лесу, к незнакомому озеру, к неоглядному полю, в которых таится добыча. Ты осторожно крадёшься, чутко вслушиваешься, ловишь каждую тень, готов к моментальному действию.

Они въехали в Дамаск, и вид горячего, благополучного города, полного машин, с многолюдными улицами, торгующими магазинами, островерхими минаретами, окончательно его успокоил. Кругом

была жизнь, суета, лавочки, супермаркеты, памятники на площадях, вывески и рекламы. Хотелось окунуться в это восточное многолюдье, которое, казалось, не ведало о войне.

Они вышли у «Шам» — отеля, старомодного и респектабельного. Горячий воздух с парами бензина и запахом сладких цветов на мгновение пахнул в лицо. Они прошли сквозь стеклянную карусель дверей и оказались в прохладном, уходящем ввысь пространстве с ярусами этажей, с которых свисали зелёные лианы, вьющиеся растения, глянцеви́тая листва и сочные стебли. «Висячие сады Семирамиды», — подумал Лемехов, поднимая глаза к стеклянному, пропускающему солнце куполу. Перевёл взгляд на шелестящий фонтан с мраморной чашей.

— Ещё раз подумайте, Евгений Константинович. Может быть, всё-таки в резиденцию?

— Мы встретимся вечером, Махмуд Ахметович. Рад знакомству.

Они расстались с послем, который передал Лемехова на попечение сирийцам. Среди представителей МИДа оказался переводчик Али с хорошим русским, что объяснялось годами учёбы в Советском Союзе.

— Мне выпала большая честь работать с вами, Евгений Константинович, — Али был худощав, с длинной шеей, с влажными ласковыми глазами, какие бывают у детских поэтов и застенчивых мечтателей. — Все эти дни я буду с вами. Вы можете обращаться ко мне с любыми просьбами.

Али и представитель МИДа поднялись с Лемеховым на этаж. Здесь, в небольшом холле, отдельно от прочих, располагался номер. В резных креслицах сидели два молодых охранника, оба в чёрных пиджаках, которые набухли в подмышках от скрытого оружия.

— Здесь вы в полной безопасности, — произнёс Али, впуская Лемехова в номер. — Вы хотите отдохнуть? Или погулять по городу? До встречи с Президентом ещё много времени.

— Хочу погулять.

— Тогда через двадцать минут я жду вас внизу.

Номер был прекрасный, с мебелью, инкрустированной перламутром. На столе красовалась драгоценная ваза. Пол устилал восточный ковёр. Окна выходили на островерхую мечеть, на мерцающую, как слюда, улицу и на туманные горы горчичного цвета, в слепящем солнце. Лемехов подумал, что земля, на которой он оказался, описана в священных текстах. Здесь жил Ной, совершил своё злодеяние Каин, ступала нога Иисуса, Савл превратился в Павла. И если отрешиться от политики и войны, от современного шумящего города, то вдруг заструится музыка библейских времён, зазвучат исчезнувшие языки, и военный переводчик Али предстанет библейским пастухом, окружённым кроткими овцами.

Лемехов принял душ. Сменил тёмный костюм на светлый. Переложил из одного кармана в другой еловую веточку, ту, что снял с креста на материнской могиле. Спустился в холл, увлекая за собой двух молчаливых охранников.

Сады Семирамиды роняли вниз зелёные плети. Шелестел и плескался фонтан. На диванах, на расшитых подушках непринуждённо сидели люди, и служитель подавал на подносе чашечки чая и кофе. Бережно расставлял на узорных столиках. Слышался смех, громкая арабская речь. Ничто не напоминало о войне, которая приближалась к городу. И только в стороне, в узорных креслицах сидели два автоматчика. Поглядывали на стеклянную дверь, пропускавшую посетителей.

Появился Али, улыбался фиолетовыми губами, смотрел глазами кроткого библейского овна.

— Евгений Константинович, может быть, вы хотите пообедать здесь, в ресторане? Или мы погуляем, и я отведу вас в ресторан с национальной арабской кухней?

— Дорогой Али, мы погуляем, а потом, перед визитом к Президенту, пообедаем.

Они посетили базар, огромное, расположенное в старом городе торжище под стеклянной кровлей, с бесчисленными лотками, лавками и витринами. Густо, в обе стороны, валила толпа. Лемехову казалось, что его окунули в горячий вар, в вязкое накалённое месиво. Он медленно продвигался среди тюрбанов и долгополых облачений, смуглых лиц и блестящих глаз. Охранники были рядом, то пропадая, то возникая в толпе.

— Вы можете что-нибудь купить. Какой-нибудь сувенир, — произнёс Али.

— Хотел бы купить весь базар, так всё красиво и необычно.

На него вдруг нахлынуло восхитительное детское веселье, радостное обожание. Базар был разноцветным балаганом, в котором одни декорации сменялись другими, одни фокусники и затейники уступали место другим. Юркие дети пускали ввысь мигающих огоньками птиц. Крикливые зазы-

валы хватали покупателей за рукав и тащили к своим нарядным лавкам. Медные изделия сияли, как солнце, — самовары всех мастей и размеров, чеканные чаши и чайники с грациозными шеями, ковши и котлы, в которых мог поместиться баран. Торговец в клетчатой шапочке ставил на полку медную лампу. Был похож на волшебника, владеющего чудесным светильником.

Лемехов любовался музыкальными инструментами, которые, казалось, ждали музыкантов, чтобы зазвенеть, забренчать, запеть на восточной свадьбе среди ковров, босоногих танцовщиц, клубящихся благовоний. Он заглядывал в лавку с коврами, и каждый ковёр говорил о волшебных лугах, сказочных цветниках, райских садах. Туда хотелось улететь на этих коврах-самолётах.

Война, которая ещё недавно тревожила, мучила страхами и предчувствиями, теперь отступила. Скрылась, занавешенная алыми узорами и золотыми орнаментами.

Кальяны, стоящие в ряд, были похожи на стеклянных птиц с гибкими шеями и изящными клювами. Резные табуреточки и столики, инкрустированные перламутром, ждали, когда начнётся чаепитие, и появится голубая ваза с виноградом и яблоками, зелёное эмалевое блюдо с восточными сладостями.

Базар ветвился, от него в обе стороны расходились улицы. Толпа напоминала гудящий пчелиный рой. Пламенели рулоны тканей. Тянуло дымом жаровен, ванилью, корицей, тмином.

Лемехов задержался у прилавка, где гроздьями висели чётки, стеклянные, деревянные, из полудрагоценных камней. Он выбрал чётки из нежного лазурита, перебирал их, вспомнив стилиста Самцова, что рекомендовал ему обзавестись чётками.

У прилавков, где торговали драгоценностями, он купил золотое кольцо с прозрачным изумрудом. Представлял, как наденет его на гибкий, тонкий палец своей ненаглядной Ольги.

— Вам понравился базар? — спросил Али. Лемехов счастливо кивнул. Ему казалось, что мимо пронесли огромный разноцветный фонарь, и в душе осталось ликующее детское чувство.

Они покинули торговые ряды и вышли на сухую горячую площадь. Здесь возвышалась могучая мечеть. И, словно ожидая их появления, на островерхом минарете взвился в синеву голос, рыдающий, поющий, стенающий. Один, второй, третий. Страстный вихрь, огненный жгут, факел в лазури, плач и мольба. Казалось, над минаретом растворилось небо, и в лазурь помчались незримые силы, унося с земли слезную мольбу, которая достигала Того, к кому стремилась. И в ответ на землю лилась густая пламенная синева.

— Теперь мы можем посмотреть мечеть Омейядов. Это святыня всего мусульманского мира. Здесь во время Второго пришествия явится Христос. Он сойдёт на землю с минарета. Здесь покоится голова Иоанна Крестителя, и Иисус встретится с ним в мечети.

Лемехов был вовлечён в этот вьющийся, пламенный вихрь. Вслед за Али, окружённый людом, переступил порог мечети.

Сбросил обувь, там, где уже во множестве стояли чупаки, сандалии, стоптанные туфли. По мягкому ковру прошёл в глубину мечети. Здесь было прохладно, высокие колонны уходили ввысь, поддерживали просторный купол. Мечеть была огромной, с косыми лучами солнца, с резными нишами в стенах, с зеленоватым светящимся саркофагом, где за стеклом виднелась замотанная в ткань отсечённая голова Иоанна.

Лемехова охватила робкая радость, тихое благоговение. Он оказался в святилище другой веры, среди святынь другого народа, который пустил его, иноверца, в сокровенную обитель. Переводчик Али деликатно отошёл, оставив Лемехова одного.

Люди входили в мечеть, бесшумно ступали, раскладывали молитвенные коврики. Вставали на колени, падали ниц, распрямлялись. Омывающим жестом проводили ладонями у лица и снова падали ниц.

Мечеть наполнялась. Женщины в просторных облачениях и хиджабах усаживались вдоль стены, похожие на одинаковых чёрных птиц. Дети шалили и бегали, и их никто не останавливал. И звенели, рокотами, рыдали голоса муэдзинов, созывая людей на молитву.

Лемехов сел на ковёр, прислонился спиной к колонне. Ему было хорошо. Луч, падающий с высоты, зажег на стене арабеску. От усыпальницы Иоанна струились сладкие благовония. Множество молящихся колыхалось, как трава под ветром. Лемехов погрузился в созерцание, напоминавшее сон наяву. Словно кто-то нежной рукой вычерпывал из памяти воспоминания, забытые, заслонённые страстями и бурями его ненасытной и жаркой жизни. Перламутровая пуговица от бабушкиного под-

венечного платья, которая лежала в металлической круглой коробке среди других пуговиц, застёжек и запонок. Он высыпал их на стол, и искал среди них пуговицу из морской раковины, любовался её жемчужно-розовыми переливами. Потом она потерялась, исчезла. И теперь вдруг возникла в мечте, превратившись в мерцающую арабеску.

Деревенская девушка, с которой он подружился, когда жил на даче в короткое лето, вила ему из ромашек венки, и он смотрел на её легкие загорелые руки, на край ситцевого цветастого платья, испытывая к ней небывалую нежность, желание коснуться губами её загорелой руки, ромашек, её золотистых бровей. Когда пролетело лето, и он уезжал из деревни, она провожала его за околицу, подарила цветок осенней розовой мальвы, и он всё оглядывался, всё смотрел, как машет она рукой, исчезает за поворотом, чтобы больше никогда не появиться. Но теперь она вдруг возникла, и он видел, как снова розовеет мальва в её загорелой руке.

Эти сновидения наяву помещали его в светящееся пространство, за пределами которого удаленная, неправдоподобная, как тень, существовала война. Кто-то любящий и всесильный не пускал эту мутную тень в его светящийся сон.

Он услышал, как в гулком пространстве мечети зарокотал голос. На этот рокот потянулись люди, густо и тесно толпясь перед маленькой кафедрой. Мимо Лемехова торопливо прошёл человек в вязаной шапочке, в просторной накидке, с коричневым, почти чёрным лицом. Лемехова поразила его худоба, измождённое лицо, на котором горели болезненным жаром глаза. В них была страстная вера, мука, отчаянная тоска и надежда, какие бывают у страдальца, достигшего последней черты. Человек прошёл мимо Лемехова, погружая в мягкий ковёр босые ноги. Развевая накидку пахнула ветром.

На кафедре, окружённый толпой, возвышался проповедник в белой чалме, тучный, с седой бородой. Он рокотал, увещевал, настаивал. Его голос то улетал к лазурному своду, то ниспадал к толпе, жадно внимающей. Воля и сила этого голоса побудила Лемехова встать.

Подошёл переводчик Али.

— Это кто? — спросил Лемехов.

— Имам Ахмад-аль-Бухари. Самый влиятельный имам Дамаска. Он осуждает тех, кто напал на Сирию. Тех, кто разрушает сирийские города.

— О чём говорит? — спросил Лемехов, вслушиваясь в бурлящий голос.

Проповедник поднимал указующий перст, словно в подтверждение своих слов ссылаясь на высший авторитет

— Толкует суру Корана. Говорит, что Аллах сотворил мир справедливым, и быть справедливым, значит, исполнять волю Аллаха.

Проповедник прикладывал руку к сердцу, возводил ввысь глаза, словно призывал в свидетели высший, витающий в небесах Разум.

— А теперь о чём говорит?

— Говорит, что мусульманин должен быть очень внимателен. Должен внимательно исследовать все события, чтобы отличить добрые дела от злых.

Имам простирал руки к тем, кто внимал его проповеди. То ладонями вниз, словно заслонял их головы сберегающим покровом. То ладонями вверх, будто призывал людей оторваться от земных забот и сует и возвыситься до небес. То гневно вонзал пальцы, будто хотел пронзить заблудших и грешных.

— А теперь что говорит?

— Говорит, что нельзя совершать убийство. Нельзя слушать тех, кто зовёт убивать людей. Говорит, что те, кто расстрелял заложников в Хомсе, это не мусульмане, а слуги шайтана.

Лемехов видел, как жадно внимают имаму, каким доверием светятся лица. Женщины у стены, не имея возможности приблизиться к проповеднику, тянулись к нему, похожие на птиц, готовых взлететь.

Лемехов увидел в толпе темнолицего человека в вязаной шапочке. Тот был выше остальных, словно привстал на носки, чтобы лучше внимать вещей проповеди. Из глаз его лилось фиолетовое пламя, и он хотел этим пламенем дотянуться до белой чалмы, седой бороды, воздетых рук.

— Нам нужно идти, — произнёс Али. — Вас ждут в резиденции Президента.

Они направились к выходу, где им предстояло отыскать свою обувь.

— Вам понравилась мечеть Омейядов? — спросил Али.

Лемехов услышал хрустящий удар. Тупой толчок в спину. Волну горячего ветра. Мгновенье тишины, словно был выпит весь воздух, и затем — стенающий вопль, крик ужаса, жалобный визг. Этот вопль и визг расшвыривали толпу, гнали её прочь от кафедры, сметали её в разные углы мечети. В открывшейся пустоте, на тлеющем ковре веером лежали растерзанные люди. Одни недвижно среди дымных огоньков. Другие шевелились, ползли. Кафедра криво осела, и с неё свешивался имам, без рук, с лысой, потерявшей чалму головой, висящей на красных нитях.

Лемехов, оглушённый, сквозь едкую гарь смотрел, как мечутся люди. Как женщины подхватывают детей. Как давится у выхода слепая толпа. На горящем ковре, отдельно от убитых и раненых, на обрубке шеи, как на подставке, стояла чернолицая носатая голова в вязаной шапочке. Глаза у головы были открыты, и казалось, из них продолжают полыхать два фиолетовых факела.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Потрясённый, Лемехов вернулся в отель «Шам». Охрана виновато, с повышенным рвением, вела его через холл, к лифту, по коридору, к номеру. Али проводил его до дверей и печально сказал:

— Ещё недавно Дамаск был самым спокойным и красивым городом на Ближнем Востоке. А теперь он может разделить судьбу Багдада и Триполи. Я жду вас, Евгений Константинович, через полчаса в холле.

Лемехов встал под горячий душ, смывая с себя гарь, едкую окалину, каменную пыль. Смерть прошла рядом с ним, пылая фиолетовыми глазами, босоногая, в просторной накидке. Белая ткань свилась в завиток у его лица, и он почувствовал, как пахнул на него ветерок смерти.

«У сиреневой опушки, в малахитовой воде», — вспомнились стихи отца. Уже из других миров отец предупреждал его об опасности.

Он сменил рубашку, надел свежий костюм, и предстал перед Али, спокойный, дружелюбный, почти весёлый.

— Президенту доложили о взрыве. Он обеспокоен вашей безопасностью.

— Сегодня весь сирийский народ лишён безопасности, — сказал Лемехов.

— Вы правы, — ответил Али, и глаза его горестно заблестели. Лемехов подумал, что этот деликатный сириец промелькнёт перед ним как тень, и его жизнь и печаль так и останутся неразгаданными. Забудутся среди других бесчисленных печалей.

Они промчались по многолюдным улицам, пробиваясь сквозь скопления машин. Въезд в резиденцию Президента был перегорожен полосатыми бетонными плитами. У ворот стояли автоматчики. Другие, зоркие, с бегающими глазами, заглядывали в машину, о чём-то говорили с Али. Провожали Лемехова до парадных дверей, передавая следующей чередой охранников. Среди них, суровых и напряжённых, выделялись улыбающиеся чиновники протокола.

Встреча с Президентом Башаром Асадом состоялась в зале, уставленном золочёной мебелью. Они сидели в креслах под государственным флагом Сирии. На стене висел портрет отца нынешнего Президента. Хафез Асад смотрел на сына, словно сострадал ему и винился. Передал в управление сыну благоденствующую страну, которая уже была заминирована чудовищной злобой и ненавистью. Теперь эта злоба и ненависть нахлынули на сына, готовые его поглотить.

Лемехов говорил с Президентом на английском. Произношение Президента было безупречным:

— Я знаю о сегодняшнем несчастье в мечети. Дамаск встречает вас взрывами. Рад, что вы избежали взрывной волны. Имам Ахмад-аль-Бухари был близким для меня человеком. Я советовался с ним по государственным и религиозным вопросам. Его убили за дружбу со мной.

— Я скорблю по поводу этой смерти. Лично для вас, господин Президент, это большая утрата.

Башар Асад был худошав, строен. Движения его были грациозны. Длинную шею увенчивала небольшая красивая голова с аристократическими усиками. Глаза были внимательны и спокойны. В них притаилось упорное ожидание, которое могло показаться обречённостью. Лемехов рассматривал его благородное лицо и сравнивал его судьбу с судьбой Саддама Хусейна и Муамара Каддафи, мучеников власти, которых поглотила тьма и насилие.

За окном резиденции грохнуло, задрожали стёкла, глухой удар колыхнул флаг над головой Президента. Лемехов вздрогнул.

— Это бьют «катюши» в районе правительственного аэродрома. Сейчас бои идут в пригороде Дамаска, в Дарайе. Бригада спецназа выбивает оттуда мятежников.

— Мы в России восхищаемся стойкостью сирийской армии. Вашей стойкостью, господин Президент, — произнёс Лемехов, вся плоть которого помнила недавний взрыв в мечети, взрывную волну, толкнувшую в спину.

— Россия для Сирии — главный союзник. Россия помогает нам выдержать дьявольский натиск агрессии, заговор Запада и Соединённых Штатов против нашей страны. Политическая поддержка России блокирует в ООН решение Совета Безопасности начать воздушную войну против Сирии.

— Президент Лабазов прекрасно понимает проводимую Америкой «стратегию хаоса», уже превратившую множество стран в бесформенные руины. Здесь, в Сирии, благодаря вашему мужеству, господин Президент, этой «стратегии хаоса» поставлен заслон.

Лемехов, касаясь рукой золочёного кресла, глядя на маленький узорный столик, инкрустированный перламутром, чувствовал ревущую волну хаоса, сметающую государства, рвущую заклёпки, на которых держатся мировые устои. Сорный ветер готов был ворваться в нарядную залу и умчаться этого изысканного человека с его флагом, шёлковым галстуком, упрямым, но обречённым взглядом.

— Я вижу в Президенте Лабазове верного друга и союзника. Он является мудрым руководителем, который вернул России ведущее место в мире. Народы смотрят с надеждой на Президента Лабазова, признают его заслуги перед человечеством.

Лемехов вдруг подумал, что скоро, когда воссияет его звезда, и он станет Президентом России, вот так же в золочёных гостиных и парадных кабинетах лидеры государств будут произносить в его адрес хвалы, называть его оплотом и надеждой народов.

Служитель на серебряном подносе принёс чашечки кофе, сласти. Бережно и бесшумно расставлял угощение на резном столике.

— В чём особенно нуждается сирийская армия, ведя упорные бои с врагом? Чем может помочь Россия? — Лемехов пригубил густой раскалённый кофе, ощутив его терпкую горечь.

— Мы остро нуждаемся в вертолётных двигателях. Парк вертолётов изношен, и мы, отказываясь от вертолётов, лишаемся своих преимуществ. Нам также необходима бронетехника. Наши боевые машины используются с советских времён. Они израсходовали свой ресурс. Кроме того, мятежники вооружены гранатомётами, который причиняют нашим машинам ощутимый урон. И, конечно, воздушная оборона. Мы не исключаем возможность «бесконтактной войны», как это было в Ираке или Ливии. Нападение возможно со стороны Средиземного моря, с авианосцев Шестого американского флота. Со стороны Персидского залива. С аэродромов Израиля. Ваш зенитно-ракетный комплекс «Панцирь» прикрывает Дамаск с главных направлений, но остаются неприкрытыми несколько секторов. Нам необходимы дополнительные дивизионы «Панцирей», делающие оборону Дамаска непробиваемой.

— Нам известны потребности сирийской армии. Сегодня вечером я провожу совещание с нашими специалистами и уточню численные показатели наших оборонных поставок.

Они продолжали обсуждать положение на фронте, суть религиозного конфликта, участие в войне Турции, Иордании и Саудовской Аравии, роль Ирана и «Хезболлы». Лемехов убеждался, что перед ним непреклонный лидер, утончённый интеллектуал, оригинальный стратег, сделавший свой выбор. Никакая опасность не заставит его покинуть страну. До последнего дыхания, даже окружённый врагами, он будет сражаться и героически примет смерть.

— Передайте Президенту Лабазову мою искреннюю благодарность, — сказал в заключение Башар Асад. — Россия должна гордиться таким Президентом и очень его беречь.

Покидая приёмный зал, Лемехов слышал, как позванивают стёкла от залпов «катюш».

Вечером в посольстве он совещался с дипломатами, военными советниками, генералами разведки, специалистами, обслуживающими боевую технику. Уточнялись потери сирийцев в вертолётах, боевых машинах и танках. Определялся объём поставок артиллерийских снарядов и ракет для установок залпового огня. Рассматривались позиционные карты с нанесёнными на них батареями «Панцирей», направления возможных ударов натовской авиации. Собравшиеся специалисты каза-

лись осведомлёнными, бывали в войсках. Делились горькими наблюдениями. И на каждом лежала едва заметная окалина дрящейся бесконечно войны.

Утром Лемехов проснулся от сердечного перебоя, словно клюнула невидимая птица. Полутёмный номер с восточной вазой. Ковёр с полосой солнца. Скопившийся за шторой утренний свет. Это было утро его войны, его смертельного риска, быть может, смерти. Ради этого утра он явился в стреляющую страну, чтобы искутить судьбу. Быть может, его мессианский проект является просто фантазией, которую оборвёт случайная пуля или бомба. Или он пронесёт свою мечту сквозь взрывы и пули.

Лемехов отдернул штору. Утреннее солнце хлынуло в комнату. За окном возвышалась озарённая мечеть, несколько пальм, виднелась улица с шевелящимся слюдяным блеском. За ними высились сиреневые горы в тених, и казалось, что под мягким одеялом лежат великаны.

Лемехов смотрел на горы. Там не было дорог и строений, а только мягкие тени, в которых укрылось таинственное библейское время. Там обитали пророки, шли волхвы, случались чудеса, а теперь всё это укрылось под сиреневым пологом, недоступное для прозрения.

«Неужели это мои последние видения? И мне суждено погибнуть под чужим солнцем, в чужой земле, смешавшись с прахом исчезнувших безымянных народов?..»

В холле его ждал Али, любезный и приветливый, с тихой печалью в глазах:

— Нас ждёт командир бригады. Он был очень польщён вашим желанием посетить его штаб.

— Район Дарайя... Какая там обстановка?

— Идут бои с применением артиллерии и танков.

«Неужели я больше не увижу эти выющиеся лианы, ниспадающие из купола до самой земли? И этот фонтан с шелестящими струями? И служителя, несущего на подносе фарфоровый чайник и чашечки? Ради чего я приношу эту жертву? Быть может, сослаться на нездоровье, на вчерашнюю контузию, и вернуться в номер? Я уже испытал судьбу, и она меня сохранила. Я её избранник, любимец. Хватит её искушать».

— Машины нас ждут, — произнёс Али. Лемехов вышел сквозь стеклянную карусель на солнечное пекло.

Они мчались по Дамаску на двух машинах в сопровождении охраны. Вначале город клубился толпой, теснился жилыми кварталами, мерцал автомобильным потоком. Потом жилые дома расступились, потянулись лавки, склады, ремонтные мастерские, за которыми открывалась степная пустота с холмами. Лемехов продолжал мучиться, цеплялся взглядом за мелькавшие вывески, за велосипедиста, за двух женщин у обочины. Словно хотел задержаться, остановить слепое стремление туда, где поджидала его смерть. Но неодолимая сила мчала его вперёд, навстречу роковому испытанию, которое он задумал. Является ли он избранником, мессианским лидером, любимцем истории? Или это дурное наваждение, безумная мечта, предел которым положит пуля? «И следила взглядом зорким воронёная беда, и темнела за пригорком смоляная борода», — звучал рефреном в его мозгу отцовский стих.

Они свернули с шоссе на дорогу, изгрызенную гусеницами. Запрыгали на рытвинах. Открылось поле аэродрома с несколькими вертолётами, быть может, приготовленными для эвакуации Башара Асада.

Грохнуло так, что колыхнулась машина. В степи за аэродромом поднялась горчичная пыль. Это выпустила ракеты установка залпового огня, и они улетели туда, куда продвигался Лемехов.

Впереди, сквозь слепящее солнце, возникло видение, мутно-коричневое, в едкой дымке, похожее на мираж. Город без блеска окон, мёртвый, похожий на глиняный термитник, принял их в свои улицы, окружил дырами окон, облезлыми фасадами, проломами в стенах.

— Дарайя! — воскликнул Али, и в его возгласе было что-то птичье, тоскливое и беспомощное.

Штаб бригады размещался в разрушенном доме. Над всеми окнами фасад был испачкан жирной копотью. У подъезда стояла боевая машина пехоты, истрёпанная, запылённая, с заплатами на ботах. Она извела удары гранатомёта и пулемётные очереди. Расхаживали солдаты. Валялись какие-то одеяла, раздавленный гусеницами велосипед, блестящие осколки посуды. Сквозь развороченное окно первого этажа были видны офицеры, работала рация. Из соседних кварталов раздавались редкие выстрелы. Стреляла пушка.

Командир бригады, молодой генерал, принял их этажом выше, в квартире, сквозь которую про-

летел снаряд, оставив сквозные проломы. Мебель обгорела, свисала разбитая люстра, кровать была полна обугленного тряпья.

Генерал раскрыл объятия, и они с Лемеховым дважды прижались друг к другу, щека к щеке.

— Я слышал, господин генерал, что ваша бригада особенно отмечена вниманием Президента. Сражается на самом важном направлении, защищая Дамаск.

Генерал, не понимая русскую речь, улыбался мягкими губами, шевелил тёмными усиками, и его смуглое лицо обращалось попеременно то к Лемехову, то к переводчику. Али перевёл. Генерал произнёс «хоп» и стал говорить, указывая рукой в разбитое окно, за которым высились здания с зияющими окнами.

— Он говорит, — переводил Али, — что бригада выбила противника из Дарайи. Остался один укрепрайон на окраине, и туда подтягиваются танки.

Их окружили офицеры штаба, все молодые, черноусые, в несвежей, закопчённой униформе. Внимательно слушали их беседу.

— Генерал предлагает выйти на балкон. Там не так жарко, — сказал Али.

Они сидели на тесном балконе за столиком, у которого пуля отколола розовую щепку. Им принесли чай в чашечках, найденных среди разгромленной утвари. Дул прохладный ветерок, в котором присутствовали едкие струйки гари. С ровными промежутками, металлически чавкая, была пушка.

— Как происходят боевые действия? — повторил вопрос Лемехов.

«Хоп», — сказал генерал и стал отвечать, поводя рукой, словно прикасался к проломленным крышам и закопчённым фасадам.

— Он говорит, — Али переводил очередную порцию слов и умолкал, позволяя генералу продолжить рассказ, — что бандиты врываются в город, захватывают мэрию и расстреливают администраторов. Их расстреливают на площади, на виду у народа. Трупы подвешивают на фонарях. Народ пугается и начинает убегать из города. В него стреляют, и люди покидают город. Бандиты занимают пустые дома и устраивают опорные пункты. Сажают на перекрёстках снайперов, минируют главные улицы.

Лемехов заметил, как дрожат губы Али, и глаза наполняются слёзной мукой. Рассказ генерала действовал на него ужасающе. Лемехов удивлялся ранимости этого военного переводчика, так и не привыкшего за два года войны к её ужасам и жестокостям.

Городской квартал был освещён солнцем, с прямоугольными тенями, как на картине художника-кубиста. Люди отсутствовали, оставалась жестокая геометрия смерти.

Лемехов вглядывался в уступы домов, прислушивался к отдалённому лязгу пушек. В этих призмах, кубах, в изрезанных осколками фасадах таился неведомый бородач с зелёной перевязью на лбу, с потёртым автоматом, в котором застыла пуля, предназначенная для Лемехова. Он летел через пол земли, чтобы увидеть этот разорённый квартал, зияющие окна и встретиться с пулей. Он и пуля ожидали встречи, знали, что она неизбежна, как знал об этом отец, написавший для сына свой великий стих. «Это будет в новолунье, на неведомой войне. Бирюзовые квакуны зарыдают обо мне».

— Он говорит, что бои в городе протекают тяжело и стоят больших потерь. По снайперам стреляют танки, а потом здание захватывает пехота. Но мятежники успевают перебежать в соседнее здание и оттуда открывают огонь. Сейчас весь город очищен. Остался последний опорный пункт бандитов на окраине.

Лемехов знал, что в этих развалинах таится его смерть. И он не может уклониться от встречи с ней, не может остаться с генералом на этом балконе с чашечкой чая. Он явился сюда, в безвестный город, чтобы убедиться в своей богоизбранности, в божественном предначертании. Если его мечта — не безумное заблуждение, не бред воспалённой гордыни, то пуля его минует. Или же, напротив, настигнет, погасив и мечту, и солнце.

— Али, спросите генерала, могу ли я попасть на передний край, туда, где идёт бой?

Али перевёл, и Лемехов видел, как удивлённо взлетели тёмные брови генерала, и под ними замерли вишнёвого цвета глаза.

«Хоп», — сказал генерал и стал говорить, обводя руками кубическую картину квартала.

— Он говорит, что это опасно. На пути следования засел снайпер и ведёт прицельный огонь. Надо передвигаться на боевой машине пехоты, под бронёй.

— Проверим, надёжна ли русская броня, — сказал Лемехов.

Генерал ещё раз молча, испытующе посмотрел на Лемехова и произнёс своё бодрое «хоп».

Они погрузились в боевую машину пехоты, в её десантный отсек. Переводчик Али, генерал и Лемехов, напротив три молодых солдата с автоматами.

«Господи помилуй!» — подумал Лемехов, когда двери захлопнулись. Машина взревела и пошла, дёргаясь и качаясь, изрыгая дым, который залетал в полутёмный отсек. С одной стороны Лемехов чувствовал худое плечо Али. С другой на него наваливалось сильное тело генерала. Острые колени солдат упирались в его ноги. Их несло, встряхивало, качало на поворотах. Закупоренный в железном отсеке, Лемехов чувствовал, как гусеницы скребут камни, как машина проваливается в ямы, как лавирует среди невидимых препятствий. Он сжимался, ожидая удара. Ожидая свистящего, пронзающего броню огня. Бессловесно молился. «Господи, спаси и помилуй! Укажи мне путь! Если хочешь, убей меня! Или открой мне свою милость и благоволение! Предаюсь твоей воле, Господи!»

Он молился, призывая на помощь лучистую, как бриллиант, икону Державной Богоматери и могилу мамы с весенним цветком, и те разноцветные стёклышки, которыми в детстве выкладывал потаённую лунку, и те негасимые карельские зори, когда плыли с женой по розовым водам, и голубую сосульку в зимнем окне.

Страшно ударило в борт, проскрежетало. Звук проник сквозь броню, ноющий, рвущий, выдирая сердце. Лемехов почувствовал, как что-то жестокое, жуткое рассекло его, крутилось в груди, наматывало жилы, сосуды, запечатывало горло липким страхом.

Машину бросало из стороны в стороны. Она гремела гусеницами, старой бронёй, и через несколько минут встала. Двери отсека растворились, и солнечная пыль и едкая гарь хлынули внутрь машины.

Лемехов выбрался на волю. Кругом высились всё те же, горчичного цвета дома, пустые окна, языки копоти. Толпились солдаты. Механик-водитель, белозубо улыбаясь, показывал свежие выбоины на броне, оставленные очередью. Генерал оглаживал выбоины, словно ласкал машину. Другие солдаты подходили, смеялись, хлопали друг друга по плечам.

Лемехов вдруг ощутил ликующую радость. Пули, хлестнувшие по броне, предназначались ему. Испытывали его. Испытывали его веру, его упование. Божий промысел привёл его в сирийский разгромленный город, подверг испытанию, заставил усомниться, помог победить неверие. Усадил в боевую машину, хлестнул по машине огнём, поместил между раскалённым свинцом и ужаснувшимся сердцем лист брони. И теперь этот промысел окружил его молодыми солдатами, их смеющимися лицами, и от этих закопчённых фасадов, от измызанной боевой машины он продолжит свой путь, своё триумфальное восхождение.

— Генерал говорит, что вы — угодный Богу человек, — сказал Али. Генерал кивал, улыбался, трепал Лемехова по плечу. — Ещё он говорит, что вызовет танк и уничтожит снайпера.

Молодой солдат, один из тех, что сидел с Лемеховым в боевой машине, подошёл, пожал ему руку. Он был юношески худ, на безусом лице сияли глаза. Он был счастлив тем, что их опасный рейд окончился благополучно. Счастлив тем, что важный гость из России разделил с ним смертельную опасность. Счастлив тем, что на этой кровопролитной войне выдался ещё один день, когда можно смеяться, забросив автомат за спину.

Лемехов увидел на худой загорелой шее солдата алюминиевый крестик, висящий на простом шнурке. Указал на крестик:

— Ортодокс?

— Ортодокс, ортодокс! — закивал солдат.

Лемехов почувствовал внезапную слёзную нежность к солдату, к его почти ещё детскому лицу, к худой беззащитной шее, к алюминиевому кресту на сером шнурке. Расстегнул на себе рубаху, под которой его серебряный крест висел на золочёной цепочке. Снял крест и протянул солдату. Тот понял, восхитился. Снял с себя крест. Они обменялись крестами. Лемехов поцеловал алюминиевое распятие, а солдат приложил к губам серебро. Они обнялись, троекратно расцеловались. Теперь в этой арабской стране, на жестокой войне, у Лемехова был брат во Христе. Он станет молиться, чтобы пули его миновали.

Генерал направился в дом, где находился штаб батальона, чтобы вызвать по рации танк. Солдаты поспешили за ним.

— Али, почему вы печальны? — Лемехов видел, как мучительно сдвинуты у переводчика брови,

как переполнены слёзным блеском глаза. — Ведь всё замечательно. Сейчас прибудет танк и уничтожит снайпера.

— Здесь, в Дарайе, я жил с семьёй. Жена и две дочери. Вон мой дом, — Али указал на соседнее здание с пустыми окнами, над которыми темнели языки копоти. Они чем-то напоминали страдальческие брови Али.

— А что с семьёй? — Лемехов сострадал. Ему было неловко за недавнее ликование.

— Не знаю. Вы слышали, что говорил генерал. Все жители убежали из города. Я их ишу, но их нет среди живых и мёртвых.

Заскрипело, заскрежетало. Из-за угла выкатил танк с провисшими гусеницами, с грязной бронёй, с тяжёлым колыханием пушки. Генерал с офицерами вышел из штаба. Стал что-то объяснять командиру танка. Солдаты облепили броню.

— Вы не возражаете, если я пойду и посмотрю на мой дом? — спросил Али.

— Я пойду с вами, — сказал Лемехов.

Они перешли улицу, усыпанную битым стеклом и обугленными тряпками. За их спиной скрежетал, удаляясь, танк. Приблизились к дому.

У подъезда был маленький газон, росло ухоженное деревце с глянцевыми листьями и розовыми цветами. На ветках висели окровавленные бинты. Их шевелил ветер. Али протянул к деревцу руку и тут же отёрнул, боясь коснуться бинта. У входа стояла деревянная лавочка, на которой, видимо, отдыхали жильцы. На лавочке стоял аккумулятор с разломанным корпусом, из которого вылилась жидкость. Али погладил лавочку, и Лемехов видел, как дрожат его губы.

Они поднимались по лестнице, под ногами хрустело битое стекло, и, казалось, Али подпрыгивает при каждом шаге, словно осколки впивались в стопы. На лестничных площадках двери квартир были распахнуты, виднелась разгромленная утварь. Али вжимал голову в плечи, будто кто-то из раскрытых дверей наносил ему удары.

На третьем этаже он остановился перед распахнутыми дверями. Качался, не решаясь переступить порог, словно там, за порогом, не было пола, и он боялся провалиться в бездну. Шагнул. Лемехов видел, как заметался он по комнатам, подбирая разбросанные платья, книги, упавшие с потолка люстры. Стоял, прижимая к лицу розовое платье, целовал, вдыхал, не мог надышаться.

В спальне, на распахнутой кровати валялся грязный мужской башмак, желтели стрелянные автоматные гильзы. На стене чёрной копотью были выведены арабские иероглифы, и Али заслонялся от этих жестоких каракулей. Зеркало было цело. Али взял лежащий на подзеркальнике женский гребень и смотрел на него, словно видел, как льются сквозь гребень волны душистых волос. Лемехов смотрел, как Али отражается в зеркале, прижимая гребень к губам.

За окном грохнул танковый выстрел. Зеркало задрожало, и отраженье Али задрожало. Эхо выстрела смолкло. Зеркало успокоилось, а отраженье Али продолжало дрожать. Али рыдал, потрясая плечами.

(Окончание романа читайте в следующем номере журнала)

Поэзия

Андрей Растворцев

Андрей Растворцев родился в 1958 году в селе Гонжа Амурской области. Проживает в городе Чебоксары, работает начальником топографо-геодезической партии. Автор нескольких поэтических сборников и книг для детей. Публиковался в литературно-художественных журналах «ЛИК» и «Таван Атал» (Чебоксары), «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Дальний Восток» и «Родное Приамурье» (Хабаровск), «Юность (Москва), «Литера» (Йошкар-Ола), «Берега» (Калининград), местной периодической печати.

***

Бесконечного времени ветер
Выдувает песчинки дней
И разносит их по планете
Моей...

Время плавится постепенно
В горнах звезд мириады лет,
И рождается во Вселенной
Свет...

Мир качая новорождённый,
Мерно время ведёт отсчёт...
Под часами стоит влюблённый –
Ждёт...

Как всё просто: отсчёт — начало.
Всё конечно, и всё уйдёт...
Для того чтобы всё пропало –
Нужен счёт...

***

Там, где красным пером заря
Расписалась на чёрном небе,
Желтоглазого фонаря
Вызревает небесный стебель.

Рябью лунной дрожит река,
Но никто не придёт на помощь –
Словно сабельная рука
Раскроила седую полночь.

Жёлтый шрам на лице полей,
Стебель лезвием в воду входит...
Пики вздыбленных тополей -
Серебро на небесном своде...

Лунный стебель сквозь ночь пророс,
Разорвав жизнь на быль и небыль...
Неухоженный дикорос
На не паханом чёрном небе...

***

Тень метнулась наверх по отвесной стене
И пропала в твоём освещённом окне.
Но пропала не вся, лишь её голова...
Безголовая тень шла, спустя рукава.

Незаметно для всех гильотина окна
Отсекла тень до плеч — но шагала она
По пустынным проспектам,
вдоль солнц фонарей,
А её голова у постели твоей...

Замерла голова над твоей красотой
Лишь на миг, не нарушив прекрасный покой,
Но и мига хватило — лишённая плеч,
Голова обязалась покой твой стеречь.

Вот и годы прошли: сколько зим, сколько лет!
Тень шагает моя — головы на ней нет...
Ты смеёшься, прижавшись к плечу моему:
«Что за тень у тебя? — я никак не пойму...»

***

Монету номиналом в две копейки
Не опустить мне в прорезь таксофона
И не назначить встречу у скамейки,
У той, где бродит странная ворона...

Ты не придёшь, я не куплю гвоздики,
Мне лишь гвоздики были по карману -
А голос Герман с песней «Эвридики»
Один я слушать без тебя не стану...

Я не спущусь в подвал за кружкой пива.
Не «догонюсь» в дешёвенькой пельменной...
Не помню я — была ли ты красива?
Была ты обстоятельно-степенной...

А я всё время нарушал порядок.
И не любил, когда меня учили...

И вот мне не коснуться тонких прядок,
И твои губы о моих забыли...

Другое время, на других полянах,
Другие травы и другое лето...
Но нет ночей там беззаботно-пьяных -
Они в пространстве потерялись где-то...

Жизнь поменяла номер телефона.
Исчезли города, где мы любили...
А будку городского таксофона –
Давным-давно в металлолом пустили...

***

Как холодно мела метель
Под белою луною стылой...
И дверь, слетевшая с петель,
Скрипела песнею унылой...
Пуржило хмурым ноябрём –
Как есть, пуржило...
За промороженным окном
Огонь оранжевым крылом
В лампадке бился...
А снег, вихрясь над косяком,
Да над проваленным крыльцом,
В избу просился...

Как холодно мела метель,
Как зябко и тревожно было...
Тепло распахнутых земель
Куда-то к северу сносило...
Пуржило хмурым ноябрём –
Как есть, пуржило...
В избе, средь маетной ночи,
Огня разваленной печи
Метались блики...
Сквозь гарь оплавленной свечи,
Из паутиновой парчи
Глядели лики...

***

Я иногда говорил: «Ты — гномик»
И сажал тебя на ладонь.
Я рисовал тебе домик
И в камине огонь.

В старом кресле, накинув плед,
Читая, ты засыпала...
Я кофе варил тебе на обед,
Ты на меня ворчала.

Флёр путешествий тебя манил –
Я рисовал тебе замки,
Старого Сфинкса, широкий Нил,
И простоватых янки...

Я набивал табаком чубук
И рисовал вагоны –
Поезд дымил, и стучал: «Тук-тук...»,
Мелькали в окне перроны...

Ты уезжала, я шёл за тобой,
Быстро меняя страны -
Я рисовал их одну за другой
С ловкостью обезьяны.

Ты уставала — капризный взгляд:
«Здесь я уже бывала»...
Мы возвращались, и я был рад –
Ты на плече дремала...

***

Свечу задую на заре — окно открою.
Росу в ладони соберу — лицо омою.
Ночь гасит звёзды надо мной и тихо тает.
Туман волною над рекой.
Светает...

Калиткой скрипну во дворе — уйду к рассвету,
К его прозрачному теплу, в объятья лету -
Мои следы через туман — прямой строкою,
Сквозь шёпот ветреных берёз над головою.

Через ромашковый раскрой и красный клевер
Корабль белых облаков плывет на север.
Плечо ласкает тёплый луч, щебечет птица -
Сегодня, птице, как и мне, зарей не спится.

Заря полоской золотой в подножье неба.
Стакан парного молока с краюхой хлеба.
Ночь гасит звёзды надо мной и тихо тает.
Туман волною над рекой.
Светает...

Трасса

На трассе М-7 — дождь...
Плакаты — усталый вождь,
Заляпанный светом фар...
ГАИ и антирадар...
Мой старенький «Форд» урчит,
Как кот, что у блюдца спит;
Овраги, ручьи, мосты
И... траурные кресты...

Кладбищенский антураж
О тех, кто любил форсаж,
О тех, кто давил на газ
Под лихо звучащий джаз...
О тех, кто дремал в ночи,
Ретро-FM включив,
О тех, кто спешил домой,
Весёлый, слегка хмельной...

На трассе М-7 — туман...
Вся трасса - ночной дурман,
И чей-то влекущий зов
Под скрежет и вой тормозов!
Когда, уходя на юз,
По «встречке» летит «большегруз» -
Я, резко открыв глаза,
Успею нажать тормоза...

И долго курю в ночи,
На «ближний» свет фар включив...
И там, где цветут кусты,
Глядят мне в глаза кресты...
На трассе М-7 — дождь...
Плакаты — усталый вождь,
Заляпанный светом фар...
ГАИ и антирадар...

***

Ночь кружится вороном по-над степью стылою.
От шального выстрела — крылья на излом...
Ковыли под ветрами песнь поют унылую,
Где добро замешано накрепко со злом...

От полынной горечи горло перехвачено.
Сабельные посвисты, да свинцовый град...
Здесь чужими жизнями за свою заплачено —
Упокойной песнею травы шелестят...

Здесь эфесом сабельным серп луны качается.
Здесь багровым знаменем плещется закат...
Ворон рваной раною ран чужих касается —
Как же это вышло всё? — объясни мне, брат...

Тут шинели серые, там лампасы красные,
Здесь кресты с медалями под росой блестят...
Но не смотрят на небо больше очи ясные,
И в глаза любимые больше не глядят...

На ветру качаются травы переспелые,
По-над степью вороны чёрные кружат...
Под ковыльной песнею, робкие и смелые,
Буйные и тихие — сном последним спят...

Старый казак

Сынко, седлай-ка донца!
Сбрую накинь поновей.
Буду в седле до конца-а,
Сколь не осталось мне дней...

Не хороните отца!
Я ещё нынче в седле.
Буду я в ём до конца-а,
Не голосите по мне...

Доня, папаху подай —
Я в ей красивый с лица.
Утром я выеду в гай
Да разогрею донца.

Кровь застоялася в ём.
Конь мой скучал без меня...
Рвётся дончак за село —
Нервно трепещет ноздря.

И ничего, что давно
Кончилось время атак —
Лихо взметнулся в седло
В белой черкеске казак...

Мамин стол

Мамин стол,
Хлебосольный от веку,
Для детей, для гостей
Каждый день до заката накрыт.
Я из дома ушёл.
Не сидится в домах человеку,
Но я знаю, есть стол,
За которым не буду забыт...

Там есть чай и вино,
И оладий янтарные горки,
Из ржаных сухарей
Квас домашний прохладой манит...
Как я не был давно
У стола, над которым две шторки,
Летний ветер, в июль,
До утра, до зари шевелит...

Я однажды вернусь —
Мама стол хлебосольный накроет.
Я, как в детстве опять,
В её тёплые руки уткнусь...
Легкокрылая грусть
Наплывёт — моё сердце заночует...
Ты прости меня, мама,
Что за стол твой я редко сажусь...

Проза

Михаил Попов

Михаил Константинович Попов родился в 1947 году в деревне Пертема на берегу реки Онеги. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работал слесарем-монтажником на подводных лодках, лаборантом-ультразвуковиком заводской лаборатории (предприятие «Звёздочка»), профессиональным рыбаком в Прибалтике; трудился в геологоразведке на Северном Тимане; служил в армии на Волге. За плечами Михаила Попова полдюжины газет различного уровня, включая республиканскую, в которых он прошёл все ступени профессионального и карьерного роста; был создателем и редактором литературного альманаха «Белый пароход», редактором альманаха «Красная пристань». В настоящее время главный редактор литературного журнала «Двина» (Архангельск). Автор двух десятков книг, в том числе прозы, публицистики, литературоведческих статей, изданий для детей и юношества. Его произведения переведены на основные скандинавские языки, а также на английский. Фрагмент одной из повестей экранизирован. Михаил Попов — лауреат ряда премий: областной литературной им. Ф.А. Абрамова (1995), Всероссийской литературной им. Б.В. Шергина (2005), Всероссийской литературной им. И.А. Гончарова (2007), Международной премии им. М.А. Шолохова (2008), лауреат двух международных премий: «Полярная звезда»(2012) и имени П.П.Ершова (2014).

КРАСНО СОЛНЫШКО

Повесть

У роженого оказалось четыре зуба. Он так прикусывал соски, что матери губы себе искусала. Что делать? Чадо блажит, ись просит. Матери извелась — и от боли, и от кручины. А покормить никак — молоко кровью даётся, а то и вовсе пропадает. Дали младеню кормилице — та тоже в рёв. Другой — тоже. Тогда Малуша, матери роженого, расшатала те ранние зубёшки, вытащила их и, наконец-то, утолила голод дитяти.

И так всё, верно, и забылось бы. Эка невидаль — утрата молочных шоркунков. Да ведь отцом чада был князь Святослав, киевский державник, и выходит, ребялёнок, названный Владимиром, явился на свет князем, даром, что родила его холопка — князева ключница. Прознала о содеянном бабка младеню, княгиня Ольга, и до того разгневалась, — как де рабычица позволила самоуправство, — что сперва приказала полосовать плетью, а поостыв маленько, приказ отменила и велела гнать ослушницу со двора.

Как убивалась Малуша, что её разлучают с роженым дитятком! Лучше плеть, чем воля! Как стонала на забрале, устремляя очи в закатную сторону, куда походный конь унёс князя! Где ты, ладу? Как молила вихорь донести на Дунай свои горючи слёзы! Оборони, любый! Всё было тщетно. Спровалили Малушу с господского двора едва не батогами. Дозволила ей княгиня токмо одно — надеть сынку оберег-ладанку. Не боле...

Простыл след Малуши, словно её и не было. Куда унесло рабычицу, старая княгиня не пыталась. Но ладанку-оберег, которой игрался младенец, однажды растворила.

В кожаном мешочке оказались те самые шоркунки, скреплённые белокурой прядкой младеню; в ту же связку были вплетены русые волосы из оселедца отца да каштановый завиток матери, а ещё животинная нитка — не иначе жилка жертвенного быка, забитого на Подоле в честь новорожденного. Насупилась старая Ольгица, оглядев языческий оберег, да всё же не воспротивилась. Смирило её одно — пёрышко голубиное, символ Свята Духа, — оплетённое прядками. И положила она во внукову ладанку свою память — резной кипарисовый крестик, привезённый тремя годами ране из града Константинополя, где она, Ольга, крестилась.

Что будит его ни свет ни заря? Отрок вполглаза размыкает веки. Огня нет — постельничий служка, вечер бубнивший «Влесову книгу», не уследил, сморённый дремой, — светец сгас. Будить — не будить?

Глаза отрока тянутся к бусоватому оконцу. В суметках оно едва угадывается. По слюдяным вставкам мечутся тени. А за оконцем буйствует непогодь, заглушая похрапывание служки и мурлыканье котофея, что пригрелся в ногах.

«Студенец — месяц-оборотень», — вещает старая Улита. А ить ежели прислушаться — и впрямь. То как ведьмедь-шатун, до поры спокинувший берлогу, трещит лесинами, безумствуя от голода. То будто домовый колотит на подволоке, мол, не спи, большуха, даром что ночь, вставай печь топи, да, мотри, жарче, не то стужа-кощеица живо хоромы в полон возьмёт. То татем свищет в два пальца, погоняя запоздалого ярыжку. А то взвизгнет, ровно пьяная ведьма, и, заметая подолом позёмки собственные следы, унесётся куда-то за детинец.

Кот-баюнок перебирается ко взголовью, поуркивает заботно и наставительно. Дрёма опахивая веки, опять кунает в сон. Кто это с прялицей? Али не с прялицей? Неуж, ведьма на помеле? Нет, не ведьма. То опять старица. Что-то бубнит. Наставляет? Али спрос ведёт? «А вот тебе, дитяtko, красно солнышко!» В руках Улиты блюдо медное, а в блюде клюква алая, изморозью обсахаренная.

Отрок ворочается, размётывая овчинную полость. Пошто не спитесь? Ненастье ли пробудило — то, что снаружи? Али ожиданьице чего-то — что деется внутри? «Спи ужо!» — урчит кот-баюн.

Улитина прялица украшена Ярилой. Куделя на лопасти, что туча громовая, застит красно солнышко — ни просвета. «Скоро ли, бабеня, счахнет зима?» — «Скоро, батюшка. Куделю-то спряду — тады и возвернётся весна-красна. Вишь, краюшек отворился». Напервы-то он поверил — убедила старая. Да потом смекнул, что кудели-то у бабени разные: то сивая — это от ярочки, а то аспидная — от чёрного барана. Осерчал было, догадавшись, дверью хлопнул. Да сердце-то отходчивое — на другое же утро опять наведался в пряльную горенку. А Улита ему — обновку: наголовки вязаные на ноги. «Садись, батюшка, примеряй». Наголовки мягонькие да тёплые, хошь вместо катанок обувай.

Наголовки, что котофеи — порск, и вот уже бегут по снегу. Навроде сами по себе. А будто и его несут. Куда путь ладят коты вязаные? А вон куда — к жару печному, к горну кузнечному. Мехи бучат полымя, железо калят. Кольчуга, кою куют-ладят кузнецы-молодцы, уже собрана. Остаётся последок — зеркало нагрудное. Вот старый коваль суёт в горн щипцы-сорохваты и вынает из полымя алое марево. Во сне оно так и замирает на весу, ровно солнышко красное над студёным окоёмом.

Снова посвист позёмки. Дрёма прядает с вежд, будто мысь с ветки, да недалече. Куда ж ей бечь — на ночь гляючи? Но ушки-то у той мыси на макушке.

Что за звуки имеет слух? Ягняши ли в хлеву топчут, волка почуявши? Филин ли гугнит-ухает, осердясь на мышь, сослепу проворонив репишницу? Али говор чей доносится? Неужто служка? Очнулся малый, да и принялся честить «Влесову книгу»: «...ибо в той Бездне повесил Дажьбог землю нашу, дабы она была удержана». Не-е-ет, то не служка. Что разглядишь в мороке? Это ставенька бубнит, сиверику вторя, — то мерно, то скороговоркой, то будто жалясь на долю-судьбину, а то затихая-притаиваясь.

Снова сонная поволока накрывает вежды. И снова накоротке. Где-то встрескивает от стужи охлупень али кровельная доска. Тотчас взлаивает перепуганная собака и толь же быстро умолкает. А в слюдяную околенику опять хлещет снежным горохом. Эх разгулялся студенец, будто буян-забияка! До свету будет лютовать-зубоскальничать. А светать-то начнёт не скоро. Здесь, в Новгороде, зима долгая, а день короток, что тебе горобейкин скок. Не то, что в стольном Киеве.

Миг всего — и сон-сороход уносит отрока на днепровские кручи. Под подошвами осыпается глина. Меж ног снуют ластовки. Эвон как они утыкали крутояр своими гнёздами, ровно шорники хомутовую сыромятину завойными шильями. Стрекота береговушек не слышать, а вот куванье зегзицы доносится явственно, будто кто наказ даёт, лета меряя.

Отчина отворяется во все стороны, докуль хватает ока. Расплавленным златом-серебром сверкает кипень реки. Ширь и даль Днепра пластают струги и ладьи. Посерёдке ветрил — лики Ярилы, золотом вапленые. Издали паруса напоминают яблонный цвет, что порошит землю и воду. Явственно наплывает медвяный запах. И тут — диво-то! — из того летучего духа возникает образ маменьки. Утайкой от суровой бабени крадется она к нему, роженому дитяtke, дабы порадовать наливным яблочком да омыть кудёрки горячей слезой. Не она ли, та слеза, стекает сквозь сон на его взголовьице? А следом — чу! — ровно меч из ножен — врывается на круг сна батюшка. Тут запахи иные. Весь пропахший потом, конской упряжью, дымом костров, тятя-родимец тискает его, младеню, щекоча

вислыми усами, даёт теревить оселедец — кручёную чуприну, серьгой золотой с камешками баловать, скалит крепкие зубы, что-то говорит, но речи не слышать, словно голос уносит ярым бореем за днепровские пороги...

Где всё это, что ласкало-лелеяло твоё краткое младенчество, отрок? Нет уже старой Ольгицы, суровой бабени — почилла о третьем годе. Нет уже и батюшки-буй-тура — летось сгиб Святослав на ратище с печенегами, сложив буйну голову у днепровских порогов. И матери твоя неведомо где, Малуша. Один Добрыня при тебе остался, брат матушки. Он и за мамку, и за тату, и за всех на свете родимцев и доброхотов.

2

Спозаранку, едва встав, отрок первым делом наведалься к старбене.

— Ну, батюшка, дождались, — молвила Улита, поправляя повойник. — Сончеворот приспел. Зима на мороз ладит да сонче, вишь, на летечко засбиралось. Сядет в дровеньки и в гору покатит.

А и впрямь ведь перемены округ, даром что ночь всего минула. То дуло, кулемесило, наворачивая сугробы. А ноне тихо, позёмка, что ведьмачила даве, вертя подолом, мышью-крупшиницей обернулась, едва шевелит хвостиком да попискивает. Да и мороз-ухорез подустал и, похоже, не толь дерёт щёки, как намедни. Выпорхнул отрок на красное крыльцо, а ему возок подают — «Добра здравия, князьенька!» — и под юфтевый сапожок ступеньку подворачивают. Владимир ласково всем кивает, мимолётно окидывая двор. Тут, само собой, Добрыня, новгородские первые люди, дале вершинки, вооружённые копьями да сулицами. Кони их ражие ярятся, всадники скалятся, похваляясь удалью да буетью. Да то до поры. Взгляд Добрыни — окорот тем и другим. Разом все примолкают, едва юный князь восходит на возок.

Путь летучего поезда лежит к Словенскому холму. Это недалече от княжеского терема, но Владимир велит править в объезд, вдоль Волхова — уж больно охота глянуть на реку.

Волхов закован в ледовую кольчугу и, мнится, спит мертвецким сном, ровно ратник после брани. Но как река бурлит под панцирем, так и жизнь кипит по берегам. Над хоромами дымы, столбами устремлённые в небо. У ближней проруби колготится нарядчик, очищая ивовым черпаком зеркало воды. По торной стёжке спускается молодлица с коромыслом на плече. Другая жёнка уже с полными бадейками медленно поднимается в угор. Вдоль реки тянется обоз с сеном.

Но больше всего по берегам Волхова нынче ребяшей. Обрадели, что угомонилась непогодь, прынули на берег горобейными стайками и ну щебетать, ратица шутейные устраивать да с крутояра на чунках летать. Но главное-то не это. Ноне важный день. Нать поглядывать на небо, упредить всех, когда расступятся облачные пелены да покажет свой новорожденный лик пресветлый Ярило. И потому ребяши то и дело задирая головёнки так, что треухи спадают, ведут славцу: «Солнышко, повернись! Красное, покажись!»

Князьенька не утерпел, скокнул с возка и присоединил свой ещё ломкий голос к общему кличу: «Солнышко, повернись! Красное, разожгись! В путь-дорогу снарядись!»

А красное-то словно его только и дожидалось. Словно не доставало ему одного-единственного голоса — зова князя. Встрепенулось оно, сначала мглистое, точно яишняя размазня — желток, замутнённый белком; потом бледно-жёлтое, что переспелая морошина на мхе-ягеле; и наконец, растопив жаром облачные пелены, выкатилось, ровно молодильное яблоко, на синь-блюдо али, как калёное зеркало, на твердь наковальни, что под утро приснилось-привиделось князю-отроку.

Ребяши в крик: «Эге-гей, Ярило!» И Владимир с ними: «Эге-гей!» Колобком по кручам покатилося звонкое эхо, уносясь за излучину.

А ребяшам нет угомону. Они дале правят обряд, норовя пример показать Яриле. Садясь, кто на чунки, кто на корежки — доски с рожками, похожие на козлят, ребяши летят с круч, только снежная пыль завывается, мол, и ты, красное-распрекрасное, погоняй своего коня.

Охота и Владимиру с ними, да дядька-пестун взглядом строжит: не по чину, княже!

А ребяши-то — вот непоседы! — опять что-то затевают. На-ко! С горы огненное колесо покатилося. Запалили сорванцы разошедшееся тележное колесо, паклей набив ступицу, проёмы спиц, и летит оно, рукотворное Ярило, подскакивая на рытвинах, да искры калёные сыплет. Так бы и кинулся туда, на огненное катище, к сверсникам-подлётывшам. Да нельзя. Добрыня кивком зазывает назад: мол, пора, княже, государевы дела ждут.

Князев поезд следует к Словенскому холму. Тут дедичами да отчичами свито стоглавое капище, венец Земли Новгородской. По закрайкам холмища — заколыши кудесников, балиев да волхвов, обвязанные пестрядиной, лесовой рукоплетницей и бусами. А посередь темени — столпы праотцов: Перун, Хорс, Мокошь...

Ныне славный день — солнцеворот. Свет-батюшка Ярило повернул на лето. Стало быть, не прогневали даждьбоговы внуки своих заступников. Как тут не преклонить колени и не возблагодарить кумиров? Чередом и заповеданным чином кладутся к подножиям их дары. Тут брашка — яства и меды, кованая сбруя — мечи, секиры, боевые топоры — чеканы, а дале изукрасы — амулеты, фибулы, змеевики...

Радость на Земле Новгородской — новолетие зачинается. Вот как зычно да в лад ведут волхвы величание! Как следом взыгрывают гудошники-дудари, даром что мороз студит уста! А потом и скоморохи пускаются в круг, греясь пляской! А Яриле и любо это! Эвон как шуруется, эвон как подмигивает красно солнышко из-за летучих облачков, а то и приплясывает, скидываясь с облачка на облачко, ровно снегирь с одной заснеженной рябинки на другую.

Величание подходит к концу. Простой люд стекает с холма по снежным веретейкам — кому в каку сторону. Конные воротят на торную дорогу — она одна. Последними завершают обряд ближние да степенные люди, которые, откланявшись князю, садятся в возки.

Обратно укороченный государев поезд, вертается ближней дорогой. Но передовые вершники к княжескому терему не подворачивают, а минуют ворота. Владимир оборачивается на дядьку: далече ли? А тот в ответ, кренясь с коня, хлопает себя по могутной груди: али забыл, княже? «А-а-а!» — лицо отрока озаряет улыбка: доспехи примерять.

В начале студенца Добрыня призвал к князю оружейников. Приспела пора новую сбрую справиться. Сыновец растёт, рамена ширятся, плотью наливаются. Нать новую кольчугу, подзор, наручи. Нать шелом новый. Возьмётся, мастера? Чего ж не взяться? Тут же сняли мерку с князя, завязав на верёвчатой сажени узелки, и назначили примерку на день солнцеворота.

И вот давешний сон оборачивается явью. Стало быть, в руку. Князенька с дядькой — в кузне Ярёма. Тут дымно, стоит железный звон-гам, искрит железо, из кади с водой пыхает пар, из лохани с ворваньёю — чад, когда в них попеременно суют для закалу булат, творя при этом заговорные шептанья.

Горны кузнечные, коли в доспехах надоба, не гаснут ни днём, ни ночью. Оборона промедления не терпит, знай поворачивайся. Но для знатных заказчиков делается исключение. При появлении князеньки и его наперсника стукоток в кузне заметно смолкает. Отставив заделье, ковали стекаются на серёдку. На ногах бахилы полстяные, тела фартуками грубой кожи окутаны, волосы берестяными гайтанами забраны. Чумазые, страховитые, белые зубы скалят. Ярёма, могутный, вровень с Добрыней богатырь, супит брови, остужая норов работников. Да при виде князя-отрока и сам не удерживает улыбки: «Многая лета, княже!»

И вот начинается примерка. На Владимира надевают ратные байданы. Кольца, из коих собрана кольчуга, вызванивают боеву песнь. Верх борони пластинчатый, подзор — тоже. На запястьях кованые наручи, они оттягивают чешую рукавов и подчёркивают рамена. Всё пока схвачено на живую нитку. Но главного не отнимешь — скроено ладно.

Что ещё? Зерцало. Место для него посередь груди — там, где солнечное сплетение. Вот оно, ярое, вызревает в горне. Ярёма кивает напарнику, надевает нагольные рукавицы и зубастыми щипцами выхватывает из огненного бучила заготовку. Круглое и малиновое, как молодое Ярило, зеркало выкатывается на наковальню! И тотчас — бах да бух! — молот и молоток берут его в обработку. Летят искры, горячая окалина, но коваль с молотобойцем не уворачиваются, принимая задубелой кожей все укусы калёных ос.

Выгнется зеркало до потребной величины, очистят его от копоти, высветлят дрсевой, усилят лучистыми пластинами, особо украсят яблоко — серёдку зеркала, и заиграет оно на княжеской груди драгоценнее любой украсы, а главное, надёжно оборонит — и от стрелы, и от меча, и от копья, коли нацелены будут в его сердце.

Смущён князенька словами кузнеца. Громливы они, ровно удары молотка, что кладёт он следом за кувалдой, оттягом добиваясь нужной формы, но до чего же ласковы да задушевные. Как тут в ответ не улыбнуться? И Добрыня, похоже, доволен: «Ярило в гору — обнова миру. И у нас обновы», — завершает он примерку и велит, как токмо всё будет исполнено — смётано, сшито да склёпано, — доставить сбрую в князев терем.

Кузню Владимир с дядькой покидают. Однако обновление на этом не заканчивается. Впереди — золотошвейня, там украсы для коня.

Орь князев вороной масти давно объезжен. Обихоженный и сытно кормленный отборным овсом, он стоит в княжеской конюшне и, когда выводят скакуна на двор, кажется, даже летучие тучи замирают, любясь его статью и завидуя его норову. Упряжь для воронка шорники справили — и узду, и седло, и стремяна — всё честь по чести. И галдар на грудь вороного готов — ни одна стрела, ни копьё не поразят оря. Остались чепрак да покроец под седло, что в золотошвейне ладят.

При поминании золотошвейни у Владимира вспыхивают щёки. Ох, и славно же там, в этой рукодельне. Ровно в саду на Подоле. Кажется даже, что яблоки падают и пчёлы тягуче жужжат, до того всё чудесно расцветает, как в погожий день лучистого червения. С мухояра — ткани бухарской — пышет алое Ярило. Смарагдовый оксамит — шёлк с ворсом из серебряных и золотых нитей — походит на траву-мураву. А согдийский шёлк-камку, кажется, вздымают на распахнутых крылах рукодельные жар-птицы — струфокамилы.

Одно донимает князеньку — поглядки рукодельниц. Больно востроглазые девки-то. Так и стреляют очами — смуту, неведомую доселе, поселяя в груди. Да ещё шепотки их, мнится, ехидные. Цыкнет на них старшуха — баба-бабариха, — они примолкнут маленько, присмирят да поглядки-то не оставят.

Нонече, конечно, не то. Нонече Владимир с дядькой. При Добрыне девки-золотошвейки никнут, глаз не смеют поднять, ровно мышцы крупяные хоронятся. Токмо сердце у князеньки всё равно трепещет, словно щегол в силках. Не оттого ли и ночью маялось? Не эти ли лесовые, русалочьи очи, на миг вскинутые, блазнились в потёми?

Покроец под седло швеям задался. Добрыня доволен. Багряная тафта, а по закрайкам узорочье изумрудное, словно глаза павлиньи али... русалочьи. Ведь Добрыня не токмо узорочье примечает. От его ока не утаятся и поглядки. Вон как зыркнули на сыновца те очи из-под брусвенного повоая, что тебе стрела неминуемая! Ухмыльнулся Добрыня в окладистую, на всю грудь бороду: рановато, однако. Да приметив ответный взгляд молодца, смекнул, что сроки те уже подходят, — ой, подходят! — вон как щёки-то его пылают, ровно солнышко нонешнее.

3

Сечень выдался ясный да солнечный, даром что мороз не отпускал. День прибывал ходко. На серёдке месяца надумал Добрыня свозить князя в Плесков — новгородскую вотчину. Киев уклад — ждёт, а Новегороду одному толь великую подать не осилить. Да и князю пора спознавать свои владения.

Град Плесков юному князю глянулся. Он оказался похож на Новегород. Кремль, детинец, и река в городе, правда, помене Волхова, хоть и Великая.

Псковский голова послал встреч князю поезду верховых. А в красных воротах встречали государя-новгородца хлебом-солью. Сперва в палатах городских, что на вечевой площади, сладили о размерах виры. Скобская знать держалась степенно — не юлила и не пыщилась — и ответ держала здраво и почестно. Да ведь с Добрыней инако и нельзя — он всё ведаёт: и какой был умолот, и сколько добыто зверя-птицы, наимано-насолено белорыбицы, насбирано пчелиной борти... Оно, конечно, скоко мер жита в ларе Гюряты-скудельника али репы в сусеках Гориславы, вдовицы кузнеца Угодяя, он не скажет. Но о казне городской, на сколько кун она тянет, представление имеет. А потому лучше не лукавь, а что положено — выложи. Чай, не на забавы берётся: на сбрую да комоней, без чего дружина — не дружина. А не дашь десятины, так ведь можешь всё потерять, и не токмо хоромы, лопоть и закрома — голову. Фряг ли, нурманн, свейский ли немец, али другой какой тать не станут годить, прознавши про твою скудную бороню, мигом кинутся на разбой. Тем паче тут, на самом порубежье. Никакие стены не спасут, коли не подсобит Господин Великий Новегород.

После того, как сладили о размерах податей и сроках, хозяева повели дорогих гостей в трапезную. В застолье знатно попили-поели — не поскупились псковичи принять государя: чем богаты — всё выставили. А ещё скоморошиной позабавили, гудошниками-дударями слух умастили.

Князь Владимир, глядячи на игрунов, радовался, как малое дитя, даже пальцем показывал. Остался доволен и Добрыня, обласкав кого взглядом, кого улыбкой. И так это сердце умаслило хозяевам, что они разохотились. Чем ещё порадовать дорогих гостей? А вот чем — и вспомнили про дар Ольги, бабени Владимира. На вечевой площади, обочь хором оказался амбар тёсанный, отворили

его, а там сани — Ольгин подарок родимому граду Плескову от бывшей простолюдинки, ставшей Княгиней Киевской.

Внук обошёл дар бабени округ. Сани простые, без особых украс. На полозьях железы, оглобли в железной обойке, копылки не рассохлись. «А ну!»

Загорелся князенька, потребовал запрячь. Привели ему с конюшни каурюю кобылку: бабенина любимца, пояснили, немолодая уже, но ещё тяглая. Запрягли. Кобылка взялась мягко и ладно — бубенцы на дуге не дрогнули, да пошла-то степенно, ровно мужня жонка под коромыслом. Миновали улицу, другую. Кобылка трусила в охотку, но — что заметил возница — будто клонит в одну сторону. Князенька поводья опустил, гадая, что будет, куда вывезет каурая. А кобылка покатила вдоль реки и вывела не куда-то, а к крестовому храму. Вожатый вершник оказался крещёным. Он и пояснил, что церковь эту древесну в честь Живоначальный Троицы заложила христовая княгиня.

Вернулся Владимир на вечерую площадь. То румянцем щёки играли, а тут забледнел. Велел другую лошадь запрячь в бабенины сани. Привели ему молодого игреневого жеребчика. Тот бесом вьётся, кобенится, шею выгибает. А вступил в оглобли, будто подменили — запритих, присмирел, ровно старый мерин сделался. Князенька тронул, не в пример с кобылкой, завернул ошуйной вожжой, и только потом, когда далече откатили от реки, поводья ослабил. И что же? Да то же самое. Игреньвый орь уже другой дорогой привёз его к Ольгиной молельне.

В третий раз пытаться судьбу князь не стал. Призадумался, нащупал на груди ладанку, где покоился бабенин дар — кипарисовый крестик. Глянул на гречанина-мниха, который вышел на крылечко и, кланяясь, вроде бы манит. И уже было направился Владимир к храму. Да тут остановил его Добрыня. Видя смятение отрока, он велел подать другие сани. Да пошире, попросторнее, да чтобы с запятками. Мол, не в свои сани не садись, княже, — твои иные. И всё с шутками-прибаутками, облегчая Владимиру сердце.

Воля Добрыни — и для князеньки воля. А уж для вотчинного люда и подавно. Живо подали расписные сани, не сани — гусли на полозьях: кузов просторный, по днищу — сенная попона, в ногах — милоть овчинная. Изволь, государь!

А князенька, похоже, и рад такому обороту: не в свои, так не в свои... Тем паче, что поданные и впрячь куда как красовитей. А уж конь какой в упряжи — не сыскать: могучий, ражий, вороного отлива, особо яркого противу снега. Не орь — клубень перуновой тучи на громобойном раскате. А вожжи шелковые, украшенные бирюзой да окатым жемчугом, что молоньи.

Дядька доволен — добрая запряжка. Но чего-то тут не хватает, хитро щурится он. По знаку Добрыни на запятки вспархивает стайка девок-белянок. То-то щебету раздаётся, словно снегири прыгнули на огорожу! Вот теперь в самый раз, усмехается дядька.

Князенька вспыхивает. Огненный глаз жеребца, пар из его раздутых ноздрей, волнистая дрожь хребта, вскрики белянок, поглядки челяди, широкая улыбка Добрыни — всё воспаляет сердце князеньки, наполняя его восторгом. Он трогает поводья. Добрыня на ходу наказывает вершникам, чтобы стерегли, чтоб завернули, буде понесёт вороной в яруги. А из-под копыт — уже замять снежная...

Повозка устремляется к воротам. Черета крепостных запон. Ворота Смердьи, ворота Великие — перед князем всё нараспашку. И вот уже сани вылетают за кром — и намётом по наезженной накати, которая скётся вдоль Великой. Застоявшийся орь горячит кровь, переходя на галоп. На раскатах сани заносит. Девки с запяток сыплются, что горох. Смех, визг, причитания. А князенька, знай, настёгивает, никому не давая спуску. За спиной, кажется, ни души — облетели. Обернулся. На-ко! Одна из белян так и прикипела к гребню кузова. Волосы, выбившиеся из-под убруса, снегом обмётаны, губы прикушены, глаза, иссечённые встречным свистом, прищурены, однако страха нет, отчаянье, безоглядность — будь что будет! — вот что в них.

«Тр-р-р!» — вскидывается князенька, одерживая жеребца. Тот ещё в запале, бешеным глазом косит — пошто неволишь? — но натяг вожжой кобенит шею и, вороной медленно утишает гон, переходя на крупную рысь. Не ослабляя поводьев, князенька мотает головой, мол, давай в сани. Белянка ждать не заставляет, живо переваливается через гребень и тут же оказывается в князевых объятьях.

«Звать-то?..» — пыхает он жаром. «Лю-ба-ва», — она едва разлепляет губы. Глаза синие, ресницы в инее. Щёки горят. А губы-то не застыли. Это князенька сознаёт, приникая своими. И до чего же жаркими они становятся, смыкаясь в союзе.

Вороной, не чуя узды, перешёл на шаг, а потом и вовсе встал. В снежной замяти нащупал соломенные охвостья. Выбил копытом, втянул слабый запах, глазом проследил, куда ведёт житная натруха — вон куда, к овину, что на взгорке. Ворота распахнуты — то ли забыли затворить, то ли открыли проветрять. И он потянулся на запах.

Вершники князевы остаются позади. Добрыня наставлял, чтобы глаз не спускали, а коли надо — глаза не мозолили. Вот они и застывают на ближних холмах. Отсюда хорошо видать Скобское озеро, откуль чинят набеги немцы, а также лесовая опушка, откуль крадутся, бывает, оголодавшие зазимьем волки. На холмах — стылый тягун. Вершники зябко ёжатся, кляня погоду и службу, да втихаря пеняют князеньке: видать, голову потерял, юнак.

А князь и впрямь потерял... Ведь впервые. Очнулся только на миг, когда вороной втянулся в суметки овина. Донёсся слабый житный дух, запах прелой соломы. Не отсель ли тянут соломенные снопы, чтобы ладить Кострому, чтобы потом запалить на крутояре?.. Догадка коснулась только краешка сознания — пыхнул сам. Что ещё осталось в памяти, так это облеск удивлённо-обиженного конского глаза: дескать, что ж ты, хозяин, не ослабил удила, не дал потереть разгорячёнными губами летошней соломы, в которой запуталась повилика?..

4

Радостный и какой-то замедленно-торжественный, неся себя, как налитую всклень чашу, вернулся Владимир в свою столицу. Он желал, чтобы новгородцы увидели Любаву, оценили его выбор и одновременно противился, чтобы чужие глаза касались его зазнобы. Раздраенный супротивными чувствами, князь проехал в открытом возке по всем концам Новгорода, словно напоказ выставляя Любаву, а потом затворился с нею в своём тереме и глаз не показывал.

Новгородцы маленько поусмешничали над своим князенькой, пошто, дескать, девка-то не своя, а скобская. Но распалиться ревностью шибко не стали, объясняя выбор наследственностью: Ольга-де, бабка, тоже ведь оттель. Ничего, пущай малый покуролесит, на то и молодость — нешто непонятно? Но уж на верхосытку-то новгородскую беляну подберём, а там и оженим князеньку.

Разговоры те заглазные не доходили до Владимира, собачим брёхом утихая у господских ворот. Да что с того! Квашня отдельная, да закваска-то в ней та же бродит. Оттого и неприятно стало Владимиру даже в своём терему. Искал уединения, укромного уголка для себя и для Любавы, а тут куда ни ткнись — везде бабки-бабарихи, постельничьи, сенные девки... Ране-то не замечал, сколь их много. А нынче, будто нарочно на глаза лезут. Осердишься, бывает, прогонишь — да опять явятся. А не явятся, так сам начнёшь скликать: без челяди-то ведь не обойтись.

Добрыня, смекнув, что деется в сердце сыновца, опять поманил князя в дорогу. На сей раз в полунощную сторону, в пятинные урёмы. Нужды, по чести сказать, особой нет — народишку там немного, недоимки невелики. Да и не княжеское это дело — за данью ехать, куны собирать. Но уж коли начал князь входить в управу, — Плесков проведаль, бабенину родину, — так надо и другие крайки вотчины оглядеть.

Обрадел Владимир: он готов, он немедля готов в путь; токмо, само собой, с Любавой. Добрыня кивнул: добро, сыновец. Да слегка остудил его: дорога-то дальняя, нать сготовиться, собрать обоз. Да и тебе, княже, возок сладить. При этом он ласково улыбнулся зардевшейся Любаве.

* * *

Обоз двигался тяжело и медленно. Здесь не торная накать, наезженная купецкая дорога меж Новгородом и Плесковым — тут нетронутые снежные урёмы, которые с ходу не возьмёшь. Поперёд поезда пластались битюги, которые тащили еловые волокуши, распахивая наст своим весом и хвойными хвостами. Дале пёрли парные запряжки, кои волокли широкие катки, продавливая снег и образуя путь. А уж по тому пути катили сани, в том числе и князевы.

Возок князев вышел ладный и просторный, не возок — изобка на полозьях. Дверца, оконышко, крыша — всё, как водится. Разве что печурки нету. Зато для тепла изнутри всё обито пушной рухлядью: в ногах — медвежья полость, по стенам-потолочине — соболейки, бобры, куницы. Никакой вихорь не возьмёт. Так уверяли князеньку мастеровые, что обшивали возок.

Походная изобка вышла и впрямь справная — стужу не пускала, а тепло удерживала. Но пушке всякой полости меховой согревала молодца любовь — аж в жар кидало! И уж тогда воспалённому

сердцу не было никакого удержу. Обуреваемый ликованием, новыми, доселе неведомыми чувствами, вымахнет князька из возка, взнуздает пристяжную кобылицу — и вперёд, по целику, по бездорожью, куда каурая не запалится, не завязнет в безбрежных снегах, а у всадника не перехватит дыхание.

Обоз двигался с рассвета до сумерек. Ежели не достигали очередного острожка али какого семейного починка, ночевали в поле, сбившись округ княжеского возка — так распоряжался Добрыня. А с рассвета вновь пускались в путь.

Разомкнёт Владимирко очи, слыша бряцанье колокольцев да скрип полозьев: где это я? Поднимет голову — в сумерках мерцает светлый лик. Обрадеет князька, сладостно улыбнётся, потянется всем своим юным, наливающимся телом, распахнёт дверку возка и полной грудью вдохнёт ядрёный морозный воздух. Здравствуй, батюшка Ярило! — отвесит поклон восходящему солнышку, окинет наливающийся светом простор, метнёт взгляд вдоль обозной вертеи — головка поезда за буераками, а хвост ещё не показался, толь он велик — и засмеётся чему-то, счастливо и безмятежно, как бывает только в юности, а потом захлопнет дверцу и кинется под бебряную полость в тепло и сияние просыпающейся, как утренняя зоренька, Любавы.

В Тервиничах, погосте на реке Ояти, обоз стоял целны сутки. К той поре он заметно укоротился — грузёные пушшиной да белорыбицей дровни по мере надобы возвращались восвояси. Оставшиеся повозки Добрыня разделил на две части: половина поезда отправилась огибать Онего-озеро с восхода, а половина — с заката. Князеву дорогу он думал сперва торить ошуйкой, правя на Спирков острог, да перед самым выходом переменял решение. С закатной стороны места безлюднее да и до засеки пограничной недалеко. А ну как опять нагрянут нурманны, как было о третьем годе. Это в городе они смирные, когда с товаром али за товаром, а в лешем раменье — чисты волки. Не сладить ведь будет с разбойниками при толь малой дружине, к тому же разделённой наполю. Уж лучше очурать князя да пуститься с десницы, правя на Тудорову заимку. Так оно, знамо, доле, зато места там обжитее, ежели что — посельщики подсобят.

Князька не вмешивался в распоряжения Добрыни, всегда и во всём доверяясь дядьке. Да и не шло, коли по чести, ничего молодцу на ум, до того сердечный жар растоплял весь его ещё невеликий на ту пору рассудок. Ведь ежели даже матёрый глухарь теряет голову, заводя зазывную свадебную песню, то что уж говорить про сеголетошного?!

Зато Добрыня, как всегда, был начеку. И сам оберегал сыновца, неназойливо за ним доглядая, и походных людей наставлял, а ещё приставил к князьке Ставра — своего нового гридя. Это был тот самый скобской вершник, который сопровождал Владимира до бабениной церкви. Ладный, спорый, востроглазый, приказы ловит на лету, исполняет их живо и толково — вот этим он и приглянулся Добрыне. И хоть тамошний волхв остерегал воеводу, мол, Ставр на капище не оследится и от заповедей Перуновых отступил, Добрыню это не остановило, залучил молодца под свою руку без промедления: «Крест сброе не мешает!» А к сыновцу поставил ещё и потому, что Ставр оказался родным братом Любавы. Почитай, свояк князьке. А коли так, то, с одной стороны, не будет мозолить глаз — не чужой, чать, а с другой, при надобе и глаз с господаря не спустит.

Санний поезд миновал несколько насельных гнездовий, пересёк реку Водлу и достиг Водлозера. С Волдутова острога Добрыня послал гонца. Путь его лежал на крайку Студёна моря, где в устье реки Онеги был срублен последний обонежский острожок. Онежанам было велено передать, что назначенную мыту надлежит доставить к новолунию в Повенец.

Повенец, крайку Онега-озера, Добрыня определил вершиной долгого пути. Туда нацеливалась вторая половина обоза. Оттуда предстояло всем возвратиться. А поджидая дани с Онежской заимки, здесь можно было дать отдых лошадям да и самим передохнуть перед обратной дорогой, благо, жилые клетки в здешних местах рубились просторные.

Острожек Повенец Владимиру глянулся. Скалистые берега, могутные звонкие сосны, незамерзающие падуны, в которых золотыми рыбками играют радуги, отражаясь в очах Любавы — всё здесь веселило сердце князьки. А оглядел со скальных высот дали — от этих просторов, уходящих за окоём, аж дух захватило. Вот она, его державная вотчина, могучая и прекрасная земля Новгородская, нет ей ни конца, ни краю, как нет конца краю самой жизни. Он порывисто обнял Любаву и приник к её губам. Юная дева и родная земля слились сейчас воедино, и сердце Владимира, переполненное любовью, в этот час воскресило.

Держава его полунощная представилась князю огромным стягом. Острые ратовища, на котором величаво колышится державный стяг, здесь — в Повенце. А он, князь, государь этой земли, стоит на самой вершине. Какой силой налились тут рамена Владимира! Но того боле князь ощутил силу духа — могучего и неукротимого, доставшегося от отца-воителя, который его, тогда ещё дитятю, поставил на новгородский стол!

А накануне возвращения, в последнюю ночь в Повенце, приснился Владимиру сон. Да такой дивный, толь ошеломляющий! Широкая лесная просека, а по ней, как по каналу, плывут струги. Нет — не струги, не расшивы да насады — какие-то великие о двух мачтах корабли. И не плывут — их тянут волоком по каткам-брёвнам. Звуков не слышать, но оттого ещё более явственнее предстаёт, сколь великая работа здесь творится, словно потаённая тишина усиливает видение. Тьмы и тьмы работников гуртятся вокруг парусников: одни рубят просеку, другие стелют брёвна поперёд корабельного носа, третьи волокут бечевою, спотыкаясь, падая, тяжко дыша и харкая кровью. А над всеми над ними, за каменев в седле, высится могучий всадник. Кафтан его сливается с цветом тайги, зато лицо видится ясно. Оно белое, будто мглистое небо над просекой. На нём чёрные встопорщенные усы и тёмные безумные глаза, в коих восторг мешается с гневом.

Дивный сон обратился в приступ любовной страсти. В ту ночь князь был неукротим. Он довёл юную деву до иступления, толь могучий огонь в нём занялся.

После жарких объятий выскочил князь на мороз — босой, в одной тельной рубахе — и обмер, замороженный. В очи бросилась небесная озимь, засеянная звёздным житом. А ярче всех горели созвездия Большой Мокоши и Малой Мокоши. Ровно топоры-чеканы, обращённые обушками друг к другу — Большая лезом вниз — голову сложить, Малая лезом вверх — миловать, — они издавали едва уловимый перезвон, будто только-только сшиблись. Не оттого ли чуть дрожала-мигала самая крупная звезда, подъятая всех выше, Матка-Полунощница.

А дале и вовсе дивное стряслось. На небесном огнище раздался шелест, будто к труту поднесли кресало. Тотчас же пыхнули, заискрившись, сполохи и побежали, как весенний пал. И вот уже небесный огонь орлино распахнулся от окоёма до окоёма. Князь глядел во все глаза, не чувствуя стужи. Перед ним разворачивалась какая-то весть — небесная берестяная грамота, багряно-золотая, ему, он чуял это, предназначенная. Но что на ней начертано, разобрать не мог. Тут выше, в зазоре между Малой Мокошью и Большой Мокошью, возникло млечное, будто скатная жемчужина, пятнышко. Оно то ли приближалось, то ли, проявляясь, увеличивалось, всё яснее открывая очертания. И что же, наконец, различил князь Владимир? Над орлиным распахом сияния, не иначе небесного отражения державы, возникли не то купола храма, не то шишаки державного венца — вот, что открылось ему в той млечной жемчужине.

Видение длилось недолго — всего несколько ударов бегучего сердца, — потом тихо сгасло, растаяв в морозе, а следом погасла и багряно-золотая грамота, свернувшись в отемневший свиток, словно орёл сложил крылья. Но очарованный князь всё стоял и глядел в небо, ожидая продолжения чуда, пока лопатки его не пронизал озноб. Его знобила не стужа, его охватил восторг. Не венец ли киевский посулил Дажьбог на вершине его нынешних владений, Повенце? — такая надея запала в сердце Владимира и боле никогда уже не оставляла.

5

Исполненный невиданных доселе обретений и ожиданий, — кон посулило звёздное небо, — возвращался Владимир-свет в Новгород. Уже припекало. Шалый ветерок доносил запахи тальника, обмякающей волглой земли. Душа князя, полная молодецкой буести, словно воздымалась на стременах, торопясь оглядеть дали и умчаться за окоём встречу грядущим переменам, а сам он летел в открытом расписном возке. Обнимая Любаву, на шее которой мерцало вербной свежестью жемчужное ожерельице, доставленное из Обонежской пятины, Владимир погонял лошадей и улыбался. Верилось ему, что вот так всю жизнь будет он мчаться со своей милой, любя и её, и свет белый, и свой народ, и державу свою величавую, орлино раскинувшуюся...

Эх! Знать бы, где падёшь — там соломки бы подстелил. Забыл, видать, осторожку князенька. Оттого, верно, и Ставра отпустил, повелев скакать в стольный город и запалить встречальные огнища.

Уже недалече был от Новгорода санный поезд, уже показались передовые заставы, как что-то спугнуло коренную кобылицу: ветер ли в ноздри шибанул, тень ли прынула на глаза, горностайка

ли через дорогу метнулся, ослепший от весеннего первосвета, да только понесла та кобылица, ровно судьба. Возница на тот час был расслаблен, обуянный сладкими помыслами. Однако же не уступил, удерживая её на вожжах, и окоротил, заворачивая змеино-лебяжьё выю, сладил. Да тут на беду — раскат. Сани занесло, потащило под угор, они завалились набок, Любаву выбросило из возка и кинуло на берёзу. А там сучок — аккурат по виску. Только и прошептала успела, бедная, что дитятком занялась.

Загнал коней князь, торопясь достичь градского капища. Корневой волхв Гюрята, который запалил встречальные костры, всё понял без слов и, не мешкая, переменял обряд, стянув смоле на одно огнище. Полымя взвилось едва не вровень с кумирами. А Гюрята, выпучив глаза, завыл-зарокотал, моля о милости небесной. Распростёртую на санях белицу обступили знахарки-ведуньи — обмывали отварами да дымом духовым обносили. Добрыня, простая душа, нарушая родовые запреты, велел привести на капище жертвенную лопоть. Пригнали быка кодового с кольцом в ноздрях да стельную корову. Бугая трое гридей пронзили сулицами, поставив его на колени перед идолом Перуна. И бык засмертно замычал, вторя стенаниям волхва. А Добрыня поднял кладенец и разрубил от хребта до вымени стельну корову — только мыкнула сонная, так ничего и не поняв, а из ложесны вывалился в белом облачке, словно из ирия-рая, нерожонный телёнок, до срока явившийся на свет и погибель. Обмазали жертвенной рудой столпы Перуна, Хорса, Оря, Велеса... Пришёл черёд Мокоши. Обмазали её пакши по локти, потом по плечи. «Верни, искусница, беляну!» — возопил Гюрята, усмиряя рыком огни капища. Только ни кровинки не прибавилось на лице белицы. Лишь ранка на виске, перестав точиться, затворилась.

Белее снега была Любава, когда ставили колоду с её телом на Перыни. Чернее клубов погребального кострища сделался молодой князь. Ещё вчера ликующая Явь выстилала для них бесконечно-дольные пути, сотканые из любви да солнечного света. А нынче все пути затопил морок беспощадной Нави.

* * *

Потеряв Любаву, заболел-зачах в тереме князь Владимир, глаз не казал, видеть никого не желал. Даже дядьку. Как ни бился Добрыня, подсылая к сыновцу то старую Улиту, то гудошниковскоморохов, то бабарих-заговорниц, ничего не помогало, никак и ничем не удавалось смыть морок с души князя.

А тут вдобавок ко всему ненастье обрушилось. Зима-морена, на ту пору уже было присмирившая, опять принялась править, словно навьи чары оковали не токмо сердце князя, но и его державную вотчину. Ярились шатуны-морозы, вопящей ведьмой металась пурга, хотя давно минул берёзозол и подходил к концу цветень, словно весна совсем заблукала по дороге в новгородские земли.

Раз, когда позёмка угомонилась в дальней горенке, где горевал-тужил неутешный князь, сама собой растворилась околелка и на раму порхнула синичка. Князь поднял голову. Синичка кивнула, ласково цвиркнула, а из клювика её выпала окатная жемчужина. Князь даже слышал звук, похожий на капель. Однако как ни искал, когда синичка упорхнула, так ничего и не нашёл: то ли та жемчужина закатилась в щель, то ли просто привиделась.

Князь подошёл к растворённому окну, замедленно глянул на волю. И вот тут случилось чудо. Небо, дотеле затворённое на все запоны, вдруг раскрылось, и на синь его огненной жар-птицей вымахнуло красно солнышко. А тут и Волхов очнулся. До сей поры не открывавшийся, туживший вместе с князем, Волхов, завидя господина Земли Новгородской, вдруг разорвал ледовые пути и отразил на полюбование князю и синь неба, и оперенье той жар-птицы. А следом и синица воротилась, чудесно обернувшись красной девицей на угоре. «Любава!» — вспыхнул князь. Кинулся из терема, сгорстал её, исцеловал, слезами улил, до того обрадел. А за слезами-то теми и не различил, что другая была. Это так потом плели сердобольные бабарихи.

Помороки у молодца мало-помалу сгасли, утишились, душа просветлела, очистившись от навьей мглы. Да только сам он не пожелал возврата в прежнее состояние — кротость да добронравие. Войдя в молодецкую охотку, князь теперь ходил на всадника, обратавшего необъезженного жеребца — до того дики подчас становились его выходки, так шарахало его то в одну, то в другую сторону. Но ведь вроде как не сам, виной всему тот неукротимый жеребец, которого взнуздан князь, но который не желает признавать удил, а кобенится и летит без пути-дороги.

Верный дядька поначалу было затужил, завидя, чем обернулись его уроки да долгие караваны на окрайки вотчины. А потом-то смекнул, куда вынесло молодёшеньку и, обрадованный, что сыновец одолел невзгоду, стал потакать да подыгрывать в его молодеческих игрищах.

Новгород никогда благонаравием не пыщился. Выросший на любви да буети, он почитал в князьях нор и вольность. А потому молодому господарю, как любимому чаду, спускалось многое. Поглянулась князю девка — дак ведь то Перун показал, чей наместник здесь князь. О том и волхв твердил на поклонах. А коли случалась пря, и отцы-матки бунчать начинали, тут встречал Добрыня. Где окриком, где усмешливым словом, где ласковым обхождением, а то и гостинцами — кунами да медами — улещал он затевавшуюся свару. Новгород — не Киев, тут живо вече взбулгачит, коли не осекёшь, не остудишь в зачатке.

6

Юность Владимира, гульливая да норовистая, что тебе Волхов в половодье, окончилась разом на восемнадцатом году. Из стольного града Киева пришло известие о гибели Олега, среднего брата, что сидел в Овруче на Древлянской земле. Погиб Олег, как и пращур-тёзка от коня своего. Токмо в отличие от коня Вещего Олега, его орь пал с моста и, падая, задавил князя. Случай житейский. Недаром толкуют, что конь о четырёх ногах — и тот спотыкается. Вот и тут такое стряслось. Так писал Ярополк, старший брат, который сидел на киевском столе, приглашая молодшего брата Владимира разделить скорбь и справиться по Олегу тризну.

И поехал бы, верно, Владимир в стольный Киев-град, дабы помянуть родовича, да токмо днём раньше верный гонец донёс Добрыне истинную причину гибели древлянского князя. Оказывается, всё началось с того, что князь Олег застал в своих вотчинах Люта, сына Свенельда. Отпрыск варяжского воеводы, стоявшего на службе у Ярополка, никого не спросясь, вёл на древлянских землях ловитву. А обнаруженный за промыслом, держался дерзко и заносчиво. Больше того, на справедливые попреки хозяина незванный гость ответил грубостью. Князь Олег наглости не стерпел и решил проучить татя. На беду, стычка та завершилась кровью, а рана Люта оказалась смертельной. Олег послал в Киев покаянную весть, объяснив, как всё произошло. Да токмо это не помогло укротить Свенельда. Разъярённый варяг поднял дружину и намётом кинулся в Овруч. Говорят, Ярополк отговаривал его, дескать, остуди сердце, надо прежде разобраться, чем карать. Но варяг остался непреклонен, и якобы Ярополк вынужден был последовать за ним, дабы на месте разобраться и унять торох мести. Только всё оказалось тщетно. Варяги пришли карать. Дружина Олега, вышедшая на встречу с миром, была смята и жестоко посечена. В панике остатки её бросились к воротам и вот тут-то в давке комонь Олегов и был снесён за кромку городского моста.

По зову Добрыни в трапезной княжеского терема собрались наилучшие люди Новгорода: бояре, тысяцкие, купцы, сотские, статейные ремесленники. Сразу порешили, что неча князю делать в Киеве — не для того столько лет растили-лелеяли, чтобы отдавать Владимира на закляние. Ну, а коли так, нать готовиться к бороне, потому как Ярополк, получив отказ, сам явится с псом Свенельдом за князевой головушкой. И тогда сразу перешли к делу, смекая, сколько Новгород готов выставить дополнительно конных гридей, сколько может собрать пешников, какая сбоя понадобится, чего хватает, чего недостаёт...

Сбор тот окрылил Владимира. Он и не ведал, что Новгород толь почитает и жалуёт его, ровно любимого сына. Ну, а коли так... Вот тут-то в первый раз князю явственно вспомнились высокие знаки, открывшиеся в ночном повенецком небе.

На зов Ярополка прибыть на тризну Владимир сказался больным, о чём известил его, послав в Киев гонца. Так наставлял Добрыня. А ещё о том по всем концам Новгорода многократно возвестили зычными голосами биричи, дескать, застудился князь на медвежьей ловитве, в жару лежит.

Меж тем по согласию малого стола, на коем собрались только бояре да тысяцкие, отправился князь тайно в немецкую сторону. Дружина варяжская, может, и не понадобится, заключили стольники, да ведь лишний меч, что на обороне, что — тем паче — на охоте никогда лишним не бывает.

7

Сколь окрылён был Владимир, отправляясь скликать варяжскую дружину, столь задумчивым он возвращался в русские земли во главе наёмной рати. Погиб брат Олег. Впереди встреча со

старшим — Ярополком. Что сулит она — то, ведомо, верно, токмо Перуну. Но что несёт приход в родные веси чужеземцев — гадать не надо. Собирая наймитов — свеев, ляхов, чехов — он манил их хорошей добычей, но ведь уже тогда ныло ретивое. А теперь, когда это войско двигалось на соединение с новгородской дружиной, дабы, сомкнувшись, идти на Киев, у князя вся душа изболелась. Ведь чужаки правят не гостевать-гулевать — бить да грабить. И побиты и посечены будут свои, русичи, даром что они под рукой Ярополка. Вот что терзало его сердце, от чего маялась душа. Он ведь был ещё юн, князь Владимир, и не настудил сердца.

Добрыня при встрече, едва побратались-перемолвились, живо понял, что творится с сыновцом, смекнул, что не боец князенька, коли его не раззадорить. На пути соединённой рати лежал Полоцк. Нужды здесь задерживаться не было. Что там сотня-другая воев, которые примкнут. Сил и без того достаёт. Князь привёл тьму варягов, того боле тут своих. Почитай, с каждого новгородского конца ратники — более других. Неревский конец выставил да заречный Словенский, ни боярство, ни купечество не поскупились на дружинников; да и другие концы не отстали, и Загородский, и Плотницкий, и Людин. А ещё земли дальние — чудь, кривичи, весь, белозёры. И хотел воевода уже мимо Полоцка полки провести. Да призадумался. Нет нужи в ратной силе, так есть надоба в союзе, тем паче в таком — ведь полоцкий князь Рогволд, хоть и дальний, но Рюрикович, владетель древнего стяга. А войну решают не столько сбоя — мечи да луки — сколько боевой дух, вознесённый на стружиях знамён. Это хорошо ведал старый боец и богатырь Добрыня.

Перво-наперво воевода напомнил князю о Рогнеде, дочери полоцкого князя. Чем ещё молодёшеньку завлечь, как не девичьей лепотой! Владимир запомнил Рогнеду. И хошь юна была тогда, несколько лет назад, когда вместе с батюшкой приезжала в стольный Киев, красота уже запечатлелась на её лице. Дважды Владимиру повторять не понадобилось — велел засылать сватов. Сваты съездили в Полоцк — да вернулись удручённые. Рогнеда отказала Владимиру. Причём как! «Не хошу розути робичича...» Разувание невестой жениха — часть брачного обряда, знак смирения и покорности жены. Не хочешь стать княгиней новгородской — дело твоё, может, ещё и пожалеешь, что отказала, ведь Новгород куда как сильнее и богаче Полоцка. Но «робичич»! Давно не поминал никто, что мати его холопка, рабыня, что сам он полукровка. Кичишься своей знатностью, чистотой рюриковой крови?! А ну, как мы проверим, какова на цвет да на вкус ваша хвалёная кровушка! Осерчал Владимир, вскипел. То-то любо это было Добрыне. А когда донесли, что к Рогнеде сватался Ярополк, и она дала согласие, Владимир и вовсе рассвирепел. Вырвав из ножен харалужный меч, он вздыбил коня и метнул войско на приступ.

Полоцк был взят с ходу. Рогволд и вся его родня попали в полон. Ослушников ожидала смерть. Но прежде, по знаку Добрыни, разгорячённый Владимир поял Рогнеду на глазах отца и братьев.

* * *

В Древлянскую землю Владимир заходить не стал, обошёл краем. Ничего хорошего там его не ждало. Могила Олега? Так боевого духа она не прибавит, а вид её, скорее, ввергнет в печаль да токмо усилит душевную смуту. Союз с древлянами? Так он едва ли возможен. Небось, по сию пору помнят норов бабени. Мстя за убитого Игоря, мужа своего, Ольга напустила на древленский Искоростень голубей с горящей паклей и дотла спалила его вместе с насельниками. Какие они с такой памятной метой союзники? И кто поручится, что кровники тех, кого заживо сожгла Ольга, непричастны к гибели Олега?

Думы о бедном брате возвращали его в детство. Владимиру вспомнилось, как играл в младенчестве тятиной серьгой. В ней были три камушка: два греческих адаманта, светлых и сверкавших, и рубин. Может, камень цвета крови и был знаком Олега?

* * *

Весна-красна торопилась на полуночь. Её невидимые кросна непрерывно ткали цветные ковры и выстилали пути-дороги. Столь же стремительно сводное войско двигалось навстречу весне, напрочь вытаптывая весеннее первоцветье. В конце травения полки Владимира, ведомые Добрыней, достигли Киева и спешили на левом, отлогом, берегу Днепра. Цель была на расстоянии пущенной стрелы.

Зачерпнув шеломом воды, князь утолил жажду, смыл с лица пыль и выпрямился. Крепостные стены Киева, чуть размытые утренней дымкой, отражались в Днепре. Над забрелом всходило Яри-

ло — красное, как стяг князя, оно всё более наливалось золотом. Владимир сощурился, взгляд его скользнул к урезу воды, и тут грудь князя исторгла тяжёлый вздох. Отчего опять затужилось Владимиру? Что встревожило утренний покой? Да минувшее вспомнилось...

Случилось это поболее десяти лет назад, когда он совсем ещё дитятей был. На то лето отец опять увёл дружину из Киева на Дунай воевать болгар. Осиротели они, его сыновья, оставленные на бабку. Осиротела земля киевская, спокинута Святославом-защитником. Вот тут-то и появились под крепостными стенами печенеги. Сколько их было? Тьмы и тьмы. Они осыпали город дождём огненных стрел, они вели подкопы, они бросались на приступ. В пожарах, под саблями и стрелами степняков гибли и без того немногочисленные защитники. Силы киян таяли. А помощь не шла. Княгиня Ольга слала тайных гонцов, дабы возвратить непутёвого сына — родные детушки погибают. Да ещё беспрестанно молились, меча поклоны перед писаным ликом и понуждая их, своих внуков, твердить спасительную молитву. «Истуканы древесны, что тесовый тын, — твердила старая, — коли схоронишься за ними — от стрелы уберегут. А крест Христов отведёт и стрелу, и хворь, и напасть житейскую».

А ведь и впрямь отвёл. По тайному подземному лазу выбралась княгиня с внуками на Подол, к самому урезу воды, где поджидал их стружок. Потёмки до поры скрывали побег. Да в свете костров и факелов дозорные печенеги заметили беглецов и принялись осыпать их стрелами. По знаку Ольги прянули внуки на дно стружка, тесно прижавшись друг к другу, а она, как крестовая тень, пала сверху, укрыв внучат своей плотью, а главное — духом. И ведь ни одна стрела не коснулась их. В носу и в корме стрел понатыкано. Гребцы — какие перебиты, какие ранены. А их беда миновала. «Дух Божий отвёл!» — озарённо твердила Ольга, когда стружок ткнулся в берег на Оболони. Истово молилась и их, внучат, поставила на колени, наставив благодарить Господа за чудесное опасение.

Какие они с братьями были тогда счастливыми, как обнимали друг друга, в радостном тисканье выжимая остатний страх! Как влюблённо-нежно тыкались в бабенины ладони и безропотно исполняли все её наказы! Как обещали всегда чтить её, оберегать сердечное братство, истово служить отчине и дедине!

Слёзы умиления и благодарности заточились из сердца Владимира. Он опять размяк и не в силах был ничего с собой поделывать. Да и то. Ведь здесь, вот на этом самом месте завершилось чудесное спасение, и они, трое братьев, сыновей Святославовых, стояли на коленях, вторя молитве.

Добрыня понял состояние сыновца. И на сей раз не стал неволить душу его. Сам всё порешил. Главное что было? Главное, чтобы обошлось всё малой кровью, если кровь киевского князя считать за малую жертву. Но так уж распорядились звёзды. Так угодно Перуну, о чём доложил походный волхв. А уж чтобы крови той не оказалось на руках русичей, позаботился сам воевода. Зарезали Ярополка варяжские наймиты, причём споро. Ярополк, обнадёженный и успокоенный, что Владимир предлагает мир, даже трепенуться не успел, когда его пронзили под пазухи варяжскими мечами.

8

Видение повенецкое обернулось явью. Владимир занял киевский стол, обретя венец большой Руси. Он ведь именно так истолковал тот чудесный небесный знак — млечно-жемчужное озарение.

Обходя державные палаты, Владимир то и дело будил свою детскую память, толь много тут было того, что напоминало и о бабене, и об отце, и о своей ранней поре. Ему опять представилась тятина золотая серьга с тремя камушками. И тут на ум пришла поправка. Рубин — это знак не брата; знаки Олега и Ярополка — белые, обескровленные камни. А рубин рдяный, как красно солнышко на восходе — это камень его, князя Владимира, восходящего государя Киевской Руси.

* * *

Сев на киевский стол, Владимир первым делом решил избавиться от вчерашних союзников, которые, как он и предчувствовал, начали грабить, сильничать и чинить смертоубийства. Спровадил он варягов миром, решив, что ни к чему обрастать лишними врагами. Наладил их за море Русское, Черным называемое, к византийскому императору Константину. По окрайкам Византии, наследницы угасшей Римской империи, шла пряха. Кому же там ратиться, как не таким вот разбойникам, для коих жизнь — что своя что чужая — древесна труха?! Однако, направляя варягов за море, Владимир тайно предупредил василевса, чтобы тот держал наёмников на расстоянии и в Константинополь не пускал. Князь уже тогда поглядывал на византийский двор, ожидая ответного дружелюбия.

Оставили варяги русские земли, уплыли за море. Но едва простыл их след, явились под стены Киева печенеги, порешив, что русы ослаблены. Князь и этим дал укорот, показав несокрушимость обоюдоострого меча, с которого, как капустные вилки, летели печенежские головы.

Черета быстрых и необременительных побед опьянила Владимира, вскружив молодому господину голову. Он настолько уверовал в свою неукротимую буесть и свою удачу, что перестал держать совет с Добрыней, а от остережений верного дядьки стал просто отмахиваться. Вот такая гордыня обуяла юнака. А ведь где гордыня — там беда рыщет по следу, щеря волчьи клыки.

Было это осенью, в начале вересня. Князю доложили, что в окрестностях Киева появился печенежский дозор. Владимир, пировавший в трапезной со своими полковниками да юными полонянками, пыхнул, как огонь. Молодецкие хоть да удаль, разгорячённые хмельными медами и фряжским вином, метнули его в седло и вынесли за крепостные ворота. Следом вымахнули и верные соратники со своими стременными.

К князю подскакал дозорный гридь. «Эвон!» — он махнул нагайкой в закатную сторону. Солнце, рассечённое мечом долгого облака, окровавило окоём от края до края. На рудом мареве ясно различались чужие всадники. Уносясь за кромку крутояра, они то и дело оглядывались, а на мохнатых их малахаях мотались волчьи хвосты. Князева ловитва кинулась вдогон. Достигнув кромки яра, дружина по знаку вожа раздвоилась и, не сбавляя гона, пошла обтекать сумрачную лощину, забирая чужаков в клещи. А сам князь со своим стременным понеслись прямо.

Стременным у Владимира служил по-прежнему Ставр — брат покойной Любавы. Много раз, особенно по первости, князь порывался избавиться от него — вернуть дядьке, сослать на какую-нибудь дальнюю заставу, а то и возвернуть в Плесков. Но всякий раз останавливала память о Любаве.

Что мучило, что донимало князя и одновременно тренило его? Глаза Ставра. Они постоянно напоминали Любаву и были для Владимира немым укором, хотя в них не мерцало ни укоризны, ни отчуждения, ни неприязни. Сестрицу свою Ставр любил, в этом Владимир убедился в походе — и оберегал, и лелеял, и диковинками баловал молодшую. А стало быть, потеря любезной сестры, по мысли князя, должна была вызвать в Ставре гнев, родовую вражду, ненависть. Но Ставр оставался к Владимиру по-прежнему ровным, тороватым и исполнительным, ни словом, ни жестом, ни даже взглядом не выдавая своих потаённых, как мнилось князю, чувств. Однажды Владимир вскипел, разъярился, схватил Ставра за грудки, стал трясти его и в гневе обрушил на стременного всю свою неизбывную боль. Чего он добивался, и сам не ведал. Клял, как винился, и попрекал, как прощения искал, вперившись в глаза Ставра, неотличимые от глаз Любавы. Ставр выдержал всё — и гнев князев, и горькие обидные слова, и взгляда не отвёл от горящих бешеных глаз, а когда Владимир почти сгас, тихо обронил, коснувшись своей груди: «На всё воля Божья!»

Лощину Владимир со стременным пересекли раньше всех. Разгорячённый ловитвой, жаждущий боя и крови, князь яростно хлестал оря, норовя настичь врага и первым обрубить волчий хвост. А вымахнул на кромку яра, на миг ослепнув от встречного солнца, и обмер. Волчий дозор оказался на расстоянии полёта стрелы. Но дале, что грозовая туча, стояла тьма печенежской конницы. Лиц степняков было не различить, зато явственно доносился их удовлетворенный хохот: дескать, ловко мы провели Урусов, и славная сейчас пойдёт охота, и добыча знатная ждёт — багряный плащ и золотой шелом, а главное, голова коназа. Несколько мгновений оставался Владимир один на один с тёмной ордой. Следом на крутояр вылетела с двух сторон его дружина. И хотя несравнима она была числом со степняками, но вои были проверенные и отважные. Они с ходу замкнули кольцо, оборонив своего господаря, и замерли, устремив очи поверх степняков и отворив сердца закатному солнцу.

А князь словно одеревенел. Похожее уже случалось с ним. Владимир ослабевал, когда был на пределе ожиданий. Он вдруг будто ударялся с размаху о невидимую стену. Но теперь было не просто замешательство, не просто смятение и оцепенение. Запепелев лицом, князь сделался точно истукан, что стоят на Подоле — таким он показался крещёному стременному. Ждать было нечего. Ставр выхватил из рук князя поводья и под покровом живой, покуда не обрушенной стены, повлёк его с крутояра вниз. Князь ничему не перечил, словно спелёнутый младеня. Столь же покорно он позволил снять с себя багряную милоть, свой золотой шелом, а потом пополз в схорон, который показал ему Ставр.

Ране здесь, на кромке крутояра, заготавливали глину, били из неё печи, крепостные увалы, скудельники вертели посуду, а с некоторых пор в оставленных выработках крещёный люд стал погребать своих опочивших собратьев. Лучше места, чем схоронить князя от смерти, по убеждению Ставра, в округе не было. Он выбрал самую неприметную пещеру, сам же остался наверху.

Князь Владимир, дозоривший родимую землю, теперь сам очутился под защитным покровом матери-земли. И впервые за долгие годы, сирота сиротою, остался в полном одиночестве. Его обстала тишина — непривычная, неслыханная тишина. Но она была такая ласковая, такая умиротворяющая, эта тишина, словно руки родимой матушки. Вот она-то и вызволила его из душевного плена. Под целительной лаской невидимых рук лопнули путы, что стискивали его сердце. Сердце князя, могучее и порывистое, вновь погнало по замрелым было жилам руду, и он мало-помалу очнулся.

В звенящей тишине донеслись отдалённые звуки — он различил звон мечей и сабель, яростные крики, засмертное ржанье. Постепенно сшибка сброи смолкла. Зато громче стали чужие голоса, а потом раздался топот многих комоней, которые понесли с крутояра в лощину. В схороне запахло пылью, которой нанесло в лаз. Звуки стасли, отдалились, но совсем не пропали, доносясь издали.

Сердце князя томилось горечью. Повинные мысли неслись к Добрыне: где ты, дядьку, где ты, родимец? А глаза ел стыд.

Сколько раз он, Владимир, клял свою размытую кровь, пенял на своё полузнатное происхождение, чем неволей попрекал и Добрыню, брата своей матери-простолюдинки. Дядька на это не обижался, а только усмехался, пряча улыбку в сивой бороде: зато гордыни нет, сыновец! Гордыня-то и пыхнула, гордыня-то и обернулась ныне бедой. Но ведь, оказывается, уроки дядьки не пропали даром.

Разве позволил бы гордоус «дати хребет», показать врагу спину, тем паче бежать с поля брани? А он бежал. Чистокровный князь бился бы до последнего, покуда бы его не искололи, не отсекали руки, не обрушили на колени, как стряслось с батюшкой. А он не пожелал доли отца — князя Светослава. Он не пожелал, чтобы у него живьём отрезали уши, нос, язык, выкололи глаза, а потом, уже стасшему, обстругали голову и превратили череп в пивальную чашу. Не пожелал и ускользнул от навших когтей. Да вот даже и эта залёжка... Попади в такую переделку гордоус, разве он полез бы в это мрелое нырище. А ведь он, князь Владимир, полез, не погнушался...

Глаза князя, обтерпевшиеся в подземном мороке, различили какое-то мерцание. Он смекнул, что пещера просторная. Прополз на коленях к тому месту, откуда исходило лучение. Протянул руку. В углублении стены оказалось погребение — под долонью среди пелен горбились человеческие останки. Прах был давний, пелены почти истлели, но от мощей — не странно ли! — исходили тонкий смолистый дух и слабое тепло.

Князь окончательно пришёл в себя. Рамена его, было поникшие, вновь налились силой. Сердце билось тревожно, но ровно. И самое удивительное, ему вдруг открылось неведомое зрение.

Князь почти воочию узрел просторный дол, а на нём осиянного закатным солнцем всадника. Горел золотой шелом. Пласталась на ветру пурпурно-багряная милоть. Ставр! Это он, его стременной, его верный товарищ, уводил степняков от княжеского схорона, а ещё, видать, чаял, что заметят княжескую багряницу с дозорной башни. Поле простиралось под крепостные стены. И достиг бы, верно, всадник градских ворот и поднял бы тревогу, да калёная стрела из наступающей степной орды оборвала его полёт. Багряница опала, словно сломанные крылья, и её заслонила волчья стая.

Князь заскрипел зубами, казнясь и кляня себя: как же он был безрассуден, как самонадеян, а в итоге сгубил и своих верных полковников, и своего преданного стременного. Разве может ему после этого быть оправдание, и разве возможно искупить эту вину!

Меж тем под крутояром, где в схороне погребальном таился князь, вскоре вновь раздался конский топот. Смекнув, что полонили не князя, степняки вернулись назад и стали обыскивать округу. Они секли саблями лядины, шихали в печуры копыями, а в иные кидали горящие головни.

Владимир обнажил меч. Теперь он спину врагу не покажет. Да и некуда отсюда бежать — токмо вперёд, токмо на врага. А живым он не дастся!

Нет, погибать Владимир не хотел. Он был молод, только-только взошёл на киевский стол, и сердце его наполнилось великими замыслами. Меж тем гортанные голоса приближались.

Кляня себя за гордыню и опрометчивость, князь обращался к праотцам — Хорсу, Орю, Велесу — и давал зарок, что, коли останется жив, воздвигнет на Подоле новое невиданное доселе капище и златом зальёт вежды Перуну. Не отозвались праотцы.

По кромке пещеры уже заплясали сполохи. Князь обратился к родной земле, суля оборонить её от врагов и поставить новые засеки, заслоны, остроги и порубежные городки. И этого оказалось мало.

Горящая головня сунулась в пещеру. Князь выставил меч, а другой рукой закрыл грудь. Долонь нащупала ладанку — ту самую, где хранился кипарисовый крест и пёрышко голубя. Князь истово зашептал бабенину молитву, а ещё представил её скобскую церковь и дал обет, что воздвигнет такую же. И случилось чудо. Головня пыхнула и сгасла. Крики врагов отдалились. А вскоре в стане степняков началось смятение. То на выручку непутёвому сыновцу спешил с киевской ратью верный Добрыня. Сполох багряный, подъятый Ставром, не остался незамеченным.

10

Церковь Владимир воздвиг, не поскупился, краше на ту пору по всей Руси не было.

И кумиров киевских князь не обошёл — изукрасил золотом да серебром. Вислые усы Перуна струились, что днепровские стремнины.

И заставы стал возводить Владимир на порубежье, и городки.

Но первым делом князь повелел схоронить павших. Полковников, кои полегли на закате, обратив очи Яриле, погребли в братской могиле, а над ними возвели курган, и первый шелом земли принёс туда князь Владимир. Воина Ставра, которого смертельно раненного степняки бросили близ Василевой засеки, схоронили по-христиански, положив в ту пещеру, где спасался князь.

После была тризна, ласковое поимённое поминание. А ещё покаяние Владимира перед всем миром, коленопреклонённое, громогласное, со слезами и скорбью великой.

А на седьмой день князь устроил пир в честь своего чудесного спасения. Семь дён гулял стольный Киев. Мёд-пиво лилось рекой, и по усам текло, и в рот попадало. Гуляли все — от мала до велика, от воеводы до последнего калики. Гуляли так, что даже кумиры на Подоле заходили ходуном, как отмечал летописец, — Велес в дуду дудел, Мокошь долгими пакшами рукоплескала, а Хорс пустился вприсядку. То-то любо было! Вот тут на честном пиру и пошёл гуслирный звон да зачин славутицы-былины. Вот тогда и выкатилось Красно Солнышко, как стали величать былинщики-гуслиры киевского князя. А одесную в тех былинах встал Добрыня Никитич, верный дядька и пестун Владимира свет Святославовича.

* * *

Владимир правил Русью, как заповедали отчичи и дедичи. Ходил в походы, усмиряя мечом и огнём степняков, ставил порубежные заслоны, а ещё выглядывал себе союзников, присматриваясь к ближней Европе и обращая свой взор на полудень — в сторону Византии.

На ту пору Византийской империей правили братья Василий и Константин, сыновья Константина Багрянородного. Держава переживала не лучшие времена. По крайкам Византии шла пря, то здесь, то там пыхали мятежи. Василия, старшего из братьев, который был коренником, один за другим предавали его собственные военачальники. Переманивая на свою сторону порубежных наймитов, самозванцы-императоры захватывали целые провинции. На полудени хозяйничали арабы, на восходе — легионы иверийцев и армян. На закате бесчинствовали болгары. На полуночи, в Крыму, восстал Херсонес. Василий, засевавший в Константинополе, становился императором без империи. Верных приближённых у него почти не осталось. Он лихорадочно искал союзников. Наконец, перебрав всех, обернул свой взор в полунощную сторону. В своё время киевский князь Святослав помог Византии укротить болгар. Теперь василевс обратился к его сыну. Никто боле, кроме варваров, не мог помочь защитить Македонскую династию от крушения — только русы, мужественные, беззаветно храбрые и стойкие воины. Но дабы это был не короткий военный союз, а связь нерушимая, император Василий предложил князю Владимиру руку своей багрянородной сестры.

Владимиру было лестно это предложение. Руки порфиноносной Анны добивался германский король Оттон I, мечтавший оженить своего наследника-тёзку. Французский король Гуго Капет просил византийскую невесту в жёны своему сыну Роберту. А болгарский царь Борис сам хотел обручиться с Анной. Однако небеса распорядились иначе. Предложение на брачный союз получил князь Владимир. Супружество с багрянородной Анной открывало русскому князю круг самых знатных европейских дворов, и он принял это предложение.

Византийские послы, коим было поручено оговорить условия брачного договора, прибыли в

Киев в конце червеня, когда уже отцвели сады. Их галеры поднялись по Днепру до порогов. Возглавлял посольство митрополит севастикийский Феофилакт. Могучий, что дядька Добрыня, он сразу пришёл к двору киевского князя. И когда переговоры были завершены, и они сам-друг взошли на помост вслед за князем, то показалось киевскому люду, что у Владимира выросли могучие крылья: одесную — воин Добрыня, а ошуюю — пастырь Феофилакт, коему суждено было стать первым наместником древнерусской церкви.

Много обетов дал Владимир послам, скрепив пергамен своей господаревой печатью. Дорого Киеву обойдётся багрянородная невеста, вздыхали бояре, загибая пальцы. Но князь не отступил, час за часом исполняя взятые обязательства.

Перво-наперво Владимир крестился. Давно приуроченный к этому, он принял христианскую веру, крестившись в новой церкви в Василеве, которую только-только построил по обету. А имя крестильное он не выбирал. Оно давно лежало на сердце. И не потому токмо, что по-гречески Василий означало василевс, правитель, царь. В этом месте, где взошла и засияла новая церковь, отдал Богу душу воин Ставр, у которого было такое же крестильное имя.

Это было первым и определяющим условием византийского двора. Как токмо Владимир примет христианскую веру, так василевсы отдадут ему в жёны свою сестру, тотчас отправив её с челядью из Константинополя в Киев. Свидетельство крестильного обряда было послано, слово Владимир сдержал. Однако ответа — порфиноносной невесты — Владимир не дождался.

Вторым условием была военная помощь. Тут князь тоже не замедлил. Всю осень и зиму на днепровских крутоярах строились лоды, насады и расшивы, а по весне Владимир отправил на помощь василевсам шеститысячную дружину отборных витязей. Невеста не появилась.

По весне 988 года, на пятидесятницу, которая пала на 27 червеня, Владимир крестил бояр, гридей и весь киевский люд, а перед тем велел порушить поганьские капища, сбросив с днепровских круч и Перуна, и Хорса, и Мокошь... О том и другом гонцы известили Константинополь. Анны не было.

Наконец весной следующего года Владимир выполнил последнее обязательство — взял приступом Херсонес, который переметнулся к врагам василевсов. Это было 7 цветеня — второго весеннего месяца, как отмечает летописец.

В полночь окрестности поверженного города озарились невиданным сиянием. Но не пожары, ещё не остывшие, были тому причиной — сияло небо. Владимир, разгорячённый схваткой, вскинул голову. На небосводе с полуночной стороны плясами сполохи. Видение, возникшее над Повенцом, повторилось. Снова распласталась от окоёма до окоёма багряно-золотистая грамота. И опять над чеканами двух созвездий вспыхнула сияющая жемчужина. Только на сей раз видение не мглилось и мерцало, а лучилось ясно и чётко. Посреди млечного марева угадывались соборы и блистающие купола — знаки христианского венца. Вот что было предначертано свыше, и к чему князь приурочивался ещё в Повенце. Понял Владимир и то, что там, в полунощной стороне небесная обитель и опустится — именно туда определил её Всевышний, выбрав остров в Студёном море. А ему, Владимиру, даётся знать, что битвы его были не напрасны, а труды и дни князя промыслительны и угодны Богу. Вот что со слезами на глазах шептал Владимир, обратив лицо сияющему зареву, сиречь огненным столпам, как отразил небесное видение летописец-очевидец.

В Константинополь отправилась весть, что Херсонес покорён, и все обязательства перед Византией Владимир выполнил. Где же долгожданная багрянородная невеста? Вдохновлённый и облаканный видением, князь задавал вопрос твёрдо и грозно. Ответом ему было молчание.

Владимир ведал о коварстве константинопольского двора. Ведь в гибели отца — князя Святослава — были замешаны придворные василевса, направившие на ослабленных битвами русов шакалов-печенегов. Но до конца в коварство всё же не верил и терпеливо ждал. Тут вмешался Господь. Над полуденным окоёмом, над византийскими землями появилась яркая комета. Три летние недели суровая Отцова бровь озаряла небо. Но даже и этот знак не подстегнул василевсов. Наконец в месяц листвоной, 25 числа, Константинополя достиг шёпот Всевышнего. Обернувшись землетрясением, этот шёпот обрушил свод императорской церкви. Только после этого, почувствовав, наконец, Божий гнев, послали василевсы багрянородную сестру, назначенную киевскому венцу.

Русь, по велению свыше, сочеталась с Византией, войдя в лоно христианской церкви, а первым русским православным государем стал он — великий князь Киевской Руси равноапостольный Владимир.

Берега Московские

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман — поэт, писатель и публицист, литературный критик. Родился в 1945 году на Кубани в казачьей станице Бескорбная, где жил в течение десяти лет. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор.

Повести, рассказы, очерки о поэзии и поэтах, публицистика, а также стихи опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. Автор пяти сборников стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательстве «Российский писатель». Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Гумилёва и премии МГО СПР «Лучшая книга 2012—2014» в номинации «Эссе» за книгу «Когда строку диктует чувство».

Как хорошо мы плохо жили

Спорные мысли

Эту фразу Валерий Константинович впервые услышит от своего любимого театрального режиссёра Петра Фоменко. И хотя тот не утверждал, что афоризм принадлежит ему, авторство всё же закрепилось за Мэтром, поскольку он был горазд на меткие выражения.

Выражение, действительно, было метким, потому что с какого-то момента Валерий Константинович всё больше приходил к такой же мысли, только так лаконично сформулировать её не сумел.

Он, конечно, никогда бы не подумал, что эта мысль посетит его в зрелые годы, так как уже к середине 60-х стал убеждённым диссидентом, уверенным, что у Советского Союза нет будущего.

Хотя и диссидентом он стал неожиданно, поскольку ещё в 40-е ребёнком вырезал из журнала «Огонёк» портреты Сталина, а его любимой песней долгое время был довоенный «Марш танкистов» со словами:

*...Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
А Ворошилов в бой нас поведёт...*

Он как-то даже сказал дома, что Сталин нравится ему гораздо больше Ленина. Родители, правда, попросили его больше этого не говорить, объяснив, что Сталин является учеником Ленина.

И хотя Валерка родителям всегда верил, на этот раз ему трудно было представить, что его любимый вождь, который, как он слышал от многих, а также по радио, сыграл самую важную роль в нашей победе над фашистами, мог быть чьим-то учеником.

Он хорошо помнит первые дни марта 1953 года, когда все вокруг ждали известий у репродукторов, а также как 6 марта всех учеников выстроили в школьном коридоре, и директор трагическим голосом объявил, что всем теперь нужно «сплотиться вокруг Центрального Комитета нашей партии».

Помнит, как плакали учителя и ученики.

Ему тогда казалось, что плакали все. Хотя, такого, конечно, не было. Да и сам он не плакал и от этого чувствовал некоторую неловкость. С одной стороны, Валерке казалось, что это не мужественно, и Сталин его слёз бы не одобрил. С другой — что он предаёт своего кумира, не выказывая внешне того горя, которое видел у многих своих товарищей и учителей.

Но больше всего его смущало то, что это горе он не чувствовал в такой степени, в какой три года назад почувствовал первое своё горе, когда умерла бабушка.

Тогда он, стесняясь слёз, старался их не показывать, но они лились и лились беззвучно. И казалось, нет силы, которая может остановить эти ручейки.

Но сейчас почему-то не плакалось.

А ведь ещё недавно мечтал, чтобы во время какого-нибудь парада на Красной площади на Сталина было совершено покушение, и Валерка своей грудью заслонил бы «вождя мирового пролетариата» от вражеской пули.

Он, правда, не сумел до конца продумать, как это сделает, потому что нужно же было вбежать

на мавзолей, добежать до середины ряда, где стоял его кумир, чтобы, раскинув руки, встать перед ним. Да и прежде необходимо знать, когда готовится выстрел. И к тому же Валерка всегда думал, что Сталин большого роста. А как тринадцатилетнему, хоть и крупному, но подростку, закрыть его от вражеской пули?

В общем, вопросов оказалось много, но мечта была настолько сильной, что эти вопросы отступали на задний план...

И вот теперь этот план уже точно не осуществится.

Однако его утешала мысль о том, что врагов ещё очень много — он каждый день слышал об этом по радио, — и у него наверняка будет возможность кого-нибудь спасти или выявить, и тем самым «продолжить великое дело Ленина-Сталина».

Валерка мечтал его «продолжить» и был уверен, что принесёт много пользы своей великой Родине...

***

Но через три года он услышит, что, оказывается, его кумир был вовсе не великим полководцем, а злым и очень жестоким человеком, который больше всего стремился к личной власти. И в конечном итоге, её добился «самыми грязными, циничными и коварными методами».

Он начнёт узнавать, что и в войне, с которой не вернулись его дед и дядя, где мама была контужена, а папа за несколько часов стал седым, мы победили «не благодаря, а вопреки» Ему.

Не сразу привыкнет Валерка к таким выводам.

Но вернётся из «длительной командировки» сосед дядя Андрей — герой войны, ещё недавно — бравый полковник, — который будет не в военной форме, а в потёртом пиджачке и стоптанных ботинках. И будет рассказывать о том, *как* мы подготовились к войне, *как* каралось недовольство такой подготовкой и *каких* людей встречал «за колючей проволокой», попавших туда по самой популярной у нас многие годы 58-й статье со множеством пунктов.

Вернувшись домой в июне 45-го, дядя Андрей имел неосторожность поделиться в узком кругу впечатлениями о первых днях и месяцах войны, и никакие боевые заслуги не оградили его от наказания за «подрывную деятельность».

Потом прочтёт Валерка «Один день Ивана Денисовича», рассказы Варлама Шаламова о Колыме, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург (в самиздате), «Тёркин на том свете» Твардовского и ещё немало других художественных и документальных материалов и постепенно с горечью расстанется с мечтой своего детства — верно служить этому человеку, «продолжая его дело»...

Валерку захватит «свежий ветер перемен», и он поверит, что единственной ошибкой в нашей стране была та, которая привела на вершину власти его недавнего кумира.

Да и как не поверить, когда «пал железный занавес, тормозивший наше развитие и не позволявший общаться с миром». Один Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Москве летом 1957 года чего стоил! Сколько ярких красок, сколько знакомств, сколько свободных мыслей и пока ещё запрещённой в Советском Союзе литературы «оттуда»!..

И постоянные слова по-русски — «МИР», «ДРУЖБА», ставшие символом фестиваля.

В какой-то вечер пойдёт ливень, и он забежит в телефонную будку на улице Горького, где уже будет стоять девушка, прижимающая к себе мальчишку, который постоянно всхлипывал и жаловался, что очень болит нога. Как оказалось, жаловался он не напрасно, потому что, когда бежали к будке, подвернул ногу, и она заметно припухла.

Ливень перестал скоро, но Серёжка — так она его назвала — с трудом мог ступить на ногу. До Филатовской больницы было недалеко, и Валерка на руках отнёс мальчика в приёмное отделение. Оказалось — несильное растяжение связок. Положили мазь Вишневского, велели три дня полежать, а потом — показаться врачу.

Марина — так её назвал Серёжка — сказала, что дом их совсем рядом, на Садово-Кудринской, и предложила «спасителю» зайти и попить чаю, а заодно высушить рубашку, которая всё ещё не отлипала от тела.

Отсутствие Марины и Серёжки оказалось более долгим, чем рассчитывали родители, поэтому папу увидели уже во дворе. Он собирался пойти к памятнику Маяковского, куда дочь на часок взяла брата посмотреть концерт кубинского ансамбля.

Испуганному папе, увидевшему Серёжку на руках незнакомого юноши, объяснили в чём дело и пошли в квартиру...

С этого дня Валерка — давно уже Валерий Константинович и Марина — давно уже Марина Владимировна стали практически неразлучны, потому что любовь с первого взгляда, конечно же, существует.

В том же 57-м оба поступят в МГУ. Валерка — на мехмат, а Марина — на факультет журналистики.

Студенческая жизнь — бурная. Тем более, на журфаке, куда постоянно приглашают поэтов, писателей, музыкантов, артистов. Где идут модные в ту пору дискуссии между «физиками и лириками», в которых активно участвуют и наши молодожёны.

У многих такое впечатление, что страна в эти годы мечтает и стремится построить справедливое общество во всех отношениях.

А уж объявленный у нас вехой достижения коммунизма 80-й год и вовсе воодушевляет молодых учиться и трудиться не покладая рук.

Но как-то незаметно начинают возникать перебои с хлебом, у колхозников зачем-то «обрезают» их приусадебную землю почти до окон домов, лишая возможности вести собственное хозяйство. Всюду стараются внедрять выращивание кукурузы вопреки здравому смыслу...

Да и те представители художественной интеллигенции, кто поначалу бурно поддержал «инициатора оттепели», в конечном итоге «получили по мозгам» — сначала в 62-м в Манеже, а потом и в 63-м в Кремле.

Правда, «инициатор» потом утверждал, что его «умело спровоцировали на это притаившиеся сталинисты», но тут уж никто точно не знает, так ли.

Из-за серьёзного сокращения армии вызвал он недовольство и военных...

В общем, «доигрался» до того, что потерял власть и был отправлен на пенсию.

Хотя таким, всё же гуманным способом отстранения от власти потом гордился, подчёркивая, что при сталинском режиме об этом и помыслить было невозможно: в лучшем случае посадили бы, но, скорее всего, просто расстреляли.

***

Вот тут-то — с середины 60-х и появилось у нас поколение, которое чем-то уже вдохновить на бескорыстное «ещё немного, ещё чуть-чуть» стало невозможным, потому что они, совсем юные, но уже что-то слышавшие, перестали верить тем, кто возглавлял страну.

Да и те, кто в 50-е поверил, тоже находились в растерянности: оказывается, и «наверху» могут в любой момент случаться «принципиальные ошибки». Поэтому нет никакой гарантии, что и теперь мы их избежим.

А ещё в сознание людей постепенно проникала мысль, что «они там, наверху» живут иначе, чем «мы здесь». Что «у них там» уже давно коммунизм во второй части этого лозунга, а «у нас здесь» — «закажешь по телефону, получишь по телевизору»...

Вот в эту пору молодые специалисты — выпускники МГУ Валерий Дронов и его жена Марина — становятся, как тогда говорили, «внутренними диссидентами».

И хотя товарищ, сменивший инициатора «оттепели» и прославившийся любовью к награждениям собственной персоны и фразой «экономика должна быть экономной», утверждал, что «мы неуклонно движемся верным курсом», этот «курс» к началу 80-х привёл к пустым продуктовым полкам даже в магазинах Москвы.

В конечном счёте, этот «верный курс» и довёл до того, что случилось в середине 80-х. Хотя была возможность такой участи избежать, поддержки первое лицо экономической реформу третьего лица — А.Н. Косыгина, предложенную ещё в 1965 году. Её суть состояла в том, чтобы уйти от жёсткого планирования сверху и отдать инициативу тем, кто непосредственно что-либо производит. А сверху лишь координировать пропорции этого производства, что тоже важно.

Предложение Алексея Николаевича было оптимальным для условий нашего строя, установившегося с октября 1917 года, где основной принцип сводился к тому, что вот-вот ещё немножко подналяжем, и всё будет замечательно.

Однако многолетний энтузиазм иссякал, и люди уже хотели чувствовать результаты своего труда не только в виде почётных грамот, а и в кассах бухгалтерий, куда исправно приходили два раза в месяц. И где десятилетиями, если не продвигались по службе, видели против своей фамилии в ведомости заработной платы одни и те же цифры.

То, что предложил Косыгин, позволяло уходить от уравнивания талантливых и трудолюбивых с нерадивыми и вело к восстановлению естественного экономического закона — кто лучше трудится, тот лучше и живёт.

Это было бы огромным стимулом, потому что человек мечтает выявить собственные способности. И когда это поощряется не только на словах, а сказывается на повышении заработной платы, глаза горят значительно сильнее...

Но и первое лицо, и его сподвижники на это не пошли. А многочисленные чиновники министерств, ведомств и партийного аппарата их поддержали.

Понять тех людей легко. Во-первых, им и так было хорошо, потому что «закрома Родины» были в их распоряжении. Во-вторых, многие из них в таком случае оказывались просто не нужными в своих креслах. Да и сами кресла становились лишними.

А заниматься конкретными делами им не хотелось, поскольку распределять куда приятнее, чем что-то делать. И так как слой чиновников был к тому времени уже огромным, здравая инициатива не прошла.

***

Это привело к печальным последствиям, потому что менее чем через три десятилетия рухнула страна под названием СССР, распавшаяся на составные части, которые были её республиками, а теперь стали отдельными государствами.

Но всё бы ничего, если бы в этих новых странах стали бы жить по нормальным экономическим законам и процветать, как обещали новоявленные лидеры каждого из новых государств.

Хотя, конечно, потерять такую державу, победившую фашизм, подавляющему большинству людей было жаль.

Но их никто об этом не спросил, и всё решилось келейно в 1991 году на знаменитых «посиделках в беловежской баньке»...

Однако кто-либо из «простых тружеников» процветать не стал, потому что те самые «аппаратные люди», которые когда-то почуяли угрозу от предложения А.Н. Косыгина, а также их последователи — молодые партийные замы и комсомольские лидеры — сумели вовремя сориентироваться. Аппаратная выучка их и тут не подвела. Они очень умело представили себя радетелями модной с середины 80-х тенденции к перестройке.

Многие из них публично сожгли свои партийные и комсомольские билеты, отрекшись от того, что ещё недавно их так хорошо кормило в «закромах Родины».

И они знали, что делали, потому что самый умный из них придумал такую бумажку, которая якобы давала возможность каждому человеку пользоваться его законной долей из этих «закромов».

Поначалу такой шаг произвёл очень сильное впечатление на соотечественников, поскольку до этого подавляющее большинство из них привыкли всё же зарабатывать. А тут, оказывается, имело право на бумажку, стоимость которой равна стоимости двух машин «Волга» — огромных по тем, да и немалая по нынешним, временам денег.

Эта бумажка была красиво названа «ваучером», что в переводе с английского означает «расписка». Такой «распиской» государство якобы гарантировало человеку в ближайшем будущем его «долю национального богатства».

С самой высокой трибуны было объявлено, что каждый из соотечественников может выбрать себе один из двух вариантов, как распорядиться этим «богатством», — либо обменять на акции любого выбранного предприятия, чтобы получать определённую часть его доходов, либо обменять в ближайшем будущем на деньги, равные той самой стоимости двух машин «Волга».

Когда наступит это «ближайшее будущее», никто не знал, но многие надеялись, что оно «светлое» и не за горами.

***

Смущало лишь то, что останавливались фабрики, заводы, закрывались лаборатории, КБ (конструкторские бюро), в одном из которых к тому времени уже в качестве руководителя отдела работал доктор физико-математических наук Валерий Константинович Дронов...

Смущало потому, что никто не знал в какое предприятие вкладывать эту «расписку».

Были, правда, заманчивые предложения от неких алмазо-, нефте- и газодобывающих компаний. Однако подавляющее большинство людей, вложивших туда эти «акции», получали через год отчёты о суммах собственных доходов, на которые разве что можно было купить несколько порций мороженого.

Тут же появились люди, предлагающие за ваучеры суммы, хоть и далёкие от объявленного номинала, но существенно превышающие первые «доходы» новоиспечённых «акционеров». И те, кто ещё не расстался с этими бумажками, уже зная результаты от их вложения, с удовольствием их продали, поскольку стали понимать, что ни о какой стоимости двух «Волг» и речи быть не может.

Но они ошиблись. Точнее, не ошиблись, а не знали и не могли знать, с какой целью «самый мудрый перестройщик» — непотопляемый и процветающий по сей день — придумал эти ваучеры.

Дело в том, что если подавляющему большинству соотечественников они принесли лишь разочарование — чувство, что их обманули, — то идеологам такой «перестройки» и людям к ним близким, то есть полезным, эти бумажки принесли «золотые горы», потому что их номинальная стоимость, о которой уже шла речь, формально для их сделок осталась прежней.

А поскольку это так, то человек, приобретший, то есть скупивший у разочаровавшихся определённое число этих ваучеров-акций, получал возможность стать владельцем или совладельцем какого-то предприятия: завода, фабрики, комбината...

И становился им, потому что большое число таких акций вроде бы формально вложил или, как уже стали говорить, инвестировал в предприятие серьёзные деньги.

В средствах массовой информации такие «инвестиции» подавались как благие намерения акционера способствовать развитию того предприятия, которое он приобретал.

На самом же деле никто его не обязывал развивать производство. Да и как можно было что-то развивать, когда подавляющее большинство фабрик, заводов и комбинатов с развалом СССР практически в одночасье лишились возможности что-то производить, потому что нарушилась система заказов, а следовательно, и продавать новое было некому.

Поэтому такие «акционеры» фактически становились владельцами недвижимости. И им оставалось лишь распродавать старое и сдавать помещения в аренду бесчисленным фирмам, которые с начала 90-х стали плодиться, как грибы после тёплого дождя.

Суть работы почти всех этих фирм-арендаторов сводилась к продаже или перепродаже того, что только можно было продавать или перепродавать. А можно было почти всё...

КБ, которое возглавлял Валерий Константинович на одном из оборонных предприятий, тоже прекратило своё существование, потому что, как и многие другие оборонные предприятия, новой стране, хоть и назвавшей себя правопреемницей СССР, эта организация оказалась ненужной.

Новые «акционеры», получившие в собственность известным уже нам способом эту организацию, сначала пытались её перепрофилировать. Точнее, перепрофилировать частично. Сдав большую часть помещений в аренду, в некоторых цехах на имеющемся оборудовании стали делать предметы быта, которые можно было сразу продавать: ведра, лопаты, грабли, лейки, а также, решётки для кладбищенских оград и оград для коттеджей тех, кого стали называть «новыми русскими».

Но вскоре выяснилось, что жизнеспособны (самоокупаемы) лишь те цеха, где выполняют заказы «новых русских», поэтому остальные тоже сдали в аренду.

Что касается «новых русских», то ими стали называть тех, кто с начала 90-х в немыслимо короткие для какой-либо другой страны сроки сказочно разбогател. А богатели они потому, что теперь спекуляция и воровство получили наименование «бизнес».

В зависимости от сумм, которые можно было уворовывать или отбирать, обеспечивая бизнесменам охрану, получившую название «крыша», бизнес подразделялся на «малый», «средний» и «крупный».

Поначалу, правда, среди людей, создававших предприятия малого и иногда даже среднего бизнеса, были «белые вороны», поверившие, что успеха можно добиться в честной конкуренции, то есть без воровства и «крыш». Но они быстро убедились, что это нереально.

Дело в том, что основатели «перестройки» были людьми, сформированными в стране государственных монополий, а монополия и конкуренция — понятия несочетаемые.

Да и бездельников, то есть чиновников, привыкших распределять заработанное другими, как мы помним, и так был избыток, а теперь с каждым днём становилось ещё больше.

Потому довольно скоро и рухнули надежды этих «белых ворон». И они были вынуждены либо оставить своё занятие, либо «уводить» доходы «в тень», понимая что львиная их доля идёт не на социальные нужды и другие благие дела, а в карманы чиновников или бандитов, которые, по сути, занимались теперь одним и тем же...

Помещения КБ тоже сдали в аренду: одно — фирме, которая производила резиновые сапоги и калоши, другое — кампании, долгие годы успешно продававшей в нашей стране «Гербалайф». Это средство, одно время широко рекламировалось у нас как пищевая добавка для сбалансированного питания, способного творить чудеса и с теми, кто хотел похудеть, и с теми, кто мечтал поправиться, и с желающими омолодить своё лицо и тело.

С начала 90-х соотечественникам, как это всегда происходит в «смутные времена», предлагали много чудес для быстрого решения их вопросов за «разумные деньги». Но, как известно, чудеса, если и бывают, то чрезвычайно редко. И пока к человеку возвращалась эта, хорошо известная ему, мысль, его «разумные деньги» в суммах, приятных для тех, кто предлагал свои «чудесные» услуги, исчезали вместе с обещанными чудом...

***

Валерию Константиновичу повезло. В отличие от многих своих коллег, кто остался без работы по профессии и вынужден был искать заработок на любой неквалифицированной работе или в торговле, среди большого числа появившихся в ту пору «челноков», он получил предложение преподавать информатику в одной из элитных гимназий.

Эту гимназию открыл приятель его детства Арсен, теперь уже Арсен Борисович, который ещё в молодые годы устроился на овощную базу, успел дважды отсидеть за «экономические преступления», стать заместителем заведующего, а в 90-е приватизировать овощной магазин.

Уже в зрелом возрасте он оставил семью и женился на молодой красавице Инге, которую приглядел на конкурсе «Мисс Москва», являясь одним из его спонсоров. Красавица поначалу никак не могла родить, поэтому жаждала деятельности. И чтобы удержать её от желания стать профессиональной моделью, он сумел открыть для неё гимназию, купив все необходимые для этого разрешительные документы вместе с дипломом о её педагогическом образовании.

Кроме того, он купил — теперь уже купить можно было почти всё — документы, позволяющие Инге открыть при гимназии школу моделей для детей и подростков, где она сама преподавала один из предметов — дефиле.

Учебный же процесс был полностью на Валерии Константиновиче. Вместе с Мариной они набрали необходимых преподавателей, в частности, и среди оставшихся без работы бывших коллег. Марина тоже стала учителем словесности, уйдя из популярной московской газеты, где все эти годы работала обозревателем отдела культуры, а потом и заведующей. И где, как и во многих газетах, в ту пору началась «чехарда».

Гимназия была на хорошем счету. Туда стремились попасть дети обеспеченных родителей, и поэтому преподаватели были довольны заработками.

Однако 31 декабря 1999 года страна узнала, что её лидер — один из троицы «беловежской аферы» — решил извиниться перед соотечественниками, что ему «не всё удалось сделать так, как хотелось бы». И после покаяния, объявил, что нашёл достойного преемника, который «безусловно, доведёт начатое дело до конца».

В первые годы своего президентства «достойный преемник» действительно что-то делал, чтобы страна не рухнула в пропасть, на краю которой к концу века стояла. И ему удалось прервать этот хаос «перестройки».

Постепенно жизнь начала входить в некое упорядоченное русло, где ещё оставшимся бюджетникам стали выплачивать зарплату, задерживаемую перед этим месяцами. То же происходило и с выплатой пенсий, размеры которых с неприлично малых сумм увеличились, в конечном счёте, почти до *реального* прожиточного минимума...

Но самое серьёзное внимание преемник уделил силовым структурам и был, конечно, прав, потому что, заметно подняв жизненный уровень верхнему эшелону этой категории граждан, бывший подполковник КГБ обеспечил себе несвергаемое пребывание на высшей государственной должности.

Но поскольку «новая метла метёт по-новому», то в какой-то момент в стране начинается передел собственности, под который попадает и здание гимназии, расположенное в одной из бывших школ-интернатов.

Все разрешения, какие получил Арсен Борисович на аренду того здания, оказались «липовыми», и по окончании 2005-го учебного года его отобрали, «перепрофилировав» в физкультурно-оздоровительный комплекс с тренажёрами, сауной, массажем и прочими недешёвыми и даже пикантными удовольствиями.

Арсен Борисович понял, что и с магазином может случиться нечто подобное. Поэтому не стал ждать и продал его. После чего вместе со своей красавицей Ингой и пятилетним сыном, которого она ему всё же родила, перебрался в Испанию, где незадолго до этого купил виллу и небольшой ресторан.

А Валерий Константинович и Марина Владимировна оказались не у дел и попробовали жить на свои пенсии.

Они, конечно, знали, что это непросто, но им было интересно самим почувствовать, каково быть пенсионером в России начала XXI века.

Оказалось, что если очень скромно, то прожить можно. Точнее, выжить. Да и то не каждому. Потому что если требуются лекарства, а они с определённого возраста требуются в том или ином количестве и ассортименте практически всем, то пенсии не хватает. Тут или приходится подрабатывать, или помогают дети, что, конечно, унижительно.

Валерий Константинович и Марина Владимировна тоже подрабатывали, давая частные уроки. Хотя могли и не делать этого. Их сыновья (старший — адвокат, младший — экономист), зарабатывали неплохо, но получать от них помощь было неловко, поскольку родители считали, что пока в состоянии подрабатывать, их дети должны в этом отношении заботиться о своих детях.

Деду с бабушкой тоже хотелось иногда побаловать внуков. И лишь подработка позволяла это делать.

Но они знали многих людей, у которых и дети не были в состоянии помочь, и здоровье не позволяло уже работать. На таких пенсионеров, если что-то до этого не скопили, а скопил мало кто, больно было смотреть.

Ну и, конечно, оставалось непонятным, почему человек, честно трудившийся «на благо Отчизны» несколько десятилетий, не заслужил у своей Отчизны должного уважения.

Валерий Константинович помнил, что в советские времена люди при его учёной степени, должности в КБ и правительственных наградах получали пенсию от 140 до 160 рублей в месяц, а средняя пенсия по стране была 120 рублей в месяц.

Произведя несложные расчёты, он обнаружил, что если ориентироваться на Советский Союз, правопреемником которого Россия себя провозгласила, то средняя пенсия по стране должна быть, как минимум, втрое выше.

Конечно, такое положение было позором для власть имущих, но если бы единственным...

Он знал, какие заработные платы у обычных учителей, преподавателей ВУЗов, сплошь переименованных теперь в университеты и академии, врачей, учёных, инженеров, число которых за ненадобностью с каждым годом резко сокращалось...

Знал, как убого во многих школах и ВУЗах (всё же он их так называл) стали учить и как плохо, иной раз даже преступно, лечить в медицинских учреждениях.

Знал об аферах в ЖКХ, в строительном бизнесе... Да и куда ни глянь, сплошь возникали какие-то идеи по реорганизации, которые на словах были направлены на то, чтобы улучшить согражданам жизнь, а на деле эти реорганизаторы «уводили» у людей деньги, пользуясь очень изобретательными «схемами», позволяющими «спрятать концы в воду».

Валерия Константиновича всё больше смущало то, что он не понимал, куда идёт страна. Если во времена его юности, молодости и определённой зрелости молодые люди стремились стать врачами, геологами, инженерами, конструкторами, космонавтами, журналистами, позже — с конца 80-х —

юристами, экономистами, бизнесменами, менеджерами, то теперь их подавляющая часть мечтает быть чиновниками, риэлторами, сотрудниками рекламных агентств, пиар-компаний или попасть в систему шоу-бизнеса.

И если в Советском Союзе он в общих чертах понимал, чем занимается та или иная организация, то теперь никто не мог ему объяснить, какое благо стране приносят бесчисленные офисы, в которых непонятно чем занимаются бесчисленные клерки, именуемые «офисным планктоном».

Единственное, что он понимал: идёт постоянная торговля или услугами, или товарами, но не замечал, чтобы что-то путное производилось, кроме ограниченного ассортимента бытовых предметов, в большинстве своём сомнительного качества.

В общем, ему, родившемуся и выросшему в другой стране, где была принципиально иная шкала ценностей, трудно было к этому привыкнуть.

***

Так же трудно, как когда-то привыкнуть к услышанному от двоюродной бабушки — активной в конце XIX и начале XX века эсерки, — что Сталин ничуть не хуже Ленина.

Как-то ещё в 60-е она рассказала ему, что, будучи во временной и вынужденной эмиграции в Швейцарии, где находился и Ленин, с которым они уже были знакомы, могла наблюдать, как не выносил он проигрыша в спорах. И какими злыми становились его глаза, когда его кто-нибудь побеждал логически.

У многих тогда складывалось ощущение, что дай ему в руки оружие, он тут же расстреляет оппонента.

Потом Валерий Константинович читал литературу и документы о преследованиях и многочисленных расстрелах политических оппонентов, служителей церкви и простых, ни в чём не повинных сограждан, посмевших выказать хоть малейшее сомнение в правильности политики «вождя мирового пролетариата». Ну и, конечно, о расстреле царской семьи с её женщинами и детьми.

И всё это по приказам «Главного революционера», на которые он не скупился.

Бабушка тогда сказала, что не нужно из Сталина делать единственного и самого жестокого человека страны первой половины XX века. Он просто был достойным учеником своего учителя и «только развил его учение».

Валерий Константинович помнил, что к этой мысли он привыкал ещё мучительнее и дольше, чем к тому, что кумир детства и отрочества оказался на таким, каким мальчик Валера Дронов его себе представлял.

***

Но не только экономический путь развития смущал бывшего математика и конструктора. Он не мог понять, для чего проводятся бесчисленные реформы среднего и высшего образования, суть которых в конечном счёте ведёт к атрофии логического мышления.

Если раньше в первую очередь обучение начиналось с основ любой области знания, её истории и логики развития, то теперь всё сводится к способности нажать нужную кнопку, чтобы найти нужный ответ. То есть получается, что сегодня важно научить не тому — ЧТО, а сразу — тому КАК, не задумываясь — ПОЧЕМУ так, и может ли быть иначе.

И теперь сплошь и рядом можно было видеть детей, подростков и даже молодых людей за нажатием кнопок, и всё реже эта «новая поросль» стала выказывать тягу к книжке. А если и замечалась с книгой, то чаще с такой, что уж лучше с пультом телевизора. Хотя и на экране теперь тоже показывали в основном нечто, доступное «уровню одноклеточных».

Что касается гуманитарного образования, то на реформу в этой области вообще можно было смотреть, как на преступление, потому что программы меняли в сторону постоянного сокращения классики. То есть того, что время — наш самый беспристрастный судья — сохранило в веках. Где есть постоянное стремление героев «дойти до самой сути», и главенствует там совесть.

Меняются времена, степень развития цивилизации, формы, в которых художникам удобнее выражать свои мысли, и ещё многое, но с библейских времён не меняются основные вопросы и заповеди для каждого, кто мыслит и хочет быть человеком, а не его подобием. И именно в этом суть и бессмертие произведений классики при всём разнообразии их сюжетов и способов выражения.

Потому и так жаль Валерию Константиновичу, что теперь даже среди приятных и успешных молодых людей часто встретишь таких, кто понятия не имеет откуда: «Друзья мои, прекрасен наш союз», «Я помню чудное мгновенье», «Я утром должен быть уверен, что с вами вновь увижусь я», «Быть или не быть», «Всё смешалось в доме Облонских», «Деточка, все мы немножко лошади», «Печально я гляжу на наше поколенье», «Свежо предание, а верится с трудом» и ещё очень многое, что не так давно считалось неприличным не знать человеку даже со средним образованием.

Одним словом, поколение перестройки очень скоро утратило черты того, что именуется культурой и с каждым днём всё отчётливее становится поколением того, что именуется цивилизацией.

Происходит какая-то странная метаморфоза: глубина знаний уступает место стремлению к го-лой информации из интернета, зачастую абсолютно дилетантской.

Оттого и упоминавшаяся уже строчка «Печально я гляжу на наше поколенье» всё чаще оживает в его мыслях, поскольку отражает теперь и печаль его поколения, которому хотелось видеть у детей и внуков иной труд души — такой, какой вёл бы их к настоящему, а не поверхностному интеллекту.

***

Но, может, им это и не надо. Пока им и так хорошо. Похоже, они начинают привыкать к тому, что называется обществом потребления. Развлечений сейчас много, и если хорошо зарабатывать, видимо, можно не думать, куда мы идём.

Хотя думать, конечно, надо, чтобы не оказаться здесь лишними...

Что касается последнего слова, то оно в последнее время всё чаще посещает Валерия Константиновича.

Он пришёл к предположению, что все эти изменения внедрялись намеренно. Что они продиктованы состоянием, в котором к сегодняшнему дню оказалась страна. А она оказалась в положении сырьевого придатка, потому что почти всё, что было хорошего в Советском Союзе, разрушено.

Слова знаменитой соотечественницы, сказанные почти век назад («*Всё расхищено, предано, продано...*»), точно отражают и наш сегодняшний день.

А поскольку это так, и основной упор делается на «трубу» с её ограниченными отводами, «кормящими» тех, кто «удачно перестроился», то, наверное, многие граждане становятся для страны лишними. В частности, старики. Потому и такая «забота» о пенсиях. А также те, кто пытаются разобраться в сущности происходящего.

Отсюда и понятны реформы в гуманитарном образовании. Ведь именно человек культуры может задумываться и задавать вопросы, подобные, например, этим: «Зачем нам вступать в ВТО?», «Для чего нам база НАТО в Ульяновске?», «Почему люди уходят из села, оставляя брошенными целые деревни?», «Как бюджет страны может быть сопоставим с бюджетом отдельных её граждан, когда подавляющее большинство соотечественников едва сводят концы с концами?»

Да и мало ли ещё, на какие «неудобные» вопросы нужно отвечать перед очередными «демократическими» выборами, которые своей «системой подсчёта голосов» прославились уже на весь мир.

А так — минимум забот. Кому не нравится, милости просим — выбирайте себе другую страну.

***

Но не хотят Валерий Константинович и Марина Владимировна что-то выбирать. Слишком многое связано в памяти с тем, что было дорого для них здесь. Хотя, конечно, и не совсем здесь, потому что тогда страна была принципиально иной.

Однако инерция привычки и эмоциональная память — категории стойкие.

И, наверное, поэтому всё чаще вспоминает Валерий Константинович о кубанской станице, где прошло его детство. О том, что там постоянно — с весны до зимы — шла работа на полях, засеянных пшеницей, рожью, кукурузой, засаженных огурцами, помидорами и арбузами. О гудящих день и ночь тракторах и комбайнах. О том, что отца с ранней весны до поздней осени не было дома. И о том, с каким уважением относились к тем, кто трудился на совесть.

И хотя жили скромно, уверенность в том, что ВСЕ станут жить лучше, и к этому стремились, помнит отчётливо.

Трудно ему сегодня поверить в то печальное состояние станицы на его малой Родине — Кубани, о котором рассказывают бывшие земляки, и где он помнит землю, куда «воткни сухую палку, вырастет дерево».

Подавляющее большинство бывших земляков переселились в города, а те, кто остались, вынуждены ездить туда на заработки. Да и не в каждом городе можно теперь найти хоть какую-то работу.

Примерно то же он слышит о судьбах жителей других станиц, деревень и посёлков не только Кубани и соседнего Ставрополя, а повсеместно...

Вспоминают они с Мариной и «их Москву». Он — начиная с 50-х, она — поскольку коренная москвичка — с 40-х.

Сейчас это сложно представить, но Москва до времён распада Советского Союза была красивым городом со своим лицом, черты которого в её центральной части определяли купеческие особняки.

Город был зелёным, москвичи приветливы. Садовое кольцо отражало своё название, потому что летом высаженные в два ряда деревья почти не позволяли пешеходам видеть идущие по кольцу машины. Не менее зелёным было и Бульварное кольцо с многочисленными уютными скамеечками для влюблённых.

Зелёными были и дворы — знаменитые московские дворики, где, как и в домах, все друг друга знали.

Москва была уютной, и по ней можно было гулять ночью, любуясь приземистой архитектурой каждого особняка, многих домов сталинского ампира, московскими фонарями и улочками, которые не переставали удивлять своими неожиданными поворотами...

Они с Мариной часто гуляли до утра, читали стихи, среди которых всегда:

*Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.*

*Тянет свежесть с Москвы-реки,
В окнах теплятся огоньки...*

Тогда ещё во многих местах города приходили на память эти строчки Анны Ахматовой о Москве, которую она — ленинградка — тоже любила.

Сейчас просто так ходить по ночной Москве вряд ли кому придёт в голову. И потому что опасно, и потому что смотреть на её необратимо изуродованные черты не хочется даже днём, когда потоки машин слегка приглушают безвкусицу нынешних псевдоархитектурных «изысков и композиций»...

Они вспоминают, как любили ходить в кино, иной раз отстаивая длинные очереди за билетами на фильмы Герасимова, Шукшина, Хуциева, Тодоровского, Иоселиани, Германа, Данелии, Тарковского, Феллини, Антониони, Бергмана, Курасавы, Вайды...

Многие фильмы из соображений цензуры показывали лишь по клубам и на окраинах города. Но «сарафанное радио» работало быстро, и у этих клубов тут же образовывались очереди приехавших из разных концов Москвы и её пригородов.

В Доме кино был кинолекторий, куда приглашали известных и молодых режиссёров, операторов, артистов, кинокритиков, которые до просмотра рассказывали о каких-то эпизодах работы над фильмом, а после сеанса обсуждали его зрителями...

За билетами в театр «Современник», «Театр на Таганке» и на некоторые спектакли других театров стояли с ночи, и многие постановки смотрели по несколько раз...

Долгое время в непримиримых спорах схватывались читатели журнала «Новый мир» с читателями журнала «Октябрь», поклонники Шукшина, Аксёнова, Распутина, Белова, Искандера, Астафьева, Трифонова, Владимирова, Абрамова с поклонниками Кочетова, Софронова, Маркова, Острового...

С какого-то момента на устах уже постоянно были Хемингуэй, Ремарк, Сэлинджер, Фолкнер, Бодлер, Верлен, Рембо... и русские поэты Серебряного века.

Ну и, конечно, поэты Великой Отечественной войны, а также те, кого стали называть «шестидесятниками».

И особняком — любимый всей страной и негласно негодный власти, хотя и там многие в кругу своих семей его с удовольствием слушали — Владимир Высоцкий...

Фильмы и спектакли, как и публикации в журналах или книги, обсуждали на работе, среди друзей, да и порой с незнакомыми при случайно заведённом разговоре.

В общем, литература и другие виды искусства занимали видное место в жизни людей.

Может, поэтому не говорили тогда: «Играет значение», «Имеет важную роль», «Очень прекрасно», «Зал переполнен до отказа»... И много ещё подобных словосочетаний, которые в ту пору резали слух и были предметом шуток, а сейчас можно слышать не только на улице, но и в эфире от теле- и радиоведущих.

И хотя страна была значительно более многонациональной, по-русски говорили лучше и чище, чем в нынешней России...

Несмотря на то, что цензура была жёсткой, что-то всё равно постоянно «просачивалось». И люди умели «читать между строк».

Может, потому и умели, что был должный интеллект и желание «глотка свободы».

Не думали они в ту пору, что доживут до того дня, когда получат её в таком виде, какой можно назвать свободой от совести, потому что явно не о том мечтали и не к тому стремились...

***

Может, в период прежней несвободы люди потому и сохраняли человеческие черты, что были ещё живы те, кого не уничтожили в 17-м, и кто не уехал из страны.

Они несли в себе какие-то высшие ценности, близкие десяти заповедям, передавая их тем, кто стремился это перенять и жить по совести.

А теперь их уже нет. Да и тех, кто перенял, осталось немного. Во всяком случае, наверное, недостаточно для того, чтобы удержать молодых всецело поклоняться денежному знаку и всё остальное ставить в зависимость от него.

Так думает Валерий Константинович и когда в очередной раз узнаёт о купле-продаже учёных степеней и званий, дворянских званий, депутатских кресел и практически любой выборной и невыборной должности, а также недр.

А ещё он думает о том, что не было в его бывшей стране ни брокеров, ни дилеров, ни дистрибьюторов, ни риэлторов, ни продюсеров, а были русские определения того, чем человек занимается. И далеко не каждое из этих занятий было престижным.

Вспоминает Валерий Константинович, что в прежней его стране были, прежде всего, советские люди, к которым относились русские, армяне, евреи, татары, узбеки, чеченцы, грузины, осетины и все остальные народности, которые объединяло понятие «советский человек».

Жили дружно, и, наверное, поэтому, вопреки ожиданиям всего мира, победили в Великой Отечественной войне.

И, наверное, поэтому не было на территории Советского Союза межнациональных войн, страшнее и бессмысленнее которых может быть лишь гражданская война.

В общем, много чего из «достижений» нынешней «свободы и цивилизации» не испытывал Валерий Константинович до 90-х.

Но почему-то уютнее было ему жить даже при всё больше раздражающих лозунгах КПСС, членом которой он так и не стал, несмотря на то, что, отказываясь от этой «чести», дважды терял возможность серьёзного роста в карьере.

Многие говорили, что его талант учёного и способность организовать дело позволяли возглавлять не только отдел КБ, а *по меньшей мере*, институт или более крупную организацию.

Марина Владимировна тоже, начиная с середины 60-х, стала понимать, *зачем* её сверстники и те, кто идут вслед, вступают в эту партию. И тоже отказалась от такой «чести». Потому и стала заведовать отделом лишь в конце 80-х, когда уже всюю с самых высоких трибун заговорили об отмене 6-й статьи Конституции СССР, где обозначалась руководящая роль КПСС.

Могли ли они с Валерием Константиновичем подумать, что такой — поначалу желанный «ветер надежд и перемен», повеявший со второй половины 80-х — приведёт страну туда, где она теперь оказалась.

И что так многого им будет не хватать из той их прежней страны, которую они дважды мечтали серьёзно изменить в лучшую сторону.

***

Когда он думает об этом, ему порой кажется, что даёт о себе знать возраст и, может быть, на восьмом десятке лет уже трудно воспринимать какие-то положительные стороны нынешней жизни без ностальгии по многому из прежней. И потому не всё хорошее замечает.

В таких раздумьях пришли ему как-то на память строчки Александра Блока:

Сотри случайные черты —

И ты увидишь: мир прекрасен...

Вот он и старается, не являясь по своей природе скептиком, увидеть то, что так хотел бы видеть.

И пока не понимает, где эти «случайные черты». И случайны ли они.

Наверное, поэтому слова его любимого режиссёра Петра Фоменко звучат для него самым точным определением того, что он сегодня чувствует.

Хотя и понимает, что его мысли спорные и отрывочные.

Берега Московские

Михаил Пучковский

Михаил Александрович Пучковский родился в Москве в 1974 году. Закончил Московский педагогический государственный университет им. В.И. Ленина по специальности «Русский язык и литература». Стихи Михаила опубликованы в литературных журналах «Лава» (Харьков) и «AKZENTY» (Чебоксары). В 2012 году вышел печатный поэтический сборник «Сценарий жизни», изданный совместно с поэтессой Екатериной Ченских, лауреат киевского международного поэтического фестиваля «Интерреальность».

Из «Сибирского цикла»

Святочное утро

Так вдохновенно, так раскованно
Рисуют нынче старый город,
Январским утром очарованный,
Окна морозные узоры.

И святочным дыханьем холода —
Морозной дымкой небо скрыто.
Увидишь ли далёкий город мой
Меж строк озябшего пиита,

Моя московская снегурочка,
Таким, каким его я знаю?
По узким деревянным улочкам
Ползут промёрзшие трамваи,

Трескуч мороз, под крышей глянцево
Блестят сосульки-недотроги,
Такие праздничные пьяницы
Домой плетутся меж сугробов...

Им ангелы поют неслышимы,
И снегири порхают прытко,
И дым печной встаёт над крышами,
Как на рождественской открытке.

Под незнакомым небом

В чужом краю, под незнакомым небом
Обжился, по привык, построил дом.
Былое вспоминается с трудом,
И в доме пахнет молоком и хлебом.

К чему гаданья на кофейной гуще
Что суждено, что сбудется потом?
Темнеет рано, сумерки всё гуще,
И кошка дремлет, нос укрыв хвостом.

Должно быть, скоро холода. Над крышей
Встаёт неспешно ранняя звезда,
В пути из ниоткуда в никуда
Карабкаясь всё выше, выше, выше...

Ночной рейс

Не спится, напарник? Кабина пропахла автолом.
Бессонница дальней дороги — спасения нет.
В далёких полях меркнет сонного Ачинска свет,
Встают из колючей зимы огоньки Боготола.

Должно быть, под Томском ударит мороз спозаранку.
Туман над дорогой. Огни встречных фар не видны,
Лишь катится сбоку щербатая решка Луны —
Нас ночь развлекает заоблачной лунной орлянкой...

«Летучий Голландец»

Догорая, лиловый закат отражается в стёклах.
У фонтана толпа, мостовой не хватает на всех.
Я иду мимо летних кафе томским вечером тёплым,
Там горят огоньки, и мешается с музыкой смех.

От вокзала, где еле транзитный состав дотащивший,
Тепловоз маневровый мне вслед так уныло кричал,
Я спускаюсь к реке, никогда никуда не спешившей,
И смотрю без тоски на пустой и забытый причал.

Этой тёмной воде что за дело до сказок и мифов
О беспутных скитальцах, чья Богу неведома цель?
Обошедший не раз всевозможные скалы и рифы,
Мой «Летучий Голландец» надёжно посажен на мель.

На сыром сквозняке я в прокуренном тамбуре выстыл,
Города, километры, тревоги, ветра — за спиной.
Этот город — моя долгожданная тихая пристань,
Я пришёл, чтоб остаться, как будто вернулся домой.

Песни межсезонья

Осенние маячки

(Томск, октябрь 2003)*

...Остаться ли? Да полно, мочи нет
Топить тоску в дурманящей настойке.
Встаю. Привычно скалится мне вслед
Улыбчивая дрянь за барной стойкой.

Я одинок в осенней темноте,
На сквозняке пустынных мокрых улиц.
Иду к друзьям, но слепы окна тех.
Похоже, там давно уже уснули

И, стало быть, мне места нет. Увы...
Я слушаю, как город засыпает
Под шорох опадающей листвы,
Под тяжкий скрип последнего трамвая.

Как вздрагивают старые дома
Под стук колёс по стыкам!.. Милый Боже,
Дай сил не спиться. Не сойти с ума.
Так кстати подвернувшийся прохожий

Со мною поделился табачком,
Затягиваясь, кашляет надсадно...
Во тьме осенней ночи маячком
Полоска света из чужой парадной...

Сон о Томске

(Москва, март 2011)

Щемящая весенняя тоска
Пришла на смену вьюгам и морозу.
Растаял снег, и смерчами песка
Играет ветер на Кузнечном Взвозе.

Весенний воздух всё такой же пряный,
Всё так же резок ветер от реки,
Всё так же гулко хлопают дверями
Всё те же продувные сквозняки.

Весна гремит трамваем по Подгорной,
И искры рассыпает из-под дуг,
Кренится день, как ухарь подзаборный,
И вечер настает всё так же вдруг.

Исчезли, растворились в темноте
Все кумушки в халатах и лосинах.
И слышно, как среди просевших стен
Крадётся ночь с канистрой керосина.

Но нелегко жить в страхе неустанном,
Сходя от поздних шорохов с ума,
И засыпают, затворяя ставни,
Кривые деревянные дома.

И я всё дальше в темени плыву,
И всё, что было, не вернуть обратно.
И сквозь года мерцает наяву
Полоска света из чужой парадной.

Бессонница

Коридоры Томского НИИ онкологии

Сонная бабочка бьётся в оконце.
Солнце неспящего — матовый шар.
Тихо. Так тихо — до звона в ушах.
Звон бесконечных больничных бессонниц.

...Слепы глаза незашторенных окон,
Серое утро сочится сквозь них.
Гасят светильники. Скоро умолкнет
Шёпот шагов в коридорах пустых.

В дальней палате не стонет старуха.
Тихо. Услышать себе не позволю
Как на пределе усталого слуха
Вьётся комариком тонкая боль.

И, сквозняком между створок окна,
Тихо огладив виски мягкой лапочкой,
Вновь принесёт тебе сонная бабочка
Пару часов драгоценного сна...

Возвращение в Москву

Молчание

Скупая боль как ржавая иголка
Суровой нитью стягивает рот.
Светаёт. В мае ночи так недолги.
Метёт
По переулкам яблоневого вьюгой
Недолгая сибирская весна.
Похоже, лето встретим друг без друга.
До дна
Исчерпан прежний кладёзь вдохновений,
Метафор, грёз, катренов о весне...
Лишь лунный блик, застывший на мгновенье
На дне.
Сквозняк, ворвавшись с улицы, бумагу
Бросает на пол, треплет по плечу.
Не беспокойся, я сейчас прилягу.
Молчу...

Дорога домой

Бежит мой поезд по земле,
Вагон качает.
Передо мною на столе
стаканчик чая.

Скрипит вагон, несёт меня
В родные страны,
И стрелки ложечкой звенят
О край стакана.

Там наяву, а не во сне
Зима настанет,
И выпавший под утро снег
Уже не тает.

На полустанках поезда.
В окошках звёзды.
Столбы. Берёзы. Провода.
Вороньи гнёзда.

Возвращение

Я вернулся. Не злой, не обиженный,
Окружённый неверными слухами.
Пустыри и газоны засижены
Осмелевшими белыми мухами.
Снег ложится. Бреду тротуарами.
У обочин машины сутулятся,
Смотрят в спину потухшими фарами.
Ни души. Обезлюдели улицы.
Разбежались мои муравейчики
По гостиным, по кухням, по спальням.
Позадёргивали занавесочки,
Позатешили в окнах фонарики.
Приглушённая музыка плещется,
И окошки — скупые улыбочки...
Что за звон мне повсюду мерещится?
Это вечер подкрался на цыпочках,
Тихо-тихо звенит, развлекается
Сквозняком, заблудившимся в звоннице.
Тихо снежная ночь опускается,
Наливаясь тревожной бессонницей.

Медовые паданцы

Неразменную, брентную, сладкую
Не растянешь минуту на век...
Слышишь — падают яблоки, падают,
Тихо катятся в жёлтой траве.

Мы с тобой наши тихие радости
За три моря искать не бредём —
Подбираем медовые паданцы,
Упиваясь осенним дождём.

Есть на каждую ниточку ножницы,
Щёлк — и замерло время вокруг...
Только яблоки с розовой кожей
Сохраняют тепло наших рук.

Облака заплетаются косами.
Это — небо, вот — дождь, это — мы.
На губах сладкий сок нашей осени
В предвкушении долгой зимы.

Золотая пчела

Купаясь в потоке вечернего света,
Где каждая капля тепла,
Благая посланница вечного лета,
Летит золотая пчела.

На кончиках крыльев — звенящее слово,
Что мы забываем порой:
В нетварной обители Града Христова
Родной дожидается рой.

На пасеке Божьей, под светом медвяным
В трудах безмятежность храня,
Не зная ни времени, ни расстояний,
Легко им дожждаться меня.

И музыки мне не услышать чудесней,
Когда, рассекая простор,
Мой голос, звенящий пчелиною песней,
Вольётся в их радостный хор.

И всё, что ни есть, так уместно, так кстати,
Дорога легка и светла,
Когда упоённо звенит на закате
Моя золотая пчела.

Записка

Безнадёжно чужая далёкая близкая милая,
Я опять уезжаю, и думаю, что навсегда.
Там соседский малыш за стеной пианино насилует,
Там мучительно громко из крана сочится вода.

Чемодан наготове, мой спутник и друг обязательный.
Посижу на дорожку, плацкартный билет беребя...
Там машины, метро, там большие дома, там приятели,
Там так много всего... И не будет лишь только тебя.

Нам пророчили долгую жизнь, только где те пророчества?
Там мои старики. Видно, там в свой черёд я умру.
Там как знамя полощется по-над толпой одиночество,
На московском осеннем сыром и промозглом ветру.

Здесь и сейчас

Виноградная кисть истекает багряным соком.
Осы вязнут в осенних запахах, как в меду.
Это больше, чем то, что возможно измерить оком,
Это тоньше, чем сны, что по детству меня ведут.

Это просто спугнуть, это просто пустить по ветру,
Если радости миг благодарно не пьёшь до дна.
Стоит только устать, усомниться, утратить веру,
И тогда в опустевшее сердце войдёт война.

Злой занозой — боль за того, кто открыл ей двери.
Где-то рядом гроза, ветер рвёт провода души.
Пусть вернётся живым, пусть не станет ничьей потерей,
Пусть небесная рать на защиту его спешит.

Это здесь и сейчас. Это — с нами. От сока пьяны,
Кружат осы, а солнце лениво плывёт в закат.
Мы купаемся в осени терпкой, медовой, пряной,
Наблюдая над крышами зреющий листопад.

Берега Московские

Владимир ПРОНСКИЙ

Владимир Пронский родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором. Автор романов «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», «Стяжатели», книги избранных рассказов «Лёгкая дорога». Публиковался в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Подъём», «Север» и во многих других журналах и газетах, в коллективных сборниках, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ВКУС ТЕРЕНТЬЕВКИ

Рассказ

Евгений Ремизов ехал из Москвы на встречу одноклассников с особым настроением: очень надеялся встретить Викторию, потому что тридцать лет не видел её и почти ничего не знал о ней. Изредка бывая в родном Пронске, он, конечно, встречал знакомых, иногда в разговорах с ними вскользь упоминалась Виктория Китаева или Вика. Тогда всякий раз закипала мысль самому что-либо разведать, но сделать это было непросто: мешала старая обида, родившаяся, казалось, из ничего.

Они той весной неожиданно поссорились, когда она не пошла с ним в кино, а он в отместку отправился в Дом культуры с её подружкой. Вот, собственно, и вся «измена». Но в тот же вечер, узнав о предательстве, Вика устроила истерику, растрепав пухлые, красные от обиды губы, безутешно и беспричинно исходила слезами, нервно теребя льняную чёлку. Позже зачем-то нажаловалась матери: мол, Женя бросил, унизил, та, наверное, подумала бог знает что, и когда на следующий день Евгений пришёл мириться с Викторией, вытолкала его взашей, грубо заявив: «Чтобы вас, молодой человек, я более не видела в нашем доме!» Он по-настоящему обиделся, и даже не на её всегда сердитую мать, будто работавшую воспитателем не в детском садике, а в исправительной колонии строгого режима, а на саму Вику. Ведь она ничего не сделала, чтобы уладить конфликт, а Ремизову даже показалось, что она сама прогнала, не захотела до конца выслушать, вдруг превратившись в равнодушную и чужую, готовую в одно мгновение разрушить все чувства, собиравшиеся по капелькам. Сразу всё перевернулось. Будто они не гуляли ночными улицами несколько месяцев, боясь прикоснуться друг к другу, будто потом не целовались в палисаднике под старинной терентьевкой в пору её цветения, будто не хрустели румяными яблочками с фиолетовым отливом, подбирая их с земли и вытирая руками. Помнится, ранние яблоки удивительно и неповторимо пахли, на вкус казались немного пресноватыми, но сочными, — после них очень хотелось целоваться. И они целовались, чувствуя на губах этот вкус. Не смущало и то, что сидели под окнами, темневшими в ночи на фоне белёных стен, и Викина мать вполне могла наблюдать за ними, потому что на одном окне шторка всегда была сдвинута; Вика почему-то разрешала целовать себя только под окнами, словно выполняла чьё-то указание.

Став по-настоящему взрослым, Ремизов всё понял: и Викину мать, оберегавшую дочку, и саму Вику, не хотевшую расстраивать её. А тогда очень обиделся, но не сделал Вике ничего плохого: из гордости сам держался на расстоянии, надеясь, что вскоре всё у них наладится, и других парней не подпускал. Но она не знала этого.

Летом он подал документы в радиотехнический институт и успешно сдал вступительные экзамены. Годы учёбы проскочили быстро, хотя иногда казалось, что они бесконечны, особенно если в карманах не оставалось ни копейки. Но из любой ситуации находился выход: то сам подрабатывал, то перепадало от родителей. И всё это длилось до тех пор, когда Евгений получил диплом и был распределён в один из военных городков Мордовии, как специалист по радиоэлектронике. Неожиданно хорошо начал *получать* (слова «зарабатывать» тогда почти не существовало). Пришёл достаток, а вместе с ним и желание устроить жизнь. Ремизов женился, вскоре одна за другой появились дочери,

в воспитании которых он почти не участвовал, пропадая на работе. Его усердие было замечено, и через пять лет его перевели на головное предприятие, базировавшееся в Москве. Вскоре он купил трёхкомнатную кооперативную квартиру и стал полноправным москвичом. Только бы жить и жить, но тут началась перестройка, военно-промышленный комплекс начали разваливать, и Ремизов остался не у дел. Но не без знаний и опыта. Пошёл работать в коммерцию. К тому же квартира досталась ему почти даром. Помнится, половинный остаток взносов однажды заплатил с одной полочки, потому что зарабатывал теперь по новым ценам, а выплачивал за квартиру по старым. В общем, грех было жаловаться.

Всё это происходило, казалось, недавно, но вот уже успело вырасти и перестроечное поколение, для которого тогдашние события, что Октябрьская революция для Ремизова. Всё — история! В те годы, пока были живы родители, он раз в год заглядывал в Пронск, иногда проездом в Крым или из Крыма. Потом, после их смерти, продал с братом дом и приезжал на родину одним днём: наведёт порядок на могилках, заскочит на минутку к учителям, и назад. И в отпуск перестал навещаться, так как зачистил за границу. С той самой поры, когда жена вдруг вспомнила молодость и начала подзуживать:

— Дочек выдали замуж? Выдали! Теперь надо и о себе подумать! — говорила она, и Евгений легко поддавался её капризам, потому что и самому хотелось побывать там, куда долгое время было запрещено выезжать из-за государственных секретов, которыми когда-то владел.

Но теперь он далёк от того, что и секретами-то перестало быть, — создавал программное обеспечение для фирм, — и в отпуск был волен ехать, куда захочет, хотя в последние годы всё чаще вспоминался тихий Пронск. А когда месяц назад неожиданно позвонила одноклассница Зина Крупина, где-то раздобывшая его телефон, и пригласила на встречу выпускников, Ремизов тотчас согласился приехать, потому что сразу вспомнил Викторину и очень захотел увидеть её. Ведь это такой замечательный и естественный повод, что лучшего и не придумать! Поэтому не удержался, спросил:

— Китаева будет?

— Обещалась... — загадочно ответила Крупина, и её загадочность ещё более воодушевила.

Поэтому и ехал Евгений месяц спустя с особенным чувством, пообещав жене вернуться на следующий день. Ехал ровно на столько, чтобы встретиться с одноклассниками, погулять и, конечно же, поболтать с Викторией. Как же долго, представлялось ему, они будут говорить и вспоминать, чтобы хотя бы на несколько часов вернуться в удивительные и неповторимые дни, которые, казалось, закончились только вчера! Невольно спешил, словно скорость могла приблизить встречу. Обычно он замирал от вида, открывавшегося у поворота на древний Пронск, когда взгляд сперва охватывал привычные очертания высоченного Покровского холма, разукрашенного живописно прилепившимся строениями, а потом убегал, словно улетал, в неохватное пространство, в старину называемое Диким полем, открывавшееся за широкой долиной Прони. Но сегодня не до красот, пусть и родных, — сегодня в мыслях только она, Вика!

Ремизов оставил машину во дворе дома школьных учителей, а Валентина Ивановна — добрая душа — пригласила на ночлег, если вдруг появится такая необходимость. Ремизов знал, что дом Ананьевых всегда открыт для учеников, и многие из них принимали такое гостеприимство. Принял и он.

— Мы-то с Виктором Аркадьевичем всё лето в доме по привычке ютимся, а тебе постелю в беседке... Как хорошо в саду, на свежем воздухе! — сказала Валентина Ивановна, потряхивая золотистой причёской.

— *Merci beaucoup, mon professeur!* — ответил Ремизов по-французски, потому что когда-то она преподавала ему этот язык, и приветливо, благодарно улыбнулся.

Учительница поняла его настроение и подыграла:

— *Pas de quoi!*

Пока они беседовали, из веранды показался Виктор Аркадьевич — чернобровый, строгий на вид даже и тогда, когда улыбался. Говорил с Ремизовым охотно, но от встречи с учениками уклонился, стеснённый радикулитом. Когда Валентина Ивановна собралась, он осторожно добрался до калитки и указал на мелькавших у школы нарядных людей:

— Ваши уж собираются...

До школы всего-то полсотни шагов. Обычно в последние годы говорили «До новой школы», потому что старой более не существовало. Лет уж десять прошло, когда тогдашний руководитель района

переполошил Пронск, узаконив снос старинного здания, в котором когда-то, ещё до революции, размещалась женская прогимназия, и остатки школы бесцеремонно спустили под бугор, хотя были предложения использовать трёхэтажное, массивное строение с цокольным этажом по другому назначению. Теперь время отдалило те баталии, и с каждым годом всё меньше вспоминали о старой школе, поставленной век назад бароном фон Дервизом — выходцем из семьи обрусевших немцев, а все встречи выпускников начинались на ступеньках новой, построенной на месте крохотного городского парка.

Из трёх классов их выпуска собралось человек двадцать пять. Кого-то Ремизов узнал сразу — это более относилось к мужской половине, кого-то нет — особенно располневших одноклассниц, но все, в конце концов, распознали друг друга.

К началу встречи в вестибюле были накрыты столы, и после вступительных слов Валентины Ивановны — казалось, что она совсем не изменилась, — все чинно расселись и начались тосты: за учителей, за старую школу, за родной Пронск!

В перерыве, когда Володя Агапов, блеснув матовой лысиной, взял баян, Ремизов отозвал в сторону Крупину, жившую в Пронске и всё обо всех знавшую, и тихо спросил:

— Зин, а что же Китаева не приехала?

Цветущая от хорошего настроения и внимания одноклассников, высокая, по-девичьи стройная Зина подозрительно улыбнулась, полюбопытствовала:

— Что, старая любовь не ржавеет?!

— Да так просто спросил...

— Ладно уж — «так просто»... Приболела она. А зимой мать похоронила — никак в себя не придёт. Так что позвони, помоги отвлечься. Сейчас телефон дам...

Пока одноклассники, разбившись на пары, устроили танцы, Зина достала из сумки записную книжку, авторучку, черкнула и оторвала листок с номером мобильного телефона Виктории:

— Прямо сейчас и звони в Рязань! Узнай, где она? Может, задерживается?!

— На мужа нарвусь...

— Они развелись, она теперь одна, не считая сына... Спроси, почему не приехала?! Да на чай напросись... Тебя учить, что ли, надо?!

— Попозже позвоню, — отговорился Ремизов и понял, что смутился от подсказок суетливой Зинаиды, хотя внешне не выдал смущения.

Ему действительно захотелось тотчас позвонить Виктории, узнать, почему не приехала, и, быть может, умчаться к ней. И он поехал бы, но вспомнил, что пропустил несколько рюмок, и теперь машина недоступна до завтрашнего дня. «Это и к лучшему, — подумал Евгений, — нечего пороть горячку!» И чтобы забыться и более не угнетать себя печалью воспоминаний, ворвался в круг танцующих и крикнул баянисту:

— Цыганочку, маэстро!

— С выходцем! — поддержала Ремизова крепенькая, всегда улыбающаяся Татьяна Хоботкова.

И началось... Одноклассники плясали так, словно забыли о тридцати годах, прошедших после школы. И жара им нипочём. Когда утомились, вышли на воздух. Мужчины закурили, а Ремизов неожиданно разговорился с Валентиной Ивановной, беседовал с ней, будто с родной матушкой. Вопросы самые обычные, какие задают все матери: о семье, детях, работе. И Ремизов с необыкновенной лёгкостью рассказывал о себе и находил в этом радость.

Потом они, выпускники тридцатилетней давности, не раз садились и выходили из-за столов, пели, танцевали. Только под вечер Валентина Ивановна оставила их, когда самые стойкие и общительные переместились во фруктовый бар, закрытый в тот день, но Зина Крупина у кого-то добыла ключи. Они устроили новую складчину: запаслись вином, фруктами, конфетами и продолжили гулянье дотемна.

В какой-то момент Ремизов решил прогуляться, ему захотелось побыть одному, чтобы остыть от впечатлений и просто передохнуть. Сперва он даже и не понял, почему пошёл к заводской окраине — получилось само собой, — но чем далее уходил от светившегося огнями бара, тем сильнее хотел посмотреть на дом Вики. Хотя бы издали. Редкие фонари освещали дорогу, и вскоре он остановился перед тёмными окнами, наполовину заслонёнными разросшимися мальвами, от которых веяло горьковатым, холодным ароматом. За окнами угадывались занавески, но на одном окне, напротив сохранившейся скамьи, занавеска была сдвинута, как в прежние годы, словно в доме продолжал кто-то жить и теперь наблюдал за Евгением; даже показалось, что там кто-то мелькнул... Знобкую эту мысль он

быстро отогнал, вспомнил, как когда-то здесь целовался с Викторией, вспомнил и скобочившуюся от старости терентьевку и даже увидел зелено мелькнувшие в свете уличного фонаря яблоки. Надо же! Плодоносит! Сорвал одно, надкусил — она, терентьевка! Вкус ничуть не изменился, даже показался более терпким, чем прежде. Он с необыкновенной остротой всколыхнул воспоминания, показалось, что Вика где-то совсем рядом, всё видит и слышит... И неудержимо захотелось поговорить с ней. Он достал листок с номером её телефона и, нисколько ни колеблясь, набрал нужные цифры. После нескольких гудков услышал взволнованный голос, который — вот чудо! — совсем не изменился.

— Кто это? — осторожно спросила она.

Чтобы не спугнуть, Евгений сказал как можно спокойнее:

— Здравствуйте, Виктория! Вам звонят из Пронска. Моя фамилия Ремизов. Я вместе с вами учился! — И после паузы, во время которой Виктория, видимо, что-то соображала, Евгений добавил мягче: — Вика, это я — Ремизов! Вспомнила?

— Ремизов... — повторила она его фамилию почти по слогам. — Вспомнила, Женя, вспомнила...

— Узнал сегодня твой телефон и решил позвонить. Не разбудил?

— Я пока не укладывалась...

— А мы гуляем... Тебя не хватает!

— Крупина звонила, но я не смогла приехать, очень занята...

— Жалко, так хотелось увидеться... Вот сейчас сию на нашей лавочке, ем терентьевку и тебя вспоминаю... Помнишь терентьевку?

— Помню, всё прекрасно помню... Ты, слышала, в Москве живёшь? Женат?

— Да. Двое дочерей, обе замужем. Жду внучку.

— А у меня сын... Всё в холостяках ходит. Мужа, как ты, наверное, знаешь, нет: был да сплыл... Вот сейчас говорю с тобой, а совсем не представляю, каким ты стал: перед глазами прежний вихрастый, угловатый Женька.

— В чём же дело?! Завтра буду возвращаться в Москву, можно увидеться, поговорить.

Она задумалась, а когда молчание затянулось, порывисто спросила:

— Ты действительно хочешь увидеть меня?!

— Если бы не хотел — не звонил...

— Когда завтра приедешь?

— После обеда. Надо сперва побывать у родителей на могилках.

— Как справишься и будешь выезжать, позвони.

— Договорились!

Он отключил телефон, какое-то время сидел на скамейке недвижно и вспоминал разговор, показавшийся сном, почему-то заставившим быть задумчивым, даже печальным. И всё вокруг показалось печальным, даже склонившиеся бледно-розовые цветущие мальвы и одиноко скрипевший в траве сверчок. Сорвав несколько яблок, Ремизов пошёл назад, но в баре огней уже не было, и он отправился к Ананьевым, увидел, что Валентина Ивановна ждёт его.

— Bonsoir! — заглянув на веранду, шутливо сказал Ремизов, настраиваясь на иной лад.

Учительница улыбнулась:

— Нагулялись?

— Да, Валентина Ивановна!

— Под душ пойдёшь?

— Обязательно! — поспешно согласился упарившийся за день Ремизов.

— Тогда включу горячую воду.

— Спасибо, не надо, обольюсь холодной — это приятнее и полезнее!

Душ был летним, от дома к нему тянулись трубы от газовой колонки, и при желании можно было окатиться тёплой водой, но Ремизову захотелось по-настоящему остыть, привести мысли в порядок. Когда облился и, не вытираясь, вышел в сад, где находился гостевой дом-беседка, то сделалось так знобко и радостно, словно родился заново. И появилась необыкновенная ясность в мыслях. А в мыслях только она, Вика. Даже дежурный звонок жене не отвлек; пришлось позвонить, обещал.

Виктория же после разговора с Ремизовым тоже не спала полночи. Ей вспоминалось, как по телу побежали мурашки, когда услышала голос Евгения, как чуть не задохнулась от нехватки воздуха...

Сын в этот вечер отсутствовал, и она могла говорить спокойно, если можно говорить спокойно с человеком, который жил в душе с тех самых пор, когда они расстались. И, главное, не виделись, хотя первые годы жизни в Рязани она знала, что он учится в радиотехническом. Сама она тогда пыталась поступить в медицинский, но не удалось. Устроилась санитаркой в больницу, надеясь, что характеристика с работы поможет. Но — тщетно. И она оставила мечту о медицине, отдала документы в техническое училище, а после училища попала на завод. Так с тех пор и работала в инструментальном цехе: сперва слесарем по ремонту приборов, а потом табельщицей. Там же познакомилась с будущим мужем. После свадьбы несколько лет снимали квартиру, а со временем им выделили комнату в семейном общежитии на Вокзальной улице. Родовались тогда своему углу, в котором, как оказалось, они застряли на долгие годы. И ничего не получалось с квартирой. Одно время почти дождались, но муж попал в вырезатель, и их отодвинули в конец очереди. А потом и вовсе всё переменялось в стране, об улучшении жилищных условий забыли, а когда вспомнили, пришло новое поветрие: ипотека. Завод начал строить дом для работников, но к тому времени Виктория жила без мужа, уставшего «гнить», как он говорил, в общежитии, и стартовых денег на ипотеку не имелось. И от сына ждать помощи не приходилось, потому что тот с пятнадцати лет связался с какой-то компанией, и что бы мать ему ни говорила, как ни увещевала — ничего не помогало. Неделями где-то пропадал, а как появлялся, — денег ему давай! Ну и какая после этого ипотека?! А как бы хотелось пожить в отдельной квартирке. Эх-х-х! А в последние годы и вовсе не до неё стало. Другая мысль засела в голове — о собственной ноге, потому что с некоторых пор, похаживая по врачам, Вика узнала, что у неё артроз тазобедренного сустава. Болезнь прогрессировала, и всё шло к операции, хоть завтра могли послать. Правда, операция по замене сустава платная, стоит немалых денег. Виктория, конечно, понемногу копила, но в какой-то момент поняла, что её накопления отстают от инфляции, ибо за несколько лет цена на эндопротез утроилась. На импортный же вообще не замахнёшься. В минуты отчаяния у неё возникала мысль всё бросить, уехать в Пронск и жить в родительском доме. На её век хватит! Но когда так думала, то невольно в мыслях возникал сын. Ведь без неё совсем пропадёт. А взять с собой — там работы нет. Да и не поедет он, разве расстанется с друзьями?!

За мыслями и думами не заметила, как заснула, а проснулась — солнышко на деревьях играет.

— Ну, девушка, и хватила! — рассмеялась над собой.

Позавтракав, решила прибраться в комнате на тот случай, если вдруг придётся пригласить Евгения. Начала с пустых пивных бутылок, оставленных сыном под столом, которые специально не выносила несколько дней, — ждала, когда сын догадается выбросить. Но теперь пришлось это сделать самой. Ведь не будешь показывать nepотpeбствo постоpоннему, хотя и не чужому человеку. Может подумать, что она любительница пива. Потом заново застелила диван сына, аккуратно заправила свою кровать за тяжёлой тёмно-вишнёвой ширмой, украшенной несколькими рядами нежно целующихся голубей. Сделав влажную уборку, от которой линолеум заблестел как новый, решила пожарить курицу, чтобы угостить гостя, если ему вдруг захочется перекусить. Пока жарилась курица, Виктория нарезала колбаску и сыр, помыла молодую картошку, чтобы отварить, когда приедет Женя... В общем, всё устраивала по уму, но в последний момент вдруг спохватилась: «А может, ему и не надо ничего, может, он бывает в таких престижных клубах и ресторанах, что на мою еду и не взглянет?! Да и как поведёшь мимо вахтёрши?! Ведь со стыда сгоришь!» От внезапно кольнувшей мысли о вахте Викторию даже в жар бросило, она задыхнулась от обиды на свою неустроенную жизнь, из-за которой не может по-человечески принять гостя. На какое-то время отчаялась, а потом, успокаивая, ища оправдание незавидной жизни, заставила себя вспомнить давнюю размолвку и подумала: «Обойдётся без приглашения! Приглашение-то заслужить надо! А что он сделал особенно-го? Когда-то вильнул хвостом и был таков! А теперь любовь вспомнил! Как мило!»

Она неожиданно быстро охладела к предстоящей встрече, а когда после полудня позвонил Ремизов — говорила без вчерашнего придыхания.

— Увидимся? — сразу спросил Евгений.

— Можно... — всё-таки согласилась она, но не особенно уверенно.

— Где?

— Например, на 1-й Рязани... У входа в вокзал... Когда тебя ждать?

— Буду через час, я на машине. Увидишь юношу в красной рубашке и синих джинсах, значит, это я... А тебя как узнать?

— Сама подойду... — не стала она ничего объяснять, решив, что дальше привокзальной площади и шага не ступит, и никаких ему приглашений не будет.

Обычно в город Виктория выбиралась с тросточкой, особенно зимой, когда скользко, но сегодня отказалась от неё. Зато зачем-то взяла хозяйственную сумку. Вышла пораньше, чтобы понаблюдать, как Ремизов подъедет. Любопытно посмотреть на него сперва издали, сравнить теперешнего с тем, которого знала когда-то, а потом подойти, улыбнуться и сказать: «Ну, здравствуй, Ремизов Женя! Вот ты каким стал!» Она остановилась во дворе рядом с вокзалом, села на скамеечке. Со стороны и не догадаешься, что эта полноватая женщина в просторном сиреновом платье и неровно накрашенными обмякшими губами пришла на свидание. В какой-то момент она поняла, что со скамеечки может не увидеть Ремизова, и перебралась поближе к площади, присела на какие-то плиты, положив на них сумку.

Наблюдая за площадью, Виктория вскоре заметила высокого, с залысинами мужчину в красной тенниске и синих джинсах, выбравшегося из подъехавшей тёмно-зелёной иномарки, и поняла, что это и есть Ремизов. К тому же он был с цветами, что подтверждало догадку. Надо бы сразу подойти, но чувства в этот момент смешались, перескакивая от воспоминаний к сегодняшнему дню, к самому Ремизову, нетерпеливо прохаживавшемуся перед входом в вокзал... Вот он достал телефон и позвонил, пытаясь, видимо, узнать, где она, а Виктория, спохватившись, вспомнила, что свой телефон забыла. Она тотчас поднялась, чтобы более не заставлять себя ждать, но через несколько шагов, показавшихся необычно неуклюжими, — именно из-за своей неуклюжести не поехала на встречу с одноклассниками, — почувствовала, как от волнения заколотилось сердце... Нет, в таком состоянии она не могла идти, не могла говорить с Женей — не знала, о чём надо говорить. И почему-то делалось нестерпимо стыдно за утиную походку, к которой сама привыкла, но которой сейчас ошарашит Ремизова. Ведь он ехал на встречу с юной и нежной Викой, помня её со школьных лет, а увидит перед собой расплывшуюся хромоногую тётку. И какое у него после этого будет настроение, какое потом впечатление увезёт с собой?! Ведь будет ругать себя и проклинать её за то, что осмелилась показаться в таком убогом виде! Зачем всё это? Чтобы потом всю оставшуюся жизнь сниться ему в страшных снах?!

Она пугливо отступила, опустила на плиты и, закрывшись сумкой, тихо заплакала. Рядом гудели электровозы, надоедливо зазывали пассажиров таксисты, шаркали прохожие; некоторые предлагали помощь, но она лишь вздыхала и мотала головой, отказываясь. Сколько так томилась — не помнила. А когда немного успокоилась, то вытерла платочком слёзы, невольно посмотрела на вокзал и более не увидела на ступеньках мужчину в красной рубашке... И, как ни странно, ей стало легче, словно успела спастись от смерча. А обида? На кого теперь обижаться? На судьбу, что ли? Но её не переделаешь, не развернёшь вспять, как бы ни хотелось. Да и поздно поворачивать.

Виктория кое-как доплелась до общежития, молча прошла мимо вахтёрши, о чём-то спросившей, — Виктория не поняла, о чём именно, — и, держась за перила, тяжело поднялась на второй этаж, а в комнате, откинув ширму с надоевшими голубями, упала на кровать. Здесь уж дала волю слезам.

Неоднократно металлически дребезжал на столе телефон, она знала, что это Ремизов, но трубку не брала — не было сил говорить с ним. Под вечер, когда он, видимо, вернулся к жене, сигналы прекратились. Правда, Евгений звонил в другие дни, Виктория хватала трубку, думая, что это сын, но, услышав голос Ремизова, отключала телефон, даже не пытаясь хоть что-то объяснить.

И он всё понял и не стал более навязываться, всё-таки печалась от несостоявшейся встречи и сожалел о том, что и Вику напрасно взбаламутил, и сам обжётся, желая вернуть то, что, наверное, вернуть невозможно. Да, похоже, и нечего было возвращать, если школьная, неумелая привязанность окончательно зарубцевалась, не успев перерасти в нестерпимое обоюдное чувство, способное заслонить все препятствия.

Какое-то время о поездке в Пронск ему напоминали лишь яблоки, которые возил с собой. Но вскоре они сморщились, усохли, как мало-помалу усохли и его воспоминания. Ремизов, наверное, навсегда забыл бы пустые переживания, но через неделю к нему вернулся и неожиданно, словно весенний ветер, разволновал вкус давних терентьевок, сохранившийся со времён романтической юности и совсем, оказывается, не изменившийся за все эти годы. Такие, казалось, долгие, но истекшие одним днём.

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ ПРЕДЗИМЬЯ

Рассказ

Сергей Степанов собирался на премьеру собственной песни почти равнодушно, словно это была не первая его премьера. Предстоящее событие по-настоящему радовало месяц назад, пока он не знал, где будут исполнять песню. Оказалось: где-то за городом! А он-то мечтал о сверкающем концертном зале, многочисленной публике. Мечтал позвать на концерт семью, пригласить знакомых... Ещё более огорчился, когда композитор Владимир Балакин, написавший к его словам музыку и одновременно являвшийся дирижёром клубного хора, стеснительно недоговаривая, попытался объяснить по телефону, что, мол, предстоит не обычный концерт, а благотворительный, в интернате для больных нервными заболеваниями. Да-а-а... Хороший подарок. Но Степанову ничего не оставалось, как согласиться из-за отсутствия выбора.

Вообще-то, Сергею Викторовичу надо бы радоваться, что всё так удачно сложилось. Всего лишь два месяца назад его стихотворение о родном городе случайно попало к незнакомому композитору, неожиданно написавшему музыку. Когда диск с записью песни оказался у Степанова, он сперва радостно удивился, но, прослушав черновое исполнение, хотя и приятное для слуха, ужаснулся от несовершенства собственного текста. Эта незаконченность показалась для него, прозаика, автора нескольких романов и многих рассказов, привыкшего доводить произведения до профессионального уровня, непередаваемо обидной. Что это за песня, сложенная из трёх куплетов, два из которых повторялись?! Надо срочно дорабатывать!

Никогда, наверно, он не трудился с таким неистовством, прибавив к тексту три куплета, наполнив его законченным сюжетом, выверив стилистически, взглянув на него с исторической глубины, многократно проверив на звучание стихотворный размер. Эти двое суток показались тяжёлыми, но счастливыми. Много вспомнилось: и родители, и любимый город, и вид, открывающийся с городского холма, красоту которого он стал понимать только с возрастом. И почему-то постоянно вспоминалась соседская девочка Таня, с которой дружил в начальных классах. Это потом он узнал, что Таня была неизлечимо больна, поэтому училась в специальной школе соседнего города. Родители привозили Таню лишь на каникулы, и тогда он, маленький тогда Серёжка, все дни проводил с белокурой, такой хорошенькой и тихой девочкой, подолгу смотревшей на него голубыми глазами, хотя родителей это часто сердило, и они придумывали всякие уловки, чтобы их разлучить. Он тогда не понимал, зачем они это делают, если ему очень хорошо с ней. Ведь никто так не умел смотреть, даже мама с папой, — только она, Таня! Его даже не отпугивали насмешки: «Не дружи с ней! Ребята будут дразнить женихом и невестой!» Их, действительно, дразнили, а он не обижался. Таня — тем более. Да и чего обижаться, если им так славно быть вместе, особенно когда подолгу смотрели друг другу в глаза. Они даже пели о всеобщем счастье на Земле. Запевала обычно Таня: «Будет людям счастье, счастье на века...», но пела по-своему: «Будет людям счастье, счастье на века...» — и Серёжке казалось, что она нарочно неправильно поёт, перед каждым словом делая паузу. Её медлительность походила на игру и не мешала петь вместе; он легко приспособился к её забавной манере. Эту песню в те годы часто исполняли по радио. После первых строк о всеобщем счастье в ней мощно звучали слова о революции, о силе Советской власти — красивая песня, что и говорить. Но они тогда всех тех красивых слов не понимали. Им было достаточно самых первых, понятных — о бесконечном счастье, обещанном в скором времени. Им тогда казалось, что поют о них самих, о том, что именно их ждёт то самое неизбывное счастье, которое с годами только будет усиливаться.

Но неожиданно оно оборвалось.

Серёжка в ту пору привык, что Таня появлялась на время каникул, ждал её приезда. Появилась она и после окончания второго класса, но, погостив дома несколько дней, вдруг сказала ему по секрету, что завтра уезжает. И, правда, на следующий день родители куда-то увезли её на машине. Серёжка едва успел проводить Танюшку и потом плакал весь день. Позже ни родители Тани, ни свои ничего по-настоящему не объясняли, а когда он уж слишком приставал с расспросами, то торопливо говорили, что она надолго уехала к бабушке в далёкий южный город. Серёжа хотел верить их словам и почти верил, но всё-таки какое-то, хотя и малое, сомнение оставалось, потому что говорили они сердито, почти зло. К тому же никогда прежде он не слышал о другой Таниной бабушке. У неё ведь была своя, привычная, жившая вместе с ними. Её он хорошо знал и даже любил, потому

что она всегда угощала вкусными пирожками с вишнями или яблочным повидлом. Разве можно уезжать от такой? Поэтому и сомневался. Почти год ходил, ничего не зная о Тане, даже начал забывать. Но следующей весной подрался из-за неё, когда играл с мальчишками в лапту, и кто-то из них сказал, что его невеста давно на кладбище, даже обещал показать её могилку, а он тогда стал доказывать, что она уехала к бабушке и вот-вот приедет на летние каникулы... Тем вечером Сергей вернулся домой с разбитым носом, в изорванной рубашке и расплакался перед родителями. Тогда они рассказали ему всю правду, впервые говорили не сердито, а жалеючи. Услышав всё, как есть, он плакал ещё горше, и его долго не могли успокоить. Родители, конечно, хитрые, говорили, что он совсем взрослый, он будущий мужчина, что всё должен понимать, а не размазывать по щекам слёзы, подобно плаксивой девчонке. Он соглашался, а в душе не мог смириться с такой ужасной несправедливостью.

Но всё проходит, мало-помалу прошло и это горе. И, наверное, окончательно забылось бы. Но через год-другой, когда Сергей учился в четвёртом классе, его не приняли в пионеры. Причина одна: отказался петь в классном хоре на смотре художественной самодеятельности! Учительница и члены родительского комитета пытались узнать у него причину отказа и столь глупого упрямства, но он упорно молчал и не хотел ничего объяснять. Да и как скажешь о том, что будь какая-нибудь другая песня, он легко бы её спел, но песня, которую класс готовил для смотра, начиналась словами: «Будет людям счастье...» Когда он начал петь на первой репетиции, то сразу вспоминалась Танюшка, и глаза разбухли от слёз. Он убежал из актового зала, чтобы никто не увидел его слабости. Эту историю в школе запомнили, и позже за отказ участвовать в самодеятельности Степанов остался без пионерского галстука; да и с комсомолом потом было не всё гладко.

Если смотреть на тогдашние события сегодняшними глазами, то они покажутся мелкими, не заслуживающими внимания, даже наивными. Но они были, и поэтому остались в душе навсегда, правда, спрятались так далеко, что почти не вспоминались или вспоминались без тогдашнего драматизма. Это теперь Сергей Викторович мог вспоминать спокойно, с лёгкой даже иронией: что было, то было — у кого в детстве не происходило чего-то похожего. Давние события, случившиеся за полвека, и, конечно же, приглушённые временем, даже самые яркие и запоминающиеся поначалу, теперь лишь лёгким ветром радости или печали иногда возвращались в нынешнюю жизнь.

С такими волнующими мыслями ехал Степанов в подмосковный интернат на премьеру песни, сочиняя которую, чаще обычного вспоминал свой районный город, детство и всё, что связывало тогда с ним и не отпускало в течение всей жизни. Может, и стихи-то сложились именно поэтому: из любви к детству, ко всем людям, жившим тогда и живущим теперь.

Хористы встретились в метро на «Пражской», потом разместились в заказном автобусе. Ехать недалеко. Если бы не московские «пробки», домчались за полчаса. Да, собственно, никто не спешил, дорога знакомая: хористы ехали в этот женский интернат с шефским концертом не впервые. У некоторых из них даже имелись знакомые среди тамошних постоянных обитателей.

И вот автобус в посёлке остановился у ворот, увитых зловещими спиралями Бруно. Подобные стальные сверкающие завитушки с режущими гранями, на вид красивыми, понятно, плохое украшение для чего бы то ни было. Они и здесь навевали не самые лучезарные мысли. Правда, из-за ограды виднелась часовня, и вид её радостно уравнивал первое впечатление, неожиданно сковавшее Степанова.

В интернате их ждали. Рядом с руководством интерната и заботливым отцом Дмитрием, духовно окормлявшим здешних прихожан и организовавшим личным радением благотворительную поездку, можно было заметить невольных жителей сего места, гроздьями выглядывавших из окон и дверей, хотя вокруг разлилась сырая ноябрьская стынь. Степанов вышел из тёплого автобуса в числе последних и следом за хористами ступил за распахнутые двери. Он никогда ранее не бывал в подобных заведениях, а тут сразу попал в другой мир, который мог только представлять в воображении. Но оказалось, что в нём внешне ничего нет необычного, особенно если смотреть вдоль длинного коридора, похожего на больничный, по которому сновали нянечки в белых халатах и вольготно прогуливались пациенты интерната в цветастых халатах, и не только в них. Здесь и запах был, как в больницах, — сложный запах лекарств, хлорки и то ли лука, то ли чеснока, который, видимо, использовали как народное средства от гриппа. Правда, пациенты вели себя не как в обычных больницах, а пытались обратить на себя внимание. Все дружно улыбались, наперебой здоровались,

широко раскрытыми глазами пристально рассматривали гостей, отчего Сергей Викторович сразу вспомнил Таню, будто вернувшуюся из детства. Сам же он остерегался смотреть здешним жителям в глаза, словно боялся увидеть в них что-то запретное, пугающее, — такое, что вслед за взглядом может переселиться в его душу; лишь с Таней он когда-то мог беззаботно переглядываться. Теперь же впал в состояние лёгкого испуга, хотя суетой, хождением туда-сюда, пытался вести себя так же, как и приехавшие гости.

Для женской части хора выделили комнату с пугающим названием «Изолятор», в которую хористки вошли в повседневной одежде, а вышли в сценических платьях и кокошниках — артистками. Мужчинам для переодевания достался кабинет врача. Вся эта привычная для них суета, короткая репетиция, вроде бы ничего не значили, но были важны для понимания окружающих людей, вхождения в образ. Своей подготовкой, негромкими загадочными голосами они обращали на себя внимание жильцов и разжигали их любопытство, словно пришельцы из иного мира.

Незаметно вглядываясь в окружающие наивные лица, Сергей Викторович вдруг понял, что они совсем не отталкивающие, а именно наивные, каждое по-своему несчастное, но одновременно и счастливое от беспокойной внутренней душевной жизни, известной только им самим. Можно лишь представить, что значит для этих людей приезд артистов, захлестнувший впечатлениями и эмоциями, если свобода жителей интерната ограничена высоким забором и спиралью Бруно. Ведь они всё понимают. Иначе не радовались бы, не заглядывали в глаза, не ласкались бы бездомными сиротинками. И возраст для них не имел разницы. Все они прилежно, с одинаковым энтузиазмом старались привлечь внимание, запомниться. Некоторые подходили к хористам, как к старым знакомым, и, держась за руку, долго не отпускали их.

В какой-то момент Степанов был ошарашен взглядом белокурой девчушки, будто случайно скользнувшей глазами — совсем не так, как смотрели другие. И едва он задержал на ней взгляд, как она широко раскрыла глаза, и в их чистой синеве он вдруг увидел тревожно-знакомый оттенок. Сразу даже не понял, что это были глаза Тани; девчушка и внешне была похожа. И хотя прошло полвека, но те бесконечно давние взгляды вдруг вспомнились Степанову так свежо и радостно, словно перед ним мелькала не эта девчушка, по виду будто случайно оказавшаяся здесь, а непостижимым образом вернулась его детская привязанность. За минувшие десятилетия он подзабыл её образ, а теперь вдруг обрёл заново, и её лицом стало лицо это синеглазки, нашедшей среди хористок свою знакомую Аллу, называвшую её «дочкой».

— Как же зовут вашу «дочку»? — подыгрывая, будто бы серьёзно спросил Степанов у Аллы, цветущей от этой встречи, почему-то надеясь — а вдруг?! — услышать имя «Таня».

— Это — Лада, моя дочурка! Правда, Ладушка?! — обняла девчушку Алла, а Степанов подумал, что у них даже имена созвучные.

— Моя мама Алла... — негромко, неимоверно растягивая слова (точь-в-точь, как Таня!), произнесла девчушка и крепко прижалась к Алле, словно боялась её потерять, как настоящую маму. Они действительно очень походили одна на другую: обе светловолосые, обе пугливые и постоянно улыбающиеся виноватыми улыбками.

Степанов хотя и ошибся в имени Аллиной «дочки», но, глядя, как Лада доверилась покровительнице, подумал: «Какая разница! Не в имени дело, а в отношениях!» Взаимное тяготение незнакомых, в общем-то, людей повлияло на Сергея Викторовича по-особенному, сразу разволновало, окончательно заставило иначе смотреть на то, что вокруг.

Концерт намечался в столовой, вскоре торопливо наполнившейся шумными зрителями, и начался с поздравления отца Димитрия и исполнения тропаря празднику иконы Казанской Божией Матери. Степанов смотрел на зрителей, многие из которых осеняли себя крестным знамением, исподволь изучая особенно запоминающихся. Но какими бы они ни казались своеобразными, всякий раз его взгляд останавливался на лице Лады — на вид самом обычном, но, глядя на которое, ему раз за разом вспоминалась Таня. Казалось, Лада вот-вот широко раскроет синие глаза и, трудно выговаривая каждое слово, запоёт с большими паузами: «Будет людям счастье, счастье на века...»

После православного песнопения батюшка передал слово Алле — ведущей концерта, и она объявила название первой песни. Кто-то в зале сразу продублировал, выкрикнув: «Я лечу над Россией!» Пока зрители оживлённо, даже крикливо, обсуждали название, терпеливый баянист и хористы,

предупреждённые Балакиным о сдержанности и тактичности, держали паузу, и только когда зал мало-помалу успокоился, начали песню по сигналу дирижёра. Когда она закончилась, слушатели не жалели ладоней, оглушили аплодисментами.

Песня Сергея Викторовича прозвучала второй по счёту. Алла объявила о премьере, сообщила, что автором музыки является композитор Владимир Балакин — элегантный, подвижный дирижёр хора, а текста — писатель Сергей Степанов, находящийся в зале. Зрители принялись оглядываться, но, кажется, никто не признал в высоком человеке в лёгком сером свитере одного из авторов. Слова собственной песни в исполнении хора показались ему такими необычными и радостно-пугающими, восторженными, что не оставляли места никаким иным мыслям. Это чувство было схоже с давним, но незабываемым, отчётливо сохранившимся в душе с юных времён, когда он стал автором первой публикации в «районке». Помнится, от восторга, казалось, летал над землёй, парил, и даже не от самой заметки, а от вида собственной фамилии, напечатанной типографским шрифтом! Потом было множество публикаций, и впечатления от них мало-помалу сделались привычными, такими, какими бывают от обычной работы. И вот новый всплеск эмоций и радости, будто он всю жизнь копил в душе любовь и тепло к родному городу, а сейчас это всё вспомнилось и предстало перед глазами: его улочки, вид на речную излучину и дальние поля, открывающийся с крутого холма, на котором в средние века стояла крепость. Всё-всё вспомнилось, а ярче всего почему-то — Таня. И такими воспоминания получились подробными и ясными, что он чуть ли не прослезился и совершенно по-особенному посмотрел на застывшие лица внимательных слушателей. Ему даже показалось, что в эти минуты они все побывали на его родине и радовались вместе с ним. Когда же исполнение песни закончилось новыми аплодисментами, Алла представила Степанова, он вышел на поклон, и все по-иному посмотрели на него, словно до этого он выдавал себя за кого-то другого. Кто-то сказал, имея в виду его высокий рост:

— Мы его сразу заметили!

Все заулыбались, Сергей Викторович заулыбался вместе со всеми, вдруг подумав, что от волнения, всё-таки пришедшего к нему, почти не запомнил первого прилюдного исполнения собственной песни! Вот те раз! Ждал-ждал этого момента и... прохлопал. И всё-таки теперь не это являлось главным. Поэтому и огорчился недолго. Он вдруг понял, что после незапланированного оживления стал своим в этом доме, и все здешние люди своими. И если ранее он отводил глаза, когда встречался с ними взглядом, то теперь улыбался в ответ. Сделав фотографии хора и солистов, он присел среди зрителей и почувствовал боковым зрением, что они рассматривают его, запоминая, а одна из женщин, скукоженная от возраста и напряжённая от волнения, даже дотронулась до локтя и попросила:

— Разрешите пожать вам руку!

Женщина осторожно подала узкую ладонь, и хотя рука показалась Степанову холодной, но, встретившись с женщиной взглядом, он всё-таки увидел тепло, шедшее из её тёмных и уставших глаз, пусть и слабое.

А концерт шёл своим чередом. Песни сменяли одна другую, зрители без усталости хлопали в ладоши, иногда комментируя либо название песни, либо слова ведущей. Но, странное дело, эти реплики не мешали выступлению, воспринимались всеми как само собой разумеющееся дополнение и — вот чудо! — усиливали восприятие. Дай слушателям волю, они бы не жалели ладоней до утра.

За чудесное исполнение, за внимание к обитателям интерната отец Димитрий преподнёс хору образ Царицы Небесной «Умиление» и пожелал, чтобы Матерь Божия была и впредь руководительницей и спасительницей всех верующих. В заключение концерта сделали общую киносъёмку и фотографии на память, раздали батюшкины подарки.

Лада, в которой Степанов увидел Таню из детства, не отходила от Аллы, освободившейся от обязанности ведущей, а когда зрители разошлись, обе вместе вернулись в столовую, где хористов угостили чаем с бутербродами и пирожками, и сели за стол рядом. Сергей Викторович взял пирожок и вспомнил Танину бабушку, а сама Таня, казалось, сидела напротив. По взгляду Лады, её поведению было видно, что она очень хочет, чтобы Алла забрала её с собой, но не знает, как сообщить об этом, и Алла, видимо, понимала её желание, но не отваживалась сказать Ладе, что это невозможно. Да и как объяснить наивному человеку то, о чём даже намекать никто из гостей не вправе, чтобы не растревожить его чувств и чувств иных жителей этого дома, невольно не навредить им, заранее зная,

что обычные слова здесь бессильны. Степанов видел, как отзывчивая Алла, видимо, скрепя сердце и чувства от невозможности помочь чем-то конкретным, мило улыбалась своей подруге, обещала, что совсем скоро они вновь приедут, и тогда встретятся, поговорят. Лада слушала, слегка кивала и смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь отгадать: правду ей говорит Алла или лукавит? Ждать её или нет?! Но как можно что-то по-настоящему понять среди суеты, разговоров, мимо-лётных взглядов? Как завладеть чьим-то вниманием впопыхах?! Трудно это сделать, очень трудно. Даже простым смертным...

Благословлённые отцом Дмитрием, хористы выходили к автобусу, Степанов шёл рядом, и показались все они в эти минуты давно знакомыми, необыкновенно близкими, словно прожил с ними долгую и добрую жизнь. Вместе с гостями, как растревоженные пчёлы из улья, вытекали из здания хозяева. Они выскочили проводить артистов в свитерах, кофтах, совершенно забыв о дожде, наверное, от волнения казавшимся им тёплым и ласковым, словно не сырой и студёный ноябрь разлился вокруг, а цвёл приветливый май, всюду распустились цветы, и птицы небесные неугомонно заливались в нежной зелени, будто в раю. Женщины окружили автобус и, не обращая внимания на снеговую тучу, предвестницу близкого предзимья, неслышно кравшуюся от свинцово-синей Москвы-реки, настойчиво просили не забывать их, приезжать ещё и ещё, обязательно приезжать! И что им эта чёрная туча с белёсыми подпалинами, грозившая, как сказала бы Танина бабушка, ледяным чичером, когда уезжали любимые люди, мелькнувшие будто во сне. И никто из женщин не ведал, когда этот сон повторится, и повторится ли. Поэтому и не жалели эмоций, потому что не умели их жалеть: они жили сегодняшним днём — радостным и прекрасным.

Лишь Ладушка застенчиво стояла в сторонке в чёрных брючках и домашних шлёпанцах, скрестив руки на белом растянутом свитерочке, и что-то кричала «маме Алле». Кажется, плакала, или это лишь показалось Сергею Викторовичу из-за мокрых стёкол, хотя он и сам был готов разрыдаться. И опять, глядя на Ладу, вспомнил Танюшку, вспомнил последнее расставание с ней, когда её отец-фотограф навсегда увозил дочку на собственной «Победе». Тогдашний Серёжка верил во всё, что ему говорили родители: и свои, и Танины. До следующей весны верил, пока однажды не увязался с мальчишками играть в лапту. Лишь только тогда узнал, что Таню увезли не к другой бабушке, которой у неё к тому времени не было, а в областной закрытый интернат. Там её здоровье окончательно расстроилось, и вернулась она в город в первую тихую осень, чтобы навсегда упокоиться под золотистой сенью кладбищенских лип.

Никто, конечно, не знал, о чём думал в эти минуты Степанов. У всех были свои мысли и чувства. Сам же он вдруг понял, что не зря Господь благословил премьеру песни именно на Казанскую, именно в этом месте. Ведь в песне говорилось о любви к Родине, призывном колокольном звоне и молитве, ведущей людей за собой. Он очень надеялся, что и Таня услышала в праздничный день эти благословенные слова, радушно ниспосланные с горней высоты...

Поэзия

Ирина Мишина

Ирина Мишина родилась и училась в Калининграде, педагог, психолог. 25 лет (с 1988 по 2012) — одна из организаторов и ведущая фестиваля авторской песни «Балтийская уха». Стихи и проза публиковались в журналах «Запад России», «Хозяйка жизни», литературном альманахе «Остров Вдохновения», поэтическом сборнике «На краю России».

* * *

Что неправильно? Да, несправедно...
 Пьём и празднуем в пост и в будни,
 Любим маетно, молим суетно,
 Что поделаешь? Просто люди...
 То загадками, то припадками
 Обозначены мои сны.
 Сорок вёрст — не крюк, ангел, бес или друг,
 Я по-прежнему жду весны.
 Почки-бабочки, печки-лавочки,
 Треском льда вода землю будит.
 Водой вешнею мы нездешние
 К вам пробьёмся вновь, просто люди.

* * *

Ты знаешь, я твержу, как заклинанье:
 Смирилась я, и в дар всё принимаю,
 А если я себя не понимаю,
 Пошли мне тех, в ком есть то пониманье.
 Сочувствием не обдели мне сердце,
 И Храм Добра пусть зависть не разрушит,
 И состраданьем разукрась мне душу,
 И разума светильник пусть не меркнет.
 Соедини мозаику в картину,
 Мой мир глядит смиренно, осторожно.
 Пройдя свой путь на треть, наполовину
 Любовь взойдёт и там, где невозможно.

* * *

Протри глаза и не ищи на солнце пятна!
 Я понимаю, что не хочется стареть,
 Поторопись, она не пустит нас обратно.
 За этой молодостью можно не успеть.
 Наверно, лгут, что будет молодость вторая,
 Мне и одной довольно, но... чтоб до конца!
 Молчите скрипки! Это я играю
 Сонату жизни, в такт стучат сердца.
 «Остановись, мгновенье, ты — прекрасно!»
 «Остановите Землю, я сойду!»
 ...И на ладони моря мячик ярко-красный
 Для вас для всех заботливо протру.

* * *

Недолгое затишье лета бабьего,
 Перед ветрами, чередой дождя.
 И давняя привычка не загадывать
 Лишь оттого, что угадать нельзя.
 Не угадать нечаянности чувства,
 Заставшего нас, как всегда, врасплох.
 А мы в своих уловках безыскусных
 Противимся тому, что дал нам Бог.
 Избыточной любви не бывает,
 Коль снизошло, так, значит, заслужил.
 Ну отчего ж упрямо отвергаем,
 Иль просто быть счастливыми нет сил?

* * *

Как день проходит быстротечно,
 Как тихо тянутся часы,
 Секунды растворяют вечность,
 В них отразимся я и ты...
 И смотрим с высоты, с разбега
 На мир, распластаный во мгле,
 Где нет ни искорки, ни брега,
 Лишь ты во мне, лишь я в тебе...

* * *

Рассыпаются под вечер
В тщетных поисках ночлега
И летят земле на плечи
Хлопья будущего снега.
И в кисельно-вязких тучах
Растворился взгляд луны,
Что роняет ломкий лучик
В руки будущей зимы.
В безнадежном ожидании
Онемевшая природа
Будто агнец на закланье
Утром будущего года.
Неслучайное паденье
Божества до человека
Поглотит без сожаленья
Бездна будущего века.
И планета, что кораблик, —
Ни пристанища, ни берега
В этом сонмище галактик
В хлопьях будущего снега...

* * *

Я не знаю, сколько мне лет,
Моё имя Мир иль Вселенная,
Преломляя солнечный свет,
Отлетает душа нетленная...
А в созвездии Гончих Псов
Оторвалась звезда нечаянно...
Дверь с петель, отопри засов!
Ты прощению обучай меня.
Научи не таить обид
И ложиться спать засветло,
Свою жизнь отыграть «на бис»
И вдыхать осень астрами.
И в угоду ли сентябрю
Или ветрам заносчивым
Я негаданно воспарю
Над знакомою площадью.
А случится вам на пути,
Я прольюсь тёплым дождиком.
Это можно с ума сойти:
Закрываются зонтиком!
За конструкцией лёгких спиц,
Самой мирной по замыслу,
Зарешеченность ваших лиц
Ещё долгим годам нести.
Паутину сотри со щёк,
Я беду отведу рукой,
Мне предъявленный жизнью счёт —
Неизбывный мой непокой.

Я не знаю, сколько мне лет,
Моё имя Мир иль Вселенная,
Преломляя солнечный свет,
Отлетает душа нетленная...

* * *

С людьми случаются ночные откровения
Довольно часто.
В ночи свободны мы от служебного рвения,
От лжедрузей и начальства.
Оставаясь один на один с истинностью,
Даже если врем себе, так довольно искренне.
Ночью уходят мотивы
и пустые сожаления
Появляется вера в то, что живы,
И осыпаются сомнения.
А как проклонется рассвет
(без нашего участия),
Без разницы, сколько тебе лет —
Ты открыт для счастья.

* * *

Вот январская метель за окном
Так старательно полощет бельё
Ну а я в тишине, ну а я ни при чём.
Размышляю: житие-бытие...

Будто чётки в голове календарь:
Думы заняты, и руки при деле,
А меня хоть жалей, а меня хоть ударь.
Я не буду больше жить на пределе!

На пределе этих дней и ночей,
На пределе этих вёсен и зим,
А меня хочешь — ешь, а меня хочешь — пей!
Я податливый раскрашенный мим.

Потерялось за раскраской лицо,
Только голос всё клокочет внутри,
И глаза ещё зрят подлецов.
Ну, душа, хотя бы ты не ори!

Сменит вьюгу дождь, капель и... весна!
Будет ветер пепел твой ворошить,
Ты получишь, несомненно, сполна,
Но пока что есть нам, чем дорожить.

Вот январская метель за окном
Так старательно полощет бельё
Ну а я в тишине, ну а я ни при чём.
Размышляю: житие-бытие...

* * *

Мы сюда приходим сквозь одни двери,
 А выход у каждого свой.
 Ты сам решаешь: кого любить, кому верить
 И за что платить головой.
 Ты думаешь, что всё раздарено сразу:
 Кому палаты, а кому шалаш,
 Но лишь впустил эту мысль-заразу,
 И вот уже сам себе узник и страж.
 Ты делал вид, что рвёшься наружу из плена,
 Но только крепче запирал замок.
 Ты даже бился часами головой о стену,
 Но отпустить себя сам не мог.
 И вот тогда ты увидел бескрылую птицу,
 Парящую в облаках.

И понял, что может ещё всё случиться,
 Как только будет раздавлен страх.
 Страх непонятым быть и никому не нужным,
 И самому не помнить, что был.
 А птица в небесах рисует окружность,
 Ну как она может без крыл?!
 Не помнишь сам, как крутил верёвками жилы,
 И решётку зубами грыз.
 Ты молил об одном: чтоб хватило силы
 Иль отчаянья, — прыгнуть вниз.
 И ты прыгнул, и случилось такое странное:
 Не упал ты, а воспарил!
 И рядом, конечно, твоя безымянная,
 Твоя бесплотная... И без крыл...

* * *

Здесь никто не играет по правилам,
 Да и правил-то, собственно, нет.
 Не любила, кого-то оставила,
 И тебя оставляют в ответ.
 И письмо ты получишь по адресу,
 По тому, что забыла давно,
 Безотчётно горя и радуясь,
 Вечно крутишь немое кино.
 А актёры под гримом и масками
 Подратражили чувства и смысл.
 Невозможными детскими сказками
 Заменяя реальную жизнь.

Поэзия

Алла Русакова

Русакова Алевтина (Алла) Ивановна родилась в 1958 году в городе Багратионовске Калининградской области. Закончив Калининградский государственный университет, получила направление на работу в газету родного города. После переезда в Таллинн публиковала статьи и стихи в газете «Вечерний Таллинн». Печаталась в журнале «Балтика» и в сборнике «Вдохновение».

***

Замкнулся круг. Закончено движение,
И смазались в одно все краски мира.
Отчаянье? Удача? Поражение?
Расплата – за создание кумира.

Не сотвори. Не лги. Не преклоняйся.
Живи, как птица, дерево и камни.
Греши в словах, не в чувствах, после – кайся.
Расслабься. Умирая - возрождайся.

Но в этот миг... Как быть? С меня довольно.
На кладбище – живая поневоле.
И больно мне. Так невозможно больно,
Что значит, боль сама умрёт – от боли.

***

ЕЩЁ не совсем это всё, не вполне, не всерьёз.
Ещё не ударил мороз, вспоминается лето,
И можно коснуться рукой и руки, и волос,
И что-то сказать, и услышать подобье ответа.

УЖЕ холодок пробежал и в словах, и в глазах,
И видно, не только на улице хмурая осень...
Но есть ещё силы убить эти горечь и страх
И снова будильник поставить
«без четверти восемь».

***

Знакомый плащ на вешалке висит.
Его хозяин хмур и беспокоен.
Он подпирает голову рукою,
Закуривает, что-то говорит,
Досадуя, ревнуя и любя,
И от улыбки голову теряет...
Иль это просто память повторяет
Былые дни и прежнего тебя.

Колечко

Колечко не спасло, не сохранило,
Ниотчего, увы, не сберегло.
Я морю то колечко подарила,
Оно его волною унесло.
Возможно, что в песке его зарыло,
Возможно, схоронило меж камней.
А может, его рыба проглотила,
А рыбе трудно избежать сетей.
И может быть, колечко то найдётся
В какой-то мне неведомой стране,
И рыба очень вкусно испечётся
И будет дивно пахнуть на огне.
Моё кольцо красавица наденет –
Оно ей точно впору подойдёт.
И пусть она, как я, наивно верит,
Что сохранит, спасёт, обережёт...

Медуница

Забыла многое: слова, дела и лица.
Мы каждый день о чём-то забываем.
Но этот лес... и май... и медуница...
Да, медуница – тем далёким маем.
И что с того? А, ерунда какая!
Такая мелочь, что и не приснится.
Но всё же, как в душе оберегаю
И лес, и этот май, и медуницу.

Дерево желаний

Старинный Гданьск и Дерево желаний.
 На ветках птицы, бабочки, цветы...
 Моя душа полна воспоминаний,
 И все воспоминанья – это ты.
 Я попрошу случайного свиданья,
 Как в Свентых Липках, как на Новый год.
 Серебряное Дерево желанья
 К Судье на небо просьбу отнесёт.
 Я знаю, что не нам решать о встрече,
 Мы ничего не знаем наперёд.
 Что это будет: полдень или вечер?
 Иль ничего и не произойдёт,
 И параллельность жизни неизбежна,
 И ничего уже не изменить,
 И только руки - бережно и нежно –
 К серебряному древу приложить.

Птица

А я и без молитвы проживу.
 Не вижу смысла - плакать и молиться.
 Живёт в густом лесу на ветке птица,
 И я вот так же – просто – проживу.
 Теряют цену всякие слова –
 Из тех, что остаются без ответа.
 Молитвы, просьбы, плачь иль похвальба –
 Пустые звуки. Если нету света,
 Его смешно пытаться лбом зажечь
 О стену, что из твёрдого гранита.
 Вам шах и мат. И карта ваша бита.
 И, в сущности, игра не стоит свеч.
 Надежды, что не сбудутся, смешны.
 И незачем ни плакать, не молиться.
 Живёт в густом лесу на ветке птица.
 И я, как эта птица, проживу...

На острове РЕ

На острове Ре есть такая красивая церковь,
 Что там я в восторге сама о себе забываю,
 Под стройные звуки органа любясь невольно,
 Как яркое солнце волной витражи заливает.
 Кусочки стекла разноцветные — просто кусочки!
 Какие ж из них смог художник составить картины!
 Как можно — в кусочках стекла передать то страданье,
 Что Божия Матерь в душе выносила за Сына?
 А лики Святых? Эти скорбные строгие лица...
 Мы часто не думаем, часто совсем забываем,
 Что нет среди них ни богатых, ни просто счастливых.
 Все были несчастливы, страшно, безмерно страдали.
 Но черни не нужен Христос, ей понятней Варавва.
 Христа же — на крест, и его ожидает Голгофа.
 Кусочки цветного стекла так легко рассказали
 О мироустройстве, где каждый сюжет — катастрофа.
 Иуда целует Христа и, глядишь, уже предал.
 Задумайся: если же предали Божьего Сына,
 Будь счастлив, когда предадут и тебя, а того же, кто предал,
 За грош, ни за что, просто так — поджидает осина.
 Кусочки цветного стекла, как разбитые жизни,
 Рукою художника собраны в произведение
 О зле и добре, о любви и предательстве ближних,
 О страшных пороках, о мудрости и терпенье!

Искусство и культура

Поздравляем

*Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского,
сохранившего те высшие духовные ценности, которые были и являются кодексом
чести настоящих представителей русского дворянства, бережно несущих любовь к
Отечеству и веру в его историческую судьбу, с 80-летием!*

Оксана Карнович

**Музей Лобановых-Ростовских
в Ростове Великом**

В Государственном музее-заповеднике «Ростовский Кремль» 2 августа 2014 г. состоялась вторая выставка даров князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского, общественного деятеля, мецената и коллекционера. Ростов-Великий по-купечески щедро встретил своих гостей: князя, его супругу Джун, Евгения Табачникова (советника Председателя Президиума Международного совета российских соотечественников — *О.К.*), Наталию Алпатову (редактора книг Н.Д. Лобанова-Ростовского) и автора этого репортажа, Оксану Карнович, прибывших на открытие выставки.

Экспозиция, которую гостеприимные хозяева расположили в залах Самуилового корпуса Ростовского кремля на третьем этаже, была мастерски организована. В первом зале представлены документы, фотографии, которые вряд ли где-то можно увидеть в таком количестве и объёме. Они с поразительной документальностью отражают судьбу русской эмиграции начала XX столетия, в частности, семей Лобановых-Ростовских и Вырубовых — родителей, бабушек и дедушек Никиты Дмитриевича. И эта уникальная, небольшая по объёму экспозиция гармонично соседствует с документами из собрания музея Ростовского кремля. Сохранены автографы семьи Лобановых-Ростовских, в том числе и книга отзывов за 1970 год, когда Никита Дмитриевич впервые посетил Ростов Великий. Второй зал полностью посвящён жизненному пути Никиты Дмитриевича: от детских лет до сегодняшних дней. И, конечно же, произведения живописи, так как судьба Никиты Дмитриевича неразрывно связана с искусством. В приветственной речи Наталия Стефановна Каровская, директор музея, неожиданно для всех сообщила, что был выделен каменный особняк для коллекции Никиты Дмитриевича, и в подтверждение сего торжественно вручила ключ в шкатулке обшитой бархатом от дома. Двухэтажный особняк ранее принадлежал семье купца Ивана Александровича Шлякова (1844-1919), действительного члена Императорского московского археологического общества одного из основателей Ростовского музея. Это событие держалось в тайне и явилось приятным сюрпризом для князя и для всех присутствующих.

«В присутствии всех вручаю настоящий, а не символический ключ Никите Дмитриевичу, а также и брошюру проекта реставрации, план дома и небольшую справку об этом особняке. Он может тайно приехать в Ростов и самостоятельно его открыть, когда пожелает», — сказала директор. «И выспаться!» — пошутил Никита Дмитриевич. По словам Наталии Стефановны, оформление документов и реставрация станет обязанностью Ростовского музея. Учёный секретарь музея Елена Владимировна Ким заметила, что, получив полностью опись дара князя Лобанова-Ростовского, «будет легче работать над комплектованием этой коллекции, так как ранее отсутствовали некоторые документы. Чем больше мы занимаемся изучением, тем больше находим точек соприкосновения. Например, тот факт, что в 1909 году князя Алексея Николаевича Лобанова-Ростовского сопровождал купец Иван Александрович Шляков по Ростовскому музею, теперь является чрезвычайно закономерным». Мэр города Константин Геннадьевич Шевкопляс обозначил: «Очень важно, когда восстанавливаются звенья порванной исторической цепи. Приходила новая власть и отсекала всё старое. На данный момент многое утрачено. Музей как институт существует для того, чтобы через подлинные вещи формировать верное и адекватное представление о времени для будущих поколений».

Вручение ключа от дома Шлякова

В ответной благодарственной речи князь произнёс: «Сегодня чрезвычайно необычный день. Это не просто открытие выставки! За свои 80 лет я, наверное, был пятьдесят раз на различных вернисажах и на выставках нашего собрания. Что меня покорило, что меня изумило, это то, что Ростовский кремль не только принял наше собрание, но на свои средства реставрирует особняк, который будет превращён в «дом-музей Лобановых-Ростовских» и который будет содержаться на государственные деньги. Это, по-моему, беспрецедентно в Российской Федерации! Может быть, Вас это не удивляет, но я вас уверяю, что вне России происходит всё иначе! Например, банкир Роберт (Бобби) Леман в Нью-Йорке отдал своё огромное собрание западного искусства в музей «Метрополитен» вместе с 20 миллионами на его содержание; а кроме этого, ему пришлось выложить ещё 20 миллионов долларов, чтобы отстроить флигель, где собрание могло бы экспонироваться. А тут музей «задарма», бери — заполняй! Всё, что будет там, сохранится на веки веков. Я Вам глубоко кланяюсь! Кланяюсь, конечно, и Министерству культуры нынешней Российской Федерации, ибо это очень серьёзное решение. Я надеюсь, что наши соотечественники за рубежом об этом как-нибудь узнают, потому что очень многое, как вы знаете, было вывезено из России. По статистике экспертно-оценочной комиссии (Народного комиссариата промышленности и торговли в 1919 — *О.К.*), которую возглавлял М. Горький, только по российским железным дорогам из РСФСР было вывезено 70 тыс. тонн предметов культуры и искусства. И я не говорю уже о морских путях. Так что нам есть что возвращать».

Торжественное выступление завершила Джун Лобанова-Ростовская: «В прошлый раз я подготовила речь, которую все нашли забавной. Я говорила, что дом англичанина — это его крепость. А теперь я хочу сказать, что крепость-кремль стала моим домом. В этот раз я хочу благодарить вас по-русски! Спасибо, что вы приняли собрание Никиты. Видно, что вы его очень любите. Мне, как супруге, это очень приятно. Наконец-то его коллекция обрела свой дом на исторической Родине».

Уже комфортно расположившись в скором поезде из Ростова Великого в Москву, супруги Лобановы-Ростовские, Е.С. Табачников, Н.А. Алтатова и автор делились впечатлениями о городе, о его добрых и отзывчивых горожанах, об энергичном мэре и его домочадцах и, конечно же, о высоком профессионализме музейщиков Ростовского кремля. В ходе нашей беседы я задала Никите Дмитриевичу и Евгению Семёновичу несколько вопросов.

О.К.: Никита Дмитриевич, поделитесь, пожалуйста, Вашим впечатлением о проведённой выставке Ваших даров в Ростовском кремле, о выделении отдельного здания для дома-музея Лобановых-Ростовских.

Кн. Н.Д. Л.-Р.: Для меня было очень интересно, что до сих пор город занимался восстановлением купеческих и доходных домов, приспособивая их под гостиницы и рестораны. Но Ростов был не только купеческим городом, но также городом многих церквей, дворянства и аристократии. Об этом как-то умалчивалось. Это первый раз, когда музей за свои средства предлагает отреставрировать помещение, чтобы передать его под дом-музей князей Лобановых-Ростовских. Меня очень деликатно спросили: «А Вы не возражали бы, если одну комнату мы отделили, как мемориал купцу, которому принадлежал этот дом? Это не как условие, а как предложение Вам». Конечно же, я не возражал. Нечто подобное обстояло с музеем частных коллекций в Москве, где за государственные деньги отремонтировали здание, что дало возможность собрать под одной крышей шедевры частных коллекционеров. Приблизительная цена того, что я подарил музею в Ростове — 300 тысяч евро. Чтобы эти цифры были более убедительны, я собираюсь подарить очень значительные произведения. Например, картину-копию Ильи Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», которая висела бы у входа; две работы Ивана Клюна (соратника и соперника Казимира Малевича), каждая из которых стоит, по крайней мере, около 100 тысяч евро; а также большое масло Александры Экстер стоимостью 350 тысяч евро. Так что я предполагаю, что после того, как мы подпишем соглашение о даре, музей, в общем, очутится в большей прибыли, чем они потратили бы на реставрацию. Также я купил для музея ещё работы Владимира Немухина. Я хочу, чтобы, как только публика входила бы в наш дом-музей, то сразу видела бы несколько «ударных» вещей, а работы Немухина — «ударные», они издали «бросаются в глаза». А Репин настолько популярен для всех поколений, что любому учащемуся будет приятно увидеть картину воочию. Вот как я представляю себе оформление этого музея, — чтобы он не казался только литературно-архивным, а был также бы известен живописными работами великих русских художников и представлял интерес для широкого круга посетителей. Потому я, конечно, буду дарить как можно больше работ. Символически я уже получил ключ от дома-музея, так что, дай Бог, чтобы всё это осуществить.

О.К.: Евгений Семёнович, а что Вы скажете о сегодняшнем дне?

Т.Е.: Я испытываю чувство человеческой радости за то, что идеи, которые воплощал Никита Дмитриевич столько лет, сегодня реализовались. Теперь я всё-таки верю, что, прикладывая силы, можно что-то получить, добиться результата. И не где-то, а в родовом гнезде. И, кстати, что касается зрителей, которых присутствовало немало, то пришли не какие-то случайные люди, а люди, заинтересованные, любящие глубинную Россию. Они были такие светлые, будто мы все побывали в другом мире. Я очень рад, что эта выставка состоялась. Часть одного из важнейших периодов нашей культуры, которая оказалась вне России, Никита Дмитриевич сохранил и возвращает нам. Основываясь на этом фундаменте, полученном от князя, мы, надеюсь, будем что-то создавать и творить. Мы живём в непростую эпоху, сложную, когда меняются мировоззренческие позиции, а биография Никиты Лобанова-Ростовского, с которым мне посчастливилось познакомиться в Болгарии более 35 лет назад, явила пример Большого Русского Человека. Независимо от тех невзгод, которые обрушились на его семью, он сохранил такую стойкость духа, такую целеустремлённость и уважение к Родине своих предков, что на сегодняшний день являет пример для многих поколений. Не принимая многие вещи из нашего советского прошлого, несмотря на идеологические разногласия, он с любовью относится к России, и эта любовь беззаветна. Для нас, живущих здесь, это является самым главным. Не случайно Никита Дмитриевич совместно с князем Александром Трубецким выдвинул идею создания памятника героям Первой мировой войны. И эта инициатива шла именно от тех людей, которые в силу обстоятельств были изгнаны из России. Они предложили создать этот памятник как символ исторической памяти. И эта инициатива была воплощена (1 августа 2014 г. на Поклонной горе в Москве Президент Российской Федерации открыл памятник героям, павшим в Первую мировую войну — *О.К.*). И не менее значимая инициатива Лобанова-Ростовского — это Национальная портретная галерея с портретами создателей тысячелетнего Российского государства, которая, я уверен, будет реализована.

Пародии

Александр Ковалёв

Родился в Донецке в 1949 году. Инженер-энергетик по образованию, доктор наук, автор многочисленных научных статей и изобретений, эксперт Международного энергетического комитета. Автор двух десятков книг поэзии и прозы, публицистических статей, член Союза писателей России. Публиковался в российских и зарубежных изданиях.

ГОРЕ В ЮБКЕ

*Горела моя юбка ало,
И ветром с тлеющих песков
Так высоко её вздувало
И накрывало Петергоф.*

(Елена Шварц)

*Горела моя юбка ало,
Особенно широкий низ.
Такое пламя фуговало,
Что даже пятки занялись.*

*Потом коленки прихватило,
Потом — родная моя мать! —
Такое место задымилло,
Что даже срам упоминать.*

*Спасибо, ветер постарался:
Вздул юбку аж над головой.
Весь Петергоф тогда сбежался
И не хотел идти домой.*

ПАПИНЫ ПРОКАЗЫ

*Мне оставлял отец записки.
Когда из школы приходил,
Я в холодильнике на миске
Клочок бумаги находил...*

(Сергей Таратута)

*Когда из школы приходил,
Я вместо хлеба и сосиски
Клочок бумаги находил,
Что оставлял отец на миске.*

*И хоть желудок возражал,
Но я не допускал и близко,
Что это папочка сожрал
Мои любимые сосиски.*

*Мне думалось: а на хрена
Бумагу оставлять на миске?
Бумага самому нужна,
Особенно после сосиски.*

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

*Меня учила строгая Нева
Хранить, гранить и шлифовать слова.
Широкая, торжественная Волга
Меня учила мужеству и долгу.*

(Лариса Позина)

*Меня учила с детских лет Нева,
Как для начала подобрать слова,
Потом я с год училась у Оки
И с ней постигла таинства строки.
Лет пять со мной возилась Волга-мать,
Пока я стала строки рифмовать,
Потом, наверно, года полтора
Метафорам учила Сырдарья.
Ещё годок с Амударьёю вместе
Мы разбирались в ритме и контексте,
Амур лет восемь шлифовал мой дар,
И вот он стал тянуть на гонорар.
Теперь у ног моих громадой всей
Валяются и Дон, и Енисей,
Вот-вот и Волга-матушка падёт,
А критик всё покоя не даёт:
— Ищи, мол, проще речку, от сохи —
Авось научит, как писать стихи.*

МНОГОЖЁНЕЦ ПОНЕВОЛЕ

*Я, прозревая, зрел под солнцем
И убеждался без конца:
Мы все, к несчастью, многожёнцы —
Не в документах, но в сердцах.*

(Владимир Скворцов)

Я, прозревая, зрел попутно,
Но всё же зрением был слаб
И оттого кровати путал,
Хоть в паспорте имею штамп.

Бывало, выпью пива кружку
И лягу вроде бы к жене,
А просыпаюсь у подружки
На Петроградской стороне.

Потом корю себя безмерно,
Что прокололся с кондачка,
Ведь я по жизни парень верный,
Всё дело в слабеньких очках.

СХОДНЯК У БЕРАНЖЕ И ВОЛЬФА

*... Где Мойка вечная бежит,
Где мимо бутиков и «Вольво»,
Играя тросточкой, спешит
Поэт в кафе на угол к «Вольфу».
Вот с пьедестала — подожди —
Сойдёт усталый Достоевский,
И сквозь туманы и дожди
Он тоже поспешит на Невский.
(Маргарита Яркова)*

Когда на злачном рубеже
Потомки обесчестят слово,
В кондитерской «У Беранже»
Оно взойдёт над миром снова.
Отвесив бронзовых пинков
Владельцам бутиков и «Вольво»,
Откроет Пушкин дверь рывком
В знакомую харчевню Вольфа.
А за столом уже весь цвет —
Некрасов, Достоевский, Гоголь,
Закажет Лермонтов щербет,
Закажет Кушнер гоголь-моголь.
И Пушкин, с тросточкой, встаёт,
Чтоб вновь возвысить наше слово,
Но он, конечно, не начнёт,
Пока не явится Яркова.

РОДОСЛОВНАЯ

*Мама папу повстречала –
Это сказочки начало,
Родила для папы сына –
Это будет середина.
Нет счастливее отца,
Нет у сказочки конца.
(Олег Бундур)*

Дело было. Для начала
Мама папу повстречала,
Через годик для зачина
Родила папаше сына.
Дальше — ясная картина –
Двадцать лет растили сына.
Вырос сынка удалой –
Не сапожник, не портной,
Он про мать да про отца
Пишет сказки без конца.
Мама с папою читали,
Головами лишь качали,
И поставил папа точку:
— Надо было делать дочку.

К ВОПРОСУ О БЕРЕМЕННОСТИ ЯБЛОНЬ

*А у деревьев не растёт живот,
Хотя у них плоды — почти что дети...
По саду ходит старый-старый ветер
И яблоньку зелёную стриждёт.
(Наталья Лясковская)*

Есть много интересного на свете,
Вот у деревьев не растёт живот,
Хотя у них плоды — почти что дети
И зреют, как в утробе, целый год.

Но если честно, даже не живот —
Меня совсем другое поражает:
Как яблоня без мужика рождает?
Неужто с ветром стареньким живёт?

ИЗ ЛЮБВИ К ИСКУССТВУ

*И вовсе мысли не было о рынке,
Хотя ходил порою на базар,
Но более спешил я к Мариинке —
Истратить свой весёлый гонорар.
(Анатолий Краснов)*

Однажды, получив свой гонорар,
Подался я, как прежде, по старинке,
Не в супермаркет и не на базар,
А напрямик к любимой Мариинке.

И хоть желудок странно напевал,
Я гнал взашей все помыслы о рынке,
Поскольку никогда бы не сменил
Чайковского на три кило грудинки.

Над суетой и бытом воспарив,
Хоть по обличию совсем не денди,
Я в храм искусства двери отворил
И гордо протянул кассирше деньги.

Взглянув на мой весёлый гонорар,
Мне билетерша молвила в окошко:
«Сходи-ка с этим, милый, на базар,
Возможно, хватит на кило картошки».

СЕЗОН ПОЭЗИИ

*То дожди, то метели
Над землёю кружат,
В феврале и в апреле
Сторожка сторожат.*
(Валерий Дударев)

Март капелями дышит,
Но апрели тихи, —
Значит, Дударев пишет
В это время стихи.

Травы в росах уснули,
Задремали на миг.
С мая и до июля
Он печатает их.

Жаль, что так небогата
Над землёй благодать:
С сентября и до марта
Нам всё это читать.

ЯПОНСКИЕ СТРАДАНИЯ

*Не по грехам судите — по стихам!
Я просто дрянь, когда они плохие,
Вот и сжимаю карандаш в руках,
Как будто это нож для харакири.*
(Екатерина Кульбуш)

Не по словам судите — по делам!
Дрянь или гений — только время скажет,
Поэтому по нашим временам
В себя воткнуть перо решит не каждый.

Ты здраво рассудила, не спеши,
И хоть твой карандаш заточен кстаги,
Ты им ещё немного попиши —
Пусть харакири сделает читатель.

О ВРЕМЕНА, О НРАВЫ

*Какие славные бывают времена:
И светит солнышко,
И яблоч до хрена,
И гимназисточка единственно для вас
На фортепьянах создаёт
Собачий вальс.*
(Юрий Ряшенцев)

Бывают же такие времена:
Охота жрать, а денег — ни хрена,
И вместо состоятельной артистки
В подружках ходят только гимназистки.
Вот прежде были, помнится, романы:
Прочёл стишок — и ужин в ресторане,
Солидный, уважаемый поклонник —
Сама главбух, а муж её — полковник.
Такой не жалко посвятить и оду.
А нынче что? Пишу за хлеб и воду,
От гимназисток никакого прока —
На кухне чай, а в спальне лишь морока,
И если вдруг уважит ветерана,
То разве что игрой на фортепьяно.
Похоже, никому уже не нужен.
Придётся есть собачий вальс на ужин.

КОТЛЕТА НЕ ДЛЯ ФЕТА

*Не в предвкушении котлет
Раззявлен рот корытом —
Меня в ребро толкает Фет
Сверкающим копытом.*
(Игорь Лазунин)

Однажды я зашёл в буфет —
Не бомж, не алкоголик, —
Взял хлеб и парочку котлет
И скромно сел за столик.

Я только взялся за обед,
Протёр свой нож салфеткой,
Как вдруг в буфет ворвался Фет
И съел мою котлетку.

Я вмиг опешил — вот те раз! —
Раззявил рот корытом,
А он мне сразу между глаз
Сверкающим копытом.

Ух, что тут, братцы, началось!
Мы бились — просто ужас!
Но Фет силён был, словно лось,
И жрать хотел к тому же.

С тех пор я всем даю совет:
Питайтесь дома лучше,
А то заявитесь в буфет,
А там голодный Тютчев.

СЮРПРИЗ ОТ БЛОКА

*В этом месте, от центра далёком,
Здесь, где вырос стандартный квартал,
Незнакомку прекрасную Блока
Неожиданно я повстречал.
(Валерий Шамшурин)*

Рядом с домом своим невысоким,
Где повсюду цветёт молочай,
Незнакомку прекрасную Блока
Как-то вечером я повстречал.
Я узнал и окликнул негромко
Эту даму в шелках, чуть дыша:
— Что ты делаешь здесь, Незнакомка,
И зачем ты от Блока ушла?
А она посмотрела с прищуром
И сказала, сразив наповал,
— Вы, похоже, Валерий Шамшурин,
Блок мне в точности вас описал.
Так что можете, милый, гордиться —
Лучшей музы окрест не сыскать.
Я пришла к вам навек поселиться,
И не надо, дружок, возражать.
И с тех пор я живу, как в осаде, —
Всё на шёлк и помаду спустил.
Я б давно её к Блоку спровадил,
Если б только мне срок не грозил.

С КУМИРАМИ НА ДРУЖЕСКОЙ НОГЕ

*Порой на лоб натянешь восьмиклинку,
Небесную окинув благодать,
В Фонарном переулке встретишь Глинку
И ну с ним о музыке лопотать.
(Григорий Артюхов)*

Когда мне невтерпёж увидеть Глинку
И про музыку с ним полопотать,
Я тут же надеваю восьмиклинку
И выхожу на Невский погулять.

Когда же я хочу увидеть Фета
(Хоть сердце не всегда к нему лежит),
Я надеваю старые штиблеты,
А Фет уже навстречу мне бежит.

Однажды я надел тулуп с мерлушкой
И только вышел в скверик подышать,
Мне тут же у ларька явился Пушкин
И начал про Татьяну лопотать.

Конечно, я помог ему советом —
На то мы с ним старинные друзья,
Но что-то подсказало мне при этом,
Что так себя растрачивать нельзя.

Ведь в жизни как?
Черкнёшь за Глинку ноту,
За Пушкина — рисунок на полях,
Глядишь, в округе гениев без счёта,
И только Артюхов не при делах.

ПРОМЕТЕЙ ПЕРА

*И слеп закат. И ночь черна, как пашня.
Пишу, пишу... Пашу лист белый я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия...*

(Андрей Ребров)

Чиркать зажигалкой — это скучно,
Спички тоже следует беречь.
Я бумагой тёр по авторучке,
Чтобы бытие своё возжечь.

Я пахал весь день, как лошадь в мыле,
Больно было на себя смотреть.
Бытие воняло и дымилло,
Но, увы, не думало гореть.

Так бы и загнулся, очи долу,
Если б не один большой поэт:
Бытие, сказал он, жгут глаголом,
А бумагой трут другой предмет.

История и современность

*Поздравляем
Ирину Васильевну Булдакову,
посвятившую себя служению отечественной журналистике,
культуре и литературе, своему народу, земле, подарившей огромный талант,
с 80-летием!*

Ирина Булдакова

Ирина Васильевна Булдакова родилась в Баку в октябре 1934 года. В 41-м была эвакуирована на родину отца, в село Сосновка Саратовской области. Бомбёжки, голод, смерть близких пережила тяжело, как и все дети войны.

В 1946 году вернулась в подмосковную Балашиху, поступила в МГУ им. Ломоносова на факультет журналистики. Распределена в Калининград на Первое государственное телевидение, где работала с 1958-го по 2006 год редактором, ведущей программ.

Член Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры России. Автор тысяч телепрограмм, десятка фильмов, занимавших Гран-при на всероссийских и международных фестивалях. В 2009 году выпустила сборник стихов. В 2012-м победила в конкурсе издательской программы Министерства культуры Калининградской области, в результате чего вышел в свет сборник калининградских авторов-детей войны «Цветы под танком». В настоящее время возглавляет региональную «Ассоциацию творческих союзов».

Заметки о началах и потрясениях

Только со временем понимаешь, как важно быть у самых истоков нового дела. Таким стало для меня телевидение. В нашей области оно открылось 2 августа 1958 года. Я была принята на работу месяц спустя, 3 сентября. Профессия по диплому — литературный сотрудник газеты. Кафедры телевидения на факультете журналистики в МГУ тогда не было. Да и само ТВ работало только в столицах. Пятым в СССР — после городов-миллионников — стало Калининградское Государственное!

Соперничество с газетами ещё не сформировалось. Числясь редактором, каждый журналист был уверен в своей неповторимости.

Мы упивались спецификой ТВ, возможностями прямого общения со зрителем. Хотя поначалу написанные нами слова доверялось говорить с экрана дикторам.

Немало воды утекло, прежде чем была осознана первичность слова, смысла перед эффектами малого экрана, и журналист заговорил сам. Слово и по Библейскому преданию было «в начале». Из слов конструируется идея передачи или фильма, определяется стиль, структура замысла. Журналист, редактор ТВ пестует передачу от первого листа рукописи до эфира. Нет свежей идеи, оригинального текста — «из ничего и выйдет ничего», как верно подметил английский классик!

Сейчас на ведущего работает целый пчелиный рой авторов. Мы не преуменьшали роль творческой бригады. Все были сотворцами в деле реализации каждой «задумки». Просто у коллег иной способ выражения мысли через реальность, техническую возможность, освещённость, ракурс. Хорошо, когда всё это обогащает передачу!

Совместная работа с моим мужем Вячеславом Булдаковым, прошедшим путь от осветителя до главного оператора ГТРК «Янтарь», вызывала зависть: «Конечно, он всё для тебя сделает красиво!» Но только мы с ним знаем, сколько споров, даже ссор, обид вызывало вторжение другого видения, приземление полёта фантазии. Зато прекрасные плоды даёт общее проникновение в суть.

Журналист ТВ, мне думается, лишь антенна, принимающая информационные потоки и имеющая способность своими словами увлечь и телевизионную группу, и зрителей.

В 14 лет я написала роман в блокноте с названием «Поток жизни». О любви, конечно! Герою придумала красивое итальянское имя Фиделио. Он был революционером, ранен коварно из-за угла. Любимая пыталась спасти его. Но конец трагичен! Что-то вроде юношеских перепевов «Овода».

Каково же было моё изумление, когда 20 лет спустя, в Калининграде мне встретился русский итальянец Делио Антонио Грамши. Сын основателя итальянской компартии, реальный капитан первого ранга, преподаватель военно-морского училища. Передача замышлялась о его отце — Антонио Грамши. Познакомились через Интернационал (а не как нынче — через Интернет!), супруги Грамши родили двух сыновей. Младший Антонио жил с матерью в Москве, а старший служил на флоте. Он рассказал о последней встрече с отцом через железную решётку, так как за «подрывную деятельность» Антонио провёл остаток дней в Туринской тюрьме, там же писал теоретические статьи, для руководства компартии, а для своих сыновей — детские книги.

Делио пошёл во флот, как он сам мне рассказал, потому что с юности восхищался российскими моряками, спасавшими жителей Мессины после землетрясения.

Романтичный, восторженный, необыкновенной доброты и душевной распахнутости, сын Грамши без лишних уговоров предоставил все материалы об отце. Помогла и его супруга Зинаида, сотрудница Калининградского архива. Передачу записывал за пультом главный режиссёр Исаак Каждан. Диалог шёл на одном дыхании, вопросы рождались от моего искреннего интереса к необычной судьбе. Прервалась запись только один раз — когда в павильон вошёл гость из Москвы, инженер-настройщик камер, и, увидев меня в чёрном платье с белыми волосами, вскрикнул: «А это кто позволил? У вас же экран горит!» Пришлось перекрашиваться в голубой нейтральный для камер цвет. Но это потом. В тот момент я цитировала письма Антонио Грамши о причинах развала Интернационала: «...не из-за внешних причин, а из-за карьеризма, всеобщей коррупции и предательства в наших рядах...»

После выхода в эфир мы ещё не раз дружески встречались с семьёй Грамши. Как-то он показал мне письмо матери из Москвы: «...смелая ваша журналистка! Такое в Москве вряд ли пропустила бы цензура!»

Делио Грамши умер от сердечного приступа в подмосковном санатории. Вдова с двумя дочерьми вскоре переехали в Москву. При первой же возможности мы с ней посетили могилу Делио на Новодевичьем кладбище.

Попробуйте доказать, что всё — дело случая, а не то, что в 14 лет я подсознательно извлекала обрывки будущего из ноосферы.

После долгих споров теоретиков о том, искусство ли телевидение или техническое средство передачи искусства, всё же признали его самостоятельность, способность потрясать и воспитывать. Особенно конец XX века убедительно свидетельствует о мощи воздействия малого экрана. Перевороту в сознании способствовал выход ТВ на улицы, на лестницы с их горячими спорами, с молодёжными «Взглядами» из Москвы и провинциальными прорывами, с возвращением к прямым репортажам из высших эшелонов власти. Так вся страна стала свидетелем ужасающего расстрела Белого дома и многого, что прежде было технически немислимо. Тем не менее это была, скорее, иллюзия истинно происходящего. Всю правду о подоплёке события мы начинаем постигать только 20 лет спустя. А число погибших защитников Верховного совета тогда утаили в лучших партийных традициях и скрывают до сих пор.

Нынче мы доверяем лишь участникам событий и лучше с глазу на глаз. Собственно, так было всегда: нельзя сказать всю правду, не прочувствовав на себе её горький вкус.

Моему поколению на переживания повезло: кроме сугубо личных, было три великих потрясения. Первое — война, Великая Отечественная. Теперь всё чаще называют её, непонятно кому в угоду, Второй мировой.

Войной сознание людей так встряхнуло, что никто не остался в стороне. Были не просто кровавые сражения за свою землю, битвы войск, а смертельная схватка во имя спасения народов, прежде всего, России и Европы. Война затронула каждую семью, матерей, невест, детей, зеков, выпущенных для штрафбатов, из которых тоже вырастали герои. На детское сознание война наложила фантастически стойкую печать. Для страны невосполнимые потери! Гибель лучших сынов и дочерей! Нерождённые поколения. Не сочтённые до сих пор жертвы, цена нашей Великой Победы! «Не будь

на то Господней воли!» — коротко сказал поэт. Значит, во всём был великий смысл. Если 200 лет спустя мы поклоняемся подвигам героев 1812 года, то Великую Отечественную войну будут помнить, пока жива Россия.

Первые грозные отголоски войны мне пришлось пережить в неполные 7 лет: бомбёжки, эвакуация, потеря привычного быта, мороз 41-го, голод до 13 лет (то есть до 19 47 года, как минимум), ужасы детских смертей, оглушительность радиосообщений, раннее взросление.

Помню, как в родной отцовской Саратовской деревне Сосновка, куда мы, в конце концов, добрались, гибли семьями, наевшись досыта перезимовавших в поле полугнилых овощей. Мы благополучно неделю ели барана, умершего, неизвестно отчего. Стоял такой запах, что после я лет до 30 не выносила баранины. Никогда уже наша семья не могла достигнуть довоенного благополучия и безопасности.

О войне со слезами в душе я сделала не менее 300 передач и киноочерков. Из них «Держи высоту» о лётчике Михаиле Николаевиче Хрисанфове, выжившем с осколком в голове, застрявшем так, что нельзя было оперировать. И страдал герой приступами боли все годы мирной жизни.

Вдовы г. Мамоново принесли на телевидение письма мужей с фронта. Мы построили землянку, и актёры читали «Письма с фронта», проникновенные строки о несбывшихся семейных мечтах.

Передача «Узники италага» — живое свидетельство детей войны, узников концлагерей, о том, что пришлось пережить им, ставшим после фашистских опытов прозрачными скелетами с выкачанной кровью.

Позднее вышла в эфир серия фильмов о разведгруппах, действующих на территории Восточной Пруссии с 1944 года. Тогда была реальная возможность собрать для съёмок героев — от Ленинграда до Караганды, — прожить с ними несколько дней, подружиться так, что им стало интересно поддерживать переписку ещё многие годы. Мне писали о переменах и после развала СССР. Недавно получила письмо из Джезказгана от Федосьи Козловой, узницы концлагеря на территории области: «Очень рада, что у меня есть Ваши письма. Спасибо большое! Очень больно жизнь моя идёт. Были бы вы здесь, в ноги поклонилась бы!»

Часто задают вопрос: «Ну что хорошего было в СССР, ведь партийное давление и цензура мешали журналистам?»

Журналистам, при должном запасе мастерства и юмора, мало что могло помешать.

Получишь нахлобучку от начальства за упоминание военного завода, за съёмки нового моста с верхней точки... Прямые вмешательства цензуры в творческий процесс были, скорее, всё же исключением, чем правилом. А чем плохо партийное требование показывать человека труда, растить внештатных авторов и систематически встречаться со зрителями? Сколько замечательных талантов открылись на телевидении, стали известными писателями, депутатами, а кто-то впоследствии и успешными предпринимателями.

Среди партийных руководителей было немало людей высокой культуры. Помню дельные советы Владимира Никифоровича Шемардина, заведующего отделом науки и образования обкома партии. Мнения архитектора и мэра Виктора Васильевича Денисова тоже были полезной подсказкой. Тем более, что шишки за промахи получало, как правило, руководство ТВ, а не журналисты.

Больше нас волновала проникшие во всё показуха, очковтирательство, бюрократия, мешавшие росткам нового. Любви к Отечеству нас не надо было учить. Патриотизм ведь состояние души, а не чья-то указка. Любовь в крови, а не в директивах партии. Истоки её даже не в уникальности края, чудесах природы. Скорее, патриотизм — это умение почувствовать боль своего народа и любовь к неповторимой родной истории.

Ещё Карамзин писал: «Родина — не прелесть картин природы, а пленительность воспоминаний!»

Голодным летом 45 года мать отправила нас с сестрой из Малой Вишеры в пионерлагерь. Располагался он под Ленинградом в аракчеевских казармах, построенных с царской роскошью: мощёные брусчаткой плацы, трёхэтажной высоты зал для офицерских балов. Там даже рояль сохранился, на котором мы «бренчали»! И золотая лепка! Городок завораживал! Во время «мёртвого часа» мы облазили всё! В пыли и полумраке складов особо привлекли нас круглые коробки, мины, как

потом выяснилось, когда нас «пробирали» перед строем. Но об отправке домой не могло быть и речи. Слишком далёк обратный путь!

«Лучшее — детям!» было не лозунгом, а заботой всех взрослых.

Отдыхали мы, подростки, и в курортном местечке Манас на Каспии. Чуть старше был наш физкультурник, который на свой страх и риск повёл отряд в поход. Шли по песчаным зарослям, под палящим солнцем, хвастали друг перед другом пойманными скорпионами, топтали змеек. Всё с шутками, присказками воспитателя! Ночёвка под открытым небом. Расположились на подстилках среди колючек, пошли страшилки, как уберечься от змей и скорпионов.

— Чем болтать, посмотрите на небо. Такого в городе не увидишь!

И спустилось на меня небо, как люстра с крупными ослепительными звёздами.

Их можно было потрогать рукой, они повисли, казалось, ниже гор.

Потом я написала свой первый рассказ: «Люди привыкли всё время смотреть под ноги.

И они забыли, что над ними Небо!..»

Литературу в старших классах Балашихинской школы преподавала Леокадия Георгиевна, с причёской, как у Ермоловой, в обтягивающих платьях. Стоя картинно у окна, она читала нам стихи поэтов Серебряного века. Предпочитала не спрашивать на уроках, а рассказывать обо всём, что знала. Потом отобрала тех, кто слушал с открытым ртом, и поставила с нами на сцене актового зала горкома партии пьесу Горького «На дне», не по учебной программе. Зал рукоплескал.

Со стихами и песнями мы ходили в имение Салтычихи, где в госпиталях ещё долго долечивались фронтовики. Милосердие, можно сказать, насаждалось, и не безуспешно!

В университете я охотно согласилась помогать в занятиях прикованному к постели студенту Мише Хейфицу, а Светлана Горелова, парторг студенческой партийки, бескорыстно взялась обучать русскому языку китайских студентов.

Жизнь была не чёрно-белой, а цветной, увлекательной, насыщенной московскими встречами с поэтами-бунтарями, с известными артистами. Студенческое братство всегда выручало в рискованных ситуациях. Москва привечала всех!

Вторым потрясением была смерть того, с чьим именем связывалась вся жизнь страны. 5 марта 1953 года народ рыдал о Сталине не менее искренне, чем нынешние северокорейцы по своему вождю. Плачущие электрички, метро, улицы! Люди устремились к Колонному залу. Проспекты, переулки перекрыты. Через дворы по крышам гаражей потоки университетской молодёжи кинулись с Моховой на Охотный! Мы застряли на Сретенке. Умный вояка из оцепления ворчал:

— Ну, куда вы все прёте? Там уже людей давят! К маме лети, воробышек!

Чё нахохлился?!

Видно, ангел-хранитель заставил повернуть, последовать совету!

Я училась уже на втором курсе университета, и многое пришлось переосмысливать. Хотя на первой же сессии профессор русского языка в ответ на приводимые мною цитаты из только что выпущенной книги Сталина о языке с критикой академика Марра спросил:

— А Вы лично из Марра что-нибудь читали?

— Да нет!.. — пожалала я плечами.

— Запомните, барышня, на будущее, никогда не повторяйте чужих мнений, прежде чем не изучите первоисточник!

Я засела в Ленинке. Копались там мы не только в фондах, познавали жизнь и в курилках, среди особо подкованных читателей, спорили в сигаретном дыму. Сами этим злом не баловались. Уже от школьных подруг я слышала о тайных арестах, безвестности судеб осуждённых «врагов народа». Но пока я не увидела вернувшегося «оттуда» земляка отца, добрейшего дядьку Фёдора Соколова, истощённого до синевы, затем писателя Пиляра, снявшего комнатку в подвале на улице Горького, где ютилась наша однокурсница Ирина Ром-Реа и ещё десяток обитателей, не хотелось верить масштабам драмы.

Закон «доверяй, но проверяй» помогал докапываться до истины. Диплом писала, прочитав по первому журнальному изданию запрещённые тогда гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями». Несмотря на резкие высказывания по поводу этого произведения революционного критика Белинского, я позволила себе с ним не согласиться. И руководитель диплома, профессор МГУ Худяков меня поддержал. А ведь только сейчас заговорили о верности наблюдений Гоголя!

Московская среда писателей, художников, поэтические вечера на Стромынке быстро излечили нас от кумиромании. Разоблачения Хрущёва восприняли скептически. Секретный доклад «О культе личности...» почти никто не читал, печатать его боялись, опасаясь, как бы народ не снёс власть вместе с культом. И всё больше становилось в Москве прежде ограниченных в правах, а теперь реабилитированных, всё острее их обиды!

В Калининграде, в 58-м году я, возглавляя литературно-драматическую редакцию телевидения, отобрала для постановок любимые рассказы Паустовского, «За далью даль» Твардовского. В силу глубокого отдаления от опасного брожения столичных умов за нашими литературными исканиями «сверху» никто особо не следил, лишь бы книжки были русские! Калининградская прослойка интеллигенции, между тем, была сильной и талантливой: писатель-фронтовик Валентин Ерашов, режиссёр театра Зиновий Корогодский, архитектор Арсений Максимов делали погоду. Действовал клуб творческой интеллигенции, пока не отважились журналисты и писатели написать протестное письмо в ЦК на решение обкома о сносе Королевского замка. Тогда полетели головы. Замок всё же снесли. Теперь думают, что делать с пустотой!

Третье потрясение называлось «перестройкой», приватизацией, пока «умный, добрый наш народ», разобравшись «на своей шкуре» в содеянном, не переименовал последнее явление по-своему, по простому, по сути — прихватизацией...

Ущемлённое в правах поколение западников в 93-м взяло реванш за всё сразу и против всего. Обман раскрывался более двух десятилетий. Прозревшая провинция повернулась к прошлому. Калининград снова стоял особняком, восплавав любовью к немецкой культуре, не утруждая себя поиском более глубоких славянских корней.

Слишком долго мы бездействовали, став зрителями захватывающего политического театра. С восторгом следили за сменой актёров, а неизвестные режиссёры, назвав журналистов «четвёртой властью», милостиво позволяли лишь иногда раздвигать тяжёлые кулисы. Попытка массово выйти на большую сцену жёстко пресекалась. Журналистов просто отстреливали. Мир качнулся в сторону рвачества и уголовщины. Блатной жаргон преобладал везде, кроме новостей. Книги писались сначала с точками вместо непристойных слов, потом вместо точек пошёл «прямой текст», что ставилось в заслугу как творческая смелость. Телевидение «запикало». Самые интеллигентные ведущие, кроме женщин, вставляют и ныне в полемике крепкое словцо, не обходятся без него в детских садах и школах.

Для моего отца потрясением была революция. Деревенский парень, тринадцатый ребёнок в семье, единственный, долгожданный мальчик. Он пел в церковном хоре. Вырвался из глухомани в столицу, поступил в Коммунистическую академию имени Крупской, не закончил, убедившись в хрупкости нового товарищества. Не был репрессирован, так как, согласно фамилии — Жуланов, — придумал тактику «птичьих» перелётов, каждую весну менял место работы, переезжая с семьёй. Хлопотно, конечно, зато доносы за ним не поспевали. Иногда рассказывал нам, детям о личных знакомствах с партийными боссами, но без оценок. До «перестройки», слава Богу, не дожил!

На телевидении мы приветствовали «новое мышление», «гласность», свободу. В метаниях вседозволенности хлынули в эфир заклинания экстрасенсов, лжецелителей, портреты инопланетян. Немногим отличались от них и пылкие политические дебаты. Такому прикрытию истинных целей отдавалось дорогое эфирное время. Когда стало снова голодно и понятно, что западная «гуманитарка» — та же помойка, журналистика развернулась к традиционным ценностям.

*Обманутое поколение,
Вожжами преданный народ
Усердно взялся за моление.
С надеждой в светлый храм идёт.*

Я приняла крещение в православной церкви вместе с дочерью и внучкой. Стала готовить передачи о вере «Зажги свечу» и т.п. Часто брала интервью у нашего митрополита Кирилла, ныне Патриарха Всея Руси. Решающей была встреча с будущим духовным отцом Меркурием, тогда игуменом, теперь митрополитом. Он предложил открыть на ТВ программу «Благословение», вёл её вместе со мной и иеромонахом Маркеллом в течение шести лет. Он повенчал нас со Славой. И даже уехав в Америку викарием всех православных церквей, следил за ходом моего воцерковления.

Мы участвовали в православных фестивалях с фильмами «Всех скорбящих радость» о церкви на месте погибших из-за падения военного самолёта детей Светлогорска. Фильм «Дар небесный» с диалогом отца Меркурия и писателя О. Капитанова о вере поэта, вошёл в золотой фонд юбилейной Пушкинианы.

Многие личности, прошедшие через горнило телевидения стали близки мне по духу. Плеяда калининградских учёных, основателей научных школ и кафедр, двигателей прогресса, таких как Н.Б. Севастьянов, М.М. Ермолаев, В.С. Грецишкин, В.С. Малаховский, стала героями моих телефильмов и прямых трансляций.

Кстати, я начала изучать малоизвестные материалы о сближении новых научных открытий с основами богословия и церковного вероисповедания.

Профессор БФУ им. Канта Владислав Степанович Малаховский, кроме 20 научных книг по дифференциальной геометрии, выпустил три популярные книги: «Введение в математику», «Избранные главы истории математики», «Числа знакомые и незнакомые». В одной из них путём математического анализа и графически он расшифровал понятие бесконечности как доказательство существования Бога.

Дискутируя в Духовной академии, он реабилитировал «сухую» науку перед священнослужителями. О таких людях, Почётных гражданах Калининграда, учёных с мировыми именами были написаны мною сценарии документальных фильмов. Вела циклы передач «Наука сегодня». В конкурсе «1001 вопрос об океане» мы увлекали молодёжь к более глубокому познанию мира.

Не вдаваясь в анализ современного состояния телевидения, скажу, что образный язык кино стал для меня убежищем, когда, «взглянув окрест себя, душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». С другой стороны, кино — путь к творческому поиску истины. Писательский путь открыли для себя многие газетчики. От Ильфа и Петрова, Симонова, Эренбурга, Шагинян до наших местных мэтров Маргариты Родионовой, Вячеслава Карпенко, Анатолия Лунина.

Освободившись от повседневного изнурительного труда в телеэфире, я не перестала снимать кино, благо, оператор был всегда под рукой. Закончила четвёртый фильм из серии «Памяти Юрия Куранова». Подхватила идею фестиваля кинолюбителей «Время в кадре». Всё было ново. Захватывающе интересно.

В воздухе витала идея нового объединения интеллигенции. Мною вместе с единомышленниками зарегистрирована региональная Ассоциация творческих союзов, рамки которой продолжают расширяться, привлекая писателей, поэтов, художников, артистов, архитекторов, как уже было когда-то. Что ж, «всё возвращается на круги своя». Истекает время «разбрасывать камни», начинается период собирания. Творческие люди, если не подружились, то хотя бы ближе познакомились друг с другом при совместном издании новых журналов, альманахов, тематического сборника о детях войны «Цветы под танком». Инициативные начала дают новый толчок к действию.

Не минули нас и новые потрясения нашего времени. Кстати, украинская трагедия, так похожа на то, что пережили отцы наши. Но всякий исторический повтор карикатурен. Кровавы и зловещи попытки возродить фашизм!

Опять под угрозой самое дорогое — наш славянский мир и русское слово, объединяющее своим благотворным влиянием близкие нам культуры, не так уж и давно принудительно разбитые на национальные грядки.

*Пусть только доброе зерно
На наших нивах колосится,
И всё, что в нём заключено
Пусть добрым словом возродится.*

Мы — поколение оптимистов. Потрясения заставляли нас многое прощать, но не отрекаться никогда от дома отчего, от слова русского, впервые услышанного у материнской груди, от беспредельности земли родной, подлинная история которой только начинает открывать свои сокровенные тайны.

Русский мир без границ

Оксана Карнович

Может ли немецкий принц Георг Прусский объявлять себя Цесаревичем русского престола?

Беседы о престолонаследии с пятью русскими аристократами

Интервью Оксаны Андреевны Карнович с князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном, графом Петром Петровичем Шереметевым, князем Александром Александровичем Трубецким и графом Сергеем Алексеевичем Капнистом.

Введение: Право потомков великого князя Кирилла Владимировича Романова на главенство в Российском Императорском Доме оспаривается не один десяток лет. Эта тема меня прежде совершенно не волновала, как, впрочем, и многочисленную публику в постсоветском пространстве. Со своими проблемами бы разобраться. Еще в 1995 году, когда мы выступали в Мадриде с Майей Михайловной Плисецкой и «Русским Имперским балетом», княгиня Мария Владимировна, тогда с четырнадцатилетним сыном Георгием, уже несла свою «миссию», поздравила нас за кулисами после концерта и позволила сделать совместную традиционную для артистов балета фотографию. Вопросы появились, когда мы с князем Никитой Лобановым-Ростовским встретились с бароном Эдуардом Эдуардовичем Фальц-Фейном в поместье «Аскания Нова» в Вадуце (Лихтенштейн), чтобы поговорить о его друге Серже Лифаре. В конце беседы барон выразил крайнюю обеспокоенность, что княгиня Мария Владимировна в 1992 году объявила себя «главой» дома Романовых, «Ее Императорским Высочеством», а своего сына Георгия Гогенцоллерна — «цесаревичем русского престола». Сия акция затронула вопрос: может ли принц Прусский, наследник прусского престола после всех потомков Луи Фердинанда, праправнук последнего немецкого императора Вильгельма II, который развязал Первую мировую войну против России, быть объявленным «великим» князем Георгием Романовым? К примеру, по английскому закону от 1919 года воевавшие против Британской империи лишаются всех титулов и наград. Георг Гогенцоллерн, будучи так же праправнуком и прямым потомком английской королевы Виктории, является 117-м претендентом в очереди на английский престол. В связи с объявленным назначением Георга кандидатом на российский престол возникла парадоксальная историческая ситуация. Потомки людей, приведших Россию к национальной катастрофе, предавших ее, вновь рвутся к власти, пытаются добиться для себя официального статуса от Российской Федерации, навязывая себя в качестве единственных «наследников императорского трона». Дом Романовых не раз возмущали настойчивые попытки Марии Владимировны получить для себя особый статус от правительства Москвы, вплоть до того, что князь Николай Романович Романов, возглавлявший Ассоциацию Дома Романовых до 2014 года, в 1998 году хотел отказаться присутствовать на церемонии перезахоронения останков членов царской семьи. Княгиня Мария Владимировна, двоюродная внучатая племянница Николая II, обратилась с запросом в Басманный районный суд Москвы в 2010 году по делу убийства Николая II и его семьи, не забыв указать, что «родственники последнего русского царя не могут вернуться в Россию из-за того, что им не на что купить квартиру, что у них нет официального статуса в стране»¹. Считая эти действия абсолютным мошенничеством, барон Фальц-Фейн недоумевал, почему в России тема престолонаследия не обсуждается. Но, как оказалось, барон не единственный, кого волнует подобная фальсификация. Разговор мы продолжили с князем Александром Александровичем Трубецким, графом Петром Петровичем Шереметевым и графом Сергеем Алексеевичем Капнистом в Париже.

¹ <http://newsru.com/russia/15jan2010/nomoney.html>

Давайте разберемся: почему Дом Романовых и представители аристократических фамилий не признают права Марии Владимировны называть себя «великой» княгиней, а другие ветви рода Романовых уже перестали выступать с официальными заявлениями, предоставляя возможность самостоятельно определять степень нравственности поступков ветви «Кирилловичей» (на сегодняшний день семья Романовых разделена на четыре ветви, идущие от Николая I — *О.К.*). Бесцеремонное навязывание обществу себя в качестве «единственных законных наследников престола Романовых в России» уже сеют сомнения в правомерности подобных действий, подкрепленных противоречивыми манифестами и актами. Законны ли эти акты? Почему произошел раскол среди членов императорского дома? Когда это началось? Обратимся к истории, чтобы последовательно во всем разобраться.

После гибели царской семьи, в русской эмиграции продолжали действовать монархические организации. Несмотря на то, что Российская империя рухнула, закон о престолонаследии, утвержденный Павлом I в день его коронации 5 апреля 1797 года, не был отменен ни семьей Романовых, ни аристократами, ни монархистами вообще. Из трех детей великого князя Владимира Александровича, внуков императора Александра II — Кирилла, Бориса и Андрея, Кирилл был старшим и первым в списке на соискание российской короны из оставшихся в живых прямых наследников рода Романовых. Однако притязать на императорскую корону неоспоримых прав у великого князя Кирилла Владимировича не было. Как не было и полного единодушия среди здравствующих на тот момент 19 членов семьи Романовых мужского пола, когда 31 августа в 1924 года в Париже великий князь Кирилл Владимирович издал манифест, в котором объявил себя императором Всероссийским¹. Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, мать Николая II, которая по законам бывшей Российской империи еще оставалась блюстительницей престола, сожалела, что «этот манифест создаст раскол и ухудшит положение и без того истерзанной России»². Учитывая факты биографии Кирилла Владимировича, предательством можно считать акт, когда великий князь «помчался» присягать Временному правительству в то время, когда его двоюродного брата Николая II под конвоем доставляли с вокзала в Царское Село, а также то, что Кирилл способствовал подписанию отречения Николая. По мнению историка В.М. Хрусталёва, «в дни Февральской революции Кирилл Владимирович, вместо поддержки Николая II, предпринял шаги, которые пагубным образом повлияли на историю России. Он стал первым из членов императорской фамилии, нарушивших присягу царю, заявив, что он лично и вверенная ему воинская часть перешли на сторону Государственной думы и в ряды происходящей революции. Его поведение в дни революции впоследствии ставилось ему в вину его противниками, но не помешало ему самому претендовать на российский престол»³. После смерти Кирилла Владимировича в 1938 году Российский Императорский дом в эмиграции возглавил его сын князь Владимир Кириллович, чей манифест от 1946 года и акты с 1969 по 1989 годы с подтасованными под себя многочисленными нарушениями законов о престолонаследии, изданные с целью — убедить европейские королевские дома, что его брак является равнородным, не только усугубили споры и разногласия, «но нарушили элементарную этику в отношении других представителей дома Романовых»⁴. Далее князь Владимир Кириллович объявил свою дочь Марию

¹ «31 августа 1924 г., Владимир Кириллович, несмотря на то, что СССР уже был признан некоторыми государствами, на правах «старшего представителя династии», под крышей Ротшильдов, провозгласил себя Императором Всероссийским под именем Кирилла I. <...> После эмиграции Кирилл Владимирович с женой поселились в Кобурге, где жил двоюродный брат в.к. Викторией Федоровны герцог Карл Эдуард. Викторией Федоровна и Кирилл Владимирович жертвовали свои средства в 1920-х годах для Нацистской партии. <...> Викторией Фёдоровна даже продала для этого свои фамильные драгоценности. Деньги нацистам передавались через генерала Василия Викторовича Бискупского. <...> Основным связующим звеном между правительством великого князя, а потом императора Кирилла I и немецкими национал-социалистами выступал генерал Василий Бискупский, премьер-министр и военный министр России в изгнании». — Жиленков С. Наследница Третьего Рейха Мария Гогенцоллерн. Русское движение // <http://русскоедвижение.рф/index.php/history/52-articles/17681-2013-09-22-16-55-20>

² Седов П. Матильда Кшесинская. АСТ. М.С. 181.

³ // https://ru.wikipedia.org/wiki/Кирилл_Владимирович // Хрусталёв В. М. Великий князь Михаил Александрович. М.: Вече, 2008. С. 359. 544 с. (Царский дом)

⁴ Алексеев Г., Кисилев М. Позиция Всероссийского Монархического Центра. Кто займет вдовствующий Российский Императорский Престол? Главное, чтоб это был бы не самозванец! // <http://www.monarhist.ru/mnenie/MnenieVMC.html>

Владимировну единственной наследницей Русского Императорского Дома, тем самым ущемив в правах мужскую часть представителей рода Романовых, мотивируя свои действия тем, что их браки являются неравнородными. Но, то, что его брак являлся морганатическим, а дочь рождена от неравнородного брака умалчивается, и, более того, многочисленные изданные акты настойчиво заявляют обратное. Но, имеют ли они юридическую силу? Верноподданный Владимиру Кирилловичу еще со времен Великой Отечественной войны иеромонах Никон, впоследствии возведенный в сан архиепископа¹, помог придать под крылом Русской Православной церкви за рубежом официальный, но не юридический статус всем действиям великого князя: «12 августа 1970 года в Сен-Бриаке он лично благословил молодую «великую княжну» Марию Владимировну после приношения Ее Высочеством присяги на верность Главе Императорского Дома и законам Российской Империи в год Ее династического совершеннолетия»².

На информационно-аналитическом портале русских организаций «Русское движение» высказана мысль, что «важнейшим «деянием» Никона, положившим начало мировой аферы Гогенцоллернов, стало заочное отпевание Царя Николая II и Его Августейшей Семьи, совершенное по распоряжению Архиерейского Синода РПЦЗ в 8 часов вечера 4-17 июля 1968 года. Богослужение прошло в величественном, первом в мире храме-памятнике Царю Николаю II и Царской Семье в Брюсселе в присутствии Чудотворной Курской иконы «Знамение». <...> На отпевании присутствовали «глава российского императорского дома» Е.И.В. «государь великий князь» Владимир Кириллович, Е.И.В. «государыня великая княгиня» Леонида Георгиевна и Е.И.В. «великая княжна» Мария Владимировна. Именно эта «афера» и положила начало дальнейшей афере РПЦЗ с «канонизацией» Царской Семьи, на которую у них не было никаких прав!»³. Здесь и далее будем обращаться к позициям Русского движения и Всероссийского Монархического Центра как исследованным и выверенным. Неудивительно, что исторические факты замалчиваются, подтасовываются, меняя первоначальный смысл в угоду личным амбициям. К сожалению, для лжи истина не обязательна. Но, не занимаясь морализаторством, вернемся к нашим беседам, чтобы истину обнаружить. Стиль разговора сохранен без существенных правок, чтобы передать своеобразие русской речи потомков известных аристократических фамилий.

Беседа с бароном Эдуардом Александровичем Фальц-Фейном

Б. Ф.-Ф. Дорогие Никита и Оксана, когда закончу подписывать Вам мою книгу, поговорим о Романовых, потому что меня это страшно волнует. С утра до вечера думаю об этом, почему теперешние русские избрали человека Георгия, который не Романов? Он Гогенцоллерн, его отец Франц-Вильгельм Гогенцоллерн. Каким же образом мальчик называется Георгий Романов? Это невозможно! В газете *Le Monde* в Париже была опубликована об этом большая статья на четырех страниц, когда отмечали четырехсотлетие дома Романовых. Там все неправильно. Я теперь хочу написать им: «Не хотите ли вы правду писать? Напишите то, что теперь русским необходимо знать! «Его Высочество», «наследник Русского трона» — не есть Георгий Романов!»! Мать его — урожденная Романова, но он сам никакой не Романов. Отец его Гогенцоллерн — немец. Мать развелась, но мальчик должен продолжать носить имя отца. Да или нет? Во всем мире так. При разводе жена может взять имя нового супруга, но мальчик-то ни в коем случае не может взять имя матери. Он присвоил имя Романова и, когда приезжает в Россию, его принимают на высоком уровне. Меня это так злит. Я так же злюсь, что в газетах пишут «Его Императорское Величество». На будущей неделе я напишу в *Le Monde*. Неужели Вы не можете где-нибудь написать правду, что этот Георгий Романов — вовсе не Романов?

¹ Архиепископ Никон (Николай Павлович Рклицкий). В 1959 г. был возведен в сан архиепископа – архиепископ Вашингтонский и Флоридский, секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ. С 1964 года был одним из заместителей председателя Архиерейского Синода РПЦЗ.

² Жиленков С. Наследница Третьего Рейха Мария Гогенцоллерн. Русское движение // <http://русскоедвижение.рф/index.php/history/52-articles/17681-2013-09-22-16-55-20>

³ Жиленков С. Наследница Третьего Рейха Мария Гогенцоллерн. Русское движение // <http://русскоедвижение.рф/index.php/history/52-articles/17681-2013-09-22-16-55-20>

Кн. Л.-Р. Дорогой барон, ситуация, на мой взгляд, очень проста. Это нормальная фальсификация. Мария Владимировна — очень энергичный и пробивной человек. У нее сын, и она хочет его утвердить как наследника. Даже если в России не будет царской власти, то он, будучи теоретически наследником, воспользуется привилегиями. Он уже состоит в совете директоров в российских компаниях, где водятся деньги. Его уже перестали разоблачать среди самих Романовых. Почему это происходит? Потому что Николай Романович Романов, праправнук Николая I и наш друг хороший, порядочный, умный и цивилизованный человек (*умер 15 сентября 2014 г. в Тоскане — О.К.*). Но у него две дочери и нет сына. И сколько бы я его не просил что-то сделать, он всегда отказывался, считая, что, выступив раз в печати и изложив эту неправду, он свой долг выполнил.

Б. Ф.-Ф. Почему?

Кн. Л.-Р. Потому что у него нет стимула. Две дочери, конец его линии. А сына немецкого принца Гогенцоллерна мать подает под своим именем. Типичная династическая игра.

Б. Ф.-Ф. В России кто-нибудь знает, что этот мальчик сын Гогенцоллерна?

Кн. Л.-Р. Кто-то знает, но большинство нет. Это не в первый раз и не в последний раз в истории, когда мать старается пробить свое чадо.

Б. Ф.-Ф. Он имеет российский паспорт и там написано, что он Романов, или как?

Кн. Л.-Р. Да, это так. Он прописан как Романов.

Б. Ф.-Ф. Георгий же немец по отцу, а не русский! Если папа немец, значит, и сын немец. Или теперь в России национальность передается не по отцу, а по матери? Да или нет? Неужели никто в России не может, в конце концов, где-нибудь написать правду, что Георгий не Романов. Как же так?

Кн. Л.-Р. Можно опубликовать статью в газете, но ее на завтра уже забудут, потому что за матерью стоят деньги, ее поддерживают, пробивают, и сама она очень деятельная. Вот когда к Вам придут с российского телевидения, просто выскажите это.

Б. Ф.-Ф. Я уже говорил.

Кн. Л.-Р. Они вырезали эту тему на телевидении?

Б. Ф.-Ф. Они не хотят об этом вещать. Я думаю, что это мать этого Георгия заплатила где-то, чтобы не разоблачали.

Кн. Л.-Р. Конечно.

Б. Ф.-Ф. Если Ельцин дал этому мальчику русский паспорт, и в нем написано -Романов, то многие верят этому. Я так думаю.

Кн. Л.-Р. Ельцин ничего не понимал. Патриарх Алексей поддержал все это, будучи неосведомленным. Большинству в России все это просто безразлично.

Б. Ф.-Ф. А Вы, когда ездите в Петербург или в Москву, встречаете кого-нибудь, кто разбирается в этом? Когда в газетах пишут: «Его императорское Высочество Георгий Романов», Вы же должны все-таки возмущаться, как же так! Вы не берете телефоны, чтобы кому-то позвонить?

Кн. Л.-Р. Старался. Я ездил в Ружмон (в Швейцарии), долго разговаривал с князем Императорской Крови Николаем Романовичем Романовым, умолял его взять инициативу о разоблачении, но он отказался. Его брат Дмитрий не единожды заявлял, что Мария Владимировна не может называться ни «великой» княгиней, ни Главой Императорского Дома.

Б. Ф.-Ф. И так будет продолжаться?

Кн. Л.-Р. Еще хуже будет, когда Николай, глава семьи, уйдет. Труднее будет бороться. (Беседа с бароном состоялась 7 февраля 2014 года, Николай Романович Романов скончался 15 сентября 2014 г. — *О.К.*)

Б. Ф.-Ф. Здесь вышла статья после того, как я вмешался. Она вышла в Париже. Я устроил эту статью. Вы же по-французски читаете?

Кн. Л.-Р. Да, читаю.

Б. Ф.-Ф. Значит, я статью устроил. Приехал какой-то французский репортер из швейцарской газеты, и поместили наше интервью. Я был так рад, что теперь эту статью перепечатают в России. Но ничего подобного. Месяц тому назад Георгий, в качестве претендента, поехал, то ли в Петербург, то ли в Москву (я забыл куда, на празднование юбилея Романовых), но в России так и не знают, что он Гогенцоллерн!

Кн. Л.-Р. Я умолял Николая Романова поехать на юбилей. Был создан фонд в России, который устроил бы самолет для него из Гштаада, на котором он мог бы прилететь в Санкт-Петербург. Раз-

говор происходил за обедом с его супругой Свевой (итальянская графиня Свеваделла Герардеска — О.К.) в яхт-клубе Гштаада. Они согласились, а спустя неделю он отказался. Полагаю, он не захотел с ними встречаться.

Б. Ф.-Ф. Заболел или...?

Кн. Л.-Р. Он сказал, что ему слишком тяжело и слишком трудно передвигаться. Я ему ответил, что в этом случае *noblesse oblige* (положение обязывает). Меня это больше всего удручает, потому что я хорошо знаю Николая Романова.

Б. Ф.-Ф. Так что, Никита, ты сделал все, что мог... Беспокоюсь, что я не вижу, кто бы меня поддержал. По-моему, мать Мария Владимировна выхлопотала русский паспорт для сына...

Кн. Л.-Р. Ельцин обещал русский паспорт всем российским аристократам, когда пришел к власти. Объявление было сделано в мэрии в Париже. Очень мало людей приняли это предложение. А потом, лет восемь тому назад, Владимир Путин повторил это предложение на приеме у Жака Ширака, и 200 человек в Париже получили льготные визы, а иные даже паспорта.

Б. Ф.-Ф. Мне интересно, что написано в немецком паспорте этого Георгия! Вот, что я хотел бы узнать. Но не знаю, у кого спросить. С каким паспортом он разъезжает?

Кн. Л.-Р. Спросите у Вашего знакомого молодого князя Г.А. Юрьевского, который с ним дружит.

Б. Ф.-Ф. Он завтра придет! Но, он его не знает и знать не хочет. Когда я познакомился с Юрьевским в Петербурге, он представил мне свою невесту. Это была его первая жена. А недавно он был у меня со второй супругой Сильвией Трамп, американкой.

Кн. Л.-Р. Очень милый парень. Но, по-русски не говорит, и мне страшно обидно за это.

Б. Ф.-Ф. Не говорит. Ни слова. И теперь у меня есть вопрос к умному человеку как Никита. Когда Александр II взял себе подружку, несмотря на то, что он еще был женат на Марии Гессенской, взял ее и жил с ней в доме, где еще жила императрица. Александр II жил внизу, а жена — на втором этаже. И в то время, когда император был женат, супруга лежала наверху, больная, а подружка Долгорукова родила ему четырех незаконных детей. Это же стыд и срам. Как же так, это позволили в России, что государева жена жила в том же самом доме, где и подружка? Как?

Кн. Л.-Р. Ответ: император был самодержцем с неограниченными правами. Как генеральный секретарь Компартии Советского Союза, товарищ Сталин. Он мог бы указать пальцем на любого человека, чтобы его убрали. Не было никакого ограничения власти у императора. Он был наместником Бога, мог делать, что хотел.

Б. Ф.-Ф. Второй вопрос. Почему Александр II после того, как он жил столько лет со своей подружкой и имел четверых детей, дал ей имя Юрьевская, тогда как она урожденная Долгорукова?

Кн. Л.-Р. Потому что дети Екатерины Михайловны Долгорукой не могли называться по девичьей фамилией матери. Поэтому ей был присвоен титул светлейшей княгини Юрьевской, подчеркивающий этой импровизированной фамилией древность и знатность ее рода, который ведет начало от Юрия Долгорукого, т.е. Юрьевский род.

О.К. В день бракосочетания Александр II подписал тайный указ о присвоении Екатерине Михайловне имени «княгиня Юрьевская» с титулом «светлейшая».

6 июля 1880 года, через 40 дней после смерти императрицы Марии Александровны, не дожидаясь конца официального траура, 62-летний император тайно обвенчался с Долгоруковой, которая получила титул светлейшей княгини Юрьевской.

Б. Ф.-Ф. Почему Вы не были на приеме в посольстве в Париже? Ждали Вас. Был Владимирский праздник.

Кн. Л.-Р. Были, наверное, какие-то другие дела. Жаль, потому что я получил приглашение.

Б. Ф.-Ф. Жалко. Они ждали Вас. У меня был Юрьевский и рассказывал, что там был замечательный прием и так далее. Так что я здесь лежу в постели и занимаюсь этими вещами. Это меня волнует. И теперь в этой газете они показывают родословную Романовых очень открыто. С одной стороны, они включили в неё нашего Юрьевского и правильно написали, что он, праправнук Александра II, незаконный Романов. А с другой стороны, они пишут, что Николай Романов — глава дома Романовых (не пишут, что он наследник и правильно). Это большая разница. Глава и наследник. Наследника Романова нет!!!

Кн. Л.-Р. Я Вам объясню, почему он глава. Потому что в 1979 году члены семьи Романовых со-

Барон Эдуард А.Фальц-Фейн, Оксана А. Карнович, Вадуц, Лихтейнштейн, февраль, 2014. На кровати барона помимо газеты Le Monde лежат другие материалы, связанные с вопросом престолонаследия.

брались в Париже, чтобы решить, кто из них будет представлять в Ассоциации рода Романовых. У меня есть вырезка 1989 года из *New York Times*, где описано, что они проголосовали за то, что он, Николай, будет Главой, но не претендентом на престол.

Б. Ф.-Ф. Чтоб вы знали: претендента на престол России нет! Есть глава дома Романовых! Раз уж ты, Никита, здесь, и мы говорим об этом, то советую тебе использовать шанс — обсудить в России эту важную тему. Никто меня не понимает. Мне в посольстве говорят: оставьте это в покое; это было давно, и забудем об этом. А ведь это я представил Николая Романова в советском посольстве. С тех пор они имеют связи и приглашают его на праздник России раз в год. Последние два года он не приезжал; говорит, болен. Да и я больше никуда не езжу... Но я не закончил мой разговор. Так что продолжу ... Значит, я страшно обрадовался, когда увидел, что наш друг Юрьевский упомянут в родословной в первый раз и что ветвь идет от Александра II, но тут же был шокирован, когда на другой странице увидел интервью с «наследником», «Великим князем»! Вот тебе и на! Его показали на фотографии с матерью.

Кн. Л.-Р. Он не может быть «великим» князем. Меня тошнит от этой постоянной фальсификации.

Б. Ф.-Ф. Никита, когда ты последний раз был у меня?

Кн. Л.-Р. Полтора года назад, на чествовании Вашего столетия. Князь-Лихтенштейна Ханс-Адам II стоял около Вас, поздравлял, речи говорил, оркестр играл!

Б. Ф.-Ф. Значит, ты не видал меня полтора года! Какая разница сейчас? Лицо изменилось?

Кн. Л.-Р. Лицо молодеет! Я думаю, именно, из-за того, что Вы нам объяснили. Вы не теряли жизненную свою жидкость.

Б. Ф.-Ф. Так что, ничего я себе еще? Если Никита так говорит — он мой друг, он не будет мне врать. Значит, я ничего себе? Мало изменился?

Кн. Л.-Р. Я искренне Вам завидую!

Беседа с графом Петром Петровичем Шереметевым

О.К. Петр Петрович, Вы являетесь представителем древнейшего, именитого рода. Что Вы можете сказать по этому поводу?

Граф П. Ш. Во-первых, хочу сказать следующее: я имею право говорить и защищать то, к чему имею отношение, потому что, хотя я Шереметев, мой род — один из самых близких к роду Романовых. Это очень важно знать, потому что я не посторонний человек. Я тот, который может фактами объяснить, что на сегодняшний день Романовых, настоящих Романовых осталось очень мало. Мой троюродный брат Николай Романович Романов¹ справедливо считался главой романовской семьи, а теперь его брат Дмитрий Романович, но не Владимир Кириллович и его потомки, которые четыре поколения были не династами. И я Вам объясню, почему. Все законы романовской семьи, установленные самими Романовыми, были прописаны очень четко. В законе о престолонаследии 1797 года, утвержденном императором Павлом I, говорится о браках только с членами других монарших фамилий. Кроме того, чтобы оставаться великим князем и потомком, который может претендовать на престол, нужно соблюдать несколько правил, основанных на простой этике, из которых можно выделить два: во-первых, не жениться на разведенной даме, даже будь она принцесса; во-вторых, не позволять, чтобы твои дети были неправославными. Если эти правила не соблюдены, все права на престол отпадают — потомство становится вне линии. Необходимо напомнить, что царствующее лицо принято считать помазанником Бога. Вот почему Российский монарх и супруга должны быть православными.

Прежде всего, следует отметить, что российское законодательство об императорской фамилии в целом, и о престолонаследии в частности, было одним из самых строгих в мире, так как совершенно однозначно определяло вопрос о браках членов Императорского дома, если они хотели, чтобы они сами и их потомки могли иметь право на наследование престола.<...>Это правило заключалось в том, что брак такого лица мог быть заключен только с представителем царствующего (правлящего) или владетельного дома, т.е. дома, который не находился у власти, но сохранял определенные атрибуты былой «суверенности».<...>При этом владетельный статус того или иного рода всегда обязательно оформлялся юридически, т.е. в законодательстве страны, в состав которой входило некогда независимое государство, четко оговаривалось, сколько и каких «владетельных прав» оставалось за его бывшим «сувереном»².

Кирилл Владимирович, хоть и был великим князем, но потерял право на престол, как и другие великие князья, потому что их потомки были женаты либо на разведенных дамах, либо одна из жен не соглашалась крестить своих детей в православии. У них у всех отпали все права на династическую преемственность, так как у них были морганатические браки. Начиная с Кирилла Владимировича до пятого колена, эта ветвь нарушила правила семьи. Николай II потребовал отречения Кирилла от прав, и тот подписал заявление, что отказывается от престола для себя и своего потомства, так как он нарушил закон престолонаследия.

8 октября 1905 года, Великий Князь Кирилл Владимирович вступил в брак со своей двоюродной сестрой — Викторией Мелитой, дочерью герцога Эдинбургского, разведенной супругой герцога Эрнста Гессена-Дармштадтского, отказавшейся принять при заключении брака православие (ст. 185), брак не был разрешен Императором (ст. 183). Николай II лишил Кирилла всех прав члена Императорской Фамилии, включая права на наследование Престола. В ГАРФе хранятся архивные документы двух секретных совещаний 1906–1907гг. (ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 2141, лл. 8–15 об.; д. 2139, лл. 119–127 об.), на основании которых Николаем II был поставлен вопрос о лишении прав престолонаследия всего потомства Великого князя Кирилла Владимировича «из-за недопустимого брака, нарушившего фамильные, церковные и гражданские законы Империи. Архивные материалы обсуждения данного вопроса в Государственном совете указывают на то, что Николай решительно на-

¹ Николай Романович Романов (26 сентября 1922, Антиб – 15 сентября 2014, Тоскана) – праправнук по мужской линии российского императора Николая I (ветвь «Николаевичей» рода Романовых).

² Алексеев Г., Кисилев М. Позиция Всероссийского Монархического Центра. Кто займет вдовствующий Российский Императорский Престол? Главное, чтоб это был бы не самозванец! // <http://www.monarhist.ru/mnenie/MnenieVMC.html>

стоял на лишении кузена прав престолонаследия, однако члены Госсовета предлагали не объявлять этого решения публично, ибо очередь на престол, «по всему человеческому рассуждению, никогда до него не дойдёт»¹. Однако, после принятия православия в 1907 году Виктории Мелите был дарован титул Великой Княгини Виктории Федоровны, а Кирилл Владимирович был восстановлен в правах члена Императорского дома.

Но для меня самое страшное, это то, что Кирилл, отец Владимира, пришел в Думу с красным революционным бантом. Присягая Временному правительству, он предал свою страну и своего императора, тем более родственника.

Французский посол Морис Палеолог записал в дневнике: «Великий князь объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня (14 марта) в четыре часа преклониться перед властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга отвел в Таврический дворец флотские гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжении мятежной власти»².

Как только Николай II был расстрелян, а Кирилл, который давным-давно был в Европе, отрекся от своего обещания и объявил себя в 1922 году блюстителем Русского престола. Не считаясь с мнением других великих князей и императрицы Марии Федоровны, он тут же отрекся от подписанного отречения. Он продал своего государя с этим красным бантом, опозорив имя Романовых. Сын великого князя Кирилла, Владимир Кириллович, тоже сыграл позорную роль, призывая русских бороться на стороне Германии против России в 1941 году. Его брак тоже является мorganатическим. Он почему-то тайно женился в Лозанне накануне Успенского поста на княгине Леониде Багратион-Мухранской, разведенной после брака с евреем в Америке, и почему-то в греческой православной церкви, хотя в соседнем городе Веве есть русская православная церковь. Вероятно, по этой причине РПЦЗ справедливо отказала их венчать.

В 1934 г., в Ницце, Леонида вступила в первый брак с американским евреем Самнером Муром Керби. <...>Первым браком Керби был женат на племяннице банкира Якова Шиффа, директора банка «Кун, Лейб и Ко.», отпустившего деньги на революции 1905–1917 гг. в России. <...>В 1937 г. брак Леониды с Керби распался, но от него осталась дочь Хелена, живущая в США. Керби, находившийся в Германии, был арестован немцами и посажен в лагерь, как еврей, благодаря доносу, сделанному Ираклием, братом Леониды³.

Ираклий Багратион-Мухранский, брат Леониды, в 1942 году приехал в Германию при Альфреде Розенберге, который руководил Высшим органом управления захваченными территориями СССР с 17.07.1941 г. <...> Ираклий занимал пост «советника по грузинским делам» и сформировал «грузинскую бригаду». <...>В 1943 г. грузинские самостийники, поверив обещаниям Гитлера создать самостоятельную Грузию под гестаповским покровительством, выбрали Ираклия «царем» Грузии⁴.

В 1946 г. инфант Фердинанд Принц Баварский, член Испанского Королевского Дома обратился с просьбой к Владимиру Кирилловичу сообщить, являются ли «Багратионы-Мухранские» владельческим домом, в связи с женитьбой Ираклия Мухранского на его дочери, испанской инфанте доньи Марии де лас Мерседес де Бавария де Бурбон, племянницы короля Альфонса XIII, одной из самых богатых невест Испании.

«Владимир Кириллович издал очень странный — для документов подобного рода — манифест, который положил начало многочисленным нарушениям Российских законов о престолонаследии, допущенным им и его “преемниками” в дальнейшем. В манифесте говорилось, что он “считает полезным и справедливым (обращаем внимание — не законным, а полезным и справедливым) признать

¹ Жиленков С.И. Наследница Третьего Рейха Мария Гогенцоллерн // <http://русскоедвижение.рф/index.php/history/52-articles/17681-2013-09-22-16-55-20>

² Седов П. Матильда Кшесинская. АСТ. М.С. 180.

³ Жиленков С.И. Наследница Третьего Рейха Мария Гогенцоллерн // <http://русскоедвижение.рф/index.php/history/52-articles/17681-2013-09-22-16-55-20>

⁴ Там же.

царское достоинство Багратионов-Мухранских, как и их право именоваться князьями Грузинскими и титуловаться Царскими Высочествами". И это при том, что потомки настоящих "светлейших князей Грузинских" <...> здоровались в то время и здоровствуют поныне. <...> Иными словами, морганатический брак остался браком морганатическим, а "невладетельный" род князей Багратионов-Мухранских не стал родом "владетельным", за исключением того обстоятельства, что кроме самого Владимира Кирилловича в морганатический брак по его вине вступила и испанская инфанта Мерседес. Остается лишь сожалеть, что испанский королевский дом столь доверчиво отнесся к заявлению Владимира Кирилловича и не проверил этот вопрос самостоятельно, тем более, что сделать это было совсем не трудно — достаточно было вспомнить упоминавшийся пример с отречением в 1911 г. от прав на престол княжны Татьяны Константиновны. Однако может возникнуть вопрос: может быть, "глава Императорского дома" имел право изменять законы? — Нет, не имел.<...> Таким образом, брак Владимира Кирилловича с Леонидой Георгиевной Кирби-Багратион-Мухранской — отец которой Георгий Александрович приходился троюродным братом упомянутому мужу княжны Татьяны Константиновны, Константину Александровичу Багратиону-Мухранскому, и родным прапрадедом которых является Иван Константинович Багратион-Мухранский, подписавший Георгиевский трактат — является морганатическим и, следовательно, по законам Российской империи ни сама морганатическая супруга Леонида Георгиевна, ни ее дочь Мария Владимировна, ни, тем более, внук Георгий не имеют никаких прав на престолонаследие (ст. 188 Свода законов)»¹.

Далее, эта семья, опозоренная и дискредитированная несколькими предыдущими поколениями подряд, вдруг становится в династическую очередь на престол. Все это идет из поколения в поколение. Каким образом она в пятый раз может нарушить романовские правила? Ведь Мария, дочь Владимира Кирилловича, вышла замуж за прусского принца Франца Гогенцоллерна. Я с ним дружен. Он мой друг, но нигде не появляется. Семья была счастлива, что они выдали ее замуж за титулованного кронпринца. Но рождается Георгий. Тут Владимир Кириллович и Леонида разводят Марию с Францем и отсылают его в Америку, чтобы он там затерялся.

О.К. Владимир Кириллович пожаловал мужу Марии Владимировны — прусскому принцу Францу-Вильгельму Гогенцоллерну — титул «великого» князя Михаила Павловича, но после развода в 1985 году тот снова вернулся в лютеранство.

Кн. Н. Л.-Р. С какой целью был пожалован титул?

Граф П. Ш. Чтоб назначить Марию Владимировну цесаревной Русского престола, а ее сына от Франца — цесаревичем. Я всегда спрашиваю, как немецкий принц, предки которого погубили империю, может стать императором в России? Я, как Шереметев, будучи в родстве с Романовыми, не могу это допустить. Я этого не признаю. Плюс, каждый может судить, на кого эта женщина похожа.

Кн. Н. Л.-Р. Да, она мало похожа на княжну.

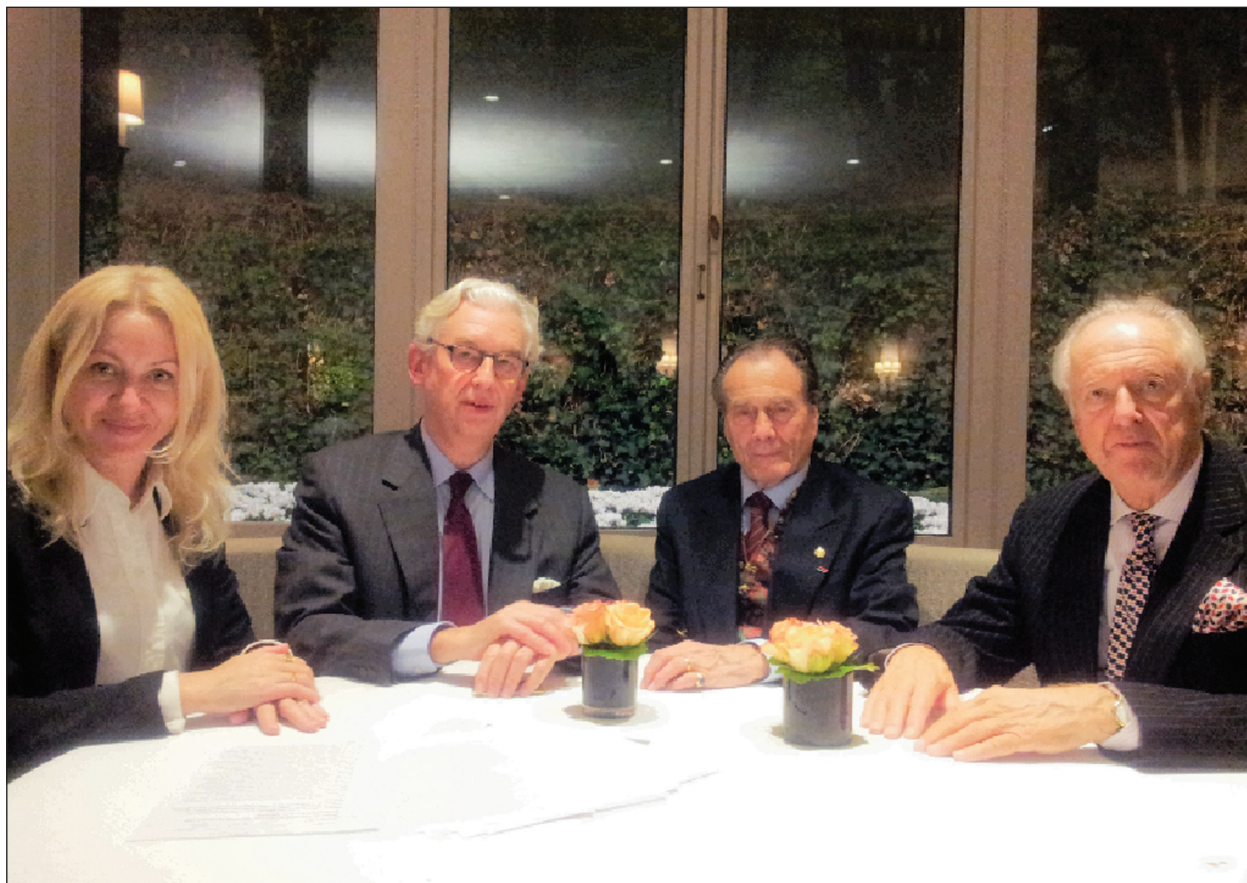
Граф П. Ш. Но, тем не менее, она получила благословение от Патриарха Алексия II, влезла во все круги России, чтобы ее признали как единственного потомка императорской семьи. Я должен сказать, что не понимаю российское правительство, которое поддалось на такую мистификацию, на такую позорную провокацию.

Кн. Н. Л.-Р. Она просто всех обманывает! То, что Вы сейчас говорите, нужно оглашать, печатать! Эту позицию поддерживает наш друг князь Александр Александрович Трубецкой, живущий во Франции.

Граф П. Ш. Кроме того она появляется, где может, раздает титулы, награждает орденами Андрея Первозванного или Святой Анны. Ее отец, и это мало кто знает, вообще продавал эти ордена, когда жил в Испании. После чего Франко запретил ему даже находиться в Испании и выслал его во Францию.

Кн. Н. Л.-Р. Знаете, почему получился этот скандал? Владимир Кириллович, в общем-то, был мошенником. Генерал Франко помогал известным людям, и министерство торговли выдало ему лицен-

¹ Алексеев Г., Кисилев М. Позиция Всероссийского Монархического Центра. Кто займет вдовствующий Российский Императорский Престол? Главное, чтоб это был бы не самозванец! // <http://www.monarhist.ru/mnenie/MnenieVMC.html>

Справа налево: князь Никита Д. Лобанов-Ростовский, граф Петр П.Шереметев, граф Сергей А. Капнист, Оксана А. Карнович, Париж, ноябрь -2014 г.

зию на ввоз двух моторов в Испанию, чтобы продать их по спекулятивной цене и на этом заработать. Князь же добавил два нуля к этой лицензии. И попался на этом. Вместо двух получилось двести!!! Случился грандиозный государственный скандал, так как представителям немецкой фирмы, которые эти моторы выпускали, было отказано продавать их на территории Испании. Ираклия, брата Леониды и пособника Владимира Кирилловича в этом деле, арестовали при вручении взятки чиновнику, но вскоре выпустили. Видимо, по ходатайству родственников жены. После ее смерти ему было отказано иметь какие либо отношения с домом Бурбонов. А Владимира Кирилловича после суда по этому делу «обалдевший» генерал Франко выслал из Испании.

Граф П. Ш. Вот тебе и «великий князь»! Мошенники! Это очень беспринципная семья. Я Вас уверяю, эти люди показали себя как последние проходимцы. И она беспрестанно пытается посещать посла Александра Константиновича Орлова в посольстве в Париже. И он вынужден ее приглашать. Правда, за последнее время он больше не позволяет ей выступать на организованных им встречах.

О. К. Но откуда у них деньги?

Кн. Н.Л.-Р. Еще со времен революции, когда семья Ротшильдов сделали ставку на Кирилла Владимировича. Так что это можно назвать проектом, который реализуется издавна и, думаю, по сей день. Уж слишком она активна. Значит, чувствует за собой силу.

Граф П.Ш. Им помогали очень многие люди. Они жили на милости громадного количества богатых людей, чаще всего ожидающих титул или награду, или просто любителей польстить. И ясно, что это либо наивные, либо непорядочные люди.

О.К. Но, почему представители аристократической эмиграции не противятся этому и молчат?

Кн. Н.Л.-Р. Многие люди, как мой двоюродный брат Юрий Трубников, например, который, зная все это, продолжает общаться с ними из чувства такта. Ведь в парижской эмиграции нашего возраста все это известно. Вообще многие молчат, только чтобы не осквернить само имя Романовых, или до того их презирают, что не считают нужным о ней говорить.

Граф П.Ш. К сожалению, наши русопяты прожили такие ужасные периоды своей жизни, что устали от всего этого. Сколько было склок во время эмиграции. Мой отец жил в ужасных условиях после революции на Воздвиженке № 8. Арестовали всю нашу семью, десять человек: восемь детей, мой дед и моя бабушка. Как-то в 1917 году они ужинали в своей столовой, и тут ворвались большевики и арестовали их. Они сидели под арестом семь лет. Моему отцу было только 10 лет. Чудом их выпустили в 1924 году.

Кн. Н.Л.-Р. Это во время НЭПа.

Граф П.Ш. Их выпустили. Они жили в ужасных условиях, двенадцать человек в двух комнатах. Когда мой дед умер, а бабушка овдовела, она решила покинуть Россию, заключив брак со шведским послом, который вывез ее с шестью из восьми детей за границу на поезде. Они уехали после семи лет ужасной жизни. Каждый из наших семей может рассказать подобное. Так было со всеми. Это не единичная история из событий того времени. Они расстались в Стокгольме. В 18 лет мой отец приехал в Париж. Во Франции он тут же закончил свой бакалавриат и поступил в школу сельскохозяйственных наук в университете. Получил диплом и, в ужасе от всех бесконечных склок между эмигрантами в Париже, которых было тогда около 300 тысяч, решил покинуть Францию и обосноваться в Марокко в Африке. Привез туда свою жену, мою мать, и умер несколько лет тому назад там же после свободной и очень радостной жизни. Мы были действительно счастливыми и свободными детьми.

Недавно я был в резиденции посла в Париже на вечере, посвященном Первой мировой войне, куда Мария Владимировна тоже была приглашена. Я решил с ней не общаться, вообще игнорировал ее. Потом вижу, что она меня замечает, но прохожу мимо, даже не посмотрев на нее. Вдруг слышу шум: бежит эта Мария за мной, хватается за пиджак и кричит: «Как Вы смеете со мной не здороваться»? Я ей отвечаю: «Мадам, я Вас не знаю». И ухожу. Она ошеломленная бежит за мной, хватается за шиворот и говорит: «Вы — хам!» Тут я оторвал ее руку с моего плеча, не сказав ничего, и ушел. Знаю, что она начала меня преследовать в разных докладах от ее «императорского» секретариата, что есть недостойные такие-то люди... Уверен, что это относится ко мне.

Кн. Н. Л.-Р. Петр Петрович, значит, ее сын, как и она, абсолютно не имеют права называть себя «великими» князьями? Несмотря на то, что сын юридически переименовал фамилию с Гогенцоллерна на Романова?

Пунктом 3) Акта от 21 июля 1976 г. Владимир Кириллович ещё до брака своей дочери Марии Владимировны установил, что его будущие внуки будут носить в качестве первой фамилию Романов и великокняжеский титул, с последующим присоединением фамилии и титула принца или принцессы Прусской. Однако при рождении Георгий Михайлович получил фамилию Романов и титул Его Императорского Высочества Великого Князя — титул же Принца Прусского упомянут уже не был. С 1992 г. сторонниками Марии Владимировны титулуется как «Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Великий Князь». Они же предполагают, что Георгий Михайлович станет родоначальником новой российской династии — Романовых-Гогенцоллернов.¹

Граф П.Ш. Я видел ее недавно на балу в Монако. Она появилась с императорской короной, выдавая себя за цесаревну Русской империи и требуя, чтобы к ней все так обращались. Она везде навязывает своего сына как будущего императора России. Дай Бог не выйдет. Она приехала на свадьбу Принца Альберта с короной на голове. Он был в шоке. Ему было стыдно за нее... Даже если бы Мария Владимировна продолжала династию, она не имеет права появляться в таком виде на светских вечерах, тем более в другом европейском королевском доме с короной на голове, даже если бы была государственным человеком, так как корона Российской империи находится в Москве. Значит, она приспособила себе такую корону, чтобы появляться на светских вечерах. Это непозволительно и очень глупо. Так никто не поступает.

О.К. Петр Петрович, как Вы считаете, возможно ли восстановление монархии в России вообще?

Граф П.Ш. В связи с нашим разговором и затронутой темой хочу сказать, я, граф Петр Петрович Шереметев, настаиваю на том, что, нужно дать право русскому народу демократично, через референдум выразить свое желание — стоит ли возвращать монархию, или нет. Это одно из важных условий. Несмотря на то, что я один из тех редких людей, которые близки к семье Романовых с конца XIV века (у нас общие корни от боярина Кошка, сподвижника Дмитрия Донского, нашего

¹ https://ru.wikipedia.org/wiki/Романов,_Георгий_Михайлович

общего предка), считаю неуместным возвращение Романовых на престол. Кто привел на престол нашего первого царя? В 1613-х годах мой предок боярин Федор Иванович Шереметев и его шурин, будущий Филарет, патриарх Всея Руси решили посадить на русский престол своего племянника и сына, чтобы в «смутные времена» найти замену наследнику Бориса Годунова. Это было умно и полезно! Всем известно, что в Ипатьевском монастыре Костромы был избран на царство первый царь из рода Романовых — Михаил Федорович Романов. Я хотел Вам сказать, что мои предки создали романовскую семью, мы те, которые принадлежим этой семье, которые на протяжении всех веков показали, что мы преданы нашему государству. Но наша семья оказалась слишком уязвимой и слабой в 1910-х гг., что не смогла удержать мою Родину от переворота в 1917 году. Несмотря на мою преданность и присягу всем нашим мученикам и родственникам, только после референдума по всей Руси (конечно, положительного), можно будет собрать Земской собор, как в 1613 году, и решить, кого избрать на царство. И, без сомнения, это должен быть не изменник, как Кирилл Владимирович, а человек достойный, без крови на руках. Фантазийные кандидатуры неприемлемы. Великий генеалог, специалист по русскому дворянству французский ученый Жак Ферран написал всю историю не только ветви «Кирилловичей», но всего рода Романовых. В своих знаменитых книгах (их можно найти во Французской национальной библиотеке), он пишет, что эта семья нарушила все уставы Романовского рода еще пять поколений назад. Они не династы и не могут ими быть. Жак Ферран очень прагматично и жестко в своих исследованиях обосновал, что Мария Владимировна (которую, к сожалению, Патриарх Алексей II поддержал и ошибся) не имеет ни малейшего права выдвигать себя на русский престол. И еще больше — ее сын Георг Гогенцоллерн. Барон Фальц-Фейн совершенно прав. Нужно прекратить эту ложь и все претензии Марии Владимировны!

Беседа с графом Сергеем Алексеевичем Капнистом

О.К. Сергей Алексеевич, как Вы прокомментируете факт, что княгиня Мария Владимировна объявила себя Главой Дома Романовых? Есть ли у нее моральное право на это?

Граф С. К. Что касается вопроса княгини Марии Владимировны, тут есть два момента. Во-первых, по правилам престолонаследия она не «великая» княгиня. Это определено ясно и понятно. По-моему, уже все сказано и доказано. Достаточно прочесть исторические книги, где абсолютно четко указано, как эти права передаются. Во-вторых, тот факт, что она позволила себе раздавать титулы, мне кажется абсолютно недостойным. Я не хочу слишком настаивать на этом факте, но иногда для некоторых окружающих это связано с личными интересами. За титул взамен люди готовы чем-то отблагодарить... Меня обескураживает моральный аспект в подобных действиях. Считаю это недостойным для представителя члена семьи Романовых. По-моему, основная цель в этой грустной истории — это сказать правду. В этом наш долг и ответственность пред Богом и перед любимым русским народом.

Беседа с князем Александром Александровичем Трубецким

О.К. Александр Александрович, поделитесь, пожалуйста, Вашим мнением по вопросу ветви «Кирилловичей» дома Романовых.

Кн. А.Т. Хочу отметить, что Владимир Кириллович не имел права на титул «великого» князя. По закону великими князьями могут быть только сыновья, внуки, братья и сестры царствующего лица. А уже правнуки — нет. Кирилл Владимирович — великий князь, а сын нет. Владимир Кириллович — правнук царствующего лица. Именно поэтому он не имеет права называть себя «великим». Он сам провозгласил себя, и дал титул сыну. Последним великим князем был Андрей Владимирович, который умер в 1956 году. У него тоже был морганатический брак с балериной Матильдой Ф. Кшесинской. На сегодняшний день ни один представитель рода Романовых не имеет права носить титул великого князя или княгини. Последней великой княгиней была умершая в 1960 году в Канаде великая княгиня Ольга Александровна, родная сестра Николая II. Правда, сторонники Кирилла Владимировича считают, что он царь Кирилл I, но для нас это совершенно недопустимо, так как

Справа налево: князь Никита Д. Лобанов-Ростовский, князь Александр А. Трубецкой, Оксана А. Карнович, Париж, ноябрь- 2014г.

он объявил себя императором сам, не имея согласия от других Романовых и, тем более, не имея согласия от вдовствующей Марии Федоровны. Это первое. Далее, я являюсь Председателем Ассоциации гвардейского объединения, созданного еще в 1924 году по приказу генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля с целью — объединить гвардейское офицерство, разбросанное по всему свету, чтобы знать, где они находятся, на тот случай, если вдруг появится возможность — свергнуть советскую власть. Но когда стало понятно, что это невозможно, особенно, после Второй мировой войны, гвардейское объединение, как и Русский Общевоинский союз (РОВС), продолжали существовать как ассоциации памяти. А когда ушли на тот свет офицеры гвардии, уже дети и внуки, то есть мы, решили сохранить это объединение, переименовав его в Общество памяти Императорской гвардии, с целью нести свидетельство об их подвигах и кем они были и т.д. В это гвардейское объединение, пока оно существовало, входили офицеры всех родов войск, начиная от мелких чинов до генералов, которые поступили на военную службу, дав присягу самому Государю. Они никогда близко к себе не подпускали ни Владимира Кирилловича, ни даже Кирилла Владимировича, которого не признавали из-за его поведения по отношению к Временному правительству. А Владимира Кирилловича потому, что он не имел права себя провозглашать главой Императорского дома, не говоря о том, что есть документ, в котором он призывает воевать на стороне немцев, когда началась Вторая мировая война. К сожалению, есть два документа, один подписанный им собственноручно, которого я не имею, но видел. Но люди, которые его имеют, не хотят его показывать публично. Есть и второй, подписанный его главным адъютантом, личным секретарем полковником Д.Л. Сенявиным. Мой отец был гвардейским офицером Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка и присягал Николаю II в Петергофе. Он близко не подходил к этим людям. Под Парижем есть известный музей Лейб-гвардии Казачьего полка; их туда тоже не пускали и никогда не приглашали. Так что видите, это само о себе говорит. Они себя дискредитировали.

ОТЪ ГЛАВЫ РОССИЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА

Въ эту грозную часъ, когда Германіей и почти всеми народами Европы, объявленъ крестовый походъ противъ коммунизма-большевизма, который поработилъ и угнетаетъ народы Россіи въ теченіи 24-хъ лѣтъ, Я обращаюсь ко всемъ вѣрнымъ и преданнымъ силамъ нашей Родины съ призывомъ: способствовать, по мѣрѣ силъ и возможностей, сверженію богоборческой большевистской власти и освобожденію нашего Отечества отъ страшнаго ига коммунизма.

"В Л А Д И М И Р Ъ"

26-го Іюня 1941 г.

С.Бриакъ.

Съ подлиннымъ вѣрно

За Начальника Управленія по дѣламъ Главы
Россійскаго Императорскаго Дома

Полковникъ *Д. Рудковскій*

Призыв «От Главы Императорского Дома Владимира» поддержать военные действия Германии против большевистской России. Сен-Бриак, 26 июня. 1941.

О.К. Вам самому приходилось сталкиваться с представителями ветви «Кирилловичей»?

Кн. А.Т. Я избегаю встреч по примеру графа Петра Шереметева. Мария Владимировна не достаточно меня знает, так что мне легче ее избегать. Я просто к ней не подхожу. Я встречал ее мать Леониду Георгиевну. Это было давно, еще в 1999 году, на праздновании 200-летия перехода генерал-фельдмаршала А.В. Суворова через Альпы. Я читал доклад о нем. Леонида сидела в первом ряду. Проходя мимо, я просто с ней поздоровался. Это был единственный прямой контакт.

О.К. Но, скажите, пожалуйста, почему Россия признала Марию Владимировну и ее сына наследниками Императорского дома?

Кн. А.Т. Я думаю, с одной стороны от незнания в России исторических фактов, с другой — от большого давления с ее стороны и поддержки тех людей, которые от этого что-то получили. Например, она раздает ордена и даже титулы. Однажды я прихожу в Торгпредство России во Франции по делам, а мне тогдашний торгпред говорит: «Можете меня поздравить! Я стал дворянином!». Видимо, любовь к титулам и орденам очень сильна в современной России. Мы же считаем, что они не имеют никакого права это делать, потому что дворянский титул может присвоить только царствующее лицо.

О.К. Александр Александрович, заканчивая нашу беседу, как Вы думаете, готова ли Россия принять идею реставрации монархии сегодня?

Кн. А.Т. В заключение доказательно можно сказать, что согласно закону о престолонаследии, прямых наследников престола Романовых в России сегодня нет. После смерти Николая Романовича Ассоциацию Дома Романовых возглавляет Дмитрий Романович, тоже преклонного возраста, с которым я хорошо знаком и дружу. Он очень хороший человек. Цель этой Ассоциации — объединить всех представителей этого рода, рассеянных по всему свету. Но никто из них не претендует на престол и не называет себя наследниками. Как правящая династия, династия Романовых закончилась. Это мое личное мнение. Давайте вспомним, как формировалось русское государство? Первое объединение разных княжеств в конце XIII века и возвышение Московского началось с Ивана Калиты и длилось почти триста лет как династия Рюриковичей до Ивана Грозного; после наступает Смутное время; выбирается новая династия Романовых, которая так же правит 300 лет. Это говорит о некой цикличности, а также о том, что новая династия появляется тогда, когда кончается предыдущая из-за переворота или революции. Второй довод: исторически складывалось так, что когда выбирались цари, рассматривались разные кандидаты не только из потомков Рюриковичей, а даже Трубецкие, Голицыны (они Гедиминовичи), но остановились на Романовых. Так что и такой прецедент есть. Если возникнет вопрос о восстановлении монархии в России, скажу, что об этом думаю. Земский собор может выбрать новую правящую династию. Но реально ли это? Считаю — нет. Во-первых, как сейчас определить Земской собор? К идее монархии народ должен подходить так же, как человек, принявший решение — стать монахом, зная, что это навсегда. Это есть духовная, народная ответственность. Если народ дошел до идеи, что им нужен царь, он должен быть готов, что это не на две недели, не на двадцать лет, а на династию. Нужен духовный подход, чтобы избранный царь, король, император (назовите, как хотите), даже при Конституции оставался помазанником Божьим. Это философская система отличается от устройства республики: выбрали человека — поменяли Конституцию; или прошел срок — выбрали нового президента. Но не стоит вводить себя в заблуждение пустыми идеями. Я считаю, что Россия к восстановлению монархии не готова. Когда будет готова, тогда давайте пошутим — я кандидат! Но это ради шутки!

Русский мир без границ

Болеслав Тейковский

*Болеслав Тейковский родился 15 декабря 1933 года в Крушвице в многодетной семье ремесленников. В 1957 году он начал трудовую деятельность в Краковской политехнике по окончании строительного факультета, одновременно обучаясь на факультете социологии Ягеллонского университета. В 1963 году в Варшавском университете получил должность ассистента, имея степень магистра социологии. За оппозиционную политическую деятельность в 1964 году был арестован и уволен из Варшавского университета. В 1981 году он провёл общенациональный Съезд Польского национального сообщества, где был избран председателем. С 1989 года Тейковский начал организованную оппозиционную деятельность против «Солидарности», против распродажи иностранному капиталу польской национальной собственности и вступления Польши в ЕС и НАТО. Он выступал за союз Польши с Россией и другими славянскими государствами в рамках славянского сообщества. Тейковский является одним из организаторов Международного славянского движения и в 1991 году стал одним из сопредседателей созданного в Ленинграде–Петербурге **Славянского Собора**, выступавшего за сотрудничество славянских народов и государств. В июне 1998 года Болеслав Тейковский стал одним из организаторов VII Славянского съезда в Праге. Он стал членом избранного Международного славянского комитета и председателем Польского славянского комитета. Он принял участие в VIII Славянском съезде в апреле 2001 года в Москве. В декабре 2001 года он был арестован на 3 месяца и приговорён к 1,5 годам лишения свободы с отсрочкой на 3 года, что помешало ему баллотироваться в органы власти. В июне 2005 года Тейковский был участником IX Славянского съезда в Минске, в ноябре 2010 года — X Славянского съезда в Киеве, где вновь был избран членом президиума Международного славянского комитета. В декабре 2008 года он стал соучредителем Общества польско-российской дружбы. Болеслав Тейковский является автором работ: «Геополитическая ситуация Славянского мира», «Славянская общность», «Основной закон Польши, или Конституция Польши», «Борьба за Польшу». В 2013 году вышла книга Болеслава Тейковского «В ЗАЩИТУ ПОЛЬШИ. В ЗАЩИТУ СЛАВЯНСТВА». Живёт в Варшаве.*

Возродить независимую Польшу духовно и материально в союзе с Россией, со Славянским миром

Трагическая ситуация славянской Украины является предостережением для славянской Польши. Это вызов польскому народу, стоящему перед историческим выбором. Или жить всё хуже в навязанной 25 лет тому назад зависимости от Запада, разрушающей Польшу и противопоставляющей её России, или же освободиться от западной зависимости и жить лучше в самостоятельной Польше в союзе с Россией, со Славянским миром.

Положение польского народа не исправит смена власти на очередных выборах при сохранении западной зависимости, усиленной катастрофической интеграцией с Европейским Союзом и НАТО. В подчинённой Западу Польше для видимости меняются партии, осуществляющие власть, но не меняются антипольские цели власти, неизменно обозначенные 25 лет тому назад западными покровителями из США, Израиля, Германии и брюссельского центра Евросоюза и НАТО.

Реализация польской властью целей, обозначенных западными покровителями, разрушает Польшу духовно и материально, лишает поляков достойных условий жизни и перспектив развития, сводит польский народ к роли используемого инструмента агрессивной политики Запада, который добивается господства над всем миром. Особенно опасен для Польши и других зависимых государств поддерживаемый НАТО Европейский Союз. Служит он американо-израильскому и германскому господству в Европе, а также объединению под руководством США большинства европейских, а также ряда неевропейских государств против России, которая противостоит западной экспансии. Европейский Союз вместе с США навязывает новый глобальный мировой по-

рядок. Он ликвидирует суверенитет национальных государств, уничтожает нации путём лишения их национальной собственности, денационализации, навязывания дегенеративной западной культуры и других чуждых культур, путём деградации брака и семьи, а также материнства и отцовства, применения эвтаназии и убийства неродившихся детей, пропаганды извращений и вырождения, генетической модификации природы. Это противоречащая естественным законам деструктивная политика Запада разрушает Божественный, естественный миропорядок, разрушает национальный, культурный, христианский уклад Европы. Западу через разрушение легче установить господство над деморализованным им миром.

Непрекращающуюся экспансию агрессивного и деструктивного Европейского Союза на Восток — на Россию — поддерживает блок НАТО, созданный США, прежде всего, для борьбы с Россией. Вопреки международным обязательствам, НАТО заняло государства Центрально-Восточной Европы в качестве удобной территории для своих военных баз против России. Этот агрессивный военный альянс имеет в своём позорном багаже нападения на Ирак, Югославию, Афганистан и Ливию, поддержку агрессии Грузии против Южной Осетии, планирование несостоявшегося благодаря России нападения на Сирию, подготовку Польши к войне с Россией, поддержку украинских головорезов-бандеровцев и олигархов, стремящихся кровавым террором объединить Украину с Западом против России.

Жители Украины должны знать, что интеграцией с Западом, Евросоюзом и НАТО у Польши был отнят суверенитет, была сокращена польская армия и подчинена антироссийским целям США, были основаны американские и германские военные базы против России, внедрены антипольские СМИ, внушающие оболваненным и деморализованным полякам преклонение перед Западом и агрессивность в отношении России. Экономика была передана в собственность западному капиталу, было распродано за несколько процентов от стоимости большинство месторождений природных ресурсов, а также около 500 тысяч производственных предприятий, строительных, торговых фирм, предприятий сферы услуг и связи, которые в большинстве своём впоследствии были ликвидированы как конкуренты Запада. Из оставшегося миллиона предприятий по распоряжению Европейского Союза было ликвидировано свыше 300 тысяч. В результате была сокращена до минимума тяжёлая промышленность, ликвидированы целые отрасли, например судостроение и торговый флот. Западу в собственность была передана практически полностью торговля и банковский сектор. Было сокращено более чем наполовину промышленное производство, перешедшее в руки немцев, наполовину сократилось сельскохозяйственное производство вследствие того, что было заброшено 4 миллиона гектаров частных и 3 миллиона гектаров государственных сельхозугодий, половина которых была продана немцам. Мало производящая Польша, теряющая свою самодостаточность, даже продовольственную, стала рынком сбыта западных товаров, резервуаром дешёвого сырья, дешёвой земли и дешёвой рабочей силы, придатком четвёртой в мире немецкой экономики, добившейся этого уровня в результате перехода в её руки значительной части польского производства. Польша имеет долг в 1,5 триллиона злотых, в основном перед Германией, требующей выплаты долгов польской землёй. Это должно облегчить переселение немцев в Польшу и присоединение к Германии польских земель, возвращённых после Второй мировой войны, что предусматривает даже действующая конституция постнацистской Германии.

Интеграция потенциально очень богатой Польши с грабительским Западом ухудшила условия жизни польского народа. До попадания в зависимость от Запада Польша обеспечивала всех граждан жильём, работой, здоровым питанием, бесплатным лечением и образованием. В Польше, зависимой от Запада, миллионы поляков были обречены на трудную и недостойную жизнь в собственной стране, на утрату работы и жилья, на потребление нездоровой и искусственной пищи, на бедность и голод, на скитания по миру в поисках хлеба. Полякам ненавистна жизнь в собственном Отечестве. Материальный доход среднего поляка в 4 раза ниже дохода грека и в 20 раз меньше дохода немца или швейцарца. Во входящей в Евросоюз Польше десятки тысяч коммунальных жилых домов были подарены иностранным и местным собственникам-спекулянтам, поднимающим квартплату и изгоняющим жильцов. Намеренно заработки и социальные выплаты удерживались на самом низком уровне в Европе, чтобы поляки покидали свою страну и восполняли недостаток рабочей силы на Западе. Поэтому в Польше минимальная заработная плата составляет 1600 злотых, неполное минимальное социальное пособие —

470 злотых, неполная минимальная пенсия — 640 злотых, пособие по безработице — 534 злотых, при этом оно не выплачивается 83% безработным. При намеренно заниженных доходах завышены цены на питание, лекарства, одежду и жильё, а также коммунальные выплаты. Здесь также самые высокие в Евросоюзе цены на электроэнергию, газ, телефон, интернет, детский сад и обучение. Такие 25 лет союза 38-миллионной Польши с Западом довели 6,5 миллионов поляков до бедности, 6,1 миллионов поляков до нищеты ниже прожиточного минимума, 2,7 миллионов поляков до голода ниже биологического минимума, 14,5% поляков в работоспособном возрасте — до безработицы, 420 тысяч поляков — до отсутствия жилья, 6 миллионов поляков — до эмиграции, 1,5 миллиона поляков — до депрессии и психических заболеваний, 1,2 миллионов поляков — до наркомании, 30 тысяч поляков — до смерти от холода, голода и наркотиков, 110 тысяч поляков — до самоубийства. В Польше ограничена научная и просветительская деятельность. Были ликвидированы 4600 просветительских центров: школ, дошкольных учреждений, домов культуры, библиотек. Были ликвидированы книжные собрания исторического, эстетического и патриотического профиля. В школах была сокращена программа воспитания и обучения, особенно истории и польского языка. Был снижен интеллектуальный и моральный уровень молодёжи, ослаблен патриотизм. Ухудшилось состояние здоровья поляков вследствие плохих условий жизни, сокращения объектов здравоохранения и персонала, а также затруднения доступа к лечению. Растущее число заболеваний и смертность, а также эмиграция при отсутствии естественного прироста сокращают население Польши, облегчают приток иностранцев, вытесняющих поляков с рынка труда.

Такие трагические для большинства поляков 25 лет интеграции с Западом привели Польшу к грабительскому обогащению олигархов, власть имущих и представителей СМИ. За это они должны были убеждать поляков и убеждают их в том, что польский народ якобы свободен и счастлив, Запад хороший, а Россия плохая.

Сколько ещё страданий должны вынести поляки, сколько должно их умереть, сколько ещё бедствий должна испытать Польша, чтобы Польский народ объединился и, вопреки лживой пропаганде СМИ, признал интеграцию с разрушающим нас Западом вредной и отверг её?

***

Против интеграции с Западом было большинство жителей Украины. Её положение в западной системе было бы ещё хуже, чем положение Польши. Но интеграцию Украины с Евросоюзом и НАТО Запад хочет провести любой ценой, поскольку отделённая от России богатая Украина в качестве лёгкой добычи нужна Западу для эксплуатации её богатств и окружения России с юга.

Поэтому когда объединялась Германия, Россию делили. Это произошло вследствие инспирированного Западом в 1991 году распада Союза Советских Социалистических Республик. Его использовали для разделения России, начатого с отрыва от неё Белоруссии и Украины — русскоязычных стран, наполовину заселённых русскими, а наполовину родственными им белорусами и украинцами. Это было совершено под нажимом Запада, вопреки референдуму, требующему сохранения в едином государстве культурно и этнически близких славянских народов — русских, белорусов и украинцев. Белоруссия и Украина — восточнославянско-русские регионы, частично и временно изменившие свою государственную принадлежность с русской на польско-литовскую, никогда не были государствами, Их искусственное выделение из восточнославянско-русского культурно-этнического пространства как отдельных зависимых антироссийских государств было извечным планом Германии с целью ослабления и уничтожения России. План этот был взят на вооружение США, Израилем и Европейским Союзом. По их наущению единую славянскую Русь-Россию, вышедшую из единой Киевской Руси, разделили на три Руси: Россию, Белоруссию и Украину с Крымом, ранее отторгнутым от России. Это была победа Запада, которая должна была позволить интегрировать Белоруссию и Украину с Европейским Союзом и НАТО, а также продолжить раздел России на несколько отдельных государств. Деление ненавистного Западу Славянского мира охватило Чехословакию и Югославию. То же должно было произойти с Польшей — предусматривался её раздел на Силезию, Кашубию и Польшу.

Оторванная от России Белоруссия, подверженная при значительном участии Польши пропагандистской и диверсионной деятельности Запада, отвергла западное влияние. Она сохранила союзническое единство с братской Россией, отвергла интеграцию с Евросоюзом и НАТО, не допу-

стала возникновение группы прозападных олигархов, которые могли бы разграбить белорусскую государственную собственность.

В оторванной от России Украине Западу удалось при интенсивной помощи Польши организовать антироссийские и прозападные силы. Их базой стали связанные с США, Израилем и Германией украинские олигархи, являющиеся собственниками захваченной ими части украинской экономики, а также нацисты-бандеровцы, продолжающие политику геноцида ОУН-УПА, связанные с Германией и бандеровскими кругами в Польше, Германии, Канаде и США. В 1991-2013 годах они получили свыше 5 миллиардов долларов из США и миллиард евро из Евросоюза, особенно из Германии и Польши. При поддержке обучаемых в Польше, Германии, Израиле и США агентов, диверсантов и боевиков они организовали антироссийские и прозападные СМИ, политические партии во главе с бандеровскими нацистскими партиями «Свобода» и «Правый сектор», а также многочисленные вооружённые боевые отряды. Они проводили в Киеве и других городах множество длительных и дорогостоящих демонстраций, высоко оплачивая участие в них. Участвовали в них на Майдане высшие представители польской власти и оппозиции Сейма, а также журналисты и деятели культуры. Они поддержали антироссийских бандеровцев, которые являются также крайне антипольскими и требуют от Польши 19 повятов, а на Украине снова зверски убивают мирное население, так же как и их предшественники. Они славят деяния своих наставников из ОУН-УПА, некогда зверски убивших 200 тысяч поляков и столько же выступивших на их защиту украинцев и русских. Оскверняя память сотен тысяч убитых, польские элиты поддержали этих бандеровско-нацистских бандитов, поскольку их общей целью является борьба с Россией. Ради этой борьбы даже величайший преступник для Запада и элит Польши становится лучшим другом, лишь бы он был антироссийски настроен. В рамках этой борьбы должна была произойти интеграция с Евросоюзом и НАТО геостратегической Украины как удобного места для размещения военных баз против России, а также передача Крыма под военную базу США. Интегрированная с Западом антироссийская Украина должна была отрезать Россию от Чёрного и Средиземного морей, а также угрожать с юга её столице и центрально-европейскому региону.

Несмотря на более чем двадцатилетнюю деятельность Запада по захвату Украины, избранная демократическим путём легальная власть, поддержанная большинством украинцев, отвергла в июне 2013 интеграцию с Европейским Союзом. Она избрала союз с братской Россией. На это демократическое и законное решение Запад вместе с бандеровцами и украинскими олигархами ответил незаконными и террористическими демонстрациями в Киеве, стрельбой западных и бандеровских снайперов одновременно в своих манифестантов и правительственные силы правопорядка. В этих спровоцированных кровавых битвах было убито свыше 100 человек и ранено свыше 1000. Раненые и разыскиваемые властью бандеровские преступники были переброшены в Польшу на лечение и дальнейшее обучение диверсиям и убийствам. Эта кровавая провокация была необходима Западу для вооружённого свержения демократически избранной легитимной власти и силового навязывания нелегитимной власти западных агентов. В состав этого диктаторского режима вошли расхитители украинской собственности и убийцы — олигархи и бандеровцы, объединённые ненавистью к России. Этот кровавый режим решил интегрировать Украину с Европейским Союзом и НАТО, отдать Крым под американскую военную базу. Он начал кровавые репрессии против населяющих Украину русских и пророссийских украинцев, запретил использование русского языка. Перед лицом этой угрозы русские в Крыму на мартовском референдуме 2014 года приняли решение о возвращении Крыма в состав России. Они положили начало сдерживанию натиска Европейского Союза и НАТО на Восток, а также новому объединению Руси-России. Крым, имеющий стратегическое значение, ставший ареной героических сражений, является для русских, белорусов и украинцев священным местом. В Крыму Киевская Русь — колыбель России, Белоруссии и Украины — приняла христианство. Это объединяющее Россию, Белоруссию и Украину священное место Руси режим бандеровцев и олигархов намеревался передать США.

Крым стал примером для юго-востока Украины, населённого преимущественно русскими. В мирных демонстрациях, названных Русской весной, обращённых против бандеровского режима в Киеве, русские и украинцы заявили о своём общем русском самосознании. Украину, Россию и Белоруссию они называли единым Русским миром, стремящимся к воссоединению. Ответом правящих в Киеве агентов США, Израиля и Европейского Союза стали убийства. Против этого

западного и бандеровского террора на востоке Украины демократическим решением большинства жителей были провозглашены Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика, которые высказались за союз с Россией. Вместе с остальными территориями на востоке и юге Украины они составляют старую часть России, называемую Новороссией. В советскую Украину её включили большевики кровавой революцией, навязанной России с Запада. Выступление на этой территории русских и украинцев против интеграции с Евросоюзом и НАТО, а также за воссоединение с Россией являются безвозвратным поражением Запада на Украине. Не желая с этим смириться, США, Израиль и Евросоюз перебросили на Украину тысячи вооружённых американских, израильских, немецких и польских боевиков. Они начали вместе с украинской армией режима войну с населением, отказавшимся от жизни в прозападном бандитском государстве, управляемом западной агентурой убийц и воров. В этой войне Запад и киевский режим стремятся уничтожить русское начало и любое славянское начало. Поэтому бандеровский режим целенаправленно убивает во время войсковых операций гражданское население и уничтожает безоружных людей в занятых зданиях, даже в больницах. В общей сложности погибло уже около 3 тысяч человек. Спасаясь от бандеровцев, убежище в России получили уже свыше 800 тысяч русских и украинцев с территорий, охваченных войной. А убежище в Польше нашли около 15 тысяч бандеровцев, которых взяли на работу в государственные учреждения, а также организовали в отряды и стали обучать вооружённой деятельности на Украине и в Польше. Они тесно сотрудничают с бандеровским Союзом украинцев в Польше.

Киевский режим совершает злодеяния также на территориях, не охваченных войной. Отвратительным преступлением бандеровцевиз Львова стало зверское убийство 2 мая 2014 года огнём и ножами около 50 безоружных русских людей, живущих в Одессе. Современные бандеровцы убивали русских в Одессе и уничтожают их по всей Украине так же жестоко, как их предшественники и наставники убивали поляков в Западной Украине и в Восточной Польше. Исполнителями этих чудовищных преступлений являются бандеровцы и наёмники с Запада, но вдохновляют и финансируют их украинские олигархи и покровители в США, Израиле и Европейском Союзе во главе с постнацистской Германией. И те, и другие не гнушаются никакими преступлениями, лишь бы овладеть Украиной и угрожать России. Примером этого является преступно сбитый 17 июля 2014 года киевским режимом малазийский пассажирский самолёт и обвинение в этом Донецкой Народной Республики и России. Это позволило бы скомпрометировать Новороссию и Россию как террористические государства, осудить их общественным мнением всего мира и ввести на Украину войска НАТО. Эта бандитская и трагическая провокация скомпрометировала бандеровскую Украину и подерживающий её Запад, но не сдержало их преступных деяний.

Убийствам русских и украинцев на Украине сопутствуют начавшиеся в июле 2014 года убийства палестинцев Израилем при полной поддержке США. Погибло уже около 2000 человек, в том числе почти 500 детей.

При поддержке Запада Израиль убивает, Украина убивает, а санкции Запад накладывает на Россию. Это не только проявление характерного для Запада лицемерия и лжи, но прежде всего элемент непрекращающейся борьбы Запада с Россией. Коль скоро не удалось Западу интегрировать Украину в Евросоюз и НАТО и тем самым ослабить Россию, они пытаются достичь этой цели санкциями. Независимо от использования различных методов, цель остаётся та же — максимальное ослабление России. Это позволило бы Западу установить господство над миром. Поэтому развязанная Западом политическая и вооружённая борьба на Украине является проявлением борьбы с Россией с целью её ослабления.

Польше и всем славянским государствам, контролируемым США, Евросоюзом, грозит уничтожение. Грозит оно также захваченной Западом Украине, ибо таковы имперские планы агрессивного Запада, идущего по руинам национальных государств к господству над миром.

Спасением для Польши является недопущение какой-либо интеграции Украины с Западом. Место Украины ради её блага и блага Польши — на Востоке. Только воссоединение Украины с Россией остановит этот извечный *Drang nach Osten* — натиск на Восток Европейского Союза и НАТО. Мы поддерживаем героических жителей и защитников Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и всей Новороссии с Одессой, которые во имя такого славянского объединения борются с антиукраинским, антироссийским, антиславянским режимом в Киеве. Объединение

Украины с Россией облегчит Польше и другим славянским государствам освобождение от Европейского Союза и НАТО как очередного воплощения исходящего с давних времён с Запада зла. Единственным способом оздоровления Европы является роспуск Европейского Союза и НАТО, а также возвращение суверенных национальных государств, свободных от доминирования США и Израиля.

Мы рады, что представленную нами позицию выражает всё большее число людей, кругов и организаций на Западе, особенно в государствах Западной Европы.

***

Мы обращаемся к Русскому народу, ко всем Народам России, обращаемся к властям Российской Федерации и её лидеру, президенту Владимиру Путину со словами уважения и поддержки мировой российской политики, поддержки политики в отношении братской Украины, в отношении её украинского и русского населения. Мы рады, что Россия защитила себя от идущей с Запада деморализации, защищает естественные Божественные законы, защищает национальные, славянские и христианские ценности, защищает сущность брака, семьи и нации, является надеждой на возрождение Европы и мира. Мы сожалеем вместе с вами, что Польша под натиском Запада стала плацдармом антироссийской кампании, чрезвычайно вредной для русских и поляков. Мы считаем её проявлением враждебности Запада в отношении всего польского, русского и славянского. Исполнителями этой враждебной деятельности являются в Польше находящиеся на службе у Запада политики, общественные деятели, журналисты, связанные с США, Израилем, Германией и украинскими бандеровцами. Они очерняют русских, не давая покоя даже погибшим воинам. По их инициативе разрушаются памятники советским солдатам, которые защитили поляков от геноцида, проводимого немцами. Ставятся памятники бандеровцам из ОУН-УПА и немецким солдатам, которые совершали геноцид поляков. Ставятся памятники Рейгану, президенту США, этой империи зла, пренебрегавшему поляками, который инициировал и финансировал порабощение Польши Западом. Бессмысленная и оскорбительная для многих поляков антироссийская кампания имеет целью изолировать Польшу от России и увеличить зависимость Польши от Запада, особенно от Германии, лишить Польшу большой выгоды от сотрудничества с Россией, легко использовать Польшу для любой акции против России, даже для войны. Поэтому мы выражаем вам, русские братья-славяне, наше признание. Дружба поляков и русских, союз Польши и России является для нас общим благом, а также принесёт нам много пользы. В необходимости дружественных, союзнических отношений Польши с Россией мы убеждаем польский народ со всей ответственностью за судьбы нашего польского, славянского Отечества.

***

Всё больше поляков поддерживают такую позицию польского славянского движения, выросшего из опыта польского национального движения, самым выдающимся лидером которого был Роман Дмовский. Всё больше поляков считают, что угроза России также является угрозой Польше. Всё больше поляков убеждены, что союз с Россией позволит возродить разрушенную Западом польскую экономику и вернуть Польшу на мировые рынки в качестве солидного производителя, обеспечит всем полякам работу и благосостояние, гарантирует суверенитет польского государства, защитит подвергающиеся угрозе границы Польши с Германией и Украиной. Всё больше поляков считают, что в современном мире только сильная Россия может гарантировать мир во всём мире, может гарантировать существование Польши и остальных славянских государств, которые не нужны Западу.

В этой ситуации долгом международного Славянского движения, возглавляемого Международным славянским комитетом, а также Польского славянского движения, возглавляемого Польским славянским комитетом, является объединение Славянского мира, защита всех народов и славянских государств, защита России, являющейся самой большой Родиной славян, гарантирующей их существование. Наши общее национальное, славянское благо требует стремления к единству России, Белоруссии и Украины, к союзу всех славянских государств с Россией, к союзническому объединению славянских народов и государств в Славянском сообществе, к построению Евразийского Союза, к мирному сотрудничеству с суверенными государствами Европы и мира.

Польский славянский комитет совместно с Обществом польско-российской дружбы обращается ко всем национальным славянским комитетам, а также к Международному славянскому комитету со штаб-квартирой в Киеве с призывом занять данную позицию и принять её во внимание при подготовке к созыву XI Всеславянского съезда. В ситуации растущей угрозы для Славянского мира голос международного славянского движения необходим.

Голоса этого ждут, поскольку Славянский мир — это семья способных, трудолюбивых, одухотворённых славянских народов. Это морально здоровая и великая сила, которая побудит к возрождению Европу и весь мир.

Исполнение этого предназначения требует роста славянского самосознания и чувства славянского единства, которое в наибольшей степени утратили поляки и украинцы. Поэтому они так легко дают обкрадывать себя антиславянскому Западу и настраивать себя против братской России и всего Славянства. С роста национального и славянского самосознания, а также духовного возрождения поляков и других поработённых Западом славян начнётся великое действие, возвращающее Польшу и другим славянским странам всё то, что отобрал у них западный враг. Тогда уже не будет препятствий к тому, чтобы богатая Польша и другие славянские страны возродились цивилизационно и расцвели духовным и материальным развитием, приносящим благо всем своим Сыновьям и Дочерям, всем своим Гражданам.

Русский мир без границ

Лидия Довыденко

О чём говорит полесский дуб...

Не так часто происходят встречи, после которых вначале казавшуюся обычной поездку ты можешь по праву назвать паломничеством. И это действительно паломничество, если, вернувшись домой, ты снова и снова ловишь себя на мысли, что душа твоя ещё там, в деревне Бобровичи Ивацевичского района Брестской области, в светлом, священном месте на берегу древнего Бобровичского озера, родившегося ещё в ледниковый период, дна «Геродотова моря», в окружении лесов и болот, среди которых пролегают такие прекрасные в Беларуси дороги, то ныряющие в низины, то возносящие тебя к солнцу, как ветер вздымает туда воздушные шарики.

Расцеловавшись трижды с высоким, худошавым, с серебряной, аккуратной бородкой, в которой блеснула светлая улыбка, стоявшим, опираясь на палочку, у бревенчатого дома на окраине деревни, хозяином дома, едва шагнув из темноты опустившейся на землю ночи за порог освещённой комнаты, понимаешь, что душа обмирает, уходит в пятки от увиденного, чтобы снова возродиться. Тебя охватывают, обволакивают энергии и излучения икон, множества книг, камней и минералов, колоколов, колокольчиков, бубенцов, необъяснимого содержания тщательно отшлифованных древесных сучков и цельных кусочков дерева, отливающих тёплым блеском, рушников с вышитыми красными нитями белорусскими орнаментами, старинной полесской керамики, расставленной на полочках, картинами и двумя чудными портретами Вениамина Бычковского. Думаешь: «Благословенна идея — приехать сюда», которая принадлежит Дмитрию Воронину, познакомившемуся с Вениамином на «Славянской лире». И спасибо Надежде Ворониной, мужественно преодолевшей расстояние от Калининграда в 600 километров за рулём автомобиля.

Усаживаясь на широкую деревянную скамью у стены с двумя окнами за такой же деревянный большой стол, думаю, не только я, но и Дмитрий с Надеждой, ощущаем, что улавливаем какие-то «моменты истины» другого, параллельного городской жизни мира. Глядя, как Вениамин бросает дрова в печь, которую в Беларуси называют грубкой, я, родившаяся в деревне в Могилевской области, узнаю мир, в котором только что оказалась, как родной, тёплый и близкий мне. И одновременно личность человека, сидящего у огня, излучает нечто большее, чем радость встречи и внутреннего родства людей ищущих, беспокойных, где-то даже неуёмных. Начинаешь ощущать какое-то переименование себя, неотделимое от бывшего и сегодняшнего, которое хочется назвать «звёздными часами» двух дней в этом старом тёсаном доме, окружённом так много сказавшим нам безмолвием.

Как описать это переименование? Может быть, словами из рассказа «Межа» Вениамина Бычковского? «Неожиданная связь с землёй поменяла что-то во мне. Словно стал принадлежать какой-то новой касте людей — не горожанин, но и селянином не назовёшь меня. Что-то между ними. Хорошо это или плохо — не знаю. Но я легко понимаю горожан, и, по-моему, уже разбираюсь в привычках сельских жителей. И чем больше отдаляюсь от своего прошлого, тем сильнее сближаюсь с прошлым этой земли. Стоит увидеть камышовую крышу на окраине деревни, как тут же представляю старую хату, скрипучую дверь с клямкой, а за дверью — крестьянский быт во всём многообразии глиняной посуды, самотканых рушников, деревянных скамеек и пузатых расписных сундуков... Странные ощущения переживаю в деревне: своя жизнь отдаляется, а чужой мир приближается и становится родным. Кажется, я вырастаю в эту землю. Как будто раньше жил в какой-то скорлупе и перекачивался по земле как придёт — земли не чувствовал. А здесь, в Полесье, пятками ощущаю мягкость и тепло земли, точно я вылупился и каждой клеточкой почувствовал тёплую грудь Матери-Земли, её заботливые «руки». Особенно сейчас, когда руки родной мамы уже остыли и покоятся на ближнем погосте».

В большой комнате дома Вениамина стоит письменный стол с компьютером, а стулом служит инвалидное кресло на колёсах, висят фотографии его, молодого, поднимающего тяжёлую штангу, вынужденного оставить спорт после травмы позвоночника. Есть фотографии, отражающие его увле-

чение туризмом, которое привело его во множество уголков земли, в том числе в аномальные зоны, оказавшиеся опасными для здоровья, фотографии жены и детей, старинные снимки родителей. Но бросается в глаза большой портрет кисти Дарьи Калмыковой, где Вениамин стоит в красной косоворотке, в соломенной шляпе, опирающийся на косу, отдыхая от косябы. И в то же время возникает чувство, что опирается он на привычный меч — как защитник земли. Это могучий богатырь и одновременно серебряный ангел с «нездешними» глазами, и также человек мощной силы цветения, как герой его рассказа «Эпифиллюм», который «может зацвести от небольшого дождя, от тумана, от слезинки росы, от лёгкого дуновения свежего ветра». И глаза, отражающие близкое полесское небо, свет звёзд и луны, как чешуйки куполов строящегося храма, говорят о его одиночестве, как деревья в рассказе «Как у людей». Одиноко стоящие деревья — «здоровей и сильнее этих деревьев нет на земле. Только им по плечу жизнь на скалистых откосах и голых вершинах, в выжженной степи и в безводной пустыне. Только их корни способны крушить лёд и камни, только их стволы могут выдержать любой ураган. Эти деревья знают тайну Бытия! И они не станут искать спасения под дубом, они не приживутся в рощах и посадках. Их судьба — быть заживо распятыми на скале, заживо сожжёнными в пустыне. Жизнь одиноко растущего дерева есть жизнь пророка».

Родившись в Уфе, после многих странствий он приехал на родину своей бабушки Христины Бычковой (в девичестве Яроцкой) и понял, что нет для него милее этих мест, и это его Отчизна: «Только здесь ещё можно услышать звон косы по утрам и тяжёлые вздохи последнего коня на пашне... Вырубленные леса, обезлюдившие старинные поселения, города — шумные скопления людей, где большинство живёт на чужбине, в то время как все отчизны заброшены. У всех есть родина. Даже крошечная птичка помнит родное гнездо, и куда бы она ни залетала на время холодов, к весне всегда возвращается на родину, порой даже ценой жизни — и всё же по направлению к дому. А ведь летит без карт, без указателей, только по зову сердца! А человек, имея самые подробные карты, указатели на всех дорогах, так часто сбивается с дороги к родному дому...» («Межа»).

Бабушку с дедушкой, как и других жителей, вывезли с Полесья в окрестности Уфы принудительно в 1914 году, когда началась Первая мировая война, потому что здесь, вдоль Огинского канала, проходила линия фронта. Вениамин отвёл нас на следующий день после приезда на ухоженное польское кладбище времён Первой мировой войны городского посёлка Телеханы, где захоронены её участники с обеих сторон.

День клонился к закату. В тишине медленно опускались на землю редкие жёлтые листья берёзы. Мы подошли к могиле униатского священника Болеслава Пачопки, писателя, журналиста, редактора газеты «Беларусь». Деятельный просветитель края был отцом семи детей, а его внука прислала Вениамину биографию Пачопки из Варшавы. Деревянная скульптура, выкрашенная в тёмно-зелёный цвет, треснула по длине ствола несколько раз, и кажется, что это вызвано силой духа беспокойного писателя. «Это мой предтеча, — произносит Вениамин, — и мой долг — оформить посвящённую ему экспозицию в музее».

А потом мы оказываемся в очень красивом, так любовно ухоженном дворе храма Святой Троицы в Телеханах, известных своей лыжной фабрикой. Этот храм прекрасен, так легко душе и светло в нём. Церковь готовится к вечерней службе, и, приложившись к иконам, мы узнаём ещё об одном дорогом для Вениамина человеке, об отце Иоанне Струковском, построившем храм в 1934 году. Вениамин считает, что его нужно причислить к лику святых, хотя даже памятной доски пока нет. Отец Иоанн отбыл 10 лет лагерей, выжил только потому, что поваром в лагере был человек из Полесья, и был так близок пастве, завещал похоронить его на общем кладбище рядом с прихожанами.

Вениамин подводит нас к старинному большому колоколу, который стоит у стены, потому что треснул, но история его удивительна. Перед наступлением немцев в Первую мировую войну жители сняли церковные колокола и спрятали их. Отыскали колокол только в 60-е годы при земляных работах. В этой церкви есть ещё одна реликвия — это колокол из деревни Бобровичи, который в годы Второй мировой войны также был закопан в землю жителем деревни Владимиром Горбачем, угнанным в Германию. А когда он вернулся, то откопал этот колокол и передал в Телеханскую церковь. Мы встретили у Вениамина его сына Ивана, приехавшего навестить родной дом из Калининградской области.

Вениамин рассказывает о своей страстной тяге к колоколам, о том, что, приезжая в какой-то город, идёт на колокольный звон, который вызывает у него «мурашки по телу», о своей мечте стать звонарём в часовне-памятнике, которую он строит в деревне Бобровичи недалеко от своего дома. Часовня-памятник в честь Великомученицы Параскевы и в память безвинно убиенных жителей четырёх деревень (Бобровичи, Вядо, Тупичицы и Красница) — всего 1280 человек. Жители были расстреляны гитлеровцами, а деревни сожжены.

Возвышенное открытое место, светлое, чистое. Пока мы с Надеждой покрываем головы, Вениамин широко распахивает дверь часовни, и нам открывается престольная икона Святой Великомученицы Параскевы, покровительницы полей и скота, целительницы людей от душевных и телесных недугов, дарительницы счастья в любви. Пока ещё внутренняя отделка часовни-памятника не завершена, как нуждается в оформлении и колокольня. Долго Вениамин готовился к тому, чтобы начать строительство. Он рассказал, как получил благословение архиепископа, как искал деревянный сруб, из бревён которого не вытянута смола, и нашёл его, перевёз, сняв крышу, как вместе со своими детьми сам заливал фундамент. Как откликнулись руководители предприятий Телехан, кто материалами, кто рабочей силой, после того, как показал собранный своими руками этнографический музей в деревне Бобровичи, потрясающий богатой коллекцией предметов, связанных с бытом полешуков. Это ткацкий станок, каменные жернова, вышитая одежда, рушники, сундуки, старинные цимбалы, коромысла, деревянные кадки и плетёные корзины, прялки и ступы, предметы для бортничества и рыболовства. Всё расставлено и развешено с огромной любовью, полы устланы вытканными руками полесских женщин половиками. Исчезает чувство времени, и забываешь, какой сегодня день и год. Музей размещается в строении рядом с домом Вениамина. Во дворе телега, крестьянская утварь, старинная лодка, пчелиные колоды.

Особую гордость составляют археологические находки с места бывшей, так и не восстановленной после войны деревни Вядо, которая стояла на месте древнейшего городища, возникшего 9 тысяч лет назад: кремниевые наконечники, стеклянные бусинки, пуговицы, монетки. Земля хранила эти находки в себе, как будто поджидая доброго человека. Это место, имеющее форму круга, куда можно добраться сегодня только на лодке через озеро, высокое, песчаное, не зарастающее лесом и травой среди окружающих его болот, привлекает сегодня, тянет к себе Вениамина Бычковского да изредка учёных из Минска.

Полесье — удивительная страна. Древностью дышит этот край. Вспоминаются слова поэта и живописца из Петербурга Александра Тимофеева: «Люби только то, что действительно делать умеешь, люби только ту, без которой тебе не прожить». Наверное, к этому и стремится Вениамин Бычковский, и всё же поражает сложность его бытия, рядом с ним не знаешь, что существует, а чего нет. Дни без названия, вне времени, вне географии, волшебный вкус воды из колодца, запах дыма из печи, мелодия смешанного леса за домом, беззвучно говорящие камни. Уха, приготовленная на прощальном костре накануне отъезда. Наш костровик задумчиво спрашивает, обратила ли я внимание на особенность полесского неба. Оно не горизонтально простирается вдаль, а как купол охватывает землю, рассказывает Вениамин, как туман поднимается над озером и сразу становится облаком в небе. Мне вспомнилась его сказка «Туман»: «Птицы парили под ним, а он часами мог следить за их полётом и наслаждаться их пением. Туман тянулся к птицам за их преданность и любовь к Земле, что научила их так сладко петь и свободно летать. «Должно быть, доброе и горячее сердце у Земли», — думал Туман. Когда он приблизился к Земле, он замер, поражённый её красотой. Сквозь прозрачную синеву вечернего неба Туман увидел все линии и возвышения Земли. Серебристые реки были распущены по её плечам и украшены бесчисленными цветами, а лик был в какой-то ажурной, прозрачной дымке от сияния бездонных лазурных морей. Белоснежные ледники едва скрывали полюблённые горы Земли. Сердце Тумана разрывалось от аромата Земли, и дрожащими тучками он отважился коснуться её лёгкой одежды — зелёного леса».

Больше всего вспоминается древний тысячелетний дуб, в восемь метров в объёме, с толстенной корой, в морщины которой помещается ладонь. Местами кора спала, обнажив, как лысину, древесину с изломанными сучьями, так что на расстоянии воображение рисует, будто там, в вышине, образовавшееся дупло — это открытый кричащий рот, а сучья обломаны так, что представляются глазами. Вениамин рассказывает, что он в восторге от этого места, и мы разделяем это чувство,

что это центр древнего языческого капища, где поклонялись богам природы, а теперь это место поклонения жителей деревни своим ушедшим предкам, своим корням. «Так я нашёл родину предков и их могилы, — пишет он в рассказе «Исцеление», — «вырыл» застывшие документы, увидел окаменелую вечность! Не сосчитать, сколько раз натыкался на колокола, от звона которых мороз по коже...» Далее следует рассказ о том, что однажды на берегу озера он услышал странный звук, как будто стон и скрежет издавал дуб. Придя в деревню, узнал о покойнике. Оказывается, у сельчан есть примета: дуб издаёт эти неведомые звуки, значит, предупреждает о чьём-то уходе. О чём говорит, кричит, предупреждает дуб? Писатель его слышит так: «Какая-то огромная мощь чудится мне на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы она проломила «стену» в моём сознании. Смотришь на старый дом, и он вдруг в какой-то миг останавливает ход времени, точно время провалилось в Вечность и утянуло твоё сознание за собой... И тут чудо! Свежесть и ясность во всём, что окружает тебя! Нет привычного времени, нет привычного порядка... Всё в безграничном пространстве!»

На озере возникает мистическое чувство, мысль, что это священные воды Бычковского, что ты постигаешь ещё один неведомый язык. В памяти молитва перед принятием пищи, дерева, камни, колокола... Мечта стать звонарем, а ещё открыть галерею примитивной живописи Полесья, написать новые книги обязательно сбудется, потому что это «Достоинно радости». Так называется у него рассказ о творчестве, что ведёт тебя к изначальности и обретению себя, к жизни, вообще-то доступной всем: «Садясь с рассвета за письменный стол, я всегда вспоминаю косаря среди разнотравья в поле и думаю, с чего начать свою работу? Окидываю взглядом своё «поле» и вижу, сколько мыслей-сорняков... Всё выкосить! Оставить «поле» чистым для новых образов и слов — для их свободного танца. Срастаюсь с пером, как с косой, и пишу-кошу, пишу-кошу... Остановился, как косарь, залюбовавшийся проплывающим мимо облаком мысли, потом люблюсь пролетающим журавлиным клином изящных слов... И, стряхнув с себя очарование, ещё с большим усердием налегаю на ручку острого пера, сверкающего на моей ниве. Луч солнечного света из окна упал на моё «поле» и напомнил рушник... Вот и время пришло стать ткачом-художником, чтобы из слов соткать орнамент. В орнаменте стараюсь сохранить традиции родного языка, и все слова, как челночки по волнам, ткнут мой «рушник» с неизменным замыслом — дороги в небо! Ещё немного — и закончу».

Вениамин готовится к встрече новых гостей. К нему постоянно кто-то приезжает: художники, музыканты, архитекторы, учёные из России, Беларуси, Польши, Германии, Израиля... Возможно, они тоже приравнивают свои поездки к паломничеству.

Прощались... В бликах окна машины мне увиделось, будто на верху палочки, которую Вениамин обнимал двумя руками, горит лучистая звезда, упавшая с ночного неба-купола. Это моя фантазия, а реальность — в отсутствии сомнений в его праве вести других, готовых к собственному выбору, потому что откуплено оно собственным уроком, оплачено собственным действием, смелым вызовом забывчивости, ведь табу на память — это отсутствие побед. До нового **Вместе!**

Критика

Валентин Курбатов

Светлый голос в сумерках

(перечитывая Юрия Куранова)

Вот и это, видно, придётся поставить времени в строку — оно разлучает нас с памятью и полнотой мира. Если знать, что Родина — это не только милый мир вокруг, не только детский родной огород или прозрачная до камешка сияющая река, не только жаркие полаты, где можно долго шептаться, или изгороженный стайками и поленищами двор, в котором хорошо играть в только что миновавшую войну, но и «Последний поклон», и «Ода русскому огороду», «Уроки французского» и все родные милые книги о детстве, когда-то потрясавшие наше сердце, то однажды непременно с тоской и ожесточением догадаешься, что мы сегодня безнадежно обворовали в себе эту Родину. Разделили писателей (да они и сами разделились) на «наших» и «не наших», на близких и дальних по идеологии. Одним словом, остались без половины сердца. Уж ведь и не перечитываем «дальних»-то, даже тех, кого прежде так любили, и душа исподволь мелеет и ссыхается, а Родина укорачивается до газетной декларации. Не оттого ли ею так беспечно перебрасываются левые и правые, подставляя в это опустошённое понятие всяк свои добродетели, и уж вот-вот от неё останется одно наименование, а уж тогда тащи последнее, пока другие не утащили.

А раздумался я об этом вот почему. Незадолго до своей смерти Юрий Николаевич Куранов прислал мне последнюю свою книгу «Дело генерала Раевского» (М.: Армада, 1997) «на память о тех временах, когда только зарождался замысел этой книги, временах глубоковских, прекрасных...» Я действительно сразу вспомнил и село Глубокое под Опочкой, в котором мы жилали вместе несколько лет подряд, и долгие тогдашние разговоры о кампании 1812 года, и смущавшие меня его резкие замечания о непререкаемых авторитетах. Однако горячие заботы дня гнали меня, как и всех нас, от одного дела к другому, и книга ждала — какой 1812 год, когда своей беды руками не разведёшь, когда с нынешним днём не знаешь что делать?

А вот ахнула двухсотлетняя годовщина Бородина, время «расступилось», и стало можно заглянуть и в «Раевского», как раз, может быть, за тем, чтобы отойти на минуту от сутолоки и злобы дня (вот уж что злоба, то злоба). И, Господи, какой могучий, просторный, тревожный, опасный оказался материал, как загорелся сиюминутным гневом и одновременно усталым покоем смилившейся мудрости. И всё, что ты считал устоявшимся и очевидным, вдруг странно накренилось и оказалось ненадёжно. Надо было прерывать чтение, чтобы успокоить противящееся сердце, строить новую систему обороны привычных взглядов и только потом бросаться в дальнейшее чтение. Но книга не знала снисхождения и не давала вырваться из жестоких объятий исторической объективности. В ней не было злорадства новых сегодняшних сочинений, которые торопливо и мстительно переписывают минувшее по новым безродным колодкам, а была и самому автору тяжёлая печаль бессилия перед давно обступившей Россию ложью, уравновешенная в лучших страницах высокой неколеблущейся верой в то, что Бога обмануть нельзя, и в то, что Россия спасётся своей зрячей силой, не утаивающей от себя ничего и не поддающейся соблазнам, хотя бы и гордого самообмана. Тут слышался мерный шаг историка высокой традиции, знающего власть времени и силу судьбы. Это был покой Плиния и Флавия, Карамзина и Соловьёва, оживляемый вторжениями улицы и горячим голосом слабого и нетерпеливого современника. Это был знакомый мне и совершенно неизвестный Куранов, могуче вызревший в молчании последних лет, когда мы жили по разным «союзам» и вдали друг от друга. И чтобы лучше понять, как совершался этот путь, я оглянулся назад...

***

В середине декабря 1967 года в областной псковской библиотеке собирался очередной клуб интеллигенции — тогда любили такие неторопливые чаепития с иллюзией тонкой культурной жиз-

ни. Был новый человек с крепкой фигурой штангиста, жестковатым волевым лицом и неожиданно цепкими и вместе бережными глазами. Он смотрел на нас так дружески подробно, будто не он был у нас в гостях, а мы у него. Его представили: «Юрий Николаевич Куранов, писатель из Костромы, который теперь будет жить у нас».

Не знаю, как для других, а для меня это было новостью ошеломляющей. Я знал его уже года два, читал его рассказы в «Новом мире» и любил их, как любил ещё только Юрия Казакова (да их и поминали тогда рядом). Это теперь нас телевидение избаловало настолько, что нам и нобелевский лауреат на улице не занимательнее соседа, потому что мы успели приглядеться к нему на экране и соседски-снисходительно киваем при встрече как знакомому, прежде, чем успеем спохватиться, а тогда ещё русская литература была Литературой, и мы писали её в сердце с большой буквы. Автор же «Нового мира» и вовсе носил отпечаток всей славы этого журнала.

Кажется, на то время у него и было-то всего три небольших книжечки — «Лето на севере», по которой — по одной! — таким она была чудом — его приняли в Союз писателей, «Увалы Пыщуганья», изданные в Костроме, и первая московская «Колыбельные руки», которую он тогда и подарил мне, наверное, тронутый моими восторгами, ведь он и сам был ещё молод и не избалован славой. Молодой была и вся его проза. Она была упругой и непрерывно счастливой, даже когда говорила о бедной и тяжёлой деревенской жизни. И сейчас, когда я перечитываю её, чувство молодости стремительно возвращается ко мне, и прежняя радость чтения опять, как впервые, освещает сердце:

«Люди, уставшие, облегчаемые дремотой, засыпают кто в избе, кто на повети, кто в житнице. В житнице по сусекам замерла рожь. Рожью пахнет прохладно и тонко, словно свежим железом. Дверь приоткрыта, слышен лес, где-то лает лисица и на далёкой ниве сонно замирает последний комбайн.

Небо вызвездило... Коровы спят в стойлах, на фермах, и во сне покачивают головами. Но звезды тускнеют, высоко проходят в небо тонкие гладкие облака. К полуночи редкие капли то здесь, то там станут падать на крышу. И во сне у людей будут вздрагивать веки от каждого нерешительного удара, словно от далёкого оклика.

Дождь так и не соберётся. Облака рассеются к утру, по лугам и опушкам осядет туман. При рассвете на травах, огородах, берёзах до самого неба вспыхнет роса. И даже трактор возле правления по всему сбитому телу облит росой, словно потом».

Это счастье было не только в пейзаже, в любящем видении природы, но и в людях, чаще всего пока самых близких — в его однодеревенцах, пока он жил в Костромской земле, его друзьях по университету, по ВГИКу, в которых он учился, словно и они тоже не могли наглядеться и нарадоваться миру. Потом в рассказы придёт Псков, соседний Изборск, придёт Михайловское — иногда порознь, а иногда обнимаемые одним рассказом, как будто в них по отдельности ему тесно и ему хочется увидеть всё сразу, легко и крылато пролететь всю ширь нового, теперь родного ему края. И земля благодарно сойдётся вокруг, словно в ней, и правда, всё по соседству — только переведи глаза:

«Спустишься к Шелони, тронешь пальцами — вода холодна. Травы над берегом озабочены, смотрят куда-то вдаль и ждут, как будто кто-то должен прийти... В глубине лесов за Плюссой уже свежо, от низин и болот тянет холодом, и уже не дышит оттуда бражистым запахом трав. Вокруг Изборска в родниках вода попрозрачнела, как-то притихла, наберёшь в пригоршню, а пить не хочется... Внезапно замечаешь, как за эти несколько столетий он повзрослел. Да неужели проходит молодость? А ведь казалось, что ей никогда не миновать, всё будет в сердце сила, всё так же легко будет смеяться над прохожей прибауткой, вспоминать, что было и чего не было».

И как естественно после этой оглядки повернётся мысль в такую родную русскую сторону — к другому человеку, к тем, с кем коротаешь жизнь и без кого она сразу теряет значение:

«И думать начинаешь сам о себе с грустной строгостью. Проходят знакомые, здороваются с тобой. Здравствуйте. Вы, наверное, тоже заметили, что сегодня пришла осень? Как вы мне дороги, и как я мало всем вам сделал хорошего».

Но, конечно, чаще всего мысль писателя заигалась в Михайловском. Он жила там часто и подолгу и иногда затевал с поэтом игру — подхватывая его строку и разворачивая её вспять, как будто стихотворение ещё не написано, ещё только «выхаживается», высматривается в мире: «ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ. Уж роща отряхает ранний иней на заре, когда поднимается ветер... Как будто тихая улыбка сожаления светится на умолкнувших полях...»

Он словно заново переслушивал михайловский мир — возможны ли другие слова, если стать одним сердцем, и с восторгом благословлял те, единственные:

«И не можешь найти больше никаких других слов, кроме самых простых и лёгких, как говор ручья: «Унылая пора! Очей очарованье!» Опять стоишь и повторяешь, не повторяешь, а дышишь сиянием и лёгкостью слов этих сердца: «Унылая пора! Очей очарованье!» А приходила зима, и игра опять захватывала его: «МОРОЗ И СОЛНЦЕ. День чудесный сияет на снегах вдоль Сороти... Дышать воздухом ледяным, как ключ и юным... Видеть, как замёрзли в голубом небе синие столбы дыма от деревенских изб. Слышать, как прошёл сосняком автобус на поляну, и звонкие голоса школьников посыпались под гору, к Сороти, в Зимари. Идти или стоять с перехваченным дыханием и только повторять слова, которых красочней и звонче не найдёшь в сию минуту: «Мороз и солнце, день чудесный!»

Меняется мир, другие люди живут здесь другим, но тут уже совершилась великая тайна — поэт перевёл этот мир в слово, создал его в единственном наименовании, и теперь он уже будет веками этот, счастливо определённый, и напрасно надеяться ускользнуть из-под его власти, да и не надо, ибо слово вошло в самый порядок небес и вод и само стало частью этого мира.

Так он сам написал для меня Глубокое — забытую усадьбу графа Гейдена, прекрасное село над озером, где мы прожили несколько лучших лет и осеней. Я глядел в те же окна, делил одни прогулки, рисовал с ним одни опушки и закаты, но появлялся новый рассказ, и я с волнением видел, что его окна распахнуты шире и вмещают и окна Эрмитажа, окна Василия Блаженного, окна Сигизмунда Августа в краковском Вавеле и опять милое Михайловское:

«Зимней ночью из высоких окон бедного барского дома в Михайловском ты озарён блистающими полями созвездий. Они горят над снегами Петровского озера, и снега сияют, сами подобные созвездиям. И вспоминается почему-то не Пушкин. Приходит в голову Юлиуш Словацкий: «Заозёрные звёзды печально люблю я...»

Эта переключка культур — отдельная тема. Она была, может быть, самой яркой чертой прозы Куранова. И даже там, где он сознательно уходил от эстетических оглядок, как в повести «Облачный ветер», в которой возвращался в своё сибирское военное детство («Олег не удержался и побежал бегом... Взбежал на крыльцо, издали посмотрел на Еньку и ликующим шёпотом сказал: «Война!»), даже там — в характерах, в просторах дней, в жаркой яркости слова всё время была слышна чудная живописная сила не названных, но таких отчётливых художественных и кинематографических намёков и сносков, что ты всё время ощущал, что повесть идёт в середине родной культуры и вся просвечивается ею и так ярка, словно написана Рыловым, или Пластовым или снята умной рукой Чухрая или Калатозова:

«Полуднело. Люди шли на обед. Впереди семенила старуха Епифаньева. За ней бежала кошка. За кошкой двигалась Калина и следом Санька.

Митька стоял на крыльце. Он заложил руки в карманы и смотрел на идущих. Калина увидела его, вся вскинулась, вспыхнула лицом и крикнула:

— Митя-а!

Она подняла руки, закинула голову и с ликующими глазами, ликующим ртом хватая на бегу воздух, бросилась к дому. Она грудью отшвырнула калитку, взбежала на крыльцо и раскинула руки. Митька молча ударил её кулаком в лицо. Калина спиной упала на землю. Она съежилась на земле и снова вскочила. И снова кинулась к Митьке.

— Шкура, — сказал Митька и второй раз ударил её кулаком в лицо».

Даже и это страшное возвращение солдата к изменившей жене дышит не тьмой, не жестокостью, а преодолевающей силой любви и яркой жизни. А уж потом он и в жёстких деревенских своих повестях-эссе, повестях-очерках, повестях-исследованиях («Заозёрные звоны», «Глубокое на Глубоком»), и в деревенских рассказах вовсе не прятал этих переключек культур, вернейшим образом чувствуя, что в России они действительно часть небес и полей и легко и естественно помещаются во всякой русской душе. Заговорит, к примеру, в рассказе «Дорога над озером» о директоре Глубоковского совхоза Викторе Васильевиче Васильеве, о его понимании красоты, о деревенских женщинах, и с совершенной обыкновенностью подтолкнет читателя поискать подспорье воображению в тех живописных отражениях, которые лучше и вернее скажут обо всех оттенках русской женской красоты, и явятся драгоценной чередой:

«Таинственные освещённые внутренней добродетелью лица крестьянок Венецианова, могучие в своей неистовой чистоте и крепости духа женщины Сурикова, застенчивые, но твёрдые природной силой девушки Рябушкина, величественные плясуньи Малявина, измождённые, но не сломленные подвижницы Ярошенко, солнечные бабы Архипова и наконец нежные и умные лики женских портретов Нестерова...»

Когда же героем очередной курановской книги станет художник, то тут и вовсе затеется настоящий пир, как в «лирической повести на темы искусства по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова «Озарение радугой», вышедшей в «Детской литературе» в 1984 году.

С чего бы, положим, начинать главу о деревенском детстве художника со слов: «Отец Антонио Вивальди Джованни Батиста служил придворным у герцога скрипачом», а потом переходить к детству шаловливого и капризного графа Анри де Тулуз-Лотрека, но Куранов давно по своему эрмитажному детству (его отец до ареста в 1937 году был заместителем директора этого великого музея) понял, что в государстве искусства нет разделяющего языка и возраста — там все сверстники и друзья, и ему легко через запятую соскользнуть из лотрековского замка Боск в счастливое ночное за Ефремовым Логом на Костромской земле, где мальчик Алёша Козлов впервые слушает у костра тургеневский «Бежин луг». А там и вовсе пойдут чередой Джованни Батиста Пиранези и Тинторетто, Маньяско и Эль Греко, Лев Толстой и Николай Заболоцкий, Хуан Миро и Модильяни, Илья Машков и Трофим Рябинин. И всё будет на месте, и всё сойдётся, чтобы мы яснее поняли, какие воды поили мощный полноцветный дар крестьянского живописца.

И как это будет написано! Как безупречно выбраны слова в труднейшем деле перевода живописи в слово, когда уж и не о переводе речь, а о счастливом эквиваленте, когда мы видим, как на полях известного нам холста рождается его словесное «зеркало» равноценной красоты. Ну, вот хоть врубелевская «Сирень»:

«Ночные чащи цветущей сирени. Где-то в верхнем углу чуть приоткрыто ночное небо, мерцают две звезды. Сирени, чаща их, нет, гуща, нет, целое царство, дышат телесно, хищно, исступленно. Дыхание их плоти сплетается с ядовитым дыханием их душ. Они как будто даже немного потны, эти мерцающие гроздья, их пот светится на лепестках. В них зреет тайный зов и жажда наслаждения, болезненных страданий, надломленной и погибающей красоты, перешагнувшей за порог возможного и дозволенного для обыкновенной летней ночи. И женская фигура слева, внизу, вся в чёрном, с полуголыми руками, голубыми и зелёными, с голубым и зелёным и чуть фиолетовым лицом, фосфоресцирующим взглядом и с губами, тоже светящимися, но светящимися порочным и страшным огнём». И сколько в книге музыки: Бетховен, Берлиоз, Глюк, Метнер...

Она звучит и во мне, потому что я помню эти счастливые ночи в том же Глубоком, когда открывалось окно, на подоконник ставился проигрыватель, и в небо восходил хоть тот же Вивальди, его концерт для продольной флейты с оркестром «Ночь», и звёзды сияли в небесах и озере, и в их мерцании легко угадывался тот же вивальдиевский ритм или шопеновская печальная нежность:

«Словно какие-то лебеди бесшумно проплывали по бревенчатым стенам и скользили, и кланялись, и замирали в воздухе. Или осторожный лист садится на залитую лунным светом тишину воды, и по воде расходятся перламутровые круги. Или прозрачные женские руки держат в лунном свете искрящуюся нить паутины и колеблют её в воздухе нежным дыханием. Или падают жемчужные капли в теплую тёмную бочку под крышей и там вздыхают».

И дальше прямо с натуры:

«Козлов притих. Он лежал, откинув затылок, а крупный подбородок с массивными плотными губами был высоко поднят, руки раскинуты, глаза были закрыты. Лицо его сделалось лиловым и перламутровым, и мелкая жухлая рябь морщин возле глаз и губ серебрилась. Он был бы мёртв и мёртв, быть может, навсегда, если бы под веками не темнели и не вздрагивали слёзы».

Я помню, как художник так же мертвел, глядя в стрельчатое окно гейденовской просвирни на долгий закат над озером. И помню эти слёзы, когда они с Курановым гостили у меня в шестиметровой комнате на Хлебной горке на Запсковье и с вытертой пластинки пели Марио дель Монако и Клаудио Вилла, и комнатка ширилась и возносилась и окрыляла его немолодое, прошедшее войну сердце.

Я, наверное, был счастливее многих читателей Куранова, потому что видел, «из какого сора» растут его чудеса, какую реальность он преображает своим волшебным даром. Это можно было считать романтизмом, бегством от скудного мира, подобно тому, как дети собирают цветные стёкла и

глядят через них на свой бедный двор и не узнают его, на минуту обманутые сиянием новизны. Но я слишком знал его резкую прямоу и жёсткость взгляда, сформированную ещё ссыльным сибирским детством и тяжёлой юностью, чтобы видеть здесь нарочитый самообман. Мы по Александру Грину знаем, как тяжесть жизни может быть преображена в непрерывное чудо и обещание счастья. Куранов очень любил Грина — может быть, как раз по родству преображающего дара. «Чернуху» во все времена пишут обычно сытые люди или, во всяком случае, если и знавшие беду, то пишут из позднего благополучия, когда миру уже напрасно мстить за его прежнюю жестокость.

Куранов не прятался от жизни. Теперь я начинаю думать, что он копил свет для того, чтобы позднее встретить подступающую тьму познания достаточно защищённым и не впасть в ожесточение «при виде всего, что совершается дома», чего боялся когда-то Тургенев, спасаясь чудом и светом русского языка. Вот и Юрий Николаевич ограждался им же и в нём, и в красоте жизни, и в спасительной силе искусства искал мужества, которое понадобится ему потом, когда он возьмётся за главные книги своей жизни, из которых самой значительной и будет «Дело генерала Раевского». Конечно, он наживлял основные её темы и в молодых рассказах, и в резких, порой злых «деревенских» повестях, где уже звучала тревога за судьбу таланта в России, но наше или, может быть, только моё, слабое зрение ещё не умело различить этой неотступной ноты.

***

Я почти боюсь приступать к разговору об этой книге. И боюсь цитировать её, потому что любая извлечённая из контекста книги цитата будет встречена с гневом и укорена в несправедливости.

Роман посвящён великой странице русской истории, тем молодым временам, когда мальчишки ходили в сражения с отцами, когда о младшем Раевском можно было сказать:

«В тринадцать лет он стал подпоручиком, а в четырнадцать уже ветераном Отечественной войны», когда «офицеры и генералы разговаривали на языке поэтов» (Раевский-старший и в последнюю минуту жизни будет прятать невольные слёзы, вспоминая, как в самую тяжёлую для него минуту под Смоленском он читал записку идущего ему на помощь Багратиона: «Мой друг! Я не иду, а бегу. Хотел бы иметь крылья, чтобы поскорее соединиться с тобой. Держись!»), когда от графских титулов отказывались, как тот же Раевский после взятия Парижа, объясняя отказ императору Александру горькими словами: «Ваше Величество, уходя из Смоленска, я бросил на произвол неприятеля двадцать семь тысяч раненых солдат наших, не отразив неприятеля от Москвы, я отдал на поругание величайшие святыни наши. Память павших по моему недостоинству воинов и селян России не позволяет мне сейчас возвыситься над теми, кто уже никогда не встанет из приютов их кончины».

Вот эти обдуманые слова о «поругании святынь наших», кажется, и станут основной побудительной причиной для исследования Куранова. Но он не зря начнёт книгу со ссыльного детства, с нечаянной встречи с праправнуком генерала Раевского в жестоком быту сибирской колонии для несовершеннолетних на Иртыше. Нынешний день будет глядеть с каждой страницы, потому что и вся книга затеяна не для ещё одного воспоминания о минувшем к вящей славе потомков, а для понимания причин последующих поражений духа, кончившихся всеобщей нынешней осыпью.

Это тогда, после Отечественной войны 1812 года, когда лучшие офицеры, герои были загнаны на Кавказ, как Ермолов, сосланы в Малороссию, как Раевский, сбиты в злые тайные общества, начался для автора «главный и определяющий разгром русского общества на целые века. Вот когда воинствующая посредственность уселась в России вокруг трона, и началось гниение нашей Родины. Это гниение не смогли остановить три наши революции, а только всё усиливали, всё усиливали его. Вплоть до наших дней, когда общества фактически нет».

И, что вымолвить всего тяжелее, основную вину за этот обвал автор возлагает среди прочих на Кутузова. Десятки страниц, сотни документов, тщательный анализ операций, весь тридцатилетний труд Куранова по изучению кампании 1812 года приводят его к выводам, которые он развивает терпеливо и последовательно, понимая, какой вызов устоявшейся историографии бросает его медленная, временами вязкая книга. Она и не могла быть другой, потому что для понимания целостности духовной, военной, международной, бюрократической ситуации того времени надо было пройти дорогами дипломатии, оглядеть историю церкви, увидеть все следствия кокетства с Мальтийским орденом и беспечного русского масонства, понять причины петровского вторжения в церковь и разрушения её основных институтов, распутать клубок тайных вторжений католиче-

ского прозелитизма (о тогдашней католизации высшего общества России здесь впервые сказано так серьёзно и полно — порою кажется даже, что Куранов польстил Риму, увидев в его действиях такую долгую последовательность и обдуманную систему, но свидетельства неуклончиво красноречивы).

Книга без конца останавливается, обращаясь в огромный энциклопедический свод по истории Наполеона, истории русского монашества, тайных политических движений и открытых религиозных ересей. Книга тем болезненнее, что сталкиваются в ней живые люди и реакции их порывисты, а слова так резки, что их трудно оправдать даже внутренним правом. Чаше других срывается праправнук, «читающий» автору свою «книгу» о судьбе великого прапрадеда, — эта «матрёшечность» приёма, конечно, не прибавляет лёгкости строю. Отрываясь от «текста», Олег (так зовут праправнука) выговаривает много тяжёлого, не заботясь о том, разделим ли мы его убеждения:

«В России всё разъедает чичиковщина. Она вырождает беспринципностью своею всё... И сегодня Чичиков — главная фигура нашей действительности... У нас готовы принять любую форму правления, лишь бы ничего не делать и хапать без опаски. То есть жить так, как воевал Кутузов. Пусть гибнут солдаты, пусть горит Москва, а нам — ордена да титулы. Чичиковы и Хлестаковы прямо хлынули в масонство, где, как им казалось, можно богатеть, ничего не делая. Так позднее все рванулись в коммунизм».

«Пусть горит Москва» — эта нота неотступна. Олег Раевский зовёт случившееся самосожжением и твердит и твердит о нём, как заворожённый:

«Кутузов и Растопчин сжигали не себя, а свой собственный народ, который они не могли и, главное, не хотели защитить. Мы этим хвастаемся, а их надо было судить! Мой прапрадед плакал, как ребёнок, когда увидел позади себя горящую Москву. Он чувствовал себя Иудой! Он этот грех свой чувствовал до самой смерти...»

И как горела она для прапрадеда, так всё горит и горит для его потомка, объясняя, почему он живёт с лицом, повернутым в горячее прошлое. Всей книгой Куранов доказывает, что та, торопливо оправданная нами жертва была напрасна, как преступно было и постоянное потакание Наполеону при отступлении, все «случайные» задержки войск, обдуманные «опоздания», нарочитые перемещения командующих, настойчивое нежелание вести войну за пределами России. И объясняет и причину противостояния живой и мертвой столиц. И тут мне придётся привести, может быть, самую большую цитату, потому что она если не примирит читателя с точкой зрения автора, то хоть больше объяснит в ней:

«...Понимаете, Петербург оказался огромным пауком, высасывающим из России все жизненные силы и умерщвляющим её. Из Москвы шла жизнь, чиновникам нужна была анти-Москва... Московское самодержавие, естественным путём родившееся, было мягким, в нём отсутствовала та бездуховность, которая восторжествовала на берегах Невы. А вот Петру и его преемникам удалось создать двойника, механический, бездуховный город, где главной фигурой стал чиновник, для которого главным в жизни стала мистификация государственной деятельности. Вот почему Россия императорская так легко смирилась со сдачей Москвы и сожжением её для поругания Наполеона... Кстати, Петербург создал и двойника русской церкви. Этаким чиновный её эквивалент — Синод, нечто вроде церковно- административной восковой персоны... Кстати, эта кошмарная революция мертвецов против живых совершилась именно в Петербурге. Большевики взорвались в Петербурге, а сами убежали в Москву, тотчас же превратив её уже в двойника Петербурга. Именно для этого им понадобилось её перестраивать.

-Так вы считаете, что в России больше ничего никогда путного не произойдёт?...

— Никогда. Уже нет. Петербург её сокрушил, а большевики прошли по нерестилищам... Тут Петербург орудует уже совместно с новой Москвой. Выжженная под предлогом войны с Наполеоном древняя столица стала пародией, таким же приютом чиновников, уже абсолютно оторванных от народа да, в отличие от петербургских, ещё более диких и уже по-настоящему невежественных...»

Как хотите, а в этой горячечной речи, в этом приговоре есть что-то необычайно глубокое, о чём мы стараемся не задумываться, чтобы было не так страшно жить. Вот и сейчас, стоит мне кому-нибудь заикнуться об основной идее книги, как немедленно раздаётся: да можно ли об этом сейчас, когда и без того нас рвут на части? Не слишком ли это «на мельницу» всего нынешнего антирусского зла? А я могу только свидетельствовать, что всё это думалось, писалось не одно десятилетие, когда

ещё никакого «сейчас» не было. Но и не это главное. А то, что нельзя всё время жить с оглядкой на то, что тебя кто-то неверно поймёт и дурно истолкует. На неправде добра не построишь. И Бога не обманешь.

Мы живём дома, в России, это наша история, и чтобы она в дальнейшем была чиста и не увечила человека, надо видеть её, не пряча глаз от опасных страниц. Сильным и правым перед миром можно быть, только спокойно разбирая минувшее и доказывая, что видишь всё, как должно, и не страшишься труда преодоления, потому что живёшь не для общественного мнения и чужого суда, а для суда Божия и ответа перед детьми. И сам автор всё время бьётся между отвагой и осмотрительностью и готов ухватиться за каждое светлое слово о полководце, о государе, о доблести молодых суворовских дней Кутузова, когда чиновный Петербург и двор ещё не колебали его силы. И как высоко и могуче пишет тех лучших, кто держал русское имя и славу на должных высотах — Раевского (всё это прекрасное семейство), Милорадовича, Багратиона, Ермолова, подвиг народа русского, находя по-старому необыкновенные слова и доводя эту светлую нить до самого последнего времени, до славы современников наших, как в тяжёлых и мужественных страницах о русском писателе Константине Воробьёве, который юношей стоял за Москву в роте кремлёвских курсантов, прожил страшную жизнь, всё хотел уехать из чужой Литвы и пожить у нас, на Псковщине, да по нашей неповоротливости не успел: «Мне говорили, что мой отец, офицер из армии Деникина, был отдалённым потомком генерала Раевского. Того самого, у батареи которого я шёл на смерть. Я так же, как он, закрывал собой Москву».

Это, может быть, самая личная и самая драматическая книга Юрия Куранова, собравшая художественный и исторический опыт многих лет. В ней трудно увидеть прежний свет, как будто даже и русский пейзаж устал и клонится к вечеру:

«Звёзды высоко рассыпались над всем Бородинским полем. В ночном небе осени стояла глубокая и звонкая синева, свойственная именно этой поре и ей придающая особое звучание. Осень в природе и осень в человеческой жизни как бы созвучные состояния, отмечающие ту замкнутую цикличность, что присуща природе, а может быть, и мирозданию».

Когда темнеет душа, и приходит пора говорить о самом существенном, свет уходит в характеры, в саму интонацию. Он очищает и просветляет тяжёлые страницы и неподъёмные истины, хотя нет-нет в мгновение покоя мелькнёт ещё и то давнее юношеское волшебство, словно вернутся молодые дни и чувство счастливой силы и победы послушного слова и музыки родной речи:

«Как удивительны свечи, горящие осенним ненастным вечером, когда тени сидящих за столом прихотливо вычерчены по бревенчатым стенам, а по крыше глухо барабанит дождь, а за окном время от времени вспыхивают отдалённые молнии. Но сколь прекрасны горящие свечи среди бела дня, когда они сияют белым, почти нездешним светом и на лицах людей, сидящих за столом, не отражаются совершенно, лишь беловатым золотом отсвечивают на выпуклостях лба... Нужно иметь особый вкус, чтобы отважиться на такое предприятие — взять да и зажечь свечи среди бела дня...»

Этот свет слова ещё мелькнёт в последних страницах, когда праправнук Раевского будет убит «случайно» и стремительно вылетевшей из-за поворота машиной, не закончив чтения своей «рукописи», и когда эту «рукопись», последнюю её страницу о смерти прапрадеда продолжит так же наизусть читать, как читал Олег, его неразлучная тень, его любовь, его спасение, его сила — жена:

«Осенняя гроза клубилась над полями, словно летняя. И дышать становилось всё труднее. Белые мальвы, тяжёлые и бархатистые, в этом году застоялись дольше обычного. Теперь они скорбно смотрели в окно. В лице Раевского, усталом и как бы обесцветившемся, проступила белизна... Налетел ветер, и мальвы стали бить в окно. Послышался гром. И всё стихло. Небо сделалось ясным и голубым. В голубом ясном небе горели звёзды. Под звёздами шёл к Раевскому мальчик в белой и светящейся рубашке почти до пят...»

Но этого меркнувшего света уже не хватит, чтобы укрепить наше сердце.

Я закрываю эту мучительную книгу с чувством одиночества, потому что знаю, что ещё не скоро найду открытого, доверяющего силе России собеседника, с которым можно было бы говорить о ней по самому её существу, а не из оглядки на всё ту же не стихающую «злобу дня». Но я думаю о ней уже без начального смятения, потому что всё яснее вижу в ней мужественный свет Родины, как и во всём творчестве не самого слышного, но всегда ответственно и чисто работавшего русского писателя. Свет может на минуту затмиться, но пока живо родное слово в той силе, с какой его слы-

шал и воплощал этот благословенный художник, он будет светить и сквозь тьму, пока не одолеет её. И надежда эта всё там же — в русском слове, в том числе в книгах Куранова, в его любви, в его музыке, рождённых милой страдающей неодолимой Родиной:

«Так что же такое Родина?

Родина — это пыльный след от мальчишеских ног по песчаной дороге, это скрипящие по морозному снегу на весь волок розвальни, и запах тёплого конского пота, и колокольчик над дугой, и гул далёких лесовозных тягачей. Родина — это ласточкино гнездо в коровьем стойле, и глаза её, прекрасные и мечтательные... и гроза, надвигающаяся из-за леса, и ровный огонёк спутника, что уверенно ткёт над землёй свою невидимую паутину... и раненый солдат в белой гимнастёрке, на бегу схватившийся за сердце и уже умирающий, и кочегар с опалёнными жилистыми руками, и тракторист, разрезающий над вечерней пашней буханку хлеба...

Наконец, Родина — это дыхание поэта, которое стонет от каждой потери и ликует от каждого её преуспеяния...»

Наши друзья

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistского-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе.

Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.